

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

ТЕНЬ ВЕЛИКОГО КОЛДУНА

СВЕТЛАНА ШУМСКИХ

Annotation

Люди слишком много внимания уделяют своему отражению в зеркале, и слишком мало собственной тени. А ведь тень, темное отражение, падающее на окружающий мир от той стороны человека, которая не обращена к свету, может рассказать о своем хозяине куда больше. Больше, чем он сам о себе знает.

Светлана Геннадьевна Шумских
Тень великого колдуна

Первое число месяца Изи-изи-гар-ра^[1] 2109 года по шумберскому летоисчислению, имело все шансы навечно войти в анналы истории, а заодно и во все учебники по уголовному праву. На храм Эанна, главное святилище города Урук, официально являющийся местом смиренного поклонения богине Инанне, но заслужено пользующийся славой оплота главного преступного сообщества Шумбера, впервые за сто с лишним лет его существования, готовилось нападение с целью ограбления, и не одно, а сразу два!

Взгляд карих глаз последний раз скользнул по длинному свитку из кусочков тонкой почти прозрачной ткани, испещренному расчетами, формулами и графиками. Расширенные от волнения зрачки полыхнули оранжевым, отражая огонь, в котором, съезживаясь, безвозвратно исчезали знаки и цифры. План, тщательно разрабатываемый в течение трех лет, разлетелся пеплом по ветру. До его воплощения в жизнь оставалось всего три геша^[2].

Серые глаза близоруко прищурились, изучая помятый обрывок бумаги с жирным пятном в середине, вокруг которого плясали кривые строчки, наскоро написанные углем, просто так, ради того, чтобы скоротать время. Этот план был пренебрежительно скомкан и брошен на мостовую. Ветер прокатил бумажный комочек до конца улицы, мазнул по луже, пронес мимо неприступных стен храма Эанна, хищно целивших в небо грани прямоугольных выступов, загнал во дворик стеклодувной мастерской и только там осмелился развернуть. «*Операция Эрудит*» — гласило заглавие...

— Операция Эрудит. — Вспоминаю я, переступая порог, и улыбаюсь. Сидящие вдоль стен посетители поворачивают головы в мою сторону. Изможденные ожиданием лица полны мировой скорби и усталости. Зная местную бюрократию, не удивлюсь, если некоторые сидят здесь еще с прошлого года. Появление совершенно лысой высоченной девицы в черной кожаной одежде (и это в такую-то жару) не вызывает у очередующихся интереса. Зато появление из ее кармана таблички-спецпропуска действует как настоящий детонатор.

Равнодушными остаются только полирующий посох дежурный жрец, три безвременно усопших овечьих туши на полу (якобы дар для Инанны) и вихрастый парень с корзиной фруктов на коленях, хотя, этот, по-моему, тоже уже не дышит.

Мне на встречу бросается женщина в маленькой черной шапочке. На смуглом лице жутко выделяются прозрачные, словно горный хрусталь глаза. Нашивка — свернутая кольцом змея на синем поле. Вот бес, провидица! И судя по расширенным зрачкам, уже в трансе.

— Ты магическая тварь! Отражение тьмы без совести, без души, без судьбы!

На фоне прочих характеристик звучит не очень выразительно, да и ничего нового о себе, я не узнаю, а по спине все равно ползет неприятный холодок. Дежурный жрец настораживается, окидывает меня цепким профессиональным взглядом, но ничего сверхъестественного не замечает, снова возвращается к своему посоху. Отстраняю беснующуюся пророчицу, показываю напрягшимся стражникам табличку, и как можно быстрее покидаю кипящий ненавистью коридор, однако пронзительный голос догоняет меня и за закрытой дверью.

— У тебя нет права на жизнь, его можно заслужить только смертью!

Последние слова я дослушиваю уже в приемной самого господина Шиша. Урго Шиш, правая рука главного жреца храма Эанна грешит тем, что первого числа каждого месяца рассматривает частные заказы щекотливого характера. В прейскурант входят кражи, погромы, избиения, призывание к порядку отдельных личностей и банальные убийства по заоблачно высоким ценам.

Чернокудрый толстяк в лиловом халате брезгливо морщится при виде моей нашивки — желтый квадрат, перечеркнутый по диагонали. Субар. Знак раба. Еще бы, его аудиенции устаиваются даже не все влиятельные шишки города, и еще никто не осмеливался прислать вместо себя прислугу. Шиш открывает неестественно блестящие малиновые губы, чтобы высказать свои претензии вслух, но не успевает.

Дверь закрыта на засов. Оглушенные стражники не без художественного вкуса уложены на дорогом маганском ковре. Высокое начальство изволит почивать, уткнувшись мордой в янтарную столешницу. Вот так, господин Урго Шиш, прислуга тоже бывает разная. Я нащупываю за портьерой потайной рычаг в виде статуэтки бога Энки и вхожу в открывшийся ход.

Из стеклодувной мастерской вышел человек в длинном плаще. За ним с подобострастной улыбкой семенила чета хозяев. — Спасибо вам, господин дингир-ур^[3]. — В который раз повторил тощий мужичок по имени Коха, отесняя путающихся под ногами детишек в сторону. — А то энта треклятая беся весь товар поколотила бы, кабы не вы. Ага... но вот, как хотите, а жалко ее горемычную. Она же никому из нас зла не чинила, так, озорничала иногда. Зачем сразу мечом меж рогов? Можно было просто в мешок, да в болото.

Охотник резко обернулся, заставив мужичка подавиться последними словами, и спрятаться за спину дородной супруги.

— У нежити нет права на жизнь. Я считаю... — Мастер Коха так и не узнал, что считает его страшный

собеседник. Откуда не возьмись, налетел шальной порыв ветра.

Дингир-ур поморщился, снимая и досадливо разглядывая прилипший ко лбу мокрый предмет, оказавшийся клочком неизвестного гладкого материала, на котором корявым размашистым почерком было выведено:

«Операция Эрудит.

Вопрос номер один. Жить хотите? Варианты ответов: а) да, б) очень.

Вопрос номер два. Где? Варианты ответов: а) раки зимуют, б) моя Сулико, в) сидит фазан, г)

Сочинение «О Строении Мира» достопочтимого Евдокса Книдского».

Охотник-зу нахмурился, бросил странный взгляд на возвышающийся неподалеку храм богини Инанны, и, сунув обрывок в карман, быстро вышел за ворота.

Темный коридор змеится и расходится в стороны многочисленными ответвлениями, опутывая всю пирамиду. Для удобства и экономии времени перехожу на бег, и крошечная темнота совсем не мешает, даже наоборот. Окружающие предметы, привыкшие расплываться на свету, теперь приобретают четкие контуры. Пятый поворот направо. Третья дверь. Узкая винтовая лестница. Выходит в длинный прямой коридор. Голые стены, ни одного предмета интерьера, только яркие магические светильники под самым потолком, освещающие каждый уголок, каждую трещинку. Очень, очень плохо.

Слух различает легкий металлический звон. Оборачиваюсь. Вижу спины удаляющегося патрульного отряда, и ползущие за ними тени. Как мы удачно разминулись. Что было бы, вылезли я несколькими мгновеньями раньше? Не теряя времени, бросаюсь следом за стражниками. Ноги в мягких кожаных сапогах ступают совершенно бесшумно. А если даже я нарочно стану громко топтать, этого никто не оценит. Веселый душевный разговор все одно занимал охрану больше, чем потенциальные лазутчики.

Когда до патрульных остается всего пара шагов, отталкиваюсь и взмываю в стремительном прыжке, чтобы мгновением позже раствориться в черных очертаниях фигур на отполированном казенными сандалиями полу.

На горизонте возникает исполинская мареновая дверь до самого потолка. Личная келья главного жреца. Ребята благоговейно замолкают и расправляют плечи. Их силуэты всего на два удара сердца заслоняют тонкую полоску света над порогом. Но этого вполне достаточно. Темнота затекает внутрь и вливается в дрожащие от света свечей сумерки лишнего окон помещения. Я скольжу следом. По кривой, как черта на моем знаке, тени от шляпной стойки. По кривой бесформенной тени антилопией головы на стене. По извилистой тени прислоненного к столу посоха. По обрубленной, горбатой тени склонившегося над глиняными табличками старика.

Эру Дитрэ, эн^[4] храма богини Инанны, что-то увлеченно выколупывающий на широкой плитке, настороженно замирает, оглядываясь. С кончика тростниковой палочки срываются вниз крошечные звездочки — мелкие кусочки высохшей глины.

Старый лис, недоуменно хлопает белесыми ресницами — он ясно чувствует опасность, но за спиной покачивается лишь его собственная тень. Он списывает излишнюю подозрительность на коварную старость, возвращается к прежнему занятию.

Меня начинает колотить, как всегда перед переходом. Сжимаю стучащие зубы. Не от волнения, от жуткого, непередаваемого холода, который я вечно испытываю на грани двух своих ипостасей. Еще немного, я вырвусь из этой тьмы, и, наконец, доведу до конца дело. В носу уже привычно свербит от предвкушения глотка воздуха, но тут...

Верховный жрец города Урук, успешно переживший за свою преступную карьеру около сотни покушений, позволил себе удивленно приподнять брови. Его травили, устраивали взрывы, натравливали демонов, коварно нападали со спины, в общем, бывало всякое. Но такого еще не было никогда.

Пахнуло гарью разового боевого заклинания, дверь с грохотом распахнулась. На пороге стоял вихрастый паренек лет семнадцати с дешевым однозарядным самострелом, впрочем, выглядевшим в дрожащих и явно неопытных руках достаточно грозным оружием. Многоопытный Дитрэ не сбрасывал со счетов возможность заполучить случайную стрелу (специально этот идиот не попадет с первого раза даже куском лепешки в собственный рот).

— Вы не ошиблись дверью, молодой человек? — Вежливо спросил он. — Я не скупаю старую утварь.

— Я пришел, чтобы исполнить месть и вернуть, принадлежащее мне по праву! — Тонким от волнения голосом выкрикнул налетчик. — То, что ваши люди украли у нашей семьи три года назад, убив моих родителей! Верните мне карту Нефритового Озера или я убью вас!

— Убивайте. — Охотно согласился глава гильдии, откидываясь на спинку кресла и не без удовольствия наблюдая, как на лице паренька отражается буря эмоций: удивление, суровая решимость, сомнение, страх, и, наконец, полная беспомощность.

— Моя младшая сестренка умирает, без карты ей не помочь. — Жалко пролепетал мальчишка, опуская

самострел и часто заморгал покрасневшими глазами.

Дитрэ снисходительно улыбнулся. Костлявая, униженная перстнями рука легла на рукоятку спрятанного в складках мантии метательного кинжала, которым он с закрытыми глазами попадал в летящую муху... и дрогнула от неожиданности. Шеи коснулось нечто очень острое. По желтой сморщенной коже стекла алая струйка крови.

— Отдай ему карту, старый сморчок. — Тихо попросил низкий женский голос, от которого у матерого головореза по спине пробежал холодок. — Быстро.

Словно зачарованный, Эру Дитрэ выдвинул ящик стола и протянул незнакомке потертый кожаный футляр.

— Хорошо. А теперь доставай «Строение Мира» Евдокса Книдского.

Евдокс! Жемчужина его коллекции! Эн возмущенно раздул ноздри, испытывая страстное желание оглянуться и посмотреть в глаза этой мерзавке, но его сдерживал вошедший под кожу клинок. Лезвие продвинулось еще, спровоцировав острый приступ боли и щедрости.

— Угловой шкаф, нижний ящик. — Прохрипел старик. — Два раза нажать черный квадрат, три раза коричневый, белый повернуть противосолонь на четыре пальца.

— Что застыл, открывай. — Приказала незнакомка, обращаясь к мальчишке, глядевшему на нее совиными глазами. Тот кивнул и бросился выполнять, на удивление ловко справившись с хитрым замком. Сердце коллекционера чуть не разорвалось от горя, когда чужие грязные руки коснулись его бесценного собрания. Такого договора не было! Нет, великая Инанна, носительница священного венца Эдена, не может допустить такой несправедливости! Словно в ответ на его мольбы из коридора послышался топот спешащих на выручку стражников. Гулко завыл тревожный рог.

Нож нервно дернулся, причинив новую боль, но на этот раз Эру Дитрэ не обратил на нее внимания. Теперь эти подлые грабители, никуда не уйдут. Все входы и выходы будут немедленно опечатаны и перекрыты. Окон в храме нет. Ловушка захлопнулась. Мерзкие песчаные крысы, осмелившиеся пойти против священных воровских законов, заплатят ему за каждый геш пережитого унижения. Старик торжествующе улыбнулся. Да так, улыбаясь, и повалился ничком на все еще мягкую глиняную табличку, оглушенный резким ударом.

Вихрастый паренек застыл, переводя несчастный взгляд с самострела в одной руке на стопку табличек в другой, весьма похоже изображая известную скульптуру напротив здания третейского суда «разбойник Иона раскаивается и ступает на путь мудрости».

— Не стой, как истукан. — Рывкнула я, одним прыжком оказываясь рядом и выхватывая рукопись. Паренек вздрогнул. Тренькнул самострел. Стрела с хрустом вошла в стойку дверной коробки, прямо над макушкой снувшего было в комнату стражника. Истолковав сею случайность, как ожесточенное сопротивление, охрана затаилась снаружи, экстренно разрабатывая план дальнейших действий.

— Еще один шаг, и дедуле конец! — На всякий случай пригрозила я, чтобы выиграть время.

Дело принимало неприятный оборот. Теперь так просто не ускользнуть. Через пару гешей сюда сгонят всех наличествующих боевых жрецов-магов, они в два счета пробьют мое истончившееся защитное заклинание, и уж тогда мне точно не поздоровится. Конечно, можно попробовать прорваться боем... но ввязываться в потасовку со всей храмовой братией? Я критически осмотрела помещение, надеясь отыскать какой-нибудь путь к спасению. Взгляд уперся в жалобные щенячьи глаза топтавшегося за плечом стрелка.

— Видят боги, юноша, ты выбрал слишком изощренный способ самоубийства.

— У меня был тщательно разработанный план. — Насупился мальчишка. — Я оставил в очереди вместо себя фантом, а сам переместился с помощью волшебного медальона. Второй медальон перенесет меня в город к Горелым Кварталам.

Он стащил с шеи серебряную пятиугольную звезду на толстой цепочке. Я удивленно присвистнула, и посмотрела на паренька с уважением.

Путевая Звезда — серьезная вещь с огромным радиусом действия, заговаривается пятью магами в течение полугода, изготавливается по специальному заказу, стоит целое состояние. Потянет боевой отряд в полном снаряжении, не говоря о нас двоих. Еще не все потеряно!

— У меня дельное предложение. — Решилась я. — Ты вытаскиваешь меня отсюда. А я отдаю тебе карту.

Он недоверчиво прищурился, закусив губу. Кивнул. Завозился с медальоном.

— Что ты там копаешься?

— Не активизируется! — На глазах мальчишки выступили слезы. — Наверное, сбились значения.

— Ставь Юну на 41, а Осту на 34 с половиной. Угол... пусть будет 45 градусов. Получилось?

— Да! — Лицо с удивленно вскинутыми бровями озарилось золотистым светом. — Вы разбираетесь в магии?

— По долгу службы. — Буркнула я, крепче сжимая его локоть. — Ладно, поехали. Только установи центральную Сифту на...

— Ты хочешь сказать Максу? — Перебил он. — Центральный знак Макса.

— А ну дай сюда! — Хриплым от страшной догадки голосом прокричала я, вырывая раскаленный искрящийся

медальон. Жаркий полдень! В центре звезды действительно светился знак в виде колеса. Без особой надежды успеть, изо всех сил швырнула ее подальше, и, не слушая возмущенного твяканья трепыхающегося щенка, повалила того на пол.

Прогремел чудовищный взрыв. Храм вздрогнул каждым кирпичиком. Во все стороны разлетелись осколки вперемешку с опилками и горячими каплями свечного воска.

Да, гиджи^[5] попадаютя во всех профессиях, а среди магов особенно часто. Это же надо, перепутать основополагающий знак перемещения со знаком разрушения! Хотя, кто знает, может, на пирамиду наложена какая-нибудь мощная волшебба, перестраивающая чужие заклинания. Я приподняла голову. Ну, что сказать? Отделка помещения, конечно, сильно пострадала, но зато в планировке обнаружались явные улучшения — в восточной стене теперь дымилась огромная дырень, через которую врывались потоки солнечного цвета и свежий ветер.

С противоположной стороны в проеме от слетевшей с петель двери торчали бледные перепуганные физиономии стражников. Среди клубов пыли и горами обломков было трудно что-то разглядеть, отчего неизвестный противник мерещился им повсюду и в огромных количествах. На разведку вытолкнули упирающегося тощего мужика в сползающем на глаза конусообразном шлеме. Вслед добровольцу полетело оброненное копьё вместе с напутственными ругательствами старшины.

После жестокой расправы над ни в чем неповинной антилопьей головой и яростного боя с собственным отражением в осколке зеркала, разведчик окончательно осмелел. Он гордой походкой прошествовал на середину комнаты, где из-за перевернутого стола торчали кривые ноги верховного жреца в пушистых тапочках, остановившись в полуметре от затаившихся нас. Как любят писать в романах, «и тут их глаза внезапно встретились...». Тонкий дрожащий визг вспорол напряженную тишину, будто острый львиный коготь.

Моя подсечка перевела мужика в лежачее состояние. Великоватый шлем откатился в сторону, чем не преминул воспользоваться расторопный паренек, коварно тюкнув стражника терракотовым кувшином. Товарищи внезапно исчезнувшего солиста отозвались хором пораженных стонов, серьезно задумавшись, о стремительном отступлении. Но тут, как назло, ноги в пушистых тапочках «ожили».

— Хватайте их, болваны! — Приказал пришедший в себя старик, ухитряясь, несмотря на позу, казаться очень убедительным. — Это всего лишь женщина и ребенок!

Видя такое дело (ни тебе кровожадных чудовищ, ни мерзких колдунов, ни играющих мускулами воинов), воодушевленные стражники отважно бросились в бой.

Я подхватила паренька за шиворот и потащила к новопробитой амбразуре. Навстречу нам широко распахнуло объятия бескрайнее синее небо. Красиво. Впрочем, любоваться живописным видом на окрестности было некогда. Я больше заинтересовалась узким в пол локтя бортиком, тянувшимся по обе стороны, вдоль внешней стены.

— Вперед!

Мальчишка снова поразил меня, бесстрашно вскочив на уступ, и двинувшись вперед уверенными быстрыми шагами опытного канатоходца. Скрестив пальцы (на удачу), и поплевав через левое плечо (для деморализации противника), я отправилась следом.

Взрыв в главном городском храме не укрылся от всевидящего народного ока. Толпа сконденсировалась мгновенно. Главный придворный алхимик мог только мечтать о такой скорости реакции.

Глиняная крошка еще не успела достигнуть земли, а сотни глаз уже были обращены к западному выступу пирамиды, жадно следив за разворачивающимися событиями.

Глазам охотника-зу Асеера приходилось тяжелее всего. Альбинос с трудом переносил яркий солнечный свет. Приходилось постоянно щуриться и вытирать текущие слезы. Но, как ни крути, то, что творилось наверху, стоило испытываемых неудобств.

Через дыру в стене выскочили двое. Первый — кучерявый мальчишка лет семнадцати, за ним... (Асеер немного помедлил с выводом, введенный в заблуждение странной одеждой и безволосой головой) рослая девушка лет двадцати.

Уткнувшись спиной в стену, они стали медленно продвигаться по выступу. Следом высунулось несколько стражников, тщетно пытаясь достать беглецов копьями. Среди них ярким пятном выделялся растрепанный старик в красной мантии, в котором многие опознали Эру Дитрэ, верховного жреца храма.

— Бессовестные воры! Грабители! — Исступленно кричал главный разбойник шумберского царства, размахивая кулаками. — Вы за это ответите!

По толпе прокатился удивленный вздох, вскоре отозвавшийся раскатами хохота.

Парочка успела уже отойти довольно далеко, когда защитники храма додумались сменить тактику, выставив стрелка. Придерживаемый товарищами, он завозился, выбирая наиболее выгодное и безопасное положение. Судя по наклону головы и манере держать оружие, дингир-ур заключил, что парень не промах. Постреляет юных акробатов, как чибисов.

Но тут лысая девица неожиданно стянула сапог, умудрившись при этом, не потерять равновесие, и швырнула в стрелка. Коротко взвыв, мужик выронил лук, схватившись за правый глаз. Только надежные руки товарищей помогли ему не отправиться следом за оружием. Толпа радостно заулюлюкала, подбадривая меткую девушку. Послышались просьбы исполнить номер на бис и выставить новых лучников под второй сапог и другие предметы туалета.

Но, к всеобщему сожалению, место покалеченного занял длиннородый мужчина в синей мантии. Главный храмовый маг Пуга, за любовь к чужому добру прозванный в народе Хапугой. Ужасная жадность уживалась в нем с завидным умом и самородковым магически талантом.

Пуга сложил ладони, посылая в сторону беглецов разведывательный импульс, нахмурился, резко взмахнул рукой. Мальчишка продолжал идти, как не бывало, зато девушка досадливо поморщилась и остановилась. Вокруг нее проявился и тут же распался голубой защитный купол.

Асеер недоверчиво втянул носом воздух. Вся симпатия, которую он еще мгновение назад испытывал к отважной незнакомке, улетучилась. Игиг^[6]! Теперь, когда маскировочное заклинание разрушилось, опытный охотник сразу увидел истинную сущность твари. Нет, внешний вид, при этом, совсем не изменился — просто вокруг нее закружилась легкая доступная лишь взору посвященного темная дымка... такая же, как и на том странном обрывке. С первого взгляда было трудно определить вид. Хотя для водяницы слишком крупная фигура. Выворотень или упырица.

Ситуация вырисовывалась прелюбопытная. На памяти Асеера нечисть еще никогда не осмеливалась на подобную наглость — вылезти днем, да еще и в таком крупном, кишачим магами и охотниками, городе, как Урук. И ведь кто-кто наложил на нее магическую защиту! Опять же всем известно, что игиги сами не способны создавать чары, пользуясь исключительно преимуществами ипостасей, и идут на контакт с магами только в крайних случаях, когда все остальные куда-то подевались, а перекусить все-таки очень хочется.

В любом случае, хромовый кудесник тоже понял, с кем имеет дело. Он быстро перебирал пальцами, выписывая в воздухе замысловатые фигуры. Дингир-ур одобрительно кивнул, заметив заклинание инсинирации. От твари не останется даже горстки пепла.

Огромный огненный шар сорвался с открывшихся ладоней, устремившись к указанной цели. Народ возмущенно загудел, по своей глупости, не понимая, за кого заступается...

И тут тварь преподнесла очередной сюрприз. Навстречу сгустку огня понеслась грязно-серая дрожащая пелена... легко, поглотив мощное боевое заклинание, словно какой-нибудь игрушечный плазмоид, и отшвырнув мага внутрь комнаты. Ошарашенный и совершенно сбитый с толку охотник, не мог не признать, что труднейший многокомпонентный «серый плащ» был выполнен превосходно. Теперь Пуга в лучшем случае очнется только через несколько беру.

Тварь, впрочем, тоже выглядела неважно — плетение чар отняло у нее слишком много сил. Она сделала шаг, покачнувшись, и начала заваливаться вперед. Мальчишка что-то прокричал, пытаясь удержать ее за рукав, но в итоге сам потерял равновесие, полетев следом.

Так. Похоже, я все-таки ненадолго потеряла сознание. И это было не самое приятное пробуждение в моей жизни. В лицо с угрожающей скоростью неслась куполообразная крыша жилой пристройки, гостеприимно выставив навстречу острый шпиль.

Где-то на задворках души промелькнуло чувство солидарности со съеденными вчера гусями на вертеле!

Волна страха по всему телу.

Разворот.

От чрезмерного напряжения мышцы живота свело судорогой. Но руки успели ухватиться за шпиль, правда, при этом, чуть не вылетели из суставов от невероятно сильного рывка. Я несколько раз крутанулась вокруг вертикальной оси завершения, по ходу дела обнаружив причину бешеной встряски — на левой ноге, на фоне пестрой толпы зевак, голодным клещом висел мальчишка.

Не успела я достойно высказаться по этому поводу, как раздался подозрительный треск. Эру Дитрэ, чтоб ты облез, старый скупердьяй! Кто же ставит деревянные шпиль!

Мир закружился разноцветным калейдоскопом. Перед самым носом мелькнула полоска ткани, и я ухватилась за нее обеими руками, как утопающий за хвост морского змея. Умом то я понимала, что шансов на спасение нет, но жизнелюбивое тело из последних сил цеплялись за этот свет, справедливо рассудив, что на том его уже точно не будет.

И тут случилось чудо. Сованное со стены полотно затрепетало и вздулось над головой куполом, потянув меня в небо. Паренек неуклюже заскакал по скатам крыш, дико крича и вращая глазами, но упорно не желая расставаться с моей конечностью. Последняя крыша закончилась — падение сменилось парением, а наши предсмертные стоны — ликующими воплями.

— Будьте прокляты! — Донеслось со стороны башни. — Мой бесценный нефилемский^[7] гобелен!

Бесценный гобелен? Помнится, судачили про какой-то волшебный гобелен, якобы сотканный лучшими нефилемскими мастерами по специальному заказу за баснословную сумму, причем, капризных остроухих пришлось уговаривать не один год.

Здрав подбородок, я увидела над собой вышитый знак богини Инанны — звезда в алом круге. Золотое переплетение вспыхивало разноцветными искрами, складываясь в причудливый замысловатый узор.

Снизу на меня смотрели огромные, наполненные солнцем и бесшабашностью глаза мальчишки. Мы дружно расхохотались, плотая прохладный утренний воздух, как сумасшедшие. Как люди, только что, чудом, избежавшие гибели. И даже мелькающие в опасной близости стрелы не смогли испортить настроения.

Разгулявшийся ветер сгреб нас прозрачной пятерней и потащил на север, за городскую стену, где расстилались зеленые заливные поля с медными всполохами зарослей отцветающего тамариска. Покрытые цветами и тростником болотистые заводи у реки пестрели всеми возможными оттенками красного, желтого и синего.

Внезапно мальчишка испуганно вскрикнул. Перед нами из ниоткуда, прямо как бес из шкатулки, выскочила грозная туча. Польшнув для остратки парочкой молний, она раззявила пасть-воронку.

Нет, только не это! Я тяжело вздохнула, бросая прощальный взгляд на светлый сказочный мир, медленно теряющийся в мрачной сиреневой дымке.

— Умбра! — Строго прогремела туча и в одно мгновение, на глазах толпы, затянула нас в свой черный туннель, после чего бесследно растворилась, оставив после себя лишь прозрачное аквамаминоное небо и взметнувшуюся стайку до смерти перепуганных чибисов.

— Умбра, деточка, возьми прислугу, сбегай на рынок. — Говорит он, улыбаясь. Его широкое лицо с большими на выкате глазами приобретает беззащитное, немного глуповатое, и вместе с тем невероятно умильное выражение.

Этот трюк вогнал в заблуждение, а потом и в могилу, чертову кучу народа. Невозможно заподозрить, что милый застенчивый человек с легкой аристократической сединой в висках и аккуратной бородкой, на самом деле самый жестокий и могущественный маг на свете, о котором слагают легенды и детские страшилки во многих мирах поднебесья. Великий колдун. Познавший тайну орла, черепахи и феникса. Сайтас. Сайтанс, Сатана.

Как же я ненавижу эту его улыбку! Сколько раз, послав на очередное смертельно опасное задание, он внезапно выдергивал меня в самый ответственный момент ради какой-нибудь ерунды. После многочасовых мучений, мокрая как мышь под метлой, ты, наконец, преодолеваешь высоченную стену, переводишь дух после сражения со стаей упырей, крадешься на цыпочках мимо спящего василиска или на последнем издыхании подбегаешь к воротам храма, преследуемая толпой вооруженных монахов, выполняя очередной дурацкий приказ. До цели остается последний шаг, только протянуть руку...

И вдруг ты оказываешься здесь и видишь эту улыбку. Умбра, деточка, ты не знаешь, где мой синий сафьянный халат? Я сегодня отпустил садовника, сбегай, накрой саженцы. Скажи кухарке, чтобы к ужину приготовили пироги с мясом, а не с рыбой.

В такие моменты я готова его убить.

Сопrotивляться Зову я не в силах, но со временем, поднаторев в магии, я научилась обманывать это заклинание, завернув петлю перемещения на свою комнату. Теперь, хотя бы, можно заскочить к себе, чтобы глотнуть воды или оставить то, что не предназначено для чужих глаз.

Колдун нервно барабанит пальцами по столешнице. Магический браслет на запястье — розетка из двенадцати лепестков — задумчиво поблескивает. В окне за его спиной черно-белой мозаикой возвышаются горные вершины. Тусклый серебристый свет, спрятавшегося за облаками солнца лениво вливается в комнату, рисуя на полу расплывчатые тени. Стол. Книги. Астрономические таблички. Высокая спинка кресла. Не хватает только силуэта сидящего в нем человека. Он не отбрасывает тени.

— Тебя что-то не устраивает, Умбра?

Все! И то, что ты сделал из меня безропотную служанку, беспринципную воровку, безжалостную убийцу, и бес знает, кого еще сделаешь! И то, что у меня в душе нет и никогда не было никаких чувств, кроме хронического раздражения. И то, что все это никогда не изменится!

— Меня все устраивает, Хозяин.

Хозяин долго смотрит на меня, нахмутив черные кустистые брови. Его лицо больше не выглядит добродушным или глуповатым, скорее жестким и пугающе пронизательным.

— Твое искусственное сознание играет с тобой жестокую шутку. — Напряженно говорит колдун, и я физически чувствую, как в воздухе от него ко мне натягиваются невидимые струны. — Помни, тебя, как таковой не существует. Ты — никто. Всего лишь моя ожившая тень, которой я подарил плоть и кровь. Твоё постоянное бунтарство и попытки принимать самостоятельные решения аномальны. Твое истинное предназначение — быть частью меня, жить моей судьбой, следовать моим интересам и выполнять мою волю.

— А, может, я не хочу!

— Чего же такое создание как ты может хотеть?

— Стать художницей! — Я досадливо поджимаю губы, слишком поздно сообразив, что в запале выдала свою главную тайну, свою мечту.

— Художницей? Ты? — Он смеется искренне, для собственного удовольствия, а не для того, чтобы продлить жизнь. Он бессмертен.

Отворачиваюсь к огромному аквариуму у стены. Я никто и не должна ничего чувствовать. Но мне больно и обидно. Среди пушистых золотистых водорослей и перламутровых гирлянд пузырьков степенно плавают красные пузатые карасики. На отполированном стекле отражается мое лицо с прищуренными глазами, глубокими складками вокруг уныло опущенных кончиков губ. Сейгеш, как никогда я похожа на высохшую столетнюю старуху... или на Него.

Жалобно поскрипывает кресло.

— У меня на завтра намечается встреча с коллегами. — Сухо говорит он. — Удосужься, организую все в лучшем виде.

Встреча с коллегами. Как же, знаем. Такие же как он ненормальные, только из соседних миров: рыжий балагур Энлиль с маленькими рожками, огромный вежливый человекоцит Энки и самый опасный — конченный алкоголик с опасной манией спаивания окружающих, колдун Уту. Запрутся опять в кабинете на всю ночь. А потом

мы с прислугой целых месяц роем ловчие ямы на добровольца-экспериментатора в скороходных сандалиях, устраним следы потопы, расчищаем пожарища после гонки на шемах^[8], ищем пропавшую шапку невидимку или спасаем провиант от обнаглевшей скатерти самобранки. Я уже не говорю о летающих овечьих отарах, кровожадных козловолках и говорящих деревьях. Местное население давно упразднило прежнее название горного хребта, в клыках которого был запрятан наш замок, переименовав его в Чертову Хребтину.

— Мне можно идти? — Бесстрастно спрашиваю я, не разворачиваясь в его сторону.

— Иди. Справишься с делами, можешь взять выходной. — Благодушно разрешает Хозяин. — На пару недель.

— Что? — Возможно, я веду себя слишком дерзко и импульсивно, но удержаться от громкого вскрика не могу.

Просто для меня даже пара свободных мгновений — это неслыханная роскошь, а уж пара недель... сейгеш...

— Сегодня будет ровно двадцать пять лет, как ты служишь мне верой и правдой.

— И даром. — Подсказываю я.

— Ты знаешь, что это значит. — Как будто не замечая моей наглости, произносит колдун, одной рукой подтягивая к себе сочинение Евдокса, а другой надевая на нос подарок Энлиля, круглые небьющиеся очки в металлической оправе, сразу приобретая некоторое сходство с пучеглазыми карасиками в аквариуме (сам он искренне считает, что очки придают ему серьезный, мужественный вид). — Все равно, мне пока твоя помощь не понадобится. К тому же, пришло время избавить тебя от пустых фантазий. Попробуй, поживи не в волшебном замке на всем готовом, а в жестоком прозаичном мире людей без денег и магической подпитки. Попробуй найти работу и свое место в жизни. Ты ведь об этом всегда мечтала? Давай, девочка. Может, так ты убедишься, что на самом деле твое место всегда было за моей спиной.

— А если...

— Умбра! — Резко обрывает он. — Даренную лошадь благодарно принимают без досмотра, даже если у нее явно отсутствует весь жевательный аппарат вместе с головой и подозрительно пахнет дохлятиной. Ты ухватываешь суть?

— Да, Хозяин.

— С собой можешь взять только свое оружие и маскировочный амулет. Но сначала приготовь все к симпозиуму. Главное, проследи лично, чтобы в саду западной ограды около тигровой лилии, так, чтобы она когтями не дотянулась, вырыли три неглубокие ямы. Мне тут обещали эухарис крупноцветковый.

Я послушно киваю и старательно свожу брови, сдерживая счастливую улыбку. О таком нельзя было и мечтать. За несколько дней свободы я готова вручную перерыть весь сад вдоль и поперек, хоть до легендарного подземного царства Кур-Нуги^[9].

Немного подавшись вперед, паренек внимательно перебирал холсты, сложенные у комода, не догадываясь, что в данный момент кто-то внимательно рассматривал его, решая жить ему или умереть. Согнутая в локте левая рука изящно покоилась за спиной. Свет струился по тугим темным кудрям, охватывая голову спокойным серебристым сиянием.

Исторический момент. Прежде в мою комнату не ступали ни туфли Хозяина, ни башмаки прислуги. Картины держались в строгом секрете, в дальнем ящике, под замком. Но сегодня утром, торопясь на задание, я впервые забыла проверить ключ. И теперь мои секреты стали достоянием общественности в лице не в меру любопытного мальчишки. Отчего-то накатила ужасная злость, словно он не просто без спроса заглянул в ящик, а залез в самую душу.

— Нравится? — Хмуро спросила я, пытаюсь ни жестом ни голосом не выдать, насколько меня действительно интересует ответ на этот вопрос.

— Судя по композиции, явно заметен недостаток опыта. — Ничуть не удивившись моему внезапному появлению, отвечал он снисходительно-скучающим тоном великого знатока искусства, за который мне сразу захотелось его придушить. — Но, в общем и целом, довольно интересно. Смелое цветовое решение. Очень хорошие работы для начинающего художника. Вашего знакомого? — Он обернулся, одарив меня сдержанной вопросительной улыбкой.

Кончено, он даже не заподозрил в авторстве угрюмую здоровенную девицу с лицом опасного грабителя рецидивиста. Правильно. Если бы сама не знала, ни за что бы на себя не подумала.

— А ты разбираешься в живописи? — Смущенно уточнила я, сраженная «художником» наповал.

— Пять лет школы искусств в Ниппуре. — Ответил он, заставив меня с недоверием качнуть головой, ибо это было самое известное учебное заведение Шумбера, где под руководством лучших наставников детишки обучались этикету, музыке, живописи, военным, магическим и естественным наукам. Единственное «но» — туда принимали только детей из высородных и очень богатых семей. Поговаривают, что даже двор там метут разжалованные дворяне. Простые смертные допускаются в школу лишь на самые тяжелые, черные работы. А такие, как я, вообще, приветствуются только, как чучела и ингредиенты декоктов.

Мысли об Ниппуре слегка отрезвили. Дорогушие магические медальоны, подкупающие аристократические

замашки, прекрасное знание эме-си-са^[10], элитная школа для избранных — все это плохо попахивало царскими сандалиями.

— Скажи, кто ты такой на самом деле? — Спросила я специальным тоном номер пять, которым обычно раскалывала упорных клиентов и сманивала с дерева садовника, когда тигровая лилия выкапывалась и пускалась во все тяжкие. — Вот только не нужно баять про нищего убогого сироту без умственных и денежных средств к существованию, который искал уборную, а по ошибке попал в тайный рабочий кабинет верховного жреца Урука.

Он заморгал своими очаровательными карими глазами, перекатывая услышанное из левого в полушария в правое. Я усилила эффект грозным взглядом.

— Меня зовут Тимхо Митич. — Тихо, будто выдавал страшную государственную тайну, признался он, повесив кудрявую голову. — Внук Эпитунами Митича, сын Малаха Мудрого, наследного хранителя Ивового Моста, энси^[11] Ура.

— Того самого Малаха?

— Да. Вы, верно уже слышаны...

Еще бы! Тем самым Малахом, отец Тимхо стал четыре года назад, когда внезапно был лишен всех титулов, отлучен от двора и сослан в дальнее богами забытое имение где-то на юго-востоке. Следует отметить, что до этого прежний энси Ура был известен, как великолепный поэт, изобретатель, архитектор, и пользовался уважением многих влиятельных людей, включая самого царя Ур-Намму. Причиной столь внезапного переезда стала известная всем монаршая любовь к своим подданным, особенно широко распространявшаяся на лиц женского пола. Поговаривают, что Намму положил глаз на красавицу-супругу своего верного энси. Малах посмел возразить и, опять же по слухам, даже попытался вручную «вправить на место» монаршее око, за что впоследствии жестоко поплатился. Через три месяца на имение Митичей подверглось нападению неизвестных разбойников. Малах и его жена были зверски убиты.

Помню, Хозяин еще тогда сказал, что этот мир потерял хорошего ученого. И если Сайтас, считающий всех шумберских магов и жрецов кучкой деревенских дурачков, назвал кого-то «хорошим ученым», значит, отец Тимхо был действительно выдающейся личностью.

— ... и тогда нам сестрой, чтобы не умереть с голоду, пришлось продать имение Аба-сигби-заза...

— Это, что, значит Зеленое Жабье Болото? — Блеснула я своими познаниями в древнем языке.

— Озеро Изумрудных Лягушек! — Вскипятился мальчишка. — Это, между прочим, одно из самых красивых имений Шумбера, неужели не слышали?

— Ладно, ты меня утомил, то есть убедил.

— И теперь вы отдадите мне карту? — С надеждой спросил он.

— Какую карту? — Я повертела кончиками пальцев кожаный футляр. — В первый раз слышу.

— Но как же... Карту Нефритового Озера, вот эту! У вас в руках! — Не на шутку испугался парнишка становясь похожим на беззащитного побитого камнями щенка.

— Да-а?

Я прикрыла глаза и горько улыбнулась, поймав себя на мысли, что сейгеш веду себя точь-в-точь, как Хозяин. — Ладно, малыш, пошли.

— Куда? — Крикнул он мне в спину.

— В пыточную камеру.

— Ку-ку-да?!

Я не стала задерживаться в дверях, лишь слегка обернулась через плечо, и, не сумев сдержать смех, фыркнула. Такой он был потешный.

— Да не бойся, у дежурного палача заболела бабушка, и он взял выходной. Так что пока просто отведу тебя домой.

* * *

Все слуги были брошены на подготовку к пресловутой магической конференции, то есть одна половина возилась на кухне, а вторая усердно драила западное гостевое крыло замка. Вероятность нежелательной встречи в заброшенном восточном крыле, где из жилых помещений размещалась только моя комната, сводилась к минимуму. Поэтому я шла бодрым уверенным шагом, не опасаясь попасться кому-либо на глаза. Тимхо, как будто подменили. Тронутся умом на радостях, что ли? Он семенил следом, постоянно отставая, задевал все углы и спотыкался на ровном месте. До меня то и дело доносились сдавленные всхлипы вперемешку с жалостливыми стенаниями.

И только, когда перед нами открылся зал башенной пристройки, и в глаза ударил свет из раскрытого круглого окна, я сообразила, в чем тут дело. В коридоре по привычке забыли зажечь факелы! Дед Петраш, ответственный за это дело, по понятной причине меня побаивался, и, руководствуясь девизом «все равно свет этой мракобесине ни к чему», заглядывал сюда редко. Так что всю дорогу нас окружала крошечная темнота, непроницаемая для глаза простого человека. Ума не приложу, как мальчишке удалось не отбиться и не пополнить коллекцию местных приведений.

Ничего, ради такого стоило помучиться. Я отступила на шаг влево и кивнула в сторону противоположной от входа стены, на которой с чувством собственного достоинства поблескивало широкий в десять локтей гобелен досконально изображающий карту мира. Полтора года назад был выброшен расточительным Хозяином, и подобранный хозяйственной руками его Тени. Волшебный Гобелен Перемещений, также прозываемый Полотном Путей, позволяет своему счастливому обладателю телепортироваться в любое задуманное место по выбору.

Правда, учитывая то, что северное полушарие представляло собой черное прожженное пятно от боевого плазмоида, а южное было испещрено фигурными дырами — последствием торжественных пиршеств оголодавшей замковой моли, ассортимент мест для выбора сокрушительно скудел. К тому же, опытным путем было выявлено, что карта отправилась на помойку не просто так, а по причине производственного брака — все попытки транспортироваться в любую точку, расположенную за пределами нашего царства приводили к тому, что меня почему-то каждый раз выносило в открытый океан. После двух недель экспериментов меня уже узнавали в лицо все местные акулы, а у туземных рыбаков с близлежащих островов появилась новая примета: встреча с белой лысой девушкой за коралловым рифом предвещала везение и богатый улов.

Но Гобелен все равно представлял собой потрясающее зрелище. Море у северных границ переливалось на солнце и гнало в дальнее плаванье многочисленные суда, качались на ветру оливковые рощи в долине Междуречья, неспешно скользили тени облаков по полям и горам, кипели жизнью большие города, пестрели беспорядочно разбросанные, как бусины с порванной нити, мелкие деревушки.

Я гордо взглянула на своего спутника, ожидая от того законно причитавшегося мне восхищения. Ага, как же. Вместо того чтобы старательно дивиться произведению магического искусства, непробиваемый Митич младший жадно впился глазами в кожаный футляр в моей руке, настырно не желая замечать больше ничего вокруг. Я ради эксперимента отвела руку вправо. Голова мальчишки послушно повернулась в указанном направлении. Влево — вправо. Вверх — вниз.

Хлоп! Я не выдержала и треснула его футляром по лбу, расстроенная в лучших чувствах.

— Воспрянь надеждой, скудоумный отрок! Ибо с помощью вот этого волшебного гобелена и своего заканчивающегося терпения я могу чудесным образом переместить тебя в... куда ты там собирался драпать из храма?

Паренек растерянно заморгал, дико уставившись на Полотно Путей, словно только что выкопавшийся упырь на солнце.

— Ну, как же... в город Гуаба. Горелые Кварталы, третий дом от набережной, с черепичной крышей и флюгером в виде меч-рыбы, рядом с корчмой Шаловливый Ветерок. — Выпалил он скороговоркой.

— Ты еще узор на занавесках опиши! — Я сунула ему в руки вожденный футляр и подтолкнула в спину, пристраивая гостя на квадрат половой плитки с нацарапанным магическим символом.

— Красный лилейник по белому фону и...

— Светлые Воды!

Он оглянулся, тщетно пытаясь вырваться из моей хватки.

— Вы напрасно себя утруждаете. Я и так ваш вечный должник! Вы даже не представляете, как мне помогли!

— Ага. Не представляю. — Поддакнула я, примериваясь как бы поудачнее построить вектор перемещения. Лагашский порт* Гуаба находился на самой границе моря и суши, серой кнопкой пришиливая синий шелк Горького Моря к многоцветному материку. Если я хоть немного промахнусь, копилка приключений Тимхо пополнится увлекательным внеплановым заплывом. Я навскидку установила конечную точку у небольшого болотистого холма, подальше от береговой линии. Каких-то пара-тройка дней пути, и он уже у городских ворот.

Ноги мальчишки окутались золотым сиянием. Знак перемещения Сифта, послушно активизировался, выбрасывая в сторону настенной карты витиеватые побеги. Паренек снова оглянулся через плечо. Взлохмаченный. Растерянный. Охваченный волнением и страхом перед неведомым колдовством.

— Скажите хотя бы, кому я обязан жизнью и честью моей семьи! — Патетично выкрикнул он. — Как вас зовут?

Эх, ты. Наивный мальчишка, перечитавший приключенческих романов, искренне считающий высокородство полным синонимом великодушия. Через пару лет ты забудешь о своих клятвах, научишься, как все люди, виртуозно предавать, мастерски ходить по головам и отважно бить в спину. И, если, сегодня, после всего, что ты видел и слышал, я тебя оставила в живых, то только потому, что сама обожаю приключенческие романы. Но если

перейдешь мне дорогу завтра, я убью тебя без зазрения совести, как вырывают сорняк с грядки. Потому что я тварь. Я порождение тьмы.

— Я Умбра.

— До встречи, Умбра!

Золотое сияние полностью поглотило Тимхо, превратив его тело в сгусток невидимых глазу частиц, закрутилось спиралью, запоминая форму принятой матрицы, и горячей стрелой вонзилось в плетение Гобелена.

— В твоих же интересах, чтобы мы больше не встречались. — Пробормотала я, облегченно переводя дух. Навязался этот Митич на мою... ногу. Зато больше меня ничего не сдерживало. До счастья оставался последний шаг!

Небо за окном потемнело, укутывая горизонт серой шерстяной шалью клубившихся облаков, на фоне которой выступающий на солнце горный склон казался ослепительно белым, до рези в глазах. Предчувствие свободы нахлынуло лавиной и заставило сердце взволнованно сжаться, отозвавшись пронзительным криком парящего в вышине орла.

Спустя двое суток я стояла в той же комнатке, на том же месте, и холодный утренний ветер потоками вливался через открытое окно, приподнимая незакрепленные края Гобелена Перемещений. Желтый перечеркнутый квадрат рабской нашивки на моей кружке сменился на серый овал с тремя скрещенными копьями в центре — знак свободного воина, наемника без обязательств перед царем и храмом. И от этого как никогда хотелось расправить плечи и бахвальски выпятить грудь колесом. Передо мной на волшебной карте Путей призывно раскинулся весь мир, приглашая выбрать дорогу к новой жизни.

Лучше всего для поисков лучшей доли подходил Урук, расположенный как раз неподалеку от Чертовой Хребтины. Один из крупнейших торговых городов Шумбера, зимняя резиденция царя. Но, учитывая недавние события, мне там лучше пока не появляться.

Хорош был и Ниппур, сльвущий культурной столицей и по праву считающийся самым красивым городом мира. Но, к сожалению, ниппурские позорные столбы уже как полтора года украшают мои портреты, обещающие вознаграждение за голову опасного преступника. А так как, этот орган все же чем-то мне дорог, аналогично отпадают Адаб, Сиппар, Хамази, Шуррпак, Малгиум, Дер, Эриду и... Ларса, наверное, пока тоже.

Соседние государства давно значились во первых строках моего личного черного списка. Во-первых, Гобелен не потянет, во-вторых, дорога долгая, а в-третьих, на внешнем рынке стоимость обозначенной головы возрастала в несколько раз. Я поджала губы и досадливо шаркнула сапогом по плитке со знаком перемещения. Остаточный магический заряд золотым мотыльком выскочил из-под подошвы и спланировал в сторону Полотна Путей, исчезнув на юго-восточной границе Шумбера.

Гуаба?

* * *

Портовый город Гуаба встретил меня криками чаек и противным морозящим дождем. Нахоженные стражники у ворот, кутались в шерстяные шарфы и поглубже надвигали на головы капюшоны, безразлично разглядывая текущий мимо них людской поток в оставшуюся узкую щелочку. Такой же поток вливался в город со стороны пристани.

Обилие гостей, сравнимое разве что с нашествием саранчи, объяснялось Большой Семеричной Ярмаркой, ежегодно собиравшей тысячи людей и нелюдей со всего света. Она проводилась в течение семи дней, каждый из которых посвящался какому-то одному виду товара. Откровенно говоря, мне всегда жутко хотелось пройтись по знаменитым Сытным Рядам в Обжорный День, посмотреть на работу известных мастеров в Оружейный, не говоря уже о последнем, Веселом Дне, когда место на главной площади доставалось деятелям искусства: танцорам, певцам, поэтам, актерам, акробатам, ваятелям и... художникам!

Но радовалась я не долго. На время ярмарки все постоянные двory оказались переполненными. Даже на сеновалах и конюшнях ночи проходили под девизом «в тесноте, да не на улице», народ спал буквально плечом к плечу, а то и штабелями. Многие заморские тамкары^[12] предпочитали ночевать на своих кораблях. У меня же корабля не было, только заплечная сумка со сменой белья и небольшой набитый сиклями^[13] кошель, полученный от шайки разбойников в качестве моральной компенсации за неудачную попытку ограбления. На последний я возлагала особую надежду, рассчитывая снять комнату или койку в одном из домов.

Обойдя около семерика кварталов, и встречая повсюду лишь сочувственные улыбки или же грязную ругань (в зависимости от терпения хозяев, и количества моих предшественников), я устала так, будто весь день махала тяжелым боевым топором. Упади небо! В конце концов, заночую на улице, а завтра что-нибудь придумаю. Так подумала я и отправилась бродить по городу в свое удовольствие.

В Гуабе всего казалось чересчур. Слишком узкие улицы, слишком вычурные дома, слишком мало местных жителей, слишком много приезжих, слишком мало земли и слишком много воды. Город был испещрен многочисленными каналами, по которым беспрестанно сновали остроносые черные лодки мала — излюбленный транспорт туристов. Лодочники мерно помахивали длинными веслами, громко перекрикиваясь при встрече.

После долгой ходьбы ноги зловредно гудели, и я с радостью согласилась на предложение прокатиться по каналу, щедро заплатив вперед.

* * *

Мрачнее серое небо над головой то и дело закрывали арки мостов. Мимо проплывали необычно высокие, в два этажа, несвойственные шумберской архитектуре островерхие дома. На стене одного даже красовалась надпись углем, за которую в любом другом номе автора из-под земли бы достали и снова туда закопали, только уже прилюдно, а дом вместе с хозяевами сожгли бы, на всякий случай. Но здесь надпись «Ур-Намму — собака» вызывала лишь саркастические улыбки и чувство глубокой солидарности.

Как оказалось, первоначально Семеричная Ярмарка была ничем иным, как продолжением старинного праздника, Сайко. В этот день жители Гуабы отмечали торжество любви и жизни, и традиционно встречали в кругу семьи. Позднее Сайко отступил на второй план, оттесненный набитыми тюками с товаром и крикливыми толпами торгашей, но все еще пользовался большой популярностью среди простого народа.

Сегодня, как раз был день Сайко. За любовь я лично поручиться не могла, но жизнь в Гуабе действительно торжествовала, даже буйствовала, не обращая никакого внимания на холодную пасмурную погоду. Пестрели яркие краски праздничного тряпья. Шумели сотни разных языков и наречий, сплетаясь в один мерный гул. Анунаки, аб'галлу^[14], амореи^[15]. Я даже заметила трех упырей и пару перевертышей. Но в основном люди, люди, люди, расплотившиеся по всему миру, как крысы.

Конечной точкой путешествия стала старая, страшная на вид набережная, вдоль которой жались к друг-другу черные в бурых разводах дома.

В ответ на мой вопрос лодочник многозначительно подвигал бровями, намекая на дополнительную оплату за услуги гида. Стайка сиклей нырнула в карман полосатой рубахи. Мужик просветлел, степенно разгладил складки у ворот, и оперся локтем о борт, приняв вдохновенную позу древнего сказителя. Взгляд его затуманился и, словно действительно устремился куда-то в таинственную глубину веков. Я с интересом подалась вперед.

— А горело тут чавой-то. — Глубокомысленно изрек он, и надолго замолчал, шамкая толстыми губами под пушистой бородой.

Я возмущенно прищурилась, пораженная близкими родственными отношениями между краткостью и талантом сказителя. Мужик тяжело вздохнул и покачал головой, со своей стороны сетуя на глухую непроходимость приезжих.

— Навроде алхимик один наделал делов. — Объяснил он напряженным голосом наставника, двадцатый раз повторяющего нерадивому ученику каким концом палочки следует писать. — Взял и назло людям подорвался, со всей своей лабораторией. Дым. Огнище шпарил! Которые дома не погорели, закоптились напрочь. Сколько ни бились — ни отмыть, ни закрасить. Во как.

— И поэтому у вас в городе этот район называют Горелыми Кварталами?

— Ну, сама же все знаешь. — Похвалил меня лодочник. — А давай я тебя еще к храму свожу, все просят.

— Да нет, спасибо. Я, пожалуй, здесь и выйду.

Мужик помрачнел, и дальше, вплоть до берега мала двигалась в сердитом молчании.

— И надолго к нам? — Наконец спросил лодочник, наблюдая, как я неуклюже выбираюсь на землю.

— На пару недель.

— Эт-плохо. Гости, они как рыба.

— Почему это?

— А после нескольких дней уже начинают плохо пахнуть.

Он ловко оттолкнулся длинным веслом и быстро заскользил по темной воде прочь, оставляя меня наедине с изуродованными пожарами строениями.

* * *

Зато отсюда открывался прекрасный вид на лагуну. Темно зеленая вода, переходящая в иссини-лиловую полосу у далекого горизонта, мерно обрушивалась на заваленный кучами водорослей пустынный берег, с

клокочущим гулом перекатывая мелкие камешки.

Тихо вслед за солнцем ускользал за море мой первый свободный день. Я чувствовала соленый ветер, пробирающий до дрожи, чувствовала холодный дождь, жалящий кожу, а долгожданного окрыляющего счастья, почему-то, не чувствовала. Было привычно-зудящее раздражение. Было напряжение в ожидании очередного удара. Было чувство полной вседозволенности. Была свобода. Но чего-то самого главного было.

Я бессильно опустила на растрескавшиеся каменные ступени, идущие к самой воде.

— С праздником вас. — Послышалось со стороны. Мимо по берегу шли люди. Семья. Мальчик, совсем еще малыш, гордо восседал на широких плечах мужчины. Отец вышагивал медленно, осторожно, в полной мере осознавая весь груз ответственности за детское почти невесомое тельце. Вокруг с веселым смехом бегали друг за другом мама и дочка. Обе всклоченные, раскрасневшиеся, и невероятно красивые. Я провожала их взглядом, пока фигурки людей не стали расплываться перед слабыми близорукими глазами, с каждым вздохом почти физически чувствуя, как время песком утекает сквозь пальцы, все больше осознавая свою неполноценность и никчемность. Тварь, созданная только для войн и сражений, Миру не нужна. Что можно успеть за пару недель? Может, Хозяин был прав, и я зря всю жизнь... Стоп!

Последняя мысль вызвала мощный всплеск злости, который моментально прогнал хандру и направил мысли в боле конструктивное русло. Упади небо, если я просто так, за здорово живешь, сдамся. Послезавтра утром день открытия торгов, а уж на Семеричной Ярмарке работу не найдет только ленивый, здесь даже калеки и убогие не остаются в накладе. К тому же самоедство, не лучшее занятие на пустой желудок.

Кстати, о насущном. Я покрутила головой в поисках корчмы, который не применил обнаружиться в паре шагов. Грязное прокоптившееся здание опасно косилось на оголодавшую меня из-за такого же беспроглядно черного забора. Странная какая-то корчма. Смушал не столько внешний вид заведения, сколько отсутствие каких-либо съестных запахов. На фоне мрачных красок чужеродным пятном выделялась явно новая вывеска. Криво намалеванное мужской лицо с раздутыми щеками, жутко напоминавшее монаршую рожу Ур-Намму, хитро щурило поросычьи глазки и выдувало потоки воздуха в сторону пышногрудой аб'галлу с дельфиньим хвостом и вздыбленными, стоящими почти вертикально волосами. Корчма «Шаловливый ветерок».

Я задумчиво провела ладонью от макушки к затылку. Ни сил, ни желания спорить с Господином Чужих Жизней у меня на сегодня уже не осталось. В конце концов, нельзя же, чтобы парнишка до конца своих дней мучился страшным бременем неоплаченного долга. Я оперлась ладонями на колени. Решительно встала.

Флюгер «меч-рыба» на крыше корчмы задрожал и со скрипом повернулся в мою сторону, словно почуявший добычу охотничий пес.

* * *

В обрамлении небольшого проема между створками ворот, словно дрейфующий остров, величественно выплыл пышный бюст, ютившийся в не по погоде глубоком вырезе. И только спустя некоторое время непрерывного поступательно движения, показалась его хозяйка — рыжекудрая матрона лет пятидесяти с тощим желтым удавом, который уныло висел на пухлых плечах, пошевеливая кончиком хвоста. Наверное, чтобы его не приняли за старый пеньковый трос и не выбросили на помойку. Хитрые глаза женщины подведенные черно-зеленым порошком сурьмы мельком пробежались по моей фигуре. Чрезмерно яркие оранжевые губы вытянулись в ниточку, отчего на массивном подбородке проступили многочисленные бороздки и ямочки.

— Свободных мест нет. — Сварливым прокуренным голосом сообщила она и захлопнула ворота, чуть не прищемив мне нос. Я хмыкнула, впечатленная богатырской силой, заставившей металлические петли издать жалобный писк, а тростниковые створки прогнуться, и постучала снова.

На этот раз женщина подступила к осмотру более ответственно: окинула цепким взглядом мою черную кожаную куртку с железными шипами, сложного покроя облегающие штаны, задержалась на не обремененной прической голове, и, сделав для себя какой-то вывод, многозначительно улыбнулась.

— Так вы в «Ветерок»? А мы закрылись. Я только что сдала все койки тамкарам из Мари. Мои столько за весь месяц не зарабатывают, так что ну их всех, к амореям, распустила по домам. Приходите после ярмарки, ниталам^[16], не пожалеете.

Тут в лицо вдарило залпом из запаха ячменного пива и резких цветочных духов. На улицу выпорхнула стайка юных девиц с циничными лицами прожженных государственных деятелей. Понятно, почему здесь не пахло свежим хлебом и жареной рыбой. В корчме «Шаловливый ветерок», подавались другие блюда.

Кажется, я зазевалась, за что снова чуть не поплатилась носом. Еле успела придержать закрывающуюся створку и с огромным трудом (и это еще, если учесть, что мои силы в несколько раз превышают силу обычного человека) перетянула ее на себя. Хозяйка корчмы разжала пальцы и подбоченилась, сразу приобретая такой

внушительный вид, что стало совершенно ясно — легче пробить головой забор, чем пройти мимо нее. Разбуженный неожиданной встряской змей недовольно приподнял плоскую голову, уставившись мне в лоб убийственным янтарным взглядом.

— Тимхо Митич здесь живет? — Зачем-то уточнила я, хотя уже не сомневалась, что малолетний жулик специально сказал мне неправильный адрес, запутывая следы.

— Тимхо? Чего же вы молчали, ниталам! — Моя собеседница неожиданно расцвела в широкой улыбке, как пустыня после сезона дождей, и даже отступила на несколько шагов назад, предлагая мне протиснуться во двор. Почувствовав, что опасный момент миновал, удав миролюбиво обвис на плечах хозяйки. — У мальчика золотые руки. — Женщина мертвой хваткой обхватила меня за талию и буквально потащила за собой. — Что бы у вас не сломалось, ниталам, починит в два счета и возьмет не дорого. Какую вывеску нам сладил, видели? А ворота? И койку, когда развалится, завсегда соберет. И в механизмах хитрых понимает. А уж эти его самодельные устройства! Вон туда идите, они сейгеш дома.

Далее последовал напутственный толчок в спину, чуть не вышибивший из меня душу. Пролетев по инерции в заданном направлении, я затормозила у небольшой жилой пристройки.

В окне за белыми занавесками с красным лилейником торчала удивленная мальчишеская физиономия.

* * *

Окрыленный Тимхо стрелой вылетел во двор, но в последний момент застрял на пороге, сиюсь придумать достойную приветственную речь. До этого момента, юному Митичу казалось, что все случившееся ему просто привиделось. Но нет, перед ним стояло живое доказательство в черной кожаной крутке и хмуро поправляло высокий воротник. Девушка выглядела точно такой, какой он ее видел в последний раз. Гладкая, без намека на волосы голова. Округлое лицо. Невыразительные брови. Серебристые, с вкраплением лазурита прищуренные глаза. Нежная фарфорово-белая кожа, которая, казалось, излучала свет. Все это напоминало Тимхо образ полной луны, лукаво сияющей в ночном небе рядом с сестрой-подругой^[17]. Зато широкие плечи и мозолистые ладони с длинными подвижными пальцами сразу возвращали мысли к земным вещам, в этих руках было очень легко представить острый меч, самострел и даже боевой топор. У его родителей садовником трудился старый вояка, бывший солдат царского войска, доводивший остальную прислугу красочным живописанием кровавых анатомических подробностей до нервной икоты и глубоких обмороков. Так вот, у него были такие же руки...

— Умбра, это вы! Я не надеялся увидеть вас так скоро! — Наконец воскликнул Митич, и тут же озлившись на себя за бестактность, поспешил исправиться. — Вы, наверное, приехали на ярмарку?

— Так это твоя знакомая? — Рядом возникла вездесущая матушка Мартополох со своим любимчиком Канатом.

Девушка опасливо покосилась на хозяйку корчмы и утвердительно кивнула, сразу соглашаясь с обоими предположениями.

— Да, ниталам Мартополох, это моя... — Тимхо мельком глянул на загоревшиеся жадным любопытством глаза матушки и внезапно передумал представлять девушку своей подругой. — Моя троюродная тетушка.

— Что же вы сразу не сказали. — Мартополох сразу потеряла всякий интерес к гостю и, кокетливо поправив удава на шее, отправилась готовиться к приезду тамкаров из Мари.

Новоявленная родственница облегченно улыбнулась, и как показалось Тимхо, с большим интересом принялась к доносившимся из дома съестным ароматам, не решаясь первой начать разговор. В Ниппуре на занятия дипломатикой и риторикой уделялось семь лет, из которых Тимхо Митич отучился целых три, а потому по праву считал себя вполне образованным и галантным юношей.

— Сейгеш довольно трудно найти хорошую комнату на время ярмарки. — Вежливо произнес он, слегка склонив голову вниз и вправо, что означало искреннее удовольствие от встречи. — Вы окажете мне огромную честь, если согласитесь погостить у нас несколько дней. Сегодня Сайко, праздник семьи, его полагается встречать с самыми близкими людьми. И мы как раз собирались садиться за стол.

* * *

Праздничный семейный ужин проходил в гнетущей тишине и напряженном звяканье посуды. После изысканной кухни в замке Хозяина, склизкая желтая масса, размазанная по тарелке, наполняло душу такой безмерной тоской, что даже жуткий голод не мог убедить меня проглотить хоть кусочек.

— И как называется это экзотическое блюдо? — Поинтересовалась я у паренка, малодушно отворачиваясь от

тарелки, и отпивая вино из жестяной кружки.

— Мамалыга. — Тимхо смущенно повел плечами и обезоруживающе улыбнулся. — Экспериментальный образец. Не бойтесь, это просто запеканка из кукурузной муки. Если хотите, есть кальмары, только вчерашие.

Хозяин всегда придерживался традиционной северной кухни, так что южные изыски милосердно обходили меня стороной. Хотя кальмаров я однажды видела в рыбной лавке, и увиденное до сих пор не давало мне спокойно спать по ночам. Еще и вчерашие?

Бр-р-р.

— Спасибо, что-то не хочется. — Я взяла из плоской глиняной миски горстку фиников, на всякий случай придирчиво их рассмотрела, и, сочтя относительно безопасными, уже более оптимистично откинулась на спинку стула. Съесть, слава Высокому Небу, не успела, а то бы подавилась к черту.

С противоположного конца стола на меня неотрывно глядели огромные черные глазища младшей сестрицы Тимхо. Под глазищами пролегалли неестественно темные тени, словно кто в шутку мазанул испачканной в саже кисточкой. Хотелось вытащить платок и поскорее оттереть — настолько они портили и без того мрачное детское лицо с уныло изогнутыми губами. Глазища изучали меня с интересом. Только в отличие от брата, лучившегося энергией и добродушием, у девочки интерес этот был вялый, нехороший, сродни любопытству жреца бару, обнаружившего подходящий объект для гадания^[18].

— Привет. Как тебя зовут? — Натянуто улыбнулась я, совершенно не зная, как следует себя вести с маленькими детьми.

Девочка не ответила, продолжая прожигать меня насквозь своим тяжелым взглядом из-под высокого загорело лба. Интересно, у них в роду, случайно не попадались горгоны или василиски? Хотя, если судить по светлой ауре, она обыкновенный чистопородный человек.

— Это Шушельга. — Ответил за сестру Тимхо. — Она не слишком общительная... после смерти родителей.

— Милая крошка... ах ты, кхварч торч изхыл! — Взвизгнула я на аморейском, мигом позабыв о приличиях, брезгливо прочищая временно ослепший левый глаз от прицельно брошенного шмата мамалыги. Шушешльга залилась злорадным звонким смехом.

— Шушуня! — Парень вскочил, чуть не перевернув свою тарелку. Мерзавка издала испуганный писк и нырнула под стол, но карающая длань брата настигла ее на полпути к спасению. Девочка зашипела и попыталась высвободить плененное запястье, забившись, словно пойманный дикий зверек, а потом внезапно плюхнулась на колени, повиснув на вытянутой руке. Две хилые черные косички уныло качнулись под понуренной головой.

— Шушельга Митич, как тебе не стыдно! Это же наша гостя! — Нахмурил брови Тимхо, отпуская ее. Та метнула в него убийственный взгляд и ничком рухнула вниз, звучно приложившись лбом о глиняный пол. Но Тимхо был непреклонен.

— Ты ведешь себя просто ужасно. — Грозно, но в то же время ласково сказал он. — А ну встань и извинись.

— Не буду!

— Шельга, я приказываю.

— Ты мне не отец и не мама, чтобы приказывать! — Она проворно вскочила на ноги, враждебно уперев ручки в бока. — Другие тебе всегда дороже меня! Ждешь, не дожدهшься, пока я умру! Ничего, недолго осталось.

— Шельга...

— Я тебя ненавижу!

Девочка резко развернулась, мазанув косичками по воздуху, и выбежала куда-то в темный коридор, невпопад дергая локтями. Тимхо некоторое время стоял, глядя ей вслед, а потом медленно опустился на стул и спрятал лицо в ладонях.

Захотелось оказаться как можно дальше от чужого горя, просто встать и уйти от этой тупой боли и безысходности, толчками пульсирующей в висках. Но мне некуда было идти.

И я осталась.

* * *

У окна стояла самодельная клепсидра. Чашка с небольшим, откорректированным воском отверстием, через которое размеренно капала вода.

— Тимхо, а что за карта Нефритового Озера? — Тихо спросила я. — Никогда не слышала о таком месте.

Помогло. Он отнял руки от лица и поднял на меня безмерно уставшие, но совершенно сухие глаза.

— В нашей семье есть легенда про волшебное озеро далеко в горах... — По мере того, как он рассказывал, взгляд обретал прежнюю ясность. — Если водой из этого озера омыть смертельно больного человека, он излечится, слепой прозреет, глухой снова сможет слышать музыку и родные голоса, а не имеющий обрящет.

— Чего обрящет? — Не поняла я.

— Не знаю. — Мальчишечье лицо осветилось легкой смущенной улыбкой. — Так было написано в семейной летописи.

— И ты собираешься найти это озеро?

— Я обязательно его найду. — С вызовом сказал он тарелке с остатками мамалыги, словно она собиралась оспаривать его решение. — Остались последние приготовления. Послезавтра, как только расцветет, мы тронемся в путь...

Мы помолчали, думая каждый о своем.

— Умбра...

— Что?

— Вы благородный человек.

— Если честно, то ни то ни другое. — Про себя усмехнулась я, а вслух сказала. — Мальчик, ты же меня совсем не знаешь.

— Ну и что. — Обиделся Тимхо. — Я разбираюсь в людях!

— Хорошо, допустим, что я по уши в благородстве, и что из этого?

— Ну... вроде как... знаете... если они кто-нибудь... не дай боги, конечно... нас того...

— Чего того? Говори толком!

— В дороге ведь может приключиться всякое. — Наконец разродился Митич, опасливо косясь на меня из-под курчавой челки. — Вот я и подумал, хорошо, если бы рядом был опытный воин... надежный человек... в общем, Умбра, если вы сейгеш свободны, то я бы хотел вас нанять.

— В качестве кого?

— В качестве телохранителя... для моей сестры.

Я потеряла дар речи на целый геш.

— Тимхо ты серьезно? По-моему нужно нанимать телохранителей от нее, а не для!

— Шушуня — хорошая. Это все ее болезнь виновата. В последе время приступы случаются все чаще. — Голос паренька дрогнул. — Я хорошо заплачу. По серебряному слитку в пол маны^[19] на каждый из шести дней пути.

Ничего себе хорошо! Шесть слитков! Обычная ставка наемника в лучшем случае составляла четвертушку в неделю.

— Не отказывайтесь сразу. — Попросил он, поднимаясь. — Подумайте, пожалуйста, потому что вы единственная, кому можно доверять. А я ненадолго отлучусь, поговорю с сестренкой.

Дорога. Приключения. Таинственное Нефритовое Озеро. Огромная сумма денег. Настоящая работа, в конце концов. И я как раз успеваю на последний день Ярмарки, а потом еще останется целая неделя, которую я смогу провести, в свое удовольствие.

Я подумала и решилась.

* * *

Тимхо не было уже довольно долго, я задремала. Легкий скрип заставил меня приоткрыть глаза. Но и комната и коридорчик по-прежнему пустовали. Показалось, что ли? Скрип повторился, и теперь я отчетливо поняла, что он шел не изнутри, а снаружи. Кто-то осторожно и деловито пробирался в домик через окно.

Уже стемнело. Узкий проем окна выделялся светлым пятном на черном фоне. Мелькнула кривая тень руки. Ставни, наконец, поддались, и проем заслонила темная зловещая фигура. Вот оно! Горсть песка в праздничном семеричном пироге. Большое скопление денег и товаров неудержимо притягивало специалистов и любители чужого добра со всего Шумбера. В данном случае мы, однозначно, имели дело с невиданным ранее уровнем мастерства. Талант! Чудесная имитация предсмертных судорог. Да, если навалиться животом, то ноги потом подтянуть достаточно трудно. Ага, второй заход. Куда? Задом, задом-то зачем?!

От неосторожного движения у налетчика из кармана что-то вывалилось, с легким металлическим стоном ударившись о край клепсидры. Нож. Это в корне меняло дело. Я тихо поднялась со стула и подкралась к капавшемуся в проеме силуэту. Было у меня одно давнишнее правило, которое всегда выполнялось неукоснительно. Грабителей я просто грабила, убийц просто убивала.

Он уже успел забраться в комнату и даже успел оглянуться. Но и только. Я мельком отметила хорошее сложение, высокий рост и приятную внешность, без тени сожалений опрокидывая все это добро на пол. Он ударился затылком о стену. Взвыл, распространяя приторный запах пива. Бестолково забился, не понимая, что происходит. Кинжалы, как живые, сами скользнули в ладони из рукавов. Я скрестила руки, захватывая в центр светящуюся белизной шею... и тут вспыхнул свет. Приноровившиеся к мраку глаза обожгло, словно горячим

паром. Я прищурилась, но движения не остановила.

— Умбра!

Лезвия замерли у самой кожи. Приятно щекотнула теплота соприкоснувшихся запястий. Рядом стоял бледный Тимхо Митич со светильником в дрожащих руках.

— Умбра что ты делаешь?!

— Свою работу. — Ворчливо отозвалась. — Ты же нанял меня для защиты от опасностей. Опасность обнаружена и сейгеш будет ликвидирована.

— Так ты... то есть вы согласились? — Обрадовался паренек. — Я так вам благодарен! Спасибо большое!

— Пожалуйста. — Я поудобнее устроилась на пленнике, сжав его бока коленями. — Думаю, лучше всего, прикопать труп во дворе, чтобы не пришлось тащить на пристань.

Тимхо согласно кивнул, но тут до него дошел смысл моих слов. Карие глаза испуганно округлились.

— Стойте! Не убивайте его. Это же мой дядя Симуург!

— Троюродный?

— Настоящий, родной!

— Что же ты, родной, полез через окно, когда есть дверь? — Это уже к распластавшемуся на полу мужчине.

— Дверь была закрыта изнутри, не хотел будить. — Ответил тот сердитым, но неожиданно приятным бархатистым голосом. — Тим, будь так добр, скажи этой ненормальной, пусть она с меня слезет!

Он, постанывая, поднялся, стараясь не смотреть на меня, как будто боялся, что я убиваю взглядом. Поправил прическу, стянув длинные черные кудри в пышный хвост, разгладил щегольские косички на бороде. Сел за стол. Зачерпнул ложкой мамалыгу. Поморщился.

— Дядя, это та самая Умбра, я тебе о ней рассказывал. Она согласилась поработать телохранителем Шушельги.

Мужчина заинтересовано приподнял голову, окидывая меня быстрым цепким взглядом, при этом у него сделалось такое лицо... в общем, на мамалыгу он смотрел ласковее.

— Наша встреча, уважаемая нитилам, оказывает мне высочайшую честь и внушает ни с чем несравнимую радость.

— Охотно верю.

— А это мой дядя Симуург, папин младший брат. Он преподает алхимию в школе искусств Ниппура. Дядя очень помог нам, это он достал те самые медальоны перемещений, хотя, если бы об этом хоть кто-нибудь прознал, его бы выгнали или убили! — Гордо объявил паренек. — И, где карту найти, тоже он узнал. Вырасту, стану таким же смелым, как дядя!

Почему же этот смелый дядя не отправился за картой сам, а послал вместо себя неопытного мальчишку?

Кажется, я знала ответ. Я смотрела в глаза этого нескладного мальчишки там, в храме. Смотрела в глаза этого самоуверенного мужчины здесь, в темноте. И я не видела ничего, кроме страха. Но если в первом случае это был страх потерять жизнь близкого человека, то во втором — страх за собственную шкуру. И тут уже дело вкуса. Можно назвать это благородством и подлостью. А можно глупостью и осторожностью. Лично я бы не стала добровольно рисковать своей жизнью ради кого-то еще. Хотя, судить и выбирать между светом и тьмой — это удел человека. Тени людей не судят. Но все равно, очень неприятно познакомиться, Симуург Митич.

От высокой фигуры в сером плаще веяло смертельным холодом. Верховный жрец храма госпожи небес богини Инанны города Урука, Эру Дитрэ раздраженно одернул воротник мантии. Он патологически не терпел охотников, всегда чувствуя в их присутствии непонятную оторопь и смущение.

— Я уверен, что они действуют сообща. — Сказал старик. — И теперь попытаются найти Нефритовое Озеро. Но, они не учли, что мы сами целых два года пытались найти это сказочное болото, и прекрасно изучили карту. Откуда бы они не отправились, им придется остановиться в Элгае Зарече, а потом на несколько дней задержаться в Киркуке. Я хочу, чтобы вы принесли мне голову девчонки, остальные должны остаться целыми и невредимыми.

— Почему только ее? — Фигура охотника все-время оставалась неподвижной, словно вытесанная из камня. Казалось, что он даже не дышит.

— Поверьте, Асеер, у меня на это есть свои причины. — Сухо ответил старик, непроизвольно косясь на своих охранников. — Я знаю, что вы не беретесь за простые заказы? Но в данном случае речь идет о чести нашей великой боги...

— Я согласен. — Перебил охотник.

У Эру Дитрэ, прямо сказать, отлегло от сердца. Отрепетированная загодя пламенная речь не пригодилась. Не так уж он и грозен, этот легендарный неподкупный дингир-ур. А разговоров то, разговоров.

— Да, это хорошие деньги за одну голову. — Расплываясь в хитрой улыбке, произнес жрец, довольный, что смог разгадать этого человека.

— Дело не в деньгах.

Конечно, лучше было промолчать, но верховный жрец не удержался.

— Почему же тогда? — Язвительно усмехнулся он.

Тьма под капюшоном жутковато качнулась, и Эру Дитрэ к своему ужасу понял, что оттуда на него смотрит сама Смерть. Внимательно, с обманчивой ленцой голодного льва. Жрец съежился и отвел глаза, впервые в жизни почувствовав себя жалким дряхлым стариком. Тьма снисходительно улыбнулась.

— Поверьте, достопочтимый эн, у меня на это есть свои причины.

Рассекая желтые воды канала И-Нина-гена, высоконосый корабль неспешно причаливал к илистому берегу. Парус на мачте из толстого тростника трепетал и протестуяще вздувался, не желая скучать безжизненной циновкой, вместо того, чтобы птицей нестись вслед за ветром. Мы отбыли из порта Гуаба на рассвете и двинулись вглубь материка на запад, рассчитывая прибыть в Элгай Зарече до темноты, но...

— Ну, вот что, — Огромный аморей с черными, как смоль волосами, спускающимися колечками по мощному загривку, немного приподнял свою лапу, во всей красе демонстрируя зажатый в ней объект. — Если я еще раз увижу этого хыра^[20] на корме, то завяжу его язык вместо кушака!

Я оторвалась от созерцания живописного речного пейзажа и воззрилась на Симурга Митича, уныло болтавшегося над палубой.

— А что, собственно говоря, случилось?

— Этот донгуз гётов^[21]! Мне! Советует!

— Да! — Уязвленным голосом воскликнул мужчина, пытаясь сложить руки на груди. — Мы ползем, как больная черепаха. И вам, уважаемый, как кормчему, следовало бы предпринять по этому поводу хоть какие-нибудь действия, кроме разработки ископаемых в зубах!

Аморей побагровел. Мышцы под легкой безрукавкой вздулись устрашающими буграми. Стало абсолютно ясно, что скоро у Тимхо станет как минимум на одного дядю меньше.

— Что ты делаешь, вахлак... — Просипел Симург, наконец, почувствовав все прелести аморейской хватки у себя на горле. — Он меня задушит! Умбра, помоги, ты же наш телохранитель!

— Небольшая поправка. — Я облокотилась о борт, предвкушая приятное зрелище. — Меня наняли охранять пигалицу, в крайнем случае, ее брата. Про тебя разговора не было. Душите, его на здоровье, уважаемый!

Приободренный поддержкой аморей удвоил усилия, стройные ноги учителя ниппурской школы искусств отплясывали в воздухе замысловатый танец, словно пытались убежать от своего незадачливого хозяина.

Дело принимало действительно серьезный оборот. Я обреченно окинула взглядом огромную фигуру разгневанного кормчего. Амореи отличные воины, с ними так просто не справишься. Тело уже привычно напряглось, предчувствуя драку. Но тут в процесс дядеубийства, вмешались другие действующие лица.

— Что вы делаете? Прекратите! — Испуганно зазвенел мальчишеский голос. К нам бежал Тимхо, волоча за собой ревущую, отчаянно не поспевающую сестренку. — Отпусти его!

К моему удивлению аморей послушно отпустил недодушинную жертву, которая тут же плашмя шлепнулась на палубу, и сочувственно посмотрел на заплаканную мордашку Шушельги.

— Отец что ли? Ну, вы того, извиняйте, малыши. Он сам напросился. — Смущенно пробормотал великан отступая назад. — Смотрите теперь, чтобы она, значит, больше не выступал... а то ребята у нас вспыльчивые... раньше все на боевых судах ходили.

Я присела на корточки рядом с Симургом, отстранила жалобно всхлипывающих детей, и похлопала его по щекам. Мужчина поморщился, отчего черные брови-полумесяцы сошлись на переносице.

— Великий Энки, я чуть не умер! — Ошарашено прошептал он, открывая глаза.

— И умер бы, если бы на месте того бугая оказался кто-нибудь менее милый и ласковый. Надо же, какая забота о детях, а амореев всегда описывали, как кровожадных монстров. — Пробормотала я, осторожно поворачивая его голову и осматривая ужасные ранения на шее, которые слава богам, ограничивались несколькими синяками. Похоже, кому-то придется примерить на себя роль старой брюзгливой нянюшки.

— Посмотри, из-за тебя все перепугались до смерти! Следует вести себя осмотрительнее.

Учитель алхимии прищурился, недоверчиво вглядываясь в мое лицо, словно искал там скрытый подвох.

— Пожалуйста. — Попросил Тимхо. Сестра поддержала его протяжным всхлипом.

— Хорошо. — Вздыхнул Симург, улыбаясь. Надо сказать, эта улыбка шла ему просто невероятно. — Обещаю, что всю оставшуюся часть пути буду тихо и мирно сидеть где-нибудь за тюками с зерном, и не доставлю вам больше никаких неприятностей!

Ага, как же.

Следующими были разъяренные гребцы (якобы фальшивившие при пении), приволокшие ценителя музыки под руки.

Затем доведенный постоянными придирками до нервной икоты корабельный повар, орудующий рыбьим хвостом не хуже кинжала.

Два здоровенных не улыбочивых крестьянина, прослушавших курс лекций по сельскому хозяйству.

И вот, наконец, какая-то бешенная бабка.

— И пусть ишо раз попробуешь, охальник! — Бака на прощание замахнулась клюкой, заставив Тимхо

заслонить собой Шушельгу, а прятавшегося за моей спиной Симурга охнуть и опасно присесть. — Ты за ним, девка-то поглядывай. Хотя сама то...

— Добрая женщина, — устало простонала я. — Я уже не спрашиваю за что. Скажите только, отчего вы все идете жаловаться на этого... хм, охальника ко мне?

— А кому ишо, как не родной жене?

— Чего-о? — Возмущенно проревела я, но старушка уже удалялась гордой походкой победителя.

— Деревня. — Пренебрежительно прошипел ей вслед Симмург, но тут же съежился под нашими колючими взглядами. — Ну что вы так смотрите? Такие редкие алхимические ингредиенты, между прочим, не каждый день попадаются! Я предложил ей целых десять сиклей серебра всего за один волосок! — Что волосы сейгеш так дорого стоят? — Задумчиво поинтересовался Тимхо, запуская пятерню в свои роскошные кудри.

— Нет, обычных я сам могу хоть копну надрать! — Отмахнулся алхимик и тут же сморщился, потирая обработанную клюкой спину. — Ох! Мне нужен был особый волосок с кривой левой ноги дряхлой косоглазой женщины на самом пороге смерти.

— Ты, что ей все это так прямо и сообщил? — Ошарашено прошептала я.

— Ну да, а она сразу на меня набросилась! Дикие, необразованные люди.

Мы промолчали, предпочитая не констатировать очевидные, но такие неутешительные факты. Даже Шушуня прискорбно поджала губки.

— Симмург, у меня к тебе последняя просьба. — Взмолилась я, прижимая ладонь к раскалывающейся голове. — Если ты не умеешь молчать, то, хотя бы выбирай себе скромных тихих собеседников с достаточным уровнем образования и большим запасом терпения. Лучше если они будут парализованы или крепко привязаны.

— Не разговаривай со мной, как с амореем. Я все понял. — Раздраженно процедил мужчина. — И проведу остаток пути в молчании и одиночестве, вон там, в самом отдаленном и пустынном уголке.

В указанном месте, в закутке за натянутым канатом^[22], у правого борта, спиной к нам действительно стоял всего один человек. Выглядел он как нельзя более умиротворенно и безобидно: маленького роста, щуплого телосложения, в смешной синей шапке. Я облегченно перевела дух.

* * *

Первым на берег спрыгнул Тимхо, тут же увязнув в иле выше колена, и устремился на помощь барахтающемуся неподалеку Симургу. Если честно, то первенство приземления принадлежало именно дяде, а не племяннику, правда, с той оговоркой, что оно досталось ему в принудительном порядке (с раскачкой и напутственными выкриками). Представив себе две косички красочно торчащие из грязи, я со вздохом подхватила Шушельгу, усадила ее себе на плечи и осторожно шагнула с трапа в чавкающую мокрую жижу.

— Простите, нитилам, но дальше вам придется идти пешком! — Донеслось мне в след. — Скажите еще спасибо, что мы оставили вашему недостойному мужу его жалкую жизнь!

— Вот уж спасибо. — Буркнула я, щурясь от яркого солнца, и чувствуя, как вода заливается мне в сапоги.

— Не держите зла! — Хозяин судна на прощание приподнял свою дурацкую синюю шапку. — Отсюда до Элгая Зарече всего два дня пути, если пойдете вдоль русла. Через лес, оно, конечно, куда как короче, но там, говорят, нежить балует...

Парус, наконец-то, добился своего, радостно затрепетав в потоках теплого воздуха. Легкий высоконосый кораблик быстро выбрался на середину канала и помчался прочь, изящно пританцовывая на кончиках весел.

* * *

В последнее время среди посетительниц салонов красоты стали очень популярны маски и натирания, в состав которых входил речной ил. Модницы выкладывали целые состояния, мне же за эту благодать еще и приплачивали серебром. Грязевые ванны прекрасно сочетались с точечным массажем... острыми листьями камыша. Казалось, что высокие колючие заросли, заслоняющие весь кругозор, никогда не кончатся, и так и будут до скончания вечности лупить непрошенных гостей по щекам и запястьям и голым коленкам^[23].

Тимхо шел первым, расчищая дорогу серпообразным ножом, за ним, постанывая, тащился Симмург с мешком за плечами. Я замыкала торжественно шествие, предусмотрительно выдерживая дистанцию в десять шагов от основной группы, чтобы до меня не долетали ни грязные брызги ни стенания.

— Извините меня, пожалуйста. — Голос девочки прозвучал так четко и по-взрослому серьезно, что я совсем растерялась, остановилась и стала оглядываться по сторонам, сразу не сообразив, кто же со мной разговаривает.

Это было неожиданно еще и потому, что все это время сестра Тимхо держалась отчужденно и хранила гордое молчание, как плененный, но несломленный духом герой во вражеском стане.

— Это все моя болезнь. — Тщательно, словно вырезала на дощечке, выговаривая каждый звук, продолжила она. — Когда случаются приступы, становится очень больно, и я творю нехорошие вещи. Раньше такое случались редко, но теперь все чаще и чаще. Наверное, я зря это говорю, да? Уже поздно извиняться...

— Да нет, что ты. Самое время. — Ответила я, все еще немного смущенная превращением чертенка в ребенка. — А то я как раз собиралась утопить тебя вон в этом бочаге.

Шушельга взволнованно завозилась у меня на плечах. Брат и дядя уже скрылись из виду. Она осталась наедине с жаждущей мести наемницей среди высоких зарослей камыша.

— Вы все врете, да? — Осторожно поинтересовалась девочка.

— Конечно, вру.

— Уфф! — Шушуня вздохнула с явным облегчением и даже нерешительно хихикнула. — А то ты так сказала, что я прямо поверила.

— Что ты. — Улыбнулась я, немного встряхивая плечами, чтобы поудобнее распределить нагрузку. — Я вовсе не собиралась топить тебя в этом бочаге... мне больше нравится вон тот!

* * *

— Ти-и-им!!!

— Вот вы где! — Из-за зеленой колышущейся стены листьев показалась исцарапанная, но безмерно счастливая физиономия Тимхо. — Мы нашли сухую землю! Идите за мной.

* * *

Скоро я вышла на твердую каменистую равнину, не без удовольствия спустив ребенка вниз (легкая то легкая, но иногда так в шею вцепится, что невольно удивляешься, откуда она знает профессиональные болевые захваты!). Шушельга тут же подбежала к брату и спряталась у него под крылышком, словно испуганный цыпленок. Симург (вот кого я действительно мечтала притопить в бочаге) сосредоточенно шаркал сандалами, временами прерываясь, чтобы брезгливо посмотреть на результаты своей деятельности в виде полосок размазанной грязи. Почувствовав мой неприязненный взгляд, он поднял голову.

— Похоже, из-за этих дурней нам придется потерять пару дней.

— С чего бы это? — Наигранно удивилась я.

— Ну... — Он смутился. — Ты же не собираешься тащиться через кишашую чудищами чащобу, только ради того, чтобы выиграть какой-то жалкий денек?

Я горько усмехнулась. Как раз для меня этот денек значил очень многое.

— Собираюсь. Видишь ли, я еще планирую успеть на последний день Семеричной Ярмарки.

— Что? Да ты в своем уме, наемница? Сходишь в балаган на следующий год! Твое дело — повиноваться приказам хозяина!

Я всегда очень гордилась своей выдержкой, но на этот раз нервы сдали, и у меня вместо ухмылки получился злобный оскал.

— Прекратите. — Напряженно произнес Тимхо, так, что сразу пропало всякое желание спорить. — Я уважаю ваши желания, Умбра, но вы согласились работать на меня, и я ожидаю ответного уважения к моему мнению. Я очень ценю твою заботу, дядя. Но для нас с Шушельгой важен каждый день, и, возможно, каждый геш. Мы пойдем через лес.

* * *

Следует признать, боги щедро наделили Шумбер богатыми залежами золота и серебра, плодородными полями, могучими реками и морями. Но вот леса они самым наглым образом зажидали. В народе под понятием «глухой лес» подразумевается чахлая рошица в несколько десятков деревьев, просвечивающая насквозь, как одеяние высокопоставленной жрицы. Понятное дело, что мы были несказанно удивлены, увидев настоящую чащобу, мрачно-зеленой тучей раскинувшуюся на горизонте.

Кривые ветви сомкнулись над головой похоронным саваном. Сухая желтая трава жалась к серым

покоренным кустам, в которых с трудом угадывалась пожухший красавец-тамариск. Но самым странным было ледящее ощущение Порога. Порог в магической терминологии — это граница, возникающая при наложении двух реальностей. Такие границы бывают двух классов в зависимости от способа образования: соприкосновение перманентного заклинания и реальности (самая редкая форма, потому что такого рода заклинания могли бы позволить себе только Хозяин да некоторые вымершие магические расы, но первый такой ерундой не занимается, а последние уже как несколько столетий профнепригодны) и соприкосновение двух миров, (например, граница между жизнью и смертью, которую использует для трансформации и регенерации некоторые виды нежити). Порог дарит многое, но отнимает еще больше. У кого-то душу. У кого-то разум. У кого-то жизненную энергию. Я при переходе испытываю жуткий холод, вот как сейгеш... а, ерунда! Я потрясла головой, отгоняя дурное предчувствие. Есть более разумное объяснение. Просто перегрелась на солнце, промокла, а теперь зашла в тень, потому и немного морозит. Хватит сгущать краски, тем более что они и так мрачнее некуда. Чем дальше мы шли, тем темнее становилось вокруг. Казалось, что даже солнечный свет не решается заглядывать вглубь этого странного леса.

— Не нравится мне это место. — Высказал общее мнение Симуург, негодуя поглядывая на меня с видом невинного храмового юноши, которому обещали показать ежика, а вместо этого коварно заманили в рудники, торжественно вручили тяжелую кирку и потребовали выполнить годовой план по добыче железной руды. — Ох, как не нравится.

— Ничего, он скоро кончится. — Попыталась приободрить его Тимхо, оптимистически потрясая своей картой. — Тут указано, что лес очень маленький. Еще пара гешей, и мы выйдем к городу.

— Если только не заблудимся. — Проворчал мужчина в свою роскошную бороду, сам еще не подозревая, что его слова окажутся пророческими.

Лучше бы они оказались последними! Просвет не появился ни через пару гешей, ни через два беру^[24], ни к концу дня. К тому времени, как красное солнце скатилось к западному краю небосклона, я почти утвердилась в мысли, что с легкими уколами совести за зверское убийство справиться намного проще, чем с теми жуткими мучениями, которым мы подвергались, выслушивая безостановочные жалобы и ворчание учителя алхимии. Но когда Симуург наконец-то выдохся и притих, вопреки всякому здравому смыслу на душе сделалось еще пакостнее.

* * *

Ворохи золотых искр перемешивались со звездами в ночном небе.

— Ничего, завтра мы обязательно выйдем к городу. — Тихо, чтобы не разбудить дядю и сестренку, пообещал сидевший напротив мальчишка, разглядывая мою мрачную, уставшую физиономию в отблесках костерка.

— Выйдем, выйдем. — Легко согласилась я. — Спи.

— А ты что, так и будешь сидеть здесь всю ночь?

Я кивнула. — На всякий случай. Вдруг здесь отыщется какая-нибудь тугоухая нежить со стальными нервами, которая не уstraшит храпа твоего дядюшки. Хотя, конечно, это маловероятно.

— Я, между прочим, не храплю. — Обижено пробасил Симуург, приподнимаясь на локтях. — Кстати, тебе не обязательно работать лесным пугалом всю ночь. Я могу тебя заменить. Хотя Тимхо говорил, ты маг. Так почему бы просто не поставить защитный контур?

— Ну... — пущенный по произвольной траектории взгляд, выявил, что ряды бодрствующих пополнились некой любопытной особой с двумя косичками. — Я не маг, я просто знаю, как пользоваться заклинаниями.

— А разве есть разница? — Искренне удивился Тимхо, заставив меня усомниться, что из школы искусств его на самом деле выгнали из-за финансовых проблем, а не за прогулы.

— Существенная. Любой маг обладает врожденным запасом некой волшебной силы, которую он может использовать для плетения заклинаний, как гончар использует глину для лепки кувшина. Чем больше этот запас, тем больше заклинаний ты сможешь создать, тем сильнее считается маг. Если у тебя есть глина, но нет умения, кувшин, конечно, получится кривой или вовсе бесполезный. Но без глины кувшин не получится вовсе.

Встречаются и люди, у которых такого резерва нет совсем, и чтобы сплести заклинание им приходится расплачиваться частью собственной жизни, а то и всей жизнью. Они могут использовать магию только в крайних случаях.

— И сколько ты потратила, когда сражалась с храмовым магом? — Насторожился паренек.

— Год. И если я продолжу злоупотреблять колдовством, то скоро превращусь в старую каргу и умру.

— Но зачем тогда ты училась магии, если знала, что она тебя убивает? — Вмешался Симуург. — Это же глупо.

— Глупо. — Согласилась я, заморожено всматриваясь в пляшущие лепестки пламени. Для меня там всегда танцевали фениксы, взмахивая яркими крыльями, грациозно запрокидывая длинные шеи и хвастливо распуская

искристые хвосты. Прекрасные. Свободные. Умирующие в огненном танце и снова воскресающие из пепла.

Да, ты прав, человек. Но тень не выбирает, она лишь повторяет движения своего хозяина. Тень знаменитого акробата, сумеет исполнить любой самый сложный трюк. Тень хорошего портного, сможет сшить роскошную одежду. Тень великого колдуна в совершенстве знает сотни тысяч обрядов, рецептов, формул и заклинаний... но толком воспользоваться ими не способна.

— Глупо. — Повторила я. — Интересно, ты так же будешь считать, если я убью плазмой вон того гуля ^[25], который с аппетитом подкрадывается к тебе со спины.

— Не смешно. — Буркнул Симуург несколько веселых мгновений спустя, потирая ушибленный в панике локоть. — Эта нежить еще бессовестнее, чем ты! Можно было бы найти и более достойный объект для шуточек, наемница.

— Ты имеешь в виду себя?

— Я имею в виду мерзких богопротивных порождений тьмы!

— Очень самокритично.

— Умбра! — Поспешил вмешаться Тимхо, изо всех сил пытаясь замять намечающуюся ссору. — А ты встречалась с настоящими игигами?

— Чаще, чем ты можешь себе представить.

— И как? Какие они на самом деле?

Я смерила его долгим пристальным взглядом.

Общие чувства, которые люди испытывали к таким, как я, можно было охарактеризовать двумя словами. Страх и ненависть. Причина такого отношения мне до сих пор непонятна. Такие убежденные людоеды, как львы, волки и даже крокодилы пользуются завидным почтением и уважением. При виде же вполне безобидного гуля народ старательно отплеивается, гнет пальцы в охранные знаки, хватается за подручный сельскохозяйственный инвентарь, и с воплями бросается на мерзкую тварь... или в противоположную сторону, если это не гуль, а, к примеру, экимму ^[26] или удуг ^[27]. Конечно, и среди нас не редко попадают тупые агрессивные твари, но по моим личным наблюдениям среди людей такие особи встречаются куда, как чаще!

Стоит моим спутникам узнать, кто я на самом деле... хотя бы заподозрить... и Шушуню больше не подпустят ко мне даже на полет стрелы, мальчик Тимхо никогда больше мне не улыбнется, а Симуург будет постоянно вздрагивать при каждом моем движении и незаметно вытирать руки о рубаху, с отвращением вспоминая, что когда-то дотрагивался до этой отвратительной твари. Я-то уже привыкла. Но, кто бы знал, как нелюдям порой хочется спокойствия и нормального «человеческого» обращения!

— Бездушные кровожадные чудовища, не щадящие ни детей ни матерей, не знающие ни стыда ни привязанности, не заслуживающие ни снисхождения ни права на жизнь. — Отчеканила я, стандартную формулировку, чувствуя, как от напряжения каменеет лицо.

— И потому, — одобрительно добавил учитель алхимии. — Священный долг каждого шумберца — бороться и уничтожать зло в любых проявлениях.

— Может затынем хором гимн «Его Раскаленное Копье Разит Смердящую Плоть Издыхающей Твари»?

Мое оптимистичное предложение не вызвало должного восторга. Симуург что-то тихо проворчал, натягивая на голову одеяло. Шушуня нахохлилась. Тимхо пересел к сестренке и прижал ее к себе, старательно избегая встречаться со мной взглядом.

На закоулках сознания мелькнула дурацкая мысль, что они как-то обо всем догадались. Ерунда. Защитный медальон, подаренный Хозяином, защитит мою сущность даже от зорких глаз охотников. Тогда в чем дело?

Я подбросила в костер пару веток, наблюдая, как волшебные птицы оживленно расправляют огненные крылья. Что же, у меня будет целая ночь, чтобы подумать.

* * *

Солнечный шарик уже в пятый раз перекатылся по небосклону, безнадежно исчезая в глухом мареве переплетенных ветвей. За это время лес выслушал в свой адрес столько, что ему по всем законам полагалось уже давно зачахнуть на корню и трухой рассыпаться по ветру. Но он держался молодцом, не выказывая никаких признаков надвигающейся кончины. В отличие от нас...

Впереди вместо долгожданного просвета замаячила серьезная продовольственная проблема. Отчаянных знатоков лесной флоры не нашлось, так что все ягоды и фрукты сразу отвергались нами, как однозначно ядовитые. Фауна была представлена в основном мошкаркой и комарами, которые сами были не прочь подзакусить. Изготовленный мной лук ни разу не пригодился и, в конце концов, перешел в личное пользование Шушуни, после чего в нашем погрустневшем отряде наступило временное, хоть и несколько нездоровое оживление.

Главным источником пропитания стала большая заплечная сумка с провиантом, ответственным за которую единогласно самопровозгласился самый скрупулезный, самый занудный, самый сильный волей член нашего отряда (после меня, конечно), то бишь Симург. Он оберегал заветный мешок, как будто это была его единственная дочь, а мы посягавшая на ее честь толпа портовых грузчиков. В непредназначенный для питания геш у него было невозможно выпросить даже крошечный сухарик. Но, несмотря на все меры безопасности, каждое утро еда из сумки куда-то незаметно улетучивалась. Симург хирел на глазах, подозревая бессонными ночами в обжорстве всех и каждого. Каждый клялся в собственной невиновности и угрюмо поглядывал на всех остальных, получая в ответ такие же пронзительные испытующие взгляды. С каждым днем отношения становились все более напряженными.

На шестое утро мы обреченно сидели у потухшего костра, пытаюсь понять, как из мешка (мешок в яме, яма под землей, земля под кучей веток, ветки под Симургом) за одну ночь мог исчезнуть весь провиант до последней крошки.

— А я знаю, кто все съел! — Неожиданно объявила Шушуня. — Он здесь! Я его видела! Маленький т маленький, а шустрый!

— Вы чего? — Возмутился Тимхо, не выдержав нашего укоризненно-зловещего молчания.

— Видно было, кончено плохо. — После недолгого раздумья, продолжила девчушка. — Нос у него такой длинный-предлинный...

— Клянусь богами, я ничего не брал! — Испуганно возопил Симург.

— ... голова белая, лысая в темноте аж светится!

Всеобщее внимание к моему ужасу мгновенно переместилось на последнюю подозреваемую.

— ... уши торчком, ножки махонькие, и пузо большое, волосатое!

Такой яркой внешностью уже не отличался никто из присутствующих.

— Стой, это у кого здесь уши волосатые и пузо торчком? — Округлил глаза окончательно запутавшийся Тимхо.

— Вот у него! — Гордо заявила его сестренка, вытягивая вперед пустые ладони с растопыренными пальцами. — У клюзая! Я его случайно поймала!

— У ребенка начался голодный бред! — Проворчал Симург. — И все из-за того, что кто-то из вас бессовестно сожрал все запасы.

— Шушунь. — Осторожно сказала я. — Но ведь у тебя в руках ничего нет.

— Есть! Он просто обневидился от страха!

— Не обращайтесь внимания. — Извиняющимся тоном произнес Тимхо. — Фантазерка. У нее такое бывает.

Хозяин одно время увлекался выведением новых видов нечисти, и поэтому моя память хранила в себе тысячи трактатов о реальных и вымышленных существ с начала времен до настоящего дня. Ушки? Длинный нос? Невидимость? Ни один из ныне живущих видов не подходил под такое описание. Я была склонна принять сторону Тимхо, но что-то заставило меня подойти к девочке и дотронуться до того места, где должен был находиться воображаемый воришка. Рука наткнулась на что-то пушистое и мягкое.

Шушуня горестно всхлипывала, прижавшись к брату. Впрочем, Тимхо и сам выглядел так, будто собирался заплакать.

— Мы знали эту женщину недолго, но уже успели к ней привязаться. А терять близких людей всегда трудно. — Тихо проговорил Симург, с прискорбным видом наблюдая за тем, как я вот уже второй геш остервенело трясу пустым кулаком в воздухе. — Но, к сожалению, женская психика наименее устойчива к большим нагрузкам.

Я раздраженно стиснула зубы и устроила усилия.

— Умбра, перестань, пожалуйста... — Здесь Тимхо замолчал, удивленно разглядывая появившееся у меня в руках крошечное существо. Побесившись для порядка и поняв, что вырваться не получится, клюзай, досадливо щелкнул носом, который на самом деле оказался загнутым клювом, и обвис на своем пушистом воротнике, уныло опустив длинные уши.

— Какая мерзость! Что это? — Вопросил Симург.

— Не знаю, — сквозь зубы процедила я, вглядываясь в круглые желтые глазки с вертикальным, как у змеи, зрачками. — Но если не вернет нам продукты, то это — наш поздний завтрак!

— Пустоголовые злые пустынные! — Внезапно на чистом шумберском завопила зверушка. — Да ты хоть знаешь, наемница неотесанная, кто сейгеш перед тобой висит?! Мы — великий властитель славного народа, Махнур Великолепный!

— Да мне до светильника, кто ты такой! — Окончательно озлилась я, встряхнув ушастого властителя так, что чуть не вывихнула себе запястье. — Говори, где наша еда, мелочь пузатая?!

— Мелочь!? — Оскорблено заверещал клюзай. — Так, а ну отпусти нас, пади ниц, и смиренно моли о прощении, пока мы не разгневались!

— Кто это вы? — Заинтересовалась любопытная Шушуня.

— Мы это мы, глупый пустыненнок. — Гордо сообщил зверек, обводя округу когтистой лапкой. — Великолепные искусники додо!

Мы не поверили своим глазам. Вокруг внезапно сделалось белым-бело, как будто на полянке и прилегающих к ней прогалинах в одно мгновение расцвели тысячи белых цветов. Тысячи длинных ушей настороженно топорщились на лысых макушках. Тысячи желтых глазок с вертикальными зрачками светились недобрыми огоньками. Щелканье тысячей острых клювов сливался в один угрожающий скрежет.

— Умбра, — шепнул мне в затылок Симург. — Поставь это на землю.

Но я и без его подсказок прекрасно представляла себе, как выглядит раскроенная на ленточки плоть. А еще я однажды видела, что случилось с быком, самонадеянно вставшим на пути орды странствующих муравьев...

Махнур Великолепный был со всеми возможными почестями опущен на спешно подметенный заботливыми руками Симурга каменный валун. Повелитель додо подбоченился и устремил на меня победный взгляд.

— На этот раз мы прощаем тебя, криворукая пустынноца. — Заявил он, гордо выпячивая вперед грудь с пушистой манишкой. Несмотря на его старания, круглый живот, в котором, как я подозреваю, сгинул весь наш провиант, все равно занимал лидирующее положение. — Но впредь будь осторожное и учтивее. А та еда, что хранилась в грязном мешке — наша законная добыча. Длинноногие пустынноци ходят в наш лес, и за это дарят нам разные вкусные вещи.

— Дарят?! — Вознегодовал было Симург, но сразу же благоразумно поспешил поправиться. — Да, конечно, мы ведь от всей души. Надеюсь, вам понравилось.

Додо довольно загалдели. Махнур мечтательно прищурился, мазнув по зазубренному краю клюва розовым язычком.

— Да, а потом мы благодушно позволяем пустынноцикам покинуть наш лес.

Теперь пришла моя очередь возмущаться, но благоразумно делала это молча. Моровая язва вам на оба уха! Так это из-за вас, мы тут почти неделю скитаемся. Где-то из-за мола подсознания начали неуверенно подниматься смутные воспоминания о каких-то древних и вроде бы вымерших существах похожих на додо, но тут же исчезли, уступив напору внезапной, как штормовая волна, мысли.

— Так вы сейгеш нас отпустите? — Обрадовалась я. — Мы очень спешим!

— Нет. — Категорично мотнул клювастой головой повелитель додо. — Не спешите. В нашем лесу нет вашего времени, и выйдете вы в тот же день и тот же геш, как вошли. Но прежде, нам нужна ваша помощь, мерзкие пустынноци. Особенно твоя, зловредная наемница.

Я заинтересованно хмыкнула, не удержавшись от колкости. — А разве вы не всемогущие?

Зверек повесил ушки. Теперь он выглядел расстроенным и смущенным.

— Да, мы всемогущи. — С нажимом произнес клюзай. — Но такого еще не бывало. Злой клыкач-когтяш не подвластен нашему искусству, он пришел в наш лес, не принес нам даров, и мало того, постоянно пытается нас съесть! Какое хамство!

Его соплеменники недовольно загудели, целиком поддерживая праведные гнев предводителя.

— Клыкач-когтяш? — опередил меня Тимхо. — Что за неведомый зверь? Лев, гиена?

— Нет. Четвероногих и крылатых пустынных тварей лес не пускает, только человеческих пустынноциков. Этот же пришел сам. Не живой и не мертвый, но совсем пустынный. Большой, мерзкий и злой, как все вы. Постоянно мешает нам! — Пояснил Махнур с забавным шипящим придыханием. — А вчера, он совсем потерял всякий стыд и посмел покуиться на святое, на чудесный, великолепный царский хвост!

Тяжелый вздох повелителя додо отозвался протяжным стоном в исполнении тысячи его подчиненных. И только теперь я заметила, что в отличие от остальных клюзаев, щеголявших длинными пушистыми хвостами, у Махнура сзади болтался жалкий пожеванный обрывок с желтыми следами засохшей сукровицы.

— В общем, накажите нечестивца, и можете идти с миром. — Подвел итог повелитель. — А мы щедро отблагодарим так, как вам, пустынноцикам, нравится.

С этими словами клюзай растворился в воздухе. Поляна опустела. Зато на валуне заблестела приличная горстка драгоценных камней.

— Договорились! — Крикнул Симург, озираясь по сторонам с таким энтузиазмом, будто собирался немедленно увещевать клыкача-когтяша собственными руками. — Где эта мерзкая тварь?

— Поищите. — Тихо ответила пустота. — Он всегда рядом. Вынюхивает, высматривает, выжидает...

Утренний молочный туман разлился по притихшему призрачному лесу, задумчиво закручивая позолоченные солнцем волны у края поляны, словно пряди у виска. Редкие лучи света, пробивавшиеся из-за сплоченных рядов деревьев, прочерчивали себе в неестественно четкие длинные дорожки.

Мы с Шушуней скатывали одеяла, а Симург и Тимхо ловко распахивали их по мешкам. Процесс был уже неоднократно отлажен и проходил легко, как говорится, без сучка и задоринки, позволяя в полной мере погрузиться в собственные мысли.

Я всегда считала себя докой по магии и всем разновидностям нелюдей. Оказывается, что зря. Целый заповедник неведомой нежити. Заколдованный лес! Ключаи! Клыкачи! Сейгеш моя самооценка зароется под землю. Кто же такой этот загадочный осквернитель царского хвоста? С такими крошечными размерами додо представляли собой легкую добычу практически для любого известного вида игигов, достаточно тупого и голодного, чтобы гоняться за юркими невидимыми существами. Галле? Экимму? Кто же...

С противоположного конца поляны послышался легкий шорох. Качнулись и разошлись в стороны зеленые занавеси из пышных кустов папоротника и высокой травы. Вот и ответ на вопрос. Упади небо. Лучше умереть от любопытства, чем получить такой ответ. Худший вариант даже трудно представить. Разве что из кустов выполз бы Хозяин и поинтересовался местонахождением сафьянового халата...

Это была смерть. Тощая, облезлая, прихрамывающая на заднюю лапу, но от этого не менее мучительная и скоростная. Тройной куш^[28] в холке, прочная броня из хитиновых пластин, зазубренные когти, клыки длиной с ладонь, чудовищная сила и невероятная быстрота реакции делали этих тварей абсолютными чемпионами во всех видах спорта (бегу, прыжкам, плаванию, борьбе, выслеживанию и скоростному поеданию) и не оставляли нам никаких шансов. Зверь явно шел по следу додо, увлеченно уткнувшись носом в землю, поэтому, сначала не обратил никакого внимания на четыре застывшие от ужаса фигурки.

— Поздравляю. — Еле двигая губами прошептала я. — Мы теперь знаем, кто скрывался под скромным псевдонимом клыкача. Это удуг.

Симург судорожно сглотнул подступивший к горлу комок. Тимхо побледнел еще больше, став белее ключая. Шушуна отчаянно прижалась ко мне, до боли стиснув запястье. Может быть, раньше никто из них с удугом и не встречался, но наслышаны все были достаточно. Достаточно, чтобы начинать прощаться с жизнью.

— Удуг. — Неожиданно протянул Симург, разглядывая чудовище с жадным и явно нездоровым интересом. — Он же весь состоит из бесценных алхимических ингредиентов! И сердце, и глаза, и шкура! В Ниппуре один удужий зуб стоит бешенные деньжищи...

— Что там удужий зуб. — Нервно ухмыльнулась я. — У тебя есть все шансы абсолютно бесплатно заполучить целую удужью пасть, в комплекте с глоткой, кишечником и желудком...

Тем временем измученный голодом и тщетным преследованием мелких безвкусных зверушек удуг неожиданно для себя обнаружил просторную полянку с четырьмя большими аппетитными кусками мяса, красиво сервированную мхом, скомканными одеялами и яркими цветами. Зверь даже подпрыгнул от удивления, умиленно прижав круглые уши, и радостно почти по-собачьи завилал длинным чешуйчатым хвостом.

Мои глупые надежды на его слабое зрение, притупившийся нюх, несварение желудка или склонность к вегетарианству рассыпались прахом. Можно, конечно обернуться тенью и сбежать... и потом до окончания дней скитаться по этому лесу под приятный аккомпанемент бурчащего живота удуга? Нет уж, спасибо. Или я или он!

Есть два способа справиться с такими тварями: магия и серебряный меч. Для магического поединка с крупной нежитью, у меня резерв слабоват. Пара заклинаний и в результате: ошарашенный бесплатным преставлением удуг и я в глубоком обмороке, полностью готовая к употреблению.

Значит, остается только второй вариант. Так хотя бы есть шансы умереть в честном бою, а не убогой бесчувственной тушкой. Возможно, два железных кинжала сойдут за один серебряный меч... ну, или, в худшем случае, хотя бы за пару зубочисток.

— Заберите ребенка! — Приказала я, приняв окончательное решение.

Удуг воспринял мои слова, как приглашение к столу и медленно потрусил в нашу сторону. Деловито, без лишней спешки. Уверенный, что мы от него и так никуда не денемся.

Симург и Тимхо бросились отцеплять от меня девочку. Но Шушуню, как будто подменили. Она вцепилась мертвой хваткой, вереща, как подбитая пустельга. Взгляд ясный и осмысленный еще миг назад, налился тупой злобой, под глазами залегли глубокие тени. Приступ! Упади небо, как не во время!

Наконец, Симургу удалось оттащить ее в сторону. Но девочка неожиданно ловко вывернулась и вцепилась острыми зубками ему в руку. Потекла кровь. Кровь...

Мой слух уловил тихий обиженный рык обделенного внимания удуга.

Я оттолкнула сцепившихся в один комок людей в сторону. Запоздало обернулась, прекрасно понимая, что не успеваю отпрыгнуть. Огромная переливающаяся всеми чешуйками туша летела на меня с неотвратимостью пущенной стрелы, выставив вперед растопыренные лапы. От страха трансформация произошла мгновенно. Я даже не перешла, перескочила Порог, черным силуэтом нырнув в переплетение спасительных теней от деревьев.

Гостеприимно выпущенные когти вспороли пустоту. Удуг пролетел несколько кушей, и протаранил лбом бульжник, на котором накануне сидел повелитель додо. Камень раскололся. Чудовище плюхнулось на хвост, тупо тряс башкой. Что за шуточки, уважаемые! Куда подевалось мое угощение?

Я стремительно поднялась из своего укрытия, разводя руки с бликующими в лучах восходящего солнца кинжалами. Сейгеш, пока он не видит. Ударить по открытой уязвимой шее.

— Помогите, нежить! — Надрывный, полный ужаса крик заставил меня вздрогнуть и резко обернуться. Еще один удуг?!

За моей спиной творилось нечто невообразимое. Шушуня с закотившимися глазами каталась по земле в жутком припадке, пуская ртом пену. Тимхо бестолково суетился вокруг, зачем-то пытаюсь засунуть ей меж зубов деревянный колышек. Орал Симург. Мужчина зажимал кровоточащую рану и переводил безумные глаза с корчащегося поодаль ребенка на меня, еле сдерживаясь, чтобы не перебежать на сторону удуга.

Гёт! Совсем забыла, как я сейчас выгляжу. Серая человекоподобная фигура, сплетенная из множества постоянно извивающихся щупальцев тумана, с черными провала глазниц и кривой ухмыляющейся пастью.

Хе-хе. Они среди нас! Спасайтесь правоверные! Хорошее настроение придало мне смелости, и я бесшумно заскользила к чудовищу. Момент безвозвратно упущен, но кто сказал, что не подвернется другой? Очухавшийся удуг припал на передние лапы и с интересом принялся, встопорщив щеточку усов. Одобрительно распахнул клыкастую пасть, обмахнул морду желтым языком и с мявком прыгнул мне навстречу. Я снова растворилась в клубке теней, с удовольствием констатировав перелет, но на этот раз нагло появилась уже перед мордой разъяренного зверя. Удуг бросился, не раздумывая. Желтое пузо снова промелькнуло над моей головой. Заточенные лезвия легко вспороли мягкую, незащищенные хитиновыми наростами плоть, самое уязвимое место после тонкой полоски кожи между шейными пластинами. В лицо, забивая глаза, нос и рот, хлынули потоки крови и перекрученные спирали внутренностей. Чудовище взревело так, что заложило уши. Но вопреки моим ожиданиям не отскочило в сторону и не упало без дыхания, а резко развернулось и наотмашь мазануло когтями. Я успела вырваться из последовавшего далее захвата и мгновенно переместилась в другой конец поляны по спасительному лабиринту теней. Боль пришла позже. Ужасная обжигающая волна судорог сковала правый бок, вытолкнув из горла бесконтрольный дикий вопль и заставив тело скорчиться в бессильном ужасе. В надежде облегчить мучения, я сменила ипостась. При переходе Порога иногда затягиваются даже серьезные раны. Гёт... не такие серьезные! Конечно, стало получше, но кровь никак не желала останавливаться. Неужели подреберная артерия? Тысяча гётов! Мир начал расплываться перед глазами, словно на холст с картиной плеснули ведром кислоты.

Удуг чувствовал себя не намного лучше, но это не мешало ему проявлять активную заботу о здоровье окружающих. Сосредоточенно пыхтя и вращая горящими жаждой мести глазами, чудовище поползло ко мне. Следом тянулся шлейф бурых полос. Я бы со вспоротым животом не протянула и пару гешей, а этот гад все также свеж и полон сил. Вот же сволочь! — Невольно позавидовала я. — Ведь сожрет меня, восполнит запасы крови, отлежится несколько деньков и снова будет, как новенький.

Сил на еще один переход не осталось. Как назло куда-то запропастились кинжалы. Пыхтение слышалось все ближе. Я втянула носом прохладный утренний воздух и упрямо перевернулась на живот. В глаза резко потемнело от боли. Так, не сдаваться. Ползти вперед. Каждое движение причиняло ни с чем несравнимые страдания, но я уже не обращала на это внимание, сосредоточив все силы на очередном рывке вперед. Каждый раз, как в последний. Но каждый раз я делала новый рывок. И еще. Еще раз. Ну же!

Удуг скоро выдохся, но сдаваться и не подумал. Он упорно полз в каких то пол локтя за моими сапогами, в холостую клацая клыками... пока в холостую. Упади небо! У меня вырвался нездоровый смешок. Идиотизм. Мы так скоро судоходный канал по кругу пророем. Внезапно пальцы коснулись чего-то необычно гладкого и холодного. Я приподняла голову и решила, что брежу. Тут действительно было чему удивляться. Прямо перед моим носом лежал меч. Не серебряный. Обвод без сильных наворотов. Крестообразная гарда. Простенький. Но меч!

Мгновением позже, когда рука крепко уцепилась за рукоять, глаза различили смутное очертание ушастой зверушки с длинным загнутым клювом.

— Это наш подарок. — Тихо сказал Махнур. А, может, и не Махнур, кто же их разберет. Все ведь на одну морду. — Не сдавайся, мерзкая пустынноца.

Неожиданно по всему телу пробежала легкая покалывающая волна. Боль исчезла. Магия клинка, ворожба додо... или предсмертное облегчение? Неважно, я почувствовала, что могу подняться. Заподозрив неладное, удуг дико взвыл и направил все свои нешуточные силы на последний рывок.

Я рубанула от плеча. Меч очертил сверкающую дугу, сверху вниз, почти не встретив сопротивления. Удуг повалил меня на землю, попутно раздирая в клочья одежду и кожу. Неужели я промахнулась... клинок выпал из онемевших от страха и отчаянья рук.

Ощеренная харя с горящими зеленым светом глазами застыла прямо перед моим лицом. Казалось, что удуг улыбается и лукаво подмигивает, но поперек морды внезапно появилась ярко-алая полоса. Часть черепа медленно съехала вниз, оставив жуткое овальное сечение.

Не промахнулась.

Тело зверя еще какое то время дергалось, как будто жило своей отдельной жизнью, а потом тяжелым безжизненным бременем придавила меня к земле.

Все кончено. Я с трудом выбралась из-под туши, прочистила глаза и нос от крови, немного полежала,

прислушиваясь к своим ощущениям. Как ни странно серьезных повреждений не было, только глубокие царапины под правым боком. Подтянула к себе меч, поднялась. Оказывается, Тимхо, Симург и Шушуня так никуда и не ушли. Приступ уже миновал, и девочка снова выглядела обычным ребенком. Она смотрела на меня потемневшими от ужаса глазами и молчала. Как и все остальные. Как всегда!

Ничего, главное уйти, пока они не опомнились и не бросились добивать не меру живучую нежить. В теперешнем состоянии мне хватило бы даже метко брошенного камня. Придерживая края раны левой рукой, а правой сжимая меч, стала бочком двигаться к кучерявым зарослям папоротника. Внезапно голова закружилась. Я покачнулась и упала на колени. Недовольная непочтительным обращением рана в отместку ответила такой сильной вспышкой боли, что сознание попросту выбило из меня, как пробку из бутылки с перебродившим вином.

* * *

Первыми звуками, который я услышала, придя в себя, были горестные всхлипы и громкие рыдания. Кто же это так убивается?

Покрасневшая и распухшая до размеров средней упитанности хомяка (так что тоненькие щелочки глаз еле выглядывали из-за щек) девочка возлежала у меня на груди и орошала всю округу слезами. Тимхо вторил ей, ввиду того, что моя была занята, уткнувшись в широкую грудь Симурга.

— Только хора бабок-плакальщиц мне не хватало. — Смущенно пробормотала я. — Не успела прилечь, уже закапывают. Я, конечно, знала, что вы не обрадуетесь моему выздоровлению, но могли бы хоть из приличия притвориться.

— Умбра, ты живая! — От переизбытка чувств Шушуня подпрыгнула, растревожив треклятую рану. М-да, с выздоровлением я поторопилась.

Увидев мою кислую физиономию, девочка испуганно ойкнула и отодвинулась в сторону.

— Прости, я нечаянно!

— Ничего, сочтемся. — Я огляделась по сторонам, отметив меч, лежащий по правую руку, плотную повязку через весь живот и пикантно укоротившиеся мужские рубахи.

— Умбра... — Протянул Тимхо, явно не решаясь спросить начистоту. — Ты...

— Исчадь тьмы, гнусная тварь, враг рода человеческого и тому подобное.

— Просто я никогда не слышал про такие создания. — Смущенно пробормотал мальчишка. — Ты не упырица, не перевертыш, не водяница...

Честно говоря, я сама до конца не знала, в чем именно заключается моя природа, поэтому объяснять было вдвойне тяжелее, а в том, что настало время объясниться начистоту, сомневаться не приходилось.

— Вы когда-нибудь слышали про Сайтаса?

— При чем тут Сайтас? — Удивился Симург. — Это же колдун из детской страшилки. Меня еще мама ей пугала, если не слушался.

— Дай, я расскажу. — Деловито вмешалась Шушуня. — Он живет на черной-черной горе, в черном-черном замке который охраняет черный-черный семиголовый дракон. Каждую ночь Сайтас облетает на своем черном-черном драконе все царство, и смотрит, кто из детей себя плохо ведет, не хочет ложиться спать, или не съел свой ужин. Таких он кидает в мешок, а потом сбрасывает в пропасть, кишмя кишашую голодными злыми экиму.

— А еще он похищает невинных девушек, соблазняет их и пьет их кровь, чтобы жить вечно. — Тонем знатока добавил Тимхо.

— А еще насыпает мор, ворует урожай, портит скотину. — Припомнил Симург. — И плюет в солод, отчего пиво выходит кислым.

— Хм. — Я глупо улыбнулась, слегка обескураженная размахом профессиональной деятельности Хозяина. Сознание услужливо нарисовало пугающе правдоподобную картинку: приложив ладошку ко лбу, Сайтас неустанно бороздит воздушное пространство Шумберского царства, зорко высматривая бесхозных девиц, молочные стада, вредных отроков и опрометчиво оставленные без присмотра чаны с солодом, при этом старательно сверяясь с длинным, трепещущим на ветру списком, чтобы ненароком не запутаться, кого воровать, кого портить и в кого плевать.

— Ладно, фольклористы-любители, забудьте про сказки. Правда только то, что Сайтас действительно существует. И по моим сведениям, он самый могущественный колдун нашей с вами современности, а также прошлости и будущности.

Тут я помолчала, придумывая как бы удачнее соврать, не слишком далеко уходя от истины. И в итоге выбрала золотую середину, решив ограничиться безобидными фактами.

— Однажды когда Хозяин, то есть Сайтас, решил удалиться от власти над миром и начать спокойную

научную деятельность, он ощутил, так сказать, некоторую нехватку квалифицированных кадров, которым можно было доверять. Сами знаете, как сейчас трудно найти хорошую прислугу. Каждый так и норовит то серебряную ложку стирать, то соль с ядом перепутать, а то и рецепт волшебного зелья конкурентам перепродать. Короче говоря, Хозяин поразмыслил и пришел к неутешительному выводу, что по настоящему не может доверять никому, кроме самого себя. Тут его и осенила эта гениальная идея создать свою копию, которая бы разделяла все его увлечения и интересы, обладала таким же уровнем развития и полностью от него зависела. Так он решил оживить собственную тень, что ничтоже сумняшеся, и провернул... ну, не надо делать такие удивленные глаза! Да, я — всего лишь копия колдуна Сайтаса.

— Но ты же женщина! — Воскликнул Тимхо.

— У каждого свои причуды. — Это была моя излюбленная тема для шуточек над Хозяином, но перед чужими я откровенничать не собиралась. — Сам он говорит, что женщины выносливее к боли и легче переходят границу между трансформациями.

— Придумываешь. — Неуверенно пробормотал Симруг, присаживаясь рядом на корточки. — Тогда... тогда ты должна была получить все его могущество!

— Хозяин в отличие от тебя, не гидж. У меня полностью отсутствует магический резерв, и я не могу воспользоваться ни одним серьезным заклинанием. Я выполняю для него разного рода поручения. Какие вас не касается. Что еще... недавно в награду за примерную службу, я получила отпуск, который задумала посвятить спокойному отдыху, путешествиям по интересным местами новым приятным знакомствам, чем и наслаждаюсь до сих пор.

Я предельно осторожно повернулась на левый бок, подтягивая к себе лежащую неподалеку куртку. — Теперь вы знаете всю правду. — Критический осмотр истерзанной одежды на свет вызвал горестный стон, и заставил зажмуриться от чрезмерного избытка этого самого света. — Приятно было познакомиться.

— Что ты имеешь в виду!? — Подозрительно прищурился Тимхо.

— А к чему разводить церемониал? — Ощерилась я. — Всем известно, что любой договор с игигом считается недействительным. Так что нечего стесняться, можете плюнуть мне под ноги и смело разбегаться с криками!

— Я вовсе не собирался расторгать с тобой договор!

— А как же священный долг каждого шумберца? — Это звучало настолько нереально, что я в конце разнервничалась. — Короче, хватит втирать мне уши! Не бойся, можете спокойно уходить, я вас не трону.

— Чем определяется человечность, Умбра? — Тимхо посмотрел мне в глаза. Открыто. Серьезно. Не пытаюсь спрятаться за сторонними жестами. — Не словами, не внешностью, не происхождением, а мыслями и поступками. Ты помогла мне, когда любой бы отвернулся, ты спасла нам жизнь, рискуя своей, и мне все равно кто ты. Я хочу, нет, я прошу, чтобы ты осталась с нами.

Неужели не врет? Не врет. Но ошибается. Если я когда и рисковала своей шкурой, то только ради себя, и если бы была возможность, сбежала бы без всяких сожалений. К горлу подступил комок. Я отвела взгляд.

— Что, и другие так думают?

Другие ответили мне ухмылкой в бороду с безразличным пожатием плечами и энергичным киванием, от которого косички двумя змейками запрыгали над взлохмаченной макушкой.

— Ну, тогда ладно... — Пробормотала я, тут же обзвав себя идиоткой. Эх, надо было воспользоваться возможностью и распрощаться со всей честной компанией! Вернулась бы в порт на ярмарку... потому что, чем больше я раздумывала над целью нашего путешествия, тем больше уверялась в его бесполезности. С помощью природной магии можно предотвратить недуг, затормозить его развитие, но вылечить уже существующую болезнь нельзя. Так что, скорее всего, вся эта легенда про озеро — пустая сказочка, спасающая от отчаяния, но не имеющая под собой реальных фактов. А если даже таковые и были, то наверняка за столько лет уже успели обрасти домыслами настолько, что их теперь на трезвую голову друг от друга и не отличить. У Шушуни, нет никаких шансов...

Чтобы заглушить злость и непонятное смятение (какое мне, в принципе дело, до какой-то вредной пигалицы), я принялась чаровать дыры на куртке.

— Ты что!?

Истощенный крик Тимхо застал меня врасплох.

— А что такое?

— Тебе же нельзя колдовать! — Паренек буквально вырвал у меня одежду, и с возмущенным видом уволок на противоположную сторону от черного круга кострища. — Лучше вручную зашью.

— Не волнуйся, у него золотые руки. — Шушуня осмелела и снова пристроилась рядышком, рассматривая меня, заморожено приоткрыв рот, как будто с последней встречи у меня отросла длинная курчавая борода до пояса.

— Ага, наслышана. Вернее, насмотрена. Надеюсь, рукоделие ему дается лучше, чем малеванье вывесок для корчем.

Мальчишка густо покраснел, но предпочел не ввязываться со мной в словесную перепалку, сделав вид, что полностью поглощен сложным процессом продевания строптивой нитки в игольное ушко.

А если серьезно, то в глубине моей души, вопреки желанию, зрело уважение к этому вихрастому нескладному пареньку. Ибо дворянин не гнушающийся, а главное умеющий вести хозяйство, шить, готовить и заниматься ремонтом такое же редкое явление, как скаковая черепаха. Обычно разжалованная знать предпочитает спиваться и побираться у храма или же решает финансовую проблему кардинально (кончая жизнь самоубийством), только бы не скатываться до унижительного честного труда.

Так низко пасть в глазах высшего общества, да еще и при живом то дядюшке! Я уже открыла рот, чтобы отыграться на Симурге, но он видно что-то почувствовал, нахально перебив меня на полуслове.

— Умбра, почему ты таскаешь такую странную одежду? Тебе не жарко?

— Напротив, мне постоянно холодно. — Я досадливо отпихнула назойливую девчонку, и, кривясь от боли, осторожно поднялась на ноги. — А при трансформации, вообще, мерзну. Гёт, да отойди ты, не путайся под ногами!

Последнее относилось к Шушельге, вившейся вокруг с настойчивостью голодной мухи. Вместо того чтобы обидеться, девочка шустро отбежала на безопасное расстояние и уставилась на меня с неподдельным, но явно нездоровым обожанием.

— Умбра, а ты людей кушаешь? — С надеждой спросила она. — Нет, здоровье берегу. Отстань малявка.

— Умбра, а покажи еще, как ты превращаешься в тень!

— Обойдешься.

— Ну, пожалуйста...

— Светлые воды! — Я зажала руками уши и попятилась, уткнувшись спиной в Симурга.

Как ни странно тот не стал брезгливо отскакивать в сторону и даже... галантно придержал-приобнял меня за плечи! Теперь уже отскочила я, подкрепляя свое негодование цветастым выражением на аморейском. Нет, кто кого должен бояться?

— Мы рады, что ты идешь на поправку, мерзкая пустыннощица! — Рядом возникло новое действующая на нервы лицо, то есть морда. На этот раз верховный клюзай появился в гордом одиночестве. — Как и обещали, мы щедро наградим вас! Красивыми камнями...

На земле пестрым букетом расцвел внушительный курганчик самоцветов. От счастливых улыбок и алчного сияния глаз на поляне заметно посветлело.

— ... и серебром!

Рядом шлепнулся внушительный мешочек рыжей кожи, перетянутый веревкой. В этом месте количество счастливых улыбок резко поубавилось.

— Эй, это же мой мешок! — Возмущенно подскочил Тимхо, хлопывая себя по бокам. — Ой, и папин браслет пропал!

Махнур Великолепный заморгал желтыми глазками, смущенно кашлянул, и внезапно крикнул на весь лес пронзительным визгливым голосом. — Изыкай!

— Извиняемся, ваша милость. — Пристыжено пробормотал кто-то. — Попутали-с. Исправим-с.

Тут же материализовался золотой браслет, горстка серебряных монет... и большой овальный медальон, подозрительно смахивающий...

Я ошалело пошарила за воротом рубашки, как и следовало ожидать, обнаружив бессовестное отсутствие своей собственности на рабочем месте. Когда только успели, черти?

— Забирайте, теперь это все ваше. Меч, кстати, тоже можете оставить. — Снисходительно разрешил повелитель додо, не обращая внимания на наши вытянувшиеся лица. — Дождитесь, пока зайдет светило. Следуйте за ним и выйдете, куда хотели. Все, аудиенция окончена, прощайте, пустыннощицы!

Клюзай качнул ушами, противно проскрежетал клювом напоследок, и медленно растаял в воздухе, словно клочок лесного тумана.

Закатное небо нарядилось в роскошный темный пурпур, ниспадающий сверкающими складками облаков.

— Кстати, — задумчиво произнесла я, разглаживая перештопанную куртку, которая лстыиво вздувалась на груди, хотя почему-то тремя буграми. — Я вспомнила, кто такие додо.

— И кто? — Симург оторвался от созерцания заходящего солнца и с интересом приподнял черную бровь. Где-то невдалеке слышалось журчание ручейка.

— До Великого Потопа их называли Дор-доу, живой лес. И клюзаи и лес составляют одно существо, настолько же древнее, насколько неизученное. Такой лес живет сразу в двух мирах, по обе стороны Порога. В общем, выглядит, как скопление деревьев, кустов и трав, но обладает единым сознанием и магическими способностями. С большой натяжкой можно назвать дор-доу хищником. Он заглатывает путников, а его, так сказать пищеварительные органы, клюзаи забирают у них еду и полезных вещи, наедаясь сами и одновременно

насыщая весь организм дор-доу.

— Напоминает человеческий желудок. — Задумчиво пробормотал Тимхо.

— То есть... — Симург нервно облизал губы, пораженный своей неожиданной догадкой. — Выходит нас съели, прожевали, переварили, а теперь того...

Я не стала констатировать очевидное, хотя в душе предпочитала считать себя не переваренным харчем, а специальным лекарством против удуга. К тому же солнце село и ощутимо потянуло холодом. Может оттого, что рядом находился ручей, а может...

— Давайте возьмемся за руки.

— Зачем? — Иронично скривился учитель алхимии. — Боишься темноты?

— Нет, просто дор-доу нас сейчас того, то есть выбросит в наш мир. А так как у всех разный вес, нас может расшвырять на разное расстояние. Будете потом по округе аукаться.

Я оказалась права. Мы только-только успели сцепить пальцы, как темнота вокруг сгустилась до кромешной черноты. Сердце пронзило неприятно знакомым ледяным жалом Порога. Я на мгновение прикрыла глаза, а когда открыла...

Ночь испарилась, как грозовая туча. Высоко в синем небе горело раскаленное полуденное солнце. То же солнце, что светило нам, когда нас ссадили с корабля. Трудно было поверить, но, похоже, мы действительно не потеряли ни геша, с того момента, как вошли в лес!

Казалось, мир искренне обрадовался возвращению своих блудных детей: окатил шквалом теплого ветра, организовал настоящий птичий хор, исполняющий залихватские трели, украсил траву разноцветными цветами и даже отрядил комитет по встрече, в виде двух деревенских мужиков с кувшином благоухающего ячменного пива.

Торжественная пауза в приветственной речи слишком затянулась. Сбитые с толку нашим эффектным появлением мужики, с все возрастающим подозрением рассматривали невесть откуда взявшуюся шеренгу держащихся за руки незнакомцев. Мы отвечали им тем же.

— Уважаемые, а не подскажете, как нам добраться до Элгая Зарече? — Решился вступить в контакт Симург, не забыв приветливо улыбнуться.

Мужики молча вытянули руки назад и вправо. Странно, что мы сами не заметили. За частоколом грязных желтых пальцев петляла лесная тропинка, искрилась на солнце широкая речная гладь, даже можно было различить аккуратные прямоугольники огородов и маленькие, приютившиеся на высоком берегу домики.

— Спасибо, уважаемые.

— Мы приветствуем вас в нашем лесу. — Запоздало выдавил кувшинодержец, смахивая выступивший на лбу пот. Его товарищ ограничился вежливым кивком, больше похожим на нервный тик.

— Ну уж нет! — Ноющая боль в боку и пивной запах на пустой желудок, окончательно доконали мое дурное настроение. Я резко шагнула вперед, беспардонно растолкав в стороны топтавшихся на тропинке мужиков. Семь дней моей драгоценной жизни, какому-то дор-доу под куст. — Это мы приветствуем вас в НАШЕМ лесу.

Хозяин единственной корчмы в Элгае Зарече тоскливо проводил глазами кружку, перекачивавшую с подноса разносчицы на столик. Точь-в-точь безутешная мать, провожающая любимого сына в царскую армию.

Дингир-ур с ухмылкой ухватился за ручку очередного «подарка от заведения дорогому гостю», задумчиво поболтал, но пить не стал. За два дня безвылазного пребывания в питейном заведении, знаменитая элгайская настойка на семи травках уже была готова политься у охотника из ушей, как вино из фонтана на главной площади Ниппура.

Вопреки обыкновению народу сегодня почти не было. Только рядом лениво потягивала пиво пара приезжих тамкаров, прячущихся от полуденного зноя. Неотложное присутствие дингир-ура в корчме резко повысило любовь местного населения к трезвому образу жизни и к жизни вообще. Даже самые отъявленные пропойцы и смутьяны временно приостановили свою антиобщественную деятельность, боясь показать нос из дома. Счастливые жены возносили хвалу всем известным богам. Хозяин корчмы в исступлении драл на себе бороду.

Надо сказать, и сам Асеер был не в восторге от сложившейся ситуации, измученно ерзая на просиженной лавке. Но он стал лучшим из лучших потому, что никогда не оставлял начатое дело. Рано или поздно, эти злосчастные искатели Нефритового Озера должны появиться в городе. А все пути в Элгае, как известно, ведут к корчме...

Заскрипела дверь. Якобы отгоняющие нечисть медные трубки, висевшие над порогом мелодично зазвенели. Пахнуло уличной пылью.

Стол, расположенный в темном углу давал возможность оставаться незамеченным самому, но вместе с тем хорошо рассмотреть всех входящих.

Первым вошел высокий красивый мужчина, с прямой осанкой и манерами, выдававшими знатного дворянина. Смешной. Споткнулся на ровном месте и чуть не растянулся на полу. Маленькая вертлявая девочка с луком за спиной. Нескладный смущенно улыбающийся кучерявый паренек. И... самое главное... совершенно лысая угрюмая девица сплошь обтянутая в черную кожаную одежду, с мечом, привязанным к талии чем-то вроде бельевой веревки. Бес знает, что.

Асеер выругался про себя, заметив, что девушка опять выглядит, как обычный человек. Новое заклинание или новый вид игига? Кто эти люди? Зачем они понадобились твари? Почему она не убила их до сих пор?

Дингир-ур не сумел самостоятельно найти ответ ни на один из вопросов и принял решение подождать.

Тем временем путники заказали еду и пропировали до самого вечера. Мало-помалу разговорились, зазвучал смех. Красавец откровенно флиртовал с разносчицами, которые так и вились вокруг, как гнус над болотом. Изредка мужчина бросал хитрые взгляды на тварь, словно ожидая от той какой-то реакции, но та сидела хмурая и осунувшаяся, никак не реагируя даже на попытки детей наладить с ней беседу. А когда мужчина невзначай, что-то объясняя, накрыл ладонью ее руку, дернулась, как от удара. Буркнула исподлобья, что договорится с извозчиком, приказала побыстрее собираться, и вышла на улицу.

Асеер задумчиво перекатил между подушечками пальцев засохшую хлебную крошку. Смысла убивать игига в городе не было. Агонизирующая нежить совсем теряет рассудок и может в исступлении броситься на кого-нибудь из местных жителей. Ее спутникам, пока ничего не угрожает, скорее всего, тварь нападет ночью без свидетелей. Будет лучше перехватить ее сразу на выезде из Элгая...

На заднем дворе царило оживление. Местный тамкар, только что вернувшийся из Киркука привез товарищам радостную весть — якобы пару дней назад он видел настоящего живого удуга. Большое расстояние, с которого удалось сделать столь ценное наблюдение, и постоянно увеличивающаяся скорость не помешали счастливому очевидцу тщательно рассмотреть «красные буркала, что твои колеса» (видимо, встреча застала монстра за чем-то сокровенным и трудновыполнимым, потому что обычно у удугов роговица желтая, а форма глаз миндалевидная), «триста пять штук зубов по три ряда» (лично, что ли, пересчитывал?) и (бедный удуг!) «семнадцать загребущих лап, причем все левые» (четные числа и границы разумного пренебрежительно игнорировались). По конец рассказчик окончательно посрамил все удужье поголовье, ибо та жуткая морда, которую он скорчил, изображая «страшную тварину» нагнала ужасу даже меня, не говоря уже об остальных зрителях. Народ стал наперебой делиться всеми когда-либо слышанными байками, на ходу, дополняя их новыми леденящими душу подробностями. Скоро весь двор наполнился мужицким гомоном, бабьими причитаниями и детским плачем.

Все бы ничего, но после красочного представления все извозчики, как один категорически отказались ехать куда-либо на ночь глядя и настоятельно советовали поискать себе в компанию другого гиджа, тут же предлагая на роль одного некоего Алдая. Алдаем оказался не фольклорный персонаж, как я сначала решила, а один приبلудившийся чужак. Якобы он появился в Элгае несколько лет назад. Пил напропалую и регулярно воспитывал местных мракобесов, но общественное порицание получил вовсе не за это, а за то, что, имея собственную телегу и двух ишаков, отказывался подрабатывать весьма прибыльными перевозками до Киркука, предпочитая прислуживать в корчме или помогать кому-нибудь по хозяйству.

Тощий неприятный тип, похожий на коростель (такой же крикливый и дерганый) в пол уха выслушал придуманную мной душщипательную историю, от которой прослезился бы даже удуг, и на удивление легко согласился, но при этом заломил такую баснословную цену, от которой пресловутый удуг бы просто удавился. Что же, выбора у нас не было. Как и времени. Ударили по рукам.

Я сидела под навесом нанятой телеги, дожидаясь остальных. Солнце еще не село, но, вопреки этому, уже здорово стемнело. За какой-то беру все небо сплошь заволкли черные грозовые тучи. Время от времени раздавались отдаленные похохатывания грома. Да, ночь и сезон дождей — не лучшее время для путешествий. Но с другой стороны до Киркука всего пятьдесят — шестьдесят гешей пути. Не растворимся.

От нечего делать я принялась чистить меч пучком сухой травы. Честно говоря, моя душа давно и прочно прикипела к кинжалам, и замена казалась не совсем удачной. Меч — может, и многоцелевое, но вовсе универсальное оружие. Кинжалы и легче, и метнуть можно под настроение. В дальнем бою, вообще, предпочтительнее копье или лук...

Ладно, дареному мечу на инкрустацию рукояти не смотрят. Хорошо еще эта самая рукоять одноручная. Да и длина нормальная, немногим больше куша. Одинаково удобно и колоть и рубить. Такой средний клинок дает владельцу больше безопасности и маневренности по сравнению с инертным длинным или коротким мечом, требующим доспеха или щита.

— Хороший у вас меч, нитилам. Не уступите?

Я подняла голову. Рядом стоял Алдай, заинтересованно рассматривая лежащий у меня на коленях клинок.

— Не уступлю.

— Подумайте, нитилам, полцены сброшу. Да что там, совсем бесплатно доведу. Зачем такой милой и нежной девушке оружие, небось, и пользоваться им не умеете?

— Ну не умею. — Я из чистой вредности повертела клинок в руках, как бы сама удивляясь, зачем мне, милой и нежной, сдалась эта противная железяка. — Ничего, другу подарю или дома на стену повешу. А вам он зачем? Чертей гонять?

На мгновение мне показалось, что он сейгеш меня ударит, но Алдай с безразличным видом пожал плечами.

— Нет, так нет. — И нарочито медленно, вразвалочку отправился запрягать своих ослов.

Очередной раскат грома заглушил мое запоздалое, сбивчивое извинение.

Первая заповедь охотников-зу гласит: *«Не попадись на уловки, не впускай в свое сердце ни злых ни добрых чувств, ибо единственный надежный щит между тобой и коварством игига — это равнодушие».*

Асеер уже десятый геш торчал у развилки на Киркук и злостно нарушал святую заповедь, все больше проникаясь искренней и глубокой ненавистью к этой треклятой твари. Неужели женская привычка извечно опаздывать распространяется и на нежить? Или она дожидается, чтобы он потерял самообладание и кинулся душить ее голыми руками? Это уже даже не смешно. Они давно должны были показаться. Чутье подсказывало охотнику, что твориться что-то неладное. Может, телега сломалась или тварь догадалась о преследовании?

Дингир-ур не любил провокационных вопросов, поэтому решительно, хоть и не без сожаления распрощался с такой замечательной идеей засады, и быстро зашагал назад к Элгаю Зарече.

По дороге ему так никто и не встретился до самого города. Казалось, улицы вымерли. Во дворе корчмы было все также пустынно, словно всех людей смел невиданный смерч... или кровожадная тварь? Открывая дверь, Асеер поежился, ожидая увидеть обглоданную гору трупов.

Худшие опасения начали оправдываться с самого порога, на котором лежало неподвижное тело...

Охотник склонился, чтобы рассмотреть характер ранений и в ужасе отпрянул.

От ядреного пивного перегара у Асеера потемнело в глазах и засвербело в носу.

Зато теперь стало понятно, куда подевались все горожане. Корчма была доверху набита народом, судя по лицам, до этого весело справлявшего какое-то радостное событие. С появлением охотника смех и разговоры мгновенно смолкли. Кто-то закашлялся, подавившись пивом. «Мертвое» тело на пороге тихо выматерилось и проворно отползло под ближайший стол. Звякнула, разбиваясь, оброненная тарелка. Рыжие осколки отразились в выпученных глазах схватившегося за сердце корчмаря.

— Люди, которые договаривались с Алдаем. Мужчина, мальчик, девочка и лысая женщина в черном, где они?

— Так они вроде как на Киркук собирались. — Неуверенно сказал кто-то.

— Да, точно, господин. — Поддержал его еще один голос. — Они, уже как десять геш тому назад, как отъехали.

Не может быть! Подлая тварь! Дингир-ур вышел на улицу, оглушительно хлопнув дверью.

— Чтоб ты сдох, храмовый выродок. — Зло сплюнул мельник, плечистый детинушка, который только-то величал охотника «господином». Остальные посетители одобрительно загалдели, оживленно припоминая существующие болезни и изощренные способы казни.

Асеер не успел отойти достаточно далеко, и проклятый обострившийся охотничий слух ловил каждое слово. Дингир-ур лишь склонил голову. Чуть дольше обычного прикрыл глаза. Ну и всего. Он уже привык к тому, что его все боялись. А страх вовсе не означает уважение, как опрометчиво полагают некоторые.

Страх означает ненависть.

Заполучив весь мир в свое единоличное пользование, тьма вольготно развалилась по обе стороны дороги, с большой неохотой уступая место тусклому свету масляной лампы, мерно раскачивающейся над нашими головами, да редким всполохам молний. Сплошная, хоть глаз выколи, чистопородная чернота, издревле внушающая людям священный трепет и суеверный ужас перед тайнствами, что скрывала непроглядная завеса мрака.

Но от меня у ночи тайн не было. Подчиняясь внутреннему приказу, дневное зрение менялось на иное видение, попутно изменяя все вокруг. Сжатый до светового пятнышка мир начал расти и расширяться, словно мыльный пузырь, попутно наливаясь яркими цветами и наполняясь множеством деталей. Монотонное марево неба посветлело и зазмеилось яркими очертаниями грозowych облаков, выделяя каждый завиток, каждый изгиб с резкостью мастерской чеканки.

По обе стороны дороги раскинулись поля, пронзительно белыми, словно морская пена, волнами струившиеся под широким гребнем, старательно вычесывающего их ветра. Обычно скрытые дымкой холмы и небольшие финиковые рощицы приобрели ясные формы. Я могла видеть все, что творилось на сотни кушей окрест, и то, что я видела, точнее, чего не видела, нравилось мне все меньше и меньше. Все холмы да рощи, рощи да холмы. Горным грядам Киркука давно бы следовало появиться, чтобы засвидетельствовать почтение усталым путникам.

— Эй, а мы точно правильно едем? — Окрикнула я извозчика, чья сгорбленная спина маячила на фоне облезлых ослиных крупов.

— Точно, точно, нитилам. — Сонным голосом ответил Алдай. — Спите, скоро будем.

— Сам, главное, не засни. — Пробурчала я, откидываясь на соломенный настил. Мне действительно стоит, как следует, отдохнуть. Денек выдался не из легких, и кто знает, что нас еще ждет впереди?

* * *

Я проснулась оттого, что телега остановилась. Послышался скрип. Легкий хлопок ступней о землю. Полежав подумав, я прониклась чувством солидарности с извозчиком и решила тоже прогуляться куда-нибудь в ближайший овраг. Люди налево, нежить направо.

Но не успела я слезть с телеги, как нос к носу столкнулась с Алдаем.

— Отдай меч... — Прошипел извозчик, заменив обычное «нитилам» на нечто замысловато-неприличное.

— Простите, не могу. — Не очень талантливо изображая искреннее сожаление, потупилась я. — Он дорог мне, как память о покойной бабушке. Она так любила крошить им капусту.

— Это мой меч! Больше ничей, поняла? Тебе, девка, даже не представить какие деньжищи пришлось

заплатить за ритуал!

Ага, кажется, я начала догадываться, где гиена зарыта. Богатые урожаи гиджев, жаждущих вечной молодости, всходили в Шумбере ежегодно и представляли собой неиссякаемый источник доходов разных шарлатанов и негодяев всех мастей, не брезговавших убийством ради легкой наживы. В ходе ритуала претендент на «долгие и счастливые лета жизни» должен был принести в жертву близкого, всей душой любящего его человека. Всего-то. Носи потом такой меч на поясе, подпитывай его время от времени свежей кровью и будешь всегда молод, здоров и полон сил для свершения новых «подвигов».

Это в теории. А на практике гарантия на бессмертие заканчивалась сразу после того, как мошенник скрывался с деньгами в известном только ему одному направлении. Ничего не подозревающий клиент таскал с собой заветную железку везде и всюду, не расставаясь с ней даже в сортире, пока его липовая вечность внезапно не обрывалась от удара ножом, укуса змеи, холеры или банальной старческой дряхлости.

Скорее всего, когда-то Алдай как и мы, «добровольно даровал» свое добро клюзяям, и, боясь расстаться с мечом, безвылазно проторчал в Элгае Зарече, надеясь на чудо. И вот чудо свершилось...

— Кто это был? — Тихо спросила я. — Мать? Сын? Любимая?

Ответом послужил дикий полувопль-полурыв, за которым без промедления последовал удар припрятанным за спиной ножом, смертельный... со скидкой на принцип неожиданности.

Принцип неожиданности подействовал, как всегда, безотказно. Отблеск лампы скользнул по лезвию и отразился на удивленной физиономии извозчика. Еще бы не удивленной! Останешься тут хладнокровным, если вместо того, чтобы заливаться кровью и падать плашмя на землю, жертва бесцеремонно проваливается сквозь нее. Мужик на всякий случай еще разок пошинковал воздух перед собой, вдумчиво попинал носком сапога камешки, и только потом додумался обернуться.

— А-а-а! Чудище!

На себя бы посмотрел. Выпученные красные глазки в желтом ореоле. Переливчатый сине-лиловый нос. Гнусная зеленая харя, которая по мере того как к ней от испуга приливалась кровь, окрашивалась в ровный оранжевый оттенок. После такого даже у меня возникают сомнения в необходимости ночного зрения.

Я напала первой, не дожидаясь, пока он прочистит горло.

Слегка присесть. Вынырнуть из-под плеча, как раз за спиной. Обхватить обеими руками голову. Нажим. Резкий разворот. Хруст шейных позвонков.

Разом обмякшее тело медленно опустилось на землю.

— Умбра...

Гёт, как некстати!

Из телеги, потирая глаза, выбиралась заспанная Шушуня.

— А что с дядей Алдаем?

Переборов дурацкое желание спрятать труп за спину, я шагнула навстречу девочки и успокаивающе улыбнулась. Шушуня попятилась.

Эх, совсем забыла, как сейгеш выглядит моя улыбка. Идиотка, еще бы порычала для пушного эффекта! Пришлось снова тратить силы на преодоление Порога.

— Не пугайся, пожалуйста. Дядя Алдай просто хотел напасть на нас, пока мы спим, но поскользнулся и нечаянно помер.

— Опять ты врешь. — Напыжилась малявка, складывая руки на груди. — Скажите ей!

Честно говоря, я не поняла, кому предназначалась последняя фраза, только успела почувствовать какое-то движения за спиной. В следующее мгновение в глазах потемнело от сильнейшего удара. Земля наотмашь хлестнула меня по лицу, впившись в кожу колкими травинками.

На спину, как будто взвалили огромный куль пшеницы... или, уселись сами. Чья-то наглая рука схватила меня за подбородок, задирая голову вверх. Я знала, что последует дальше. Дальше по всем пособиям ведения боя следовало быстрым уверенным движением перерезать яремную вену.

Но то ли мой противник забыл нужный раздел и решил быстренько сбежать в библиотеку, то ли просто почувствовал срочное желание отлучиться, но хватка исчезла вместе с ощущением «куля» на спине, чем я не преминула воспользоваться, откатившись в сторону и вскочив на ноги.

Творилось нечто невообразимое. Алдай, тот самый Алдай, которого я только что собственноручно со стопроцентной гарантией превратила в покойника, крутился по поляне, пытаясь скинуть с себя маленькую девочку, вцепившуюся в него всеми зубами и ногтями.

Я попыталась достать клинок. Куда там. Наскоро напутанные веревки сплелись в мертвые узлы, накрепко связав нас с мечом в общий пучок. Что же делать?

Извозчик уже совладал с разбушевавшимся чертенком, одной рукой перехватив девочку за косы, а другой занося нож.

Я вынырнула справа, одновременно выворачивая его левое запястье и наклоняясь, чтобы защитить шею и подставить под лезвие перепутавшийся комок веревки на боку. Нож прошел дальше, чем рассчитывалось, даже не задев веревки, зато вспорол толстую кожаную ткань и ощутимо впился в правое бедро, запечатлев на моем лице гримасу боли, а на лице извозчика победную ухмылку.

Но через миг наши лица поменялись выражениями, отразившись друг в друге, как в кривых зеркалах. Острие меча пробило его грудную клетку, выскочив с другой стороны меж лопаток. Я обхватила рукоять обоими ладонями, и, проскальзывая ногами по примятой траве, навалилась всем телом, вогнав клинок по самую крестовину так, что мужчина оказался крепко пришибленным к земле, а я, по несчастливому стечению обстоятельств, надежно привязанной к нему.

Алдай зарычал и задергался, извергая молнии, не хуже грозового неба над головой, а потом неожиданно затих, подмигнув мне и хитро улыбнулся. Упади небо! Да ведь он провел меня, как наивную дурочку.

Извозчик прямо таки расцветал, словно из меча в него потоком вливалась целебная Элгайская настойка на семи травах. Плечи заметно раздвинулись. Под натянутой на кости кожей забугрились мышцы, превращая суповой набор в роскошный гуляш. Темными каналами вздулись переполненные свежей кровью вены.

В общем, не успела я и глазом моргнуть, как передо мной вместо замороженного цыпленка очутился могучий великан, способный повергнуть в бегство целую орду амореев, не говоря уже про среднестатистическую нежить. Казалось еще немного и этот исполин одним мощным скачком поднимется на ноги, вместе с хлипкой тенью, висящей на одном конце меча, и квадратным кушем земли на другом.

Страх, промелькнувший на моем лице, не остался незамеченным.

— Скоро, очень скоро я до тебя доберусь. — Умиротворенным, и оттого еще более жутким голосом, произнес Алдай. — И тогда тебе не помогут твои тваревы ужимки.

Я только плотнее стиснула зубы и покрепче сомкнула руки на рукояти, лихорадочно соображая, что же делать дальше. Убежать на этот раз точно не получится, не зубами же веревку грызть. Думай, голова, думай. Что я знаю? Клинок наполнился удужьей крови и теперь передает все свои силы своему хозяину. Скорее всего, в ритуале использован простой принцип магического конденсатора. Меч и человек связаны, как два проводника с разными потенциалами. Еще! Между проводниками обычно устанавливается искусственная среда практически не проводящая магию — непроводник. Еще! Все силовые потоки направлены от меча к человеку, с увеличением расстояния магическое поле и ослабевает, а с уменьшением усиливается. Напряжение, кстати, тоже увеличивается. И что это нам дает?

— Сначала я убью тебя, потом того мужчину, а детей оставлю на сладкое! — Предвкушающее прошипел извозчик. — Их я выпью до последней капли.

— Точно, и как я сразу не додумалась!

— Что ты там бормочешь, глупая женщина? — Скривился Алдай. — Говорю же, убью сначала тебя, потом...

— Может, и женщина, может, и глупая. — Сквозь зубы выдавила я, мысленно прощаясь с еще одним годом жизни. — Но у меня в отличие от тебя высшее законченное магическое образование.

Я разжала пальцы, отпуская ощутимо нагретую рукоять.

В тот же момент в ночное небо взвился сияющий столп синего света.

Веревка на рукояти вспыхнула острозубым пламенем-циклей, немного подпалившим многострадальную куртку, и опала к ногам Ура, свобода!

Алдай отнюдь не разделял моей радости. Его тело вздрогнуло и начало резко уменьшаться в размерах, будто надутый перепончатый мешок быка, проткнутый шаловливым мальчишкой.

— Что происходит?! — Взволнованно закричал извозчик истончившимся до поросычьего визга голосом. — Что ты наделала, тварь?!

— Увеличила напряжение. — После пережитого потрясения, неудержимо тянуло упасть в обморок, но еще больше — позлорадствовать. — А избыточное напряжение вызывает пробой непроводника и полную разрядку проводников... короче, ты сейгеш потеряешь всю жизненную энергию, то есть, говоря простым языком, самым натуральным образом окочуришься.

Обтянутый рваной кожей скелет Алдая разявил беззубую пасть в страшном, отчаянном вое. — Не-е-ет! Не хочу!

Отползти я была не в силах, и чтобы не смотреть на уродливое истлевающее тело подняла глаза в небо... и на какое-то мгновенье позабыла обо всем на свете, пораженная невероятной красотой. Некогда плененные души медленно, но уверенно прокладывали себе путь к свободе. По прямым, как струна арфы, синим лучам, скользили белые сияющие силуэты. Вверх, за грозовые облака, за покровы ночи, за границы...

Надежды, которые больше не сбудутся, чувства, которых больше не испытать.

Сколько же их было?

Мужчины, женщины, старики... дети. Я не знала, кем они были при жизни, мучительна ли бы их смерть, и что

они испытывали, томившись в оковах заклинания, но сейгеш их лица были прекрасны, спокойны и даже торжественно улыбочивы, как будто там, в запределье, намечался какой-то великий праздник. Казалось, вот-вот и мимо беззаботной бабочкой, плавно взмахивая когтистыми лапами, пролетит просвещенный и преисполненный умиротворения удуг.

На этом воображение не успокоилось, пририсовав рядом меня в обнимку с Алдаем, с блаженным видом замыкающих эпическое вознесение. Я хмыкнула и перевела взгляд на своего соседа.

— Готовься, скоро твоя очередь.

Глазные яблоки, отчетливо выделяющиеся в провалах оголенного черепа, покрылись бурой сеткой отмирающих мышц, зрачки судорожно дернулись в мою сторону.

— Ты тоже сдохнешь, тварь! Охотник уже идет...

— Подожди, какой охотник? — Насторожилась я, но отвечать уже было некому.

Прекрасное сияние угасло одновременно с жуткой жизнью извозчика.

Пользуясь моментом, ветер злорадно запустил в мою вытянувшуюся физиономию прощальным приветом от Алдая — облаком едкой серой пыли. Я закашлялась, с отвращением рассматривая вогнанный в выгоревшую до черноты кочку меч. Проклятый меч.

Мерзость. Надо взять и забросить его куда подальше.

Но стоило мне коснуться оружия, как передо мной возникла девушка, поднявшая руку в упреждающем жесте. Она не произнесла ни слова, но где-то в моем сознании угрожающе прозвучал низкий чуть хриполватый голос.

— Не делай этого.

Я замерла, боясь вспугнуть странное видение. Так вот она какая, душа меча, первая жертва, та, которая когда-то любила Алдая...

Ворох длинных черных косичек. Вытемненная солнцем кожа. Курносое низколобое лицо казалось простоватым, но ореховые, хитрющие глаза первого сорванца на деревне, выдавали острый ум и бойкий неунывающий нрав. Но в то же время в них проглядывали чуждые молодой девушке усталость и желчность древней старухи. Озорная романтическая душа, сплетенная из ветра дальних странствий и жажды приключений, навечно заточенная в холодное железо...

Как такая, как она могла полюбить такого, как Алдай?

— Он был другим, наемница. И я была другой. По сути дела, тот человек, которого я любила, умер еще раньше, чем убил меня. — Девушка изобразила глубокий печальный вздох, а потом искоса глянула на меня и ядовито улыбнулась. — Вот уж не думала, что когда-нибудь буду изливать душу нежити, ну да за двести лет вынужденного заточения и удуг за приятного собеседника сойдет.

— Двести лет? — Не поверила я.

— Двести с гаком. Точно не считала. Так, слу-у-ушай сюда, сме-е-ертная и не маши уха-а-ами. — Внезапно изменившимся низким потусторонним голосом прогудела она, округлив глаза и выставив вперед скрюченные пальцы. — Ты ни в коем случае не должна выбрасывать этот меч.

— Почему это?

— Иначе тебя постигнет страшная, просто жутчайшая кара! Хек... — Поймав мой саркастический взгляд, девушка оборвала художественное подвывание, рассерженным хлопком сдвинув шапочку на лоб.

— Расплодили прагматиков, едрена вошь. — Курносая брезгливо поморщилась. — Никакого воображения. Ладно, во-первых, выбросив меня, ты останешься совсем без оружия, а оно тебе скоро понадобится. Во-вторых, заклинание не оказалось не таким фуфлом, как ты думала. Во мне еще осталась магия, и если я попаду не в те руки, могут последовать новые жертвы. Прожевала?

— И поэтому мне нужно таскать с собой меч-убийцу?

— У оружия, видишь ли, нет права выбора, только обязанность следовать воли хозяина... как и у тени.

По моей спине пробежал бодрящий, но не очень приятный холодок.

— Откуда ты знаешь?

— А я много чего знаю, даже больше, чем ты сама о себе. Все, хватит лясы тесать, в телеге должны быть ножны, забирай, так и быть, нашару. То есть даром.

— И ты согласна, чтобы тобой владела аморальная беспринципная нежить?

Девушка окинула меня пристальным насмешливым взглядом.

— Тебе не кажется, что для аморальной беспринципной нежити ты в принципе слишком много болтаешь о морали? Все, отбой. И не тереби меня без лишней необходимости.

Девичья фигурка исчезла. Я осторожно вытащила меч, очищая его от земли и пепла. Интересно, как ее звали?

— Меня уже много лет никто не зовет, тень. — Грустно прошелестело у меня в голове.

— И все же?

— Мама называла меня Лайдэ-дзи.

— Лайдэ-дзи. Стрекоза. Очень подходит. — Раздраженно думала я, Такие же огромные глазища, резкие движения и назойливая трескотня. Будут еще всякие посягать на мою беспринципность и аморальность! На что это она намекает? Да я самый безжалостный, жестокосердный и бесчеловечный игиг на свете, я...

Меч с саркастическим звоном упал на камни. Сердце пропустило пару ударов и забилося в ускоренном темпе.

Шушуня лежала в полукруге света, изредка вздрагивая от загухающих волн судорог. Свет заставил глаза перестроиться на дневное видение, вмиг сжав пространство до маленького золотистого пятнышка среди крошечной тьмы. Очертания предметов затуманились, вынуждая опуститься на колени, чтобы лучше рассмотреть детское личико. По подбородку струилась кровь, может, кровь Алдая, а может, ее собственная.

Из-под приоткрытых губ выдавались неестественно длинные, острые клыки...

Схватив ладошку, я успела увидеть, как на тонких пальчиках втягиваются страшные загнутые когти, превращаясь в обыкновенные полумесяцы ногтей. Упади небо! Да что же это за напасть?

Бесцеремонно перевернула хрупкое тельце и рванула рубашку...

На спине там, где у человека полагалось быть лопаткам, шевелились два небольших отростка длиной в пол куша, покрытые легким серым пухом.

Не может быть. Меня, как обухом по голове огрели. Лилиту!

— Светлые воды, — Прошептала я, осторожно опуская детское тельце на землю. — Так вот, какая у тебя болезнь, девочка.

Лилит (мужчины зовутся лилу, а женщины — лилиту) — это, слава богам, давно вымершие существа, некогда обитавшие в горах. Из старинных сказаний известно, что их ниспослали разгневанные боги в наказание за человеческие грехи. Прекрасные создания с белоснежными крыльями и черной душой. Убей лилит или он убьет тебя — вот, что говорит нам народная мудрость. Впрочем, и среди игигов об этих тварях сохранились отнюдь не хвалебные гимны, что тоже заставляет задуматься. Жестокие, кровожадные, повернутые на культе жертвоприношения. Не знаю, как такое могло случиться. Люди для лилит, как все прочие создания, представляли чисто гастрономический интерес. Любовь? Никакие чувства не оправдывают такого шага. Существует причина, достаточно веская, чтобы ограничить любовь между человеком и лилит романтическим держанием за руку. Разные биологические виды редко совместимы, поэтому от их брака часто рождаются либо мертвые дети либо... нежизнеспособные уроды...

В какой то момент я поняла, что к девочке вернулось сознание.

— Тебе больно? — Вопрос колючим кашлем застрял в горле. Шушуня смотрела на меня, слегка повернув голову. Испытующе, без капли страха и жалости к себе.

— Сколько себя помню. Я уже привыкла, только во время приступов становится совсем невыносимо.

Сердце сжала незнакомая прежде боль. Но она заслуживала правды, а не жало — Ты все равно умрешь. Никакая магия не лечит наследственные и врожденные пороки. Нефритовое Озеро, даже если оно и существует, не поможет.

— Знаю. — Спокойно сказала Шушуня, как будто дело касалось не ее жизни, а прошлогоднего урожая петрушки. — Я чувствую, как разрушаюсь изнутри. Только Тимхо не говори, пожалуйста, он так верит...

Мы помолчали.

— Шушельга, дальше будет только хуже. — Слова, вопреки тяжелым мыслям, давались мне легко. — Приступ за приступом, постоянная, нестерпимая боль. Растущие крылья разрушают спинной мозг. Скоро ты потеряешь возможность мыслить и связно разговаривать, перестанешь узнавать близких, превратишься в агрессивного злобного монстра. Я могу прекратить это прямо сейчас. Обещаю, ты ничего не почувствуешь...

На какое то мгновенье пелена обреченности слетела с ее лица, сменившись радостным, доверчивым огоньком надежды. Она действительно мечтала о смерти, ждала ее, словно подарка на день рождения. Но это длилось всего лишь мгновенье. Девочка нахмурила лоб и грустно улыбнулась кончиками губ.

— Нет.

— Но почему?! — Я поймала себя на возмущенном крике, и перешла на шепот. — Почему?

— Тимхо без меня не сможет.

— Ты собираешься терпеть страшные мучения только, чтобы твой братишка не расстроился?

— Ты не понимаешь! — Выступившие на глазах слезы вспыхнули злым антрацитовым блеском. — Мы семья. Я не могу его оставить, я ему нужна!

— Это твое окончательное решение?

Она отвернулась, упрямо выпятив губы.

— Умбра! — Охрипший голос Тимхо застал меня врасплох, прокатившись по нервам, словно наждак по сырому металлу. — Что с Шушуней?

Мой троюродный племянник и его дядюшка со всех ног спешили в нашу сторону. Ну вы и горазды дрыхнуть, родственнички. Это же надо спокойно проспать все светопреставление!

— Шушунь, как ты? Глаза целы? Ничего не болит? — Тимхо плюхнулся на колени, кудахча, как заботливая наседка над цыпленком. — Опять приступ, да?

— Все нормально. — Недовольно пробурчала девочка, вяло отмахиваясь от брата и поднимаясь на ноги. — Только рубашку порвала, новую надо достать.

— Тим, почему ты мне раньше не рассказал, что она лилиту?

Мальчишка, уже спешивший к телеге за рубашкой, вздрогнул, застыв соляным столбом.

— Ты знаешь... — Теперь знаю.

— Я не хотел тебя обманывать... просто не знал, как ты к этому отнесешься. Это ведь не моя тайна! Честное слово...

Подоспевший Симург остановил его душевные излияния, положив руку на плечо.

— Давай, я объясню сам. У Митичей существует старинное предание, о том, как основатель нашего рода Ратнар Странник однажды заплутал в горах, и умер бы от голода, если бы его не спасла прекрасная крылатая девушка Углая. Она тайно провела его к себе домой в волшебный город лилит и назвала мужем. Родичи лилиту прознали про это, обрезали отступнице крылья и прогнали Углаю и Ратнара из волшебного города в мир людей, прокляв влюбленных и их детей. И теперь в нашем роду через каждые четыре поколения рождается ребенок с проклятием лилит.

— И проклятие это можно снять только водой Нефритового Озера. — Встрял Тимхо. — Я сказал тебе правду, нам с Шушуней просто необходимо добраться туда, иначе просыпающаяся натура лилиту погубит ее. Теперь ты понимаешь?

— Как же, понимаю, страшное проклятье... — Умоляющий взгляд Шушуни остановил меня на полуслове. —

Ладно, надеюсь потом не окажется, что ты — гнусный оборотень, а твой дядюшка — кровожадный экимму...

— А где Алдай? — Запоздало заинтересовался Симург.

Мы с Шушуней переглянулись.

— Он сбежал. — Первой нашлась девочка. — Хотел нас ограбить, пока мы спали, а когда увидел, что мы с Умброй не спим, убежал. Мы хотели его поймать, но тут у меня случился этот приступ!

— Так я и знал, что ему нельзя доверять! Больно морда у него была уголовная! — Симург принялся костерить покойного извозчика на чем свет стоит, выплескивая пережитый страх в неумелых ругательствах и пустых угрозах. Судя по расписываемым перспективам, Алдай должен был благодарить небеса за то, что ему удалось так вовремя переквалифицироваться в ценное садовое удобрение.

Я ухмыльнулась, поворачиваясь к людям спиной и устало, разглядывая путь, по которому мы докатились до такой веселой жизни.

Длинная темная, как моя судьба, лента дороги, упирающаяся в горизонт.

Принятие решения не заняло много времени. Я обернулась к своим спутникам.

— Шушуня, посмотри в повозке за сидением извозчика, там должны быть ножны. Они мне нужны.

— Хорошо, я быстро!

— Симург, Тимхо. — Дождавшись, когда их внимание сосредоточиться на мне, я продолжила. — У нас мало времени. Берите ребенка, садитесь в телегу и уезжайте отсюда так быстро, как только сможете.

— А ты? — Глаза мальчишки подозрительно заблестели. — Ты бросаешь нас, потому что узнала...

— Не мели ерунды! — Разозлилась я. — Наш договор остается в силе, и именно поэтому мне нужно остаться здесь. Пойми, возможно, твоей сестре угрожает большая опасность. Я вас догоню... попозже.

— Что ты имеешь в виду? — Забеспокоился Симург. — Какая еще опасность?

— Нет времени и смысла объяснять! — Я схватила Тимхо за плечи и притянула к себе.

— Скажи, ты мне веришь?

К моему облегчению, недолгие, но мучительные раздумья, увенчались решительным кивком.

— Верю.

— Тогда делай, как сказано!

Порой в жизни случаются такие периоды, когда ты перестаешь себя контролировать, несешься по волнам событий, словно безвольное бревно по горной реке, и только недоумеваешь, как еще не разбился в щепки о торчащие из воды каменные уступы. Остаются лишь вопросы, на которые ты уже не в силах найти ответы, потому что сам не знаешь, зачем вообще поперся в эту реку. Просто чувствуешь, что так было нужно.

Единственное чувство, которое мне удавалось распознать в той вязкой мешанине, что залепила мой мозг, была усталость. Хотелось просто упасть, подставить лицо под крупные первые капли дождя и больше никогда не подниматься.

Но я стояла, прислонившись к одинокому сухому дереву, и неотрывно смотрела на дорогу, по которой приближалась темная фигура, зловеще подсвечиваемая всполохами молний.

Каждый шаг неумолимо отщелкивал в сторону мои сомнения, словно камушки из-под сапог. Обманчивая

медлительность движений. Закрывающий лицо капюшон. Развевающийся на ветру плащ, похожий на крылья летучей мыши. Необычное для простого смертного одеяние, состоящее из плотных облегающих штанов и длинной, до колен, канди, обшитой металлическими пластинами. Нашивку не видно, но что-то подсказывает мне, что там черный треугольник^[29]. Высокие голенища, за которыми наверняка спрятан целый арсенал кинжалов. Повязка со смертоносными серебряными лилиями через плечо. На поясе ножны, испещренные фосфоресцирующими магическими знаками.

Представитель легендарного клана храмовых охотников собственной персоной. И что я так запаниковала? Совсем не факт, что он выслеживает меня или Шушуню. Просто извозчик видел его в Элгае и решил припугнуть меня на прощанье. С таким же успехом целью охотника могли быть удуг, сам Алдай, какая-нибудь другая нечисть, или вообще оздоровительная прогулка на свежем ночном воздухе.

Спросить, что ли? Все равно медальон надежно скрывает мою истинную сущность, так что даже для дингир-ура я сойду за человека, скажем, за невинную вязальщицу снопов, решившую подработать сверхурочно и соорудить пару-тройку стогов на сон грядущий.

Я нерешительно шагнула ему на встречу.

— Доброй ночи, уважаемый. Ну и погодка сегодня, правда? — Тон вышел, что надо, зато улыбка получилась не очень приветливой, но один гёт в темноте не разберешь. — Куда же вы собрались в такую круговерть?

Мой вопрос был проигнорирован. Охотник молча, не сбавляя шага, вытащил меч и нанес молниеносный засечный удар. Упала небо, он, что тоже в темноте видит? Я заблокировала атаку и сделала горизонтальный выпад, метя в голову. Так, версия с невинной лысой вязальщицей не прокатила.

Мой противник отбил удар и ушел в сторону, явно пребывая в смятении. Он-то рассчитывал разделаться со мной одним махом. Я даже ощутила прилив гордости. Еще бы! Единственное оружие, до которого допускаются женщины в Шмбуре — это скалка, а обычные игиги вообще оружием не пользуются, больше доверяя собственным клыкам и когтям. Конечно, моя техника владения мечом еще совсем сырая, так как я больше времени уделяла тренировкам с секирой и кинжалами, считая меч малоэффективным и неудобным оружием, но в отличие от многих она (техника) у меня хотя бы была.

— Мы не знакомы. — Примирительно произнесла я. — Что тебе нужно?

Вместо ответа перед моим носом замелькали «петли». Помня о том, что «петли» призваны отвлекать внимание, я его предельно сконцентрировала, ожидая подвоха.

Дождалась. Последнее движение очередного финта внезапно перетекло в резкий дестабилизирующий удар о мой меч, после которого тут же последовала атака вертикальным ударом слева. Я с горем пополам заблокировала удар, чуть не выронив Стрекозу, с мрачной иронией констатировав, что судьба, всегда готовила для меня только лучшие, первосортные гадости. Охотник то оказался не импульсивным простачком, а настоящим, опытным профессионалом. И шансов у меня против него сейгеш, как у тростинки против лома. Если бы не отупляющая усталость, свежие раны и истощившее мое тело заклинание, если бы...

Клинок противника описал дугу, уходя вправо. Я заморожено проследила за ним взглядом, и чуть не попала. Слева меня накрыло «крылом» плаща, снижая видимость до нуля. Если бы не ночное зрение, позволяющее улавливать тепло человека даже сквозь преграды, я бы даже не заметила, как дингир-ур шагнул вперед, нанося вертикальный удар в голову. Параллельно со взмахом клинка к земле устремилась извилистая молния.

Стрекоза встретила меч противника прямо перед моим лицом, чуть-чуть не располовинив скорченную от невероятных усилий хозяйскую физиономию. Вспыхнул крест сомкнутых клинков, отражая взвившееся гигантским факелом дерево. Ха, слава богам, а я-то подумала, что у меня из глаз искры посыпались!

С головы дингир-ура как раз слетел капюшон, и я с жадным любопытством уставилась в лицо своего противника, неожиданно для себя наткнувшись на такой же заинтересованный взгляд кроваво-красных глаз из-под белых бровей. Пронзительно белые, как у старика, волосы, были собранными в высокий хвост на затылке и спускались двумя косичками от висков. В отблесках пламени они казались светло-розовыми, словно перемазанными в крови. Узкое безбородое и безусое лицо альбиноса можно было бы назвать красивым, если бы не жутковатая мертвенная бледность и маниакальная одержимость, делающие его похожим на восставшего эkkingу. Перед этим лицом такие слова, как жалось, пощада и здравый смысл казались просто смешными.

Я бросила взгляд в сторону дороги. Повозка, конечно, еще не успела скрыться из виду. Если сбежать сейчас, охотник наверняка увяжется за телегой и к своей вящей радости обнаружит там Шушуню. Еще бы, убив лилиту, он сыщет себе славу лучшего твареборца Шумбера. Может, даже орден дадут.

Страшные багряные глаза были так близко, что мне казалось, я тону, захлебываюсь в чьей-то крови. Только немного позже до помутившегося сознания дошло, что это не кровь, а хлынувший ливень.

Впервые меня не молили о помощи, не приказывали, не запрещали... в меня просто верили...

— Ну, что же, может, хотя бы скажешь, почему я умираю, дингир-газ^[30]?

Асер вздрогнул, и, обозлившись на себя, одним мощным ударом отшвырнул мерзавку в сторону.

— Потому, что ты не заслуживаешь жизни!

— Вот здорово! — Издевательски ухмыльнулась тварь, обходя его с мечом наизготовку. — А, может, я хочу жить и трудиться на благо родины? Может, у меня дети по лавкам плачут, и мужа в гареме на стенку от волнения лезут?

— Врешь. — Представив вышеописанную картинку, Дингир-ур не удержался от смешка. — У игигов не бывает детей. Все вы либо отбросы черной магии, либо гниющие последствия грязных межвидовых браков. Третьего не дано.

— А ты, значит, мусорщик, санитар полей и весей? — Она нанесла серию красивых яростных ударов, вынуждая уйти в глухую оборону. Асеер принял три атаки, приноравливаясь к движениям твари, попутно рассуждая о том, что это создание все не перестает удивлять. Нечисть, владеющая оружием, то же самое, что верховный жрец, орудующий мотыгой — ересь чистой воды.

— Да, мой долг защищать людей от таких, как ты! — На четвертом ударе охотник-зу одним сбивом меч в меч дестабилизировал оружие твари в сторону и обрушил на нее целый град ударов, под которым и без того вялая оборона окончательно превратилась в суматошное размахивание клинком, и под конец пала, вместе со своей хозяйкой.

— И что, общество тебе благодарно? — Нежить стояла на коленях, покачиваясь и неубедительно выставив вперед меч, переводя взгляд с Асеера на дорогу, как будто ожидала чего-то. Из раны в плече струилась кровь, смешиваясь с потоками воды. Тяжелое дыхание прерывалось треском сторающего дерева и шумом дождя.

Асеер стиснул зубы, жалея о том, что снова нарушил правила. Он заговорил с тварью. Перед глазами охотника возникло лицо покойного наставника. Желтая обтянутая кожей маска, быстро двигающаяся темными, резко очерченными губами.

«Тварь бесчувственна и кровожадна от природы, но от своей природы же тупа и труслива, поэтому распознав сильного противника всегда старается сбежать, атакуя только, если загнана в угол и бежать больше некуда. Если нет сил бежать, она попытается запутать тебя льстивыми коварными речами. Послушай ее, оставь твари жизнь, и она пожрет отцов, пожрет матерей, и пожрет детей. Тварь безжалостна, так и ты не знай жалости к твари...»

Что она там высматривает, в ночной тьме? Любопытство перебороло осторожность, и охотник проследил за взглядом, предварительно усилив зрение необходимым заклинанием.

Далеко, за стеной дождя, на краю неба и земли, там, где дорога уходила в высокие холмы, мелькнул и пропал край маленькой крытой повозки. Асеер горько ухмыльнулся. В этом вся гнилая сущность игига — даже стоя на пороге смерти, он еще беспокоится об упущенной добыче.

— Какая же ты дрянь. — Покачал головой дингир-ур, переводя взгляд на тварь.

Тварь улыбалась. Улыбалась вопреки всем разумным законам. Облегченно опустив плечи, как будто, наконец, избавилась от тяжелого бремени. Ехидно, самодовольно, как может улыбаться только тот, кто сделал нечто невозможное. Например, обвел вокруг пальца самого дингир-ура...

— Да, дрянь. — Улыбка стала откровенно издевательской. — Такая же, как ты. Пусть мои руки по локоть в крови, но отрицаю, но ты вообще давно в ней утонул!

— Как ты смеешь нас сравнивать! Я человек! — Лицо Асеера вспыхнуло похлеще сухого дерева, заливаясь краской гнева. Тонкая тень меча пронзила пелену дождя и черной погребальной лентой накрыла глаза игига, тут же отозвавшиеся жутким звериным светом.

— *А чем определяется человечность, дингир-газ?*

Клинок охотника безжалостно вонзился в податливую плоть земли, поднимая в воздух два крыла грязной воды.

Дингир-ур застыл, как вкопанный. С отвисшей челюстью, недоверчиво прищурил глаза. Он даже не успел толком понять, что произошло. Просто тварь внезапно обернулась сгустком темноты, проскользнула по его тени и мгновенно растворилась в ночи.

Всего однажды Асеер встречал нечто подобное.

Игиг убивший его родных людей пять лет назад скрылся точно также.

Пять лет назад юный дингир-ур с такой же дикой ненавистью и отчаяньем смотрел вслед исчезающей в ночи тени, сгорбившись над двумя мертвыми телами. Пятнадцатилетней девочки, своей младшей сестренки, и седого старца, своего наставника, посвятившего свою жизнь борьбе с тьмой и не дожившему всего ночь до своей сорок пятидесятой весны...

Никогда прежде охотник не чувствовал себя настолько озлобленным и униженным.

Это судьба. Он во что бы то ни стало отыщет этого проклятого игига, убьет и доставит отрубленную голову старому жрецу. Первое — священный долг, остальное — лишь дело времени. Куда могла направиться самоуверенная кровожадная тварь? Это же очевидно, достаточно вспомнить то, как она смотрела на ту удаляющуюся повозку. Она последует за своей старой добычей, уверенная в собственной безнаказанности. Но, к

несчастьем для нежити, Асеер знал, куда направляются эти люди. Наказание последует раньше, чем тварь себе представляет. И оно будет страшным. Потому что без справедливости, эта жизнь ничего не стоит.

Охотник-зу стоял, подняв лицо к небу, позволяя очищающему дождю смыть с кожи и души всю скверну, оставшуюся от встречи с нечистью. За его спиной плясало алое зарево. Огненная листва облетала ворохом искр и обломками догорающих веток.

Вместе со старым деревом постепенно угасало и пламя ярости в груди Асеера. Только в ушах, отдаваясь судорожными ударами сердца, все звучали и звучали те странные бессмысленные слова. Чем определяется человечность, дингир-газ... чем определяется человечность?

Ночь — это одна огромная тень мира, став частью которой, уже трудно поверить в свою самостоятельность. Это не обычная тень, ограничивающая суть каждой вещи. Она уничтожает все границы, беспощадно стирая частности и личности, а поэтому опасна. Задержись во тьме надолго, и скоро будет невозможно отличить собственное я от нас, него, нее, них, растворишься, как дождинка в океане. Чтобы выжить, здесь нужна четкая концентрация и непрерывная работа мысли. А если еще одновременно необходимо гнаться за несущейся во весь опор повозкой, костерить охотников на чем свет стоит, а потом еще и переходить Порог...

В общем, наработалась я так, что, забравшись в телегу, тут же провалилась в глубокий беспмятный сон, и очнулась только на следующий день к полудню, обнаружив над собой три физиономии подозрительной наружности.

Полный негодования крик заставил физиономии отшатнуться. В лицо тут же щедро закапала холодная противная вода с заштопанного потолка. Я окончательно проснулась, опознала наружности и завопила еще громче.

— А кто правит ослами? Мы что, стоим?!

— Но, Умбра, мы же за тебя беспокоились — Попытался оправдаться Тимхо, но я была непреклонна.

— А ну быстро за штурвал, и гоните, гоните!

— Ладно тебе, чего раскричалась? — Возмутился Симруг. — Мы только-только остановились. Пока ты спала, мы по карте отыскивали дорогу на Киркук, так что скоро уже приедем.

Я заткнулась и недоверчиво выглянула наружу. Снаружи лил дождь, покрывая все вокруг серой дымкой. Но сквозь пелену явственно проступали остроконечные горные исполины.

— И что вам никто по пути не встретился?

— Не-а, — Шушуня легкомысленно пожала плечами. — А что?

— Ничего. Просто за нами гнался дингир-ур.

В повозке на какое-то время установилась тишина. Присутствующие усердно изобразили безмолвный ужас.

— И что теперь? — Закончив придуриваться, спросил Симруг.

— Да, ничего. Я его задержала, а проливной дождь смывает все следы, так что ему вряд ли удастся нас найти.

— Ты уверена? — Тимхо взволнованно пригладил спутанные вихры. Точнее попытался, потому что непослушные волосы все равно топорщились в разные стороны, как последствия страшного взрыва в алхимической лаборатории.

— Конечно. Охотники — обыкновенные люди, как ты и... твой дядюшка, просто обученные драться и швыряться боевыми заклинаниями почему зря, летать по воздуху, читать мысли и определять местоположение предметов на расстоянии они не могут.

— Пусть только попробует нас найти! Умбра покажет этому охотнику! — Шушуня доверчиво прижалась ко мне, хлопая своими черными глазницами. — Покажешь, да?

Повинуясь внезапному порыву, я сняла свой маскировочный медальон, надев на шею девочки. — Держи, малявка, это тебе подарок на удачу.

* * *

Киркук располагался в восточной оконечности Элгайской долины. Маленький, но гордый своей древней историей городок, летописные упоминания о котором берут свое начало еще до Великого Потопа. Здесь жили воинственные и вольнолюбивые горские племена, первыми приручившие диких лошадей. Через этот город, выросший на пересечении больших торговых путей, аморейские, аккадские, эламские и шумберские тамкары перевозили свои товары в соседние государства. Через Киркук проходили орды завоевателей (тем же составом). Из Киркука выходил караванный путь на Элам. Отсюда же начинался самый главный и волнительный этап нашего путешествия.

Солнце с нашкодившим видом время от времени выглядывало из-за края туч. Мы возились на грязном дворе, перетаскивая вьючные сумки с вещами и провиантом, беспрекословно выполняя приказы маленького толстого горца по имени Тартаси, нашего проводника и караванщика. Караванщики в Киркуке — особая почитаемая каста, круче которой, разве что, только горы и боги.

Хороший и опытный караванщик может провести караван за тысячи кушей по опасным горным тропинкам, по безводью и бездорожью, через гигантские перевалы, провести так, что к последнему дню путешествия лошади будут довольны жизнью и спокойны, как только что отобедавший удав, а груз останется цел и неприкасаем, как мощи святого в храмовой усыпальнице.

Горцы вообще честный и добродушный народ, верящий всем на слово и верный своему слову. Они не никогда не потребуют расписок и договоров. Но не нужно путать добродушие с идиотизмом. Стоит хоть раз обмануть горца, и вам лучше больше никогда ездить по караванным путям и даже близко не приближаться к горам. Этот народ крепко держится родственных и дружеских связей. Если вы потеряете доверие одного горца, можете быть уверены, что профукали доверие всего местного населения.

Сразу за семьей и друзьями по горской шкале родства числились лошади — огромные страшные твари злобного нрава и неумеренной дикой силы. С ними у нас отношения не заладились с самого начала. Никто в нашей компании в скакунах не разбирался, и мы относились к ним с некоторым недоверием, холодея от одной мысли, что придется ехать верхом на этих странных длинноногих животных. Симург было попытался наладить со своим жеребцом дипломатические отношения, деликатно похлопав его по крупу, за что чуть не получил копытом в лоб. После этого уже и мы и лошади глядели друг на друга с одинаковым подозрением.

С нами в дорогу снаряжался большой караван. У всех за плечами торчали луки, сбоку болтались мечи и боевые топоры, а у некоторых на шеях даже поблескивали медальоны с розовыми боевыми заклинаньями (вся эта красота предназначалась вовсе не для впечатлительных дворовых девок, а для промышлявших в горах разбойников). Но бывалые путешественники удостаивали таких новичков хмурыми недовольными взглядами, опасаясь не разбойников, а этих ходячих арсеналов, потому что любой из боеготовых молодцев мог по неосторожности подрезать подпругу, вогнать стрелу в круп лошади или вообще подорваться вместе с неправильно активированным заклинанием и половиной каравана.

Наконец, последняя завьюченная лошадь наших предшественников, громокая кувшинами и ящиками, как целая колонна жрецов на праздничном шествии, вылетела на улицу.

Тартаси вскочил в седло, подавая знак трогаться следом. Симург, до этого самозабвенно строивший глазки скромной красавице, развешивающей белье, лихо надвинул лохматую шапку на лоб и, оглушительно присвистнув, тряхнул поводьями.

Заждавшийся конь припустил так, что учитель алхимии вылетел из седла и под аккомпанемент собственного пронзительного визга шмякнулся в лужу.

Наше буйное веселье продлилось недолго. Видя такое дело, наши лошади попытались отправиться следом за сбежавшим жеребцом, и мы, чуть не припали к груди матушки земли следом за учителем алхимии.

Через пару гешей вернулся караванщик. Тартаси почтительно отряхнул «храброго джигита» и торжественно вручил ему поводья пойманного коня, причем, (вот, что значит горская выдержка) не позволив себе даже намека на улыбку.

Сначала мы долго и уныло плелись в самом хвосте кавалькады (Шушуня, ехавшая со мной на одной лошади, даже успела вздремнуть), но потом Тартаси неожиданно свернул с широкой дороги на узкую неприметную тропу, змеящуюся между скал, и когда мы снова выехали на нормальную дорогу, торговый караван чудесным образом оказался далеко позади.

Я повернулась в седле, оглядываясь на горящую зеркалами луж дорогу, теряющуюся в засиненных тенях скалах. Где-то за ними, под невысокой, но острой, истаивающей в полуденной дымке горой, остался покинутый город Киркук.

В бездонном небе закручивалась гигантская воронка рваных грозовых туч, в которой затухающим эхом тонул мягкий перестук копыт, тихие разговоры утомленных зноем путников, медлительный перезвон бубенчика под гривой первой выючной лошади каравана. Впереди, за каменистым плоскогорьем раскинулся перевал «Небесный гребень», самая высокая точка всех дорог Шумбера.

Наш караванщик, тоже попридержал свою кобылку, чтобы насладиться неопишимо красивым видом. В конце концов, переполняющие его чувства, полились через край в виде протяжных завываний, призванных изображать песню, но на самом деле, больше напоминавшие вопли издыхающего ишака. Тартаси, очевидно, импровизировал и пел отдельными фразами, обращая то к пещере, мимо которой мы ехали, то к дереву, одиноко стоящему на склоне горы, то к нам с Шушуней, как к единственным представительницам прекрасного пола. В особо патетических местах он восторженно тряс головой, закрывал глаза и затыкал пальцем левое ухо, чтобы взять особенно высокую и противную ноту (или чтобы ненароком не оглохнуть от собственного творчества).

— Господин, караванщик! — Не выдержав, крикнула я. — Какого беса вы вытащили нас в обгон основного каравана? Разве вы не боитесь разбойников?

Маленькие глазки Тартаси хитро сверкнули из-под серой войлочной шляпы.

— Не престаало бояться разбойников тому, за кем следом идет сам дингир-ур. — Невозмутимо произнес караванщик.

Упади небо!

— Но откуда вы знаете?!

Он только снисходительно поцокал языком.

— При выезде из города мне встретился племянник Ико, которого послала моя бабка Саиша, специально чтобы передать мне, что во двор двоюродного брата мужа моей жены Гивы видели странного человека, похожего на дингир-ура, он визнавал про людей, что я веду за перевал, потом купил у моего троюродного дяди Аруша трехлетнюю кобылу серой масти и разузнал дорогу у старого караванщика Сайхэ. Сайхэ приводится мне троюродным дедом по линии матери, так что...

— Подождите. — Мои мысли окончательно запутались. Я воровато оглянулась на укоризненно молчавших спутников, и снова повернулась к караванщику. — Но вы же не проронили ни слова с самого постоянного двора!

— Для того чтобы понимать друг-друга, горцам не нужны слова! — Усмехнулся он. — Скажи, а как узнать у брата, не у него ли из отары пропал черный баран с белой правой передней ногой, голубыми глазами и сломанным левым рогом, если ты пасешь свое стадо на одном склоне, дом твоего брата стоит на другом, а между вами пропасть?

Тартаси взмахнул руками, выделявая какие-то замысловатые пассы. — Вот, это я тебе сказал, что, у вашей девочки чудные глаза, похожие на летнюю звездную ночь.

Шушуня довольно хихикнула, зарывшись лицом в мех моего тулупа.

— А вот это, — он снова изобразил серию нервных судорог. — Я сказал что, как известно, дингир-ур преследует только храмовых преступников и игигов, но я уже взялся вести вас на Перевал, и будь вы то или другое, или все сразу, доведу вас в целостности и сохранности. Торговый караван поможет нам уйти незамеченными, я уже договорился с его главой Субуки, что приходится мне свояком.

— Спасибо вам большое. — С чувством произнес Тимхо. — Для нас очень важно попасть в то место. Может, вы еще раз хотите ознакомиться с нашей картой?

Тартаси внимательно посмотрел на мальчика, прищурился маленькие хитрые глазки.

— Мне хватает один раз взглянуть на карту, чтобы запомнить ее навсегда, тем более, что я уже видел эту карту два с половиной года тому назад.

— Что?! — В один голос выкрикнули Симуург и Тимхо. — Но как? У кого?

— Два с половиной года тому назад, в дом Гильгуша брата моего свояка, того самого Субуки, приходили странные люди. Они попросили Гильгуша отвести в одном месте на карте, и Гильгуш спросил моего совета, как лучше добраться до того места, и тогда то показал мне карту...

Видя, что завладел всеобщим внимание (мы слушали, не дыша), караванщик сделал внушительную паузу (чуть не закончившуюся массовой гибелью от удушья) и, с довольным видом поправив свою серую войлочную шляпу, продолжил.

— Гильгуш привел их, куда нужно, но вместо благодарности пришлые люди стали его бранить и обвинять в обмане, так как они ожидали увидеть нечто совсем иное, нежели то, что они увидели. Они так разозлились, что чуть было не убили проводника, и Гильгушу пришлось спасти свою жизнь бегством. Позже эти люди нанимали еще семь проводников, но неизменно приходили в то же самое место. На седьмой раз они отчаялись найти искомое и убралась восвояси, и больше до сих пор не появлялись.

— Вы их видели? — Взволнованно спросил Симуург. — То есть, как они выглядели?

— Стоит мне хоть один раз взглянуть в лицо человеку, и запомню его на всю жизнь. — Певуче произнес Тартаси. — Это был отряд из десяти воинов под предводительством молодого напыщенного дворянина. В седле держались, как бараны, причем так за все путешествие ничему и не научились. На рубахе у главного была вышита звезда в алом круге.

Хм, это же знак жреца богини Инанны. Я серьезно и надолго задумалась. Значит, старый прохиндей Эру Дитрэ, настолько поверил в сказку о волшебном озере, что даже снарядил целый отряд на его поиски. Но верховный жрец города Урука не похож на наивного дурачка, и ни за что не станет пускаться в сомнительные авантюры, предварительно не проверив и перепроверив все факты. А что, если, в этой легенде, на самом деле, есть доля правды?

* * *

Через какое-то время мы окончательно разминулись с торговым караваном, поднявшись высоко в горы, и остановились у развилки четырех дорог около странной каменной постройки, похожей на трехэтажную башенку, опоясанную гофрированной лентой ступеней.

— Что это за место? — Поинтересовался Тимхо.

— Западная сторожевая башня. — Охотно просветил его караванщик. — В беспокойные времена здесь проходила граница, и постоянно дежурили двое мужчин из окрестных селений, чтобы вовремя увидеть войско неприятеля и зажечь предупреждающий огонь, видите, закопченные камни на самом верху?

— А сейчас, что? — Усердствовал в любопытстве мальчишка.

— А что сейчас? Пустует, разве что изредка ходит сюда один старый дед, упорный, как онагр, и зловредный, как пустынный демон — мой деверь Калим. Он раньше воевал с эламцами, так до сих пор сюда таскается, врагов высматривает. Чего он там может высмотреть, слепой сурок? А вздумаешь помешать, еще и посохом по спине приложит.

Тартаси помолчал, видимо, припоминая исполненные теплом и участием встречи с дедовым посохом.

— Здесь мы с вами и расстанемся. Пройдете вот по этой тропе, что ведет на закат, войдете в холодное ущелье, на склонах которого виднеются только узловатые стволы древовидного можжевельника, а потом подниметесь по узкой, как девичий стан, тропке, и окажетесь в месте, что обозначено на вашей карте.

— А вы что же? — Недоверчиво приподнял бровь Симург.

— А я ваш караванщик, господин, и буду защищать вас до последнего. Останусь здесь и попытаюсь остановить охотника.

— Остановить?! — Искренне рассмеялась я. — Дингир-ура невозможно остановить. За пособничество врагам храма он порубит вас на мелкие кусочки. Бросьте эту идею и возвращайтесь домой, вы и так сделали для нас больше, чем нужно.

— Вэх, женщина. — Тартаси широко улыбнулся, отчего его круглые щеки заблестели двумя медными шариками. — Не бери на себя слишком много. Мужчина сам решает, когда и что нужно делать.

Он с чувством похлопал себя по груди.

— Пока бьется сердце караванщика, его караван будет в безопасности. Тот, кто ищет легких путей, никогда не одолеет гору! Прощайте. Выбирайте не тот путь, что легче, а тот, что правильнее, и боги помогут.

— До скорой встречи. Удачи тебе, караванщик. — Искренне пожелала я, хотя в душе понимала, что вижу этого смешного человечка в последний раз. Что сможет сделать маленький отважный толстячок против матерого охотника?

Горская народная сказка.

Сказ про то, как баран волка перехитрил^[31].

Вел однажды баран свою отару попасть на сочный лужок, что расположен высоко в горах близ «Небесного Гребня». Глядь, а за ними по пятам бежит огромный белый волк. Красные глазища диким голодом горят, острые клыки щелкают. Вот-вот настигнет отару и не миновать всем лютой гибели.

Как раз вышло стадо к западной сторожевой башне, что издревле использовали наши отцы и деды, чтобы примечать неприятеля издалека. Кто ходил в те края знает, что у самой башни есть развилка четырех дорог. Одна упирается в неприступный склон, вторая — кривая да длинная ведет на голую вершину, третья — самая опасная, та, что сразу обрывается над бурной рекой Ишей, а четвертая — через ущелье, к тому самому заповедному сочному лужку.

Отправил баран своих овец по четвертой тропинке, а сам замел следы, обвалялся в пыли, вымазал шерсть в белой извести, и уселся у башни поджидать волка. А волк тут как тут. Глазищами красными сверкает, клыками острыми щелкает. Обнюхал все четыре дороги — нет следов. Что же делать? Видит, сидит на ступенях башни старый, седой баран, на солнышке кости дряхлые греет.

— Ты кто? — Спросил волк у барана.

— Я совсем дряхлый, совсем больной баран, господин. Не гожусь уже ни на стол, ни в отару, вот живу в этой заброшенной башне, коротаю свой век.

— Скажи, почтенный старец, — льстиво обратился к нему волк, а не побегало ли мимо тебя небольшое стадо?

— Нет, — отвечает ему наш баран, дрожащим старческим голосом. — Не пробегало.

— Врешь! — Рассердился волк. — Я знаю, что они здесь были, больше пойти им некуда. Смотри же, если не скажешь по какой тропе они пошли, я разорву тебя на сотню ягнят.

— Не трогай меня, благородный господин! — Взмолился баран. — Я все скажу, только не рви меня на сто ягнят! Они отправились по первой тропе.

Обрадованный волк поблагодарил его и со всех лап бросился по указанной дорожке. Долго бежал белوشубый по первой тропинке, торопился, но в конце концов остановился у неприступного утеса. Понял волк, что его обманули, вернулся назад к башне и набросился на барана с ругательствами.

— Ах, ты старый мешок с костями! Ты мне соврал, на первой дороге нет вкусных овечек только неприступная скала!

— Простите старика, господин. — Заблеял баран. — Это все моя старая дырявая память. Совсем я выжил из ума. Как только ваша сытость скрылась из виду, я вспомнил, что на самом-то деле, они пошли по второй дороге.

— Ну, смотри у меня. — Успокоился волк. — На этот раз прощаю, но если снова меня обманешь, отгрызу твою лживую голову!

Долго-долго бежал волк по второй тропинке, карабкался на скалы, пролезал в ущелья, и в конце концов выбрался на голую вершину горы. Понял волк, что его снова обманули, вернулся назад к башне и пуще прежнего напустился на барана.

— Ах, ты старый мешок с костями! Ты мне соврал, на второй дороге нет вкусных овец только голая вершина! Если сейгеш не скажешь, куда на самом деле убежала отара, умрешь страшной смертью!

— Простите больного старика, господин. — Заблеял баран. — Это все моя старая дырявая память. Сам порою в собственных копытах путаюсь. Сейгеш я ясно вспомнил, что на самом-то деле, они пошли по четвертой дороге!

— Вот ты и попался! — Рассмеялся волк. — Знаю я вашу скотскую породу. Ведь дело не в памяти. Ты специально указываешь мне неправильную дорогу, чтобы выиграть время, а я тебя перехитрю!

С этими словами белый волк прыгнул на третью дорогу. Так спешил зубастый догнать отару, что не заметил коварного обрыва и сгинул в горной реке Ише без следа.

Вот так хитрый баран обманул зубастого волка и спас свою отару. Вот так ум и смекалка всегда победят любую силу.

* * *

— Только попадись мне еще раз, старый мракобес. — Злобно думал Асеер, беспомощно болтаясь на уступе. — Это же надо было так попасться! Ну ты дед и...

Внизу со злорадным гулом пронеслись дикие ледяные потоки, взбиваясь у заточенных скал в белую, как трепещущие на ветру волосы охотника, пену. Из-за вывихнутого запястья, левая рука была сейгеш совершенно бесполезна. Окровавленные изрезанные пальцы правой руки из последних сил цеплялись за камни, удерживая вес тяжелого тела.

Даже стыдно умирать так глупо. Ладонь охотника медленно, и неотвратно сползала с гладкой каменной поверхности, оставляя за собой красные полосы.

О чем думает человек в последние мгновенья своей жизни? О семье, о друзьях, о любимых, о доме. У охотника ничего этого не было и уже не могло быть в принципе. Когда-то наставник подобрал на улице двух умирающих от голода детей. Пятилетнюю чернявую девочку и ее десятилетнего брата, красноглазого беловолосого уродца. Девочка уже тогда была сметлива и чудо как хороша, не удивительно, что храмовые служанки легко уступили предложению наставника взять новую помощницу. Удивительно то, что уродцу позволили заниматься с другими детьми, wybranными на специальном смотре, проводимом жрецами каждые шесть лет. Хотя для такого, как Асеер, это был единственный способ найти себе место в жизни — стать смертником. Будущие дингир-ур воспитывались в полной изоляции от мира, выпустив на первую охоту только в шестнадцать лет. Из десяти мальчиков выживал в лучшем случае один. Из трех лучших друзей Асеера после первой схватки с нежитью не выжил никто. А когда новоявленный охотник вернулся в храм, чтобы разделить свою победу и горе с близкими, обнаружилось, что делиться уже не с кем. Неизвестный игиг, подкрался в храм ночью, когда все спали и безжалостно убил девочку и старика. Сестру и наставника, за эти годы ставшего ближе родного отца.

Асеер не боялся смерти. На самом деле он погиб давно. Той ночью, вместе со своими друзьями, со своей семьей. Сейгеш происходила простая формальность.

Такова судьба охотников. Они умирают. Чтобы другие жили. Охотник-зу думал и жалел только о том, что так и не сможет принести эну города Урук голову твари.

Плащ распахнулся крыльями летучей мыши и затрепетал при падении. Длинные волосы взвились вверх, закрывая обреченное искажившееся лицо.

— Наконец-то. — Зажмурился Асеер, летя вниз, на острые скалы. — Наконец-то это кончится...

Мгновением позже раздался ужасающий треск.

И дингир-ур внезапно обнаружил, что висит над самой водой, зацепившись плащом за один из торчащих из воды каменных клыков. Рядом обнаружился мостик из валунов, как будто специально выложенный для перемещения на безопасный берег. Что же, какое бы у судьбы не было странное чувство юмора, она, все-таки, сделала охотнику недурной подарок, и совершенно не заслуживала тех ругательств, которыми так рьяно осыпал ее неблагодарный дингир-ур.

— Вот они. — Благоговейно произнес Тимхо. — Заоблачные Врата.

Я перевела взгляд с рисунка на карте, изображающего взлетающую птицу, на гигантскую каменную арку, похожую на два расправленных крыла, которые касались друг друга кончиками маховых перьев. Надо сказать, что это все действительно выглядело довольно впечатляюще. Небольшое плато, оканчивающееся резким обрывом с исполинской аркой на самом краю. Два крыла, распахнутые над страшной, теряющейся в синей дымке пропастью. И только пустынные пики эламских гор вокруг. Даже я прониклась энтузиазмом кладоискательства, простодушно поверив что у нас все получится.

— Куда теперь?

Тимхо ответил мне несчастным потерянным взглядом, никак не вязавшимся с положенным ликованием удачливого первооткрывателя.

— Чего еще? — Недовольно спросила я.

— Здесь сказано, — голос мальчишки задрожал. — Здесь написано, что мы должны пройти через Заоблачные Врата, и выйти в страну Белогорья...

— Пройти через врата? — Я подошла к краю обрыва и уперлась руками в колени, заглядывая вниз. Желудок в испуге сжался, не зная, чего ожидать от дурной головы. Энтузиазма сразу же резко поубавилась. Жуткий синий, как кожа недельного мертвеца, провал, звал, затягивал...

Я сделала шаг назад и на всякий случай, схватила за воротник рубахи вездесущую Шушуню, конечно же, не преминувшую сунуть свой любопытный нос в пропасть. Вовремя, кстати, схватила. Бездна недовольно цыкнула. На этот раз ей досталась только горстка мелких камушков...

— А ты уверен, что это ваше Нефритовое Озеро находится не в загробном царстве?

— Не знаю. — Жалко пролепетал Тимхо. — Как же такое может быть? Обрыв...

— Подожди, отчаиваться. — Вступился Симуург. — Может, здесь есть какая-то тайна, уловка, чтобы отвадить чужаков? Может, родители что-нибудь такое упоминали про Заоблачные Врата? Может, есть еще какие-нибудь запасные ворота?

— Не знаю... — Тимхо на мгновение оживился, но тут же снова скис. — Ничего такого не помню!

На него было больно смотреть. Ну вот. Всю дорогу держался молодцом, а теперь совсем расклеился.

Я неумело тронула его тугие топорщившиеся кучеряшки.

— Тим, это не твоя вина. Ты ведь с самого начала знал, что из всего этого путешествия может ничего не получиться. Нужно уметь проигрывать.

— Ты ничего не понимаешь, наемница! — Озлобился он, грубо стряхивая мою руку. — Тебе вообще нет до нас никакого дела! Лишь бы деньги свои получить и поскорее на ярмарку смыться!

— Тим, ты чего такое говоришь? — Окрикнул его Симуург. — Извинись сейгеш же!

— Заткнись. — Я поморщилась, проведя ладонью по горлу, и отвернулась, давая понять, как они все меня достали. — Мальчишка прав. Меч — дорога, деньги — закон, а слово совесть придумали трусы. Все, что мне нужно — получить обещанное серебро и успеть на последний день Семеричной Ярмарки. Нечего разыгрывать дешевых представлений.

Кто-то осторожно тронул меня за рукав, заставив поморщиться от раздражения.

— Умбра, не обижайся, он не специально. — Шушуня задрала голову, уставившись на меня своими черными глазницами. — Хочешь, я тебе песенку спою, которую мне мама всегда пела, когда я расстраивалась и спать не хотела?

— Нет. Сейгеш сюда придет дядя дингир-ур, вот ему и споешь!

Но, видно, в горах творчество не знало никаких преград и запретов.

— Птичка моя серая не летает, все из камня перышки, изо льда. — Запела девочка приятным, слегка гнусавым голоском, с детской непосредственностью проигнорировав мой категоричный отказ.

— Изо льда все перышки да из камня.

Птичка моя серая не летает.

Нарисуем птичке солнышко.

Пусть погрееется немножечко.

Тут нарисованное детским пальцем схематическое солнышко самым натуральным образом вспыхнуло желтой спиралью, пересеченной в центре восемью лучами.

— Что это? — Диким голосом прокричал Симуург, трясая меня за плечо, словно мамаша провинившегося шалопая. — Ты же разбираешься во всех этих магических штучках!

— Похоже на старое написание знака первого цикла Аш, активизирующего сложные заклинания —

Неуверенно ответила я, слишком удивленная, чтобы сопротивляться бурной встряске. — Шушунь, а ты сейгеш что сделала?

— Мамину песню пела. — Смущаясь, сказала девочка. — Мы с мамой всегда так перед сном играли.

Улыбнись нам солнышко, лед растай. Птичка моя сера полетай.

Войдя во вкус, Шушуня взмахнула скрещенными ладонями, изображая летящую птицу.

Рядом с первым знаком появился синий треугольник.

— Это же надо! — С восхищением пробормотала я. Энтузиазм медленно, но неотвратимо возвращался. —

Видно, в вашем роду заклинание передавалось по наследству, зашифрованное в детской колыбельной.

— И я помню эту песню! — Ожил Тимхо. — Птичка моя серая улетай. Вдаль, за горы снежные, через край. Через звезды, месяцы, через ночь. Через громы молнии, через дождь.

— О боги, точно! — Хлопнул себя по лбу учитель алхимии и нервно рассмеялся. — Мне ведь моя мама тоже перед сном пела эту колыбельную! Выходит, я все это время знал разгадку? Неужели все так просто!?

А тем временем пространство в каменной арке наполнялось новыми знаками, превращаясь в одно разноцветное сверкающее полотно. Под конец аквамаринной звездой вспыхнул последний знак заключительного двенадцатого цикла — ключ Хадж.

Небесные Врата величественно открывали вход в новый неведомый мир.

Там, где мгновением назад зияла пропасть, и темнели только безжизненные горные вершины, возник пологий, спящий белизной, склон. Белогорье?

Девочка коснулась невидимой грани между мирами растопыренной ладошкой, отчего пространство пошло легкой сияющей рябью, затем пожала худенькими плечиками и бесстрашно шагнула вперед. Следом, не мешкая, с вдохновенными лицами промаршировали Симург и Тимхо. Миновав Порог, мальчишка обернулся, как ни в чем не бывало, улыбнулся и зазывно помахал рукой, что-то отчаянно крича.

Грань поглощала все звуки, и поэтому до меня не долетело ни слова. Я лишь качнула головой в ответ, не торопясь следовать приглашению.

Я знала о существовании врат в другие миры, но никогда прежде мне не доводилось увидеть такое чудо воочию. Трудно было определить, чем мне грозило это путешествие.

— Узнать бы еще, что и кто меня ждет в этом прекрасном новом мире. Здесь всего один назойливый охотник и один мерзкий колдун, а вдруг, ТАМ они оравами ходят и уже плечами толкаются, выясняя кому первому испортить мне настроение? — Вслух посетовала я, уверенная, что меня никто не слышит, и поэтому неприятно удивилась, когда в ушах раздался саркастический смех, и передо мной, щуря хитрые искристые глаза, возникла беспокойная душа меча.

— Мне запрещено раскрывать будущее.

— Может, хотя бы, слегка намекнешь, а?

— Могу, конечно, но у вас же смертных на этой почве и закупорка мозгов случиться может. Чуть что, макитра набок — и хана. — Развела руками несносная Лайдэ-дзи. — Кстати, история на эту тему есть. Как-то один жутко добрый и мудрый дух, навроде меня, внял уговорам и слегка намекнул эламскому царю Эакию, что того ждет опасность от воды. Если Эакий раньше нормальным мужиком был, то после этого дела бросил пить, кардинально перестал мыться, к вящей радости послов перенес свою резиденцию высоко в горы, подальше от всех водоемов и в довершение всему пошел войной на соседнее государство, виновное только в том, что располагалось на берегу реки. В итоге бедолага потерял и трон и рассудок, превратившись в щабного вшивого параноика. Это уже потом выяснилось, что призрак таким оригинальным образом предупредил царя об опасности поскользнуться на мокром полу. Прожевала? Мораль этой истории...

— Не хочешь помогать, так не мешай мне думать! — Разозлилась я. — Голова уже от твоей трескотни раскалывается!

— Слушай старших, девочка. За несколько веков у меня накопился внушительный...

— Старческий маразм!

— Ах вот как у тебя песня полилась?! Сама тогда выпутывайся, халда неблагодарная. А я для нее еще из ножен вон лезу!

Стрекоза выругалась и, демонстративно плюнув в мою сторону, исчезла.

За спиной почудилось какое-то движение. Хм, слава богам, не многовековой, но какой-никакой опыт общения с типами вроде Алдая у меня накопился...

Она стояла на краю обрыва перед огромными каменными вратами, через которые совершенно невообразимым образом открывался вид на покрытый снегами горный склон, оно же там по всем законам этого мира не должно было быть.

Асеер не знал, что это за бесовское наваждение, но отчетливо понимал, что еще один шаг и, тварь безнаказанно ускользнет, в очередной раз оставив охотника в гиджах. Как будто издеваясь, девушка подняла руку,

словно отмахиваясь от назойливого насекомого. Внезапно нахлынувшая дикая ярость заставила дингир-ура позабыть об усталости, оружии, здравом смысле и обо всем, чему его учили. Асеер бросился на нежить с голыми руками, одержимый только одной мыслью — убить тварь!

В самый последний момент девушка резко присела, принимая вес нападавшего на плечи, и перекинула разогнавшегося охотника через голову, тут же бросаясь на него сверху. Противники вцепились друг в друга, как две дикие кошки, покатались по камням рычаще-шипящей кучей-малой, не разбирая дороги, и...

На полном ходу влетели прямо в арку.

Плато опустело.

Отпущенное на действие заклинания время вышло.

Встревоженный ворох мелких камешков пронесся через каменные крылья, застывшие гигантским безжизненным изваянием, и с легким шорохом посыпался в ужасную пропасть.

Заоблачные Врата брезгливо выплюнули дерущихся в ближайший сугроб, и с чувством выполненного долга превратившись в пустую мраморную беседку о двенадцати колоннах на заснеженном горном склоне. Уже совсем в другом, неведомом мире.

В результате очередного кульбита мне удалось вырваться из цепкой хватки и прижать охотника к мерзлой земле.

— Вот ты и попалась, тварь. — Прохрипел он, награждая меня коварным тычком в шею, от которого на мгновение свело мышцы. Еще бы немного правее и все, полный паралич. Получилась бы статуя в оригинальной позе.

— Как же ты меня достал! — Окончательно озверев, я, что было сил, сдавила проклятое охотничье горло. — Сейгеш ты у меня получишь, храмовая морда... ай!

Весьма ощутимый удар по голове может отвлечь кого угодно от чего угодно, даже от такого приятного занятия, как умерщвление ненавистного дингир-ура.

— Не тронь!

Я оглянулась и с величайшим удивлением увидела за своей спиной Тимхо, сжимающего в руках тяжелую сумку с провиантом, а также спешащих к нам Симурга и Шушуню. Следующий удар пришелся мне прямо по лицу, чуть не сломав нос. Из образовавшейся в холстине дырки посыпались мокрые осколки кувшина, куски вяленого мяса и ячменные лепешки.

— Огхраш ан из хыр! — Взвыла я, вскакивая и хватаясь за кровоточащую переносицу. — Тим, ты чего, сдурел?!

— Он просто понял твою истинную суть, тварь! — Раздался снизу донельзя довольный голос. — Долг каждого Шумберца...

— Умбра... это ты?

— Нет, твоя троюродная тетушка, будь она неладна! — Я ненадолго отняла ладонь от пострадавшего органа, специально чтобы бросить на паренька гневный многообещающий взгляд.

Гнев мой, конечно, страшная штука, но не настолько же.

Тимхо пятился, воинственно держа свое обвисшее оружие за плечом и переводя глаза с меня на... сидящую в снегу лысую девушку в черной кожаной одежде.

Три раза прочитав про себя хвалебный гимн Ур-Намму, я снова открыла глаза, но кошмар так никуда и не исчез. Упади небо!

— Что это значит? — В который уже раз вопрошал кошмар, прищуриив серые глаза. Лысая макушка сияла на солнце не хуже начищенного медного таза. — Что ты со мной сделала?

— Мы обменялись душами. — Голос был чужой. Хриплый безжизненный голос храмового убийцы. В лицо постоянно лезли противные длинные пряди волос. И рассказывала я скорее себе, чем кому-то еще. — При переходе через Порог между мирами, частицы души и тела разделяются на два отдельных потока, так как передаются по разным каналам, и после Порога соединяются снова. Может, мы находились в слишком тесном физическом и эмоциональном контакте, а, может, обладаем схожим строением на каком-то уровне. Одним словом, потоки частиц каким-то образом перекрутились, и вышло то, что вышло... но, в практике такие случаи не редкость, — добавила я уже более оптимистично. — Скоро все должно исправиться само собой. Главное постоянно находиться рядом, желательно в физическом контакте.

— То есть ты хочешь... — девушка угрожающе нависла надо мной, искривив разбитые губы в страшной ухмылке. — Чтобы я, охотник-зу, носил личину гнусного испражнения тьмы и ходил с ним рука об руку?!

— Слушай, хватит обзывать. Мне, между прочим, тоже не нравится твоя мерзкая дингирская физиономия, но я же не называю тебя отрыжкой света, народным геморроем или божественным энурезом?

Он замолчал, часто хлопая ресницами. Я с победным видом оглянулась на своих спутников, которые все это время настороженно следили за нашей перепалкой, и довольная собой продолжила. — А потому, предлагаю заключить недолгое перемирие, до тех пор, пока мы не вернемся в свои тела. Сразу же после этого счастливого момента, мы устроим поединок, и ты сможешь защитить поруганную честь в бою. Меня, кстати, зовут Умбра.

Я вытянула вперед руку... и еле сдержалась, чтобы не шарахнуться в сторону, вовремя сообразив, что эта огромная измазанная кровью пятипалая лапа и есть моя рука.

Девушка, стоящая напротив, ответила мне тяжелым насмешливым взглядом. Каким бы охотник-зу не был помещанным фанатиком, гиджем он не был (или, по крайней мере, пока решил в этом не сознаваться). Руку он не принял, ограничившись легким кивком, только выдавил сквозь зубы.

— Зови меня Асеером.

Идиллическую сцену братания игига и дингир-ура прервало громкое хлопанье. Солнце заслонили темные силуэты, и в сугроб вокруг нас с хрустом опустились десять крылатых воинов. Я оглянулась на закрытые ворота и в который раз за это путешествие поймала себя на мысли, что нам конец. Десять вооруженных лилу — это похуже,

чем мерзкий колдун, гнусный охотник-зу взятые вместе и помноженные на все удужье поголовье Шумбера. Эх, чувствовала же, что не надо было соваться в этот мир!

— Именем пустующего трона, — Высокий лилу с хитрыми глазами камышового кота сделала шаг вперед, обнажая в прорезе меховой юбки мускулистую ножку в кожаном сапоге. — Вы задержаны за нарушение границы и будете немедленно сопровождены в крепость для досмотра, выяснения личности и уточнения...

— Рецептуры приготовления. — Обреченно простила я, всматриваясь в расплывчатую черную точку на вершине противоположенного склона, на которую указывал старший лилу. Мало того что впереди нас, однозначно, не ожидает ничего хорошего, так до этого «ничего» еще и придется топтать ого го сколько гешей по жуткому холоду.

* * *

Как ни странно, ни пытаться, ни убивать нас по прибытию не стали, оружие не отобрали и даже напоили горячей похлебкой, оставив дожидаться аудиенции некоего совета трех.

— Это же другой мир? — Привязался любознательный Тимхо. — А мы их все равно понимаем, почему так?

— Да, откуда они знают Шумберский? — Поддержал его Симург, которому явно было нечем себя занять, и он, как обычно, решил донимать окружающих.

— Да не знают они никакого Шумберского. Просто при переходе границы между мирами наше тело и сознание неотвратимо преобразовывается, перестраиваясь под законы нового мира. Все накопленные языковые данные, хранящиеся в твоём сознании, также преобразуются в один из наиболее похожих по фонетической, грамматической и семантической структуре языков. Если ты знаком с несколькими языками, возможно, в этом мире тоже сможешь изъясняться с несколькими разными народами. Кстати, несмотря на то, что смежные миры во многом схожи, при переходе Порога у некоторых существ может помутиться рассудок, случиться провал памяти или какая-нибудь другая пакость.

Я украдкой глянула на охотника, но тот безучастно стоял поодаль и переживал свалившиеся на него несчастья в скорбном молчании.

— Ты сказал... ла «схожи». — Не отставал учитель алхимии. — Значит ли это, что цивилизация здесь находится на том же уровне развития, что и наша. Я имею в виду социальную, экономическую, политическую и культурную сферы.

— Нет, не значит. Миры редко соприкасаются одинаковыми временными гранями. Этот мир может отставать или опережать нас в развитии на несколько тысячелетий.

На этом месте познавательную лекцию пришлось свернуть, потому что ворота нашей камеры с лязгом открылись и хриплый насмешливый голос произнес. — Совет трех готов принять вас.

Не смотря на то, что на подготовку у совета ушло достаточно много времени, мужик, сидящий в центральном кресле тускло освещенного зала, выглядел так, словно его только что с большим трудом подняли с постели после долгой и бурной гулянки. Помятое лицо, полуприкрытые гноящиеся глаза (по совести говоря, зрение у Асеера было намного лучше моего, позволяя рассмотреть окружающий мир в мельчайших подробностях), седые спутанные волосы, уныло стелящиеся по полу серые крылья. Видимо его товарищей вообще не удалось добудиться, потому что два крайних кресла пустовали.

Лилу размежил веки и обвел нас болезненным усталым взглядом.

— Вы имеете честь беседовать с управителем Западной Сторожевой Крепости Ибрахимом Мувтой. Ну поведайте мне. — Зычным, не вязавшимся с его чахлым состоянием голосом приказал он. — Зачем вы, пытались покинуть границы Великой Империи и проникнуть в Проклятые Земли, зная, что сие запрещено?

Я ехидно кашлянула, собираясь поведать, что на самом деле мы пытались проникнуть в обратном направлении, но Симург упреждающе стиснул мое запястье.

— Почтенный господин, — вежливо поклонился учитель алхимии, бросая на меня умоляющий взгляд. — Мы приносим свои искренние извинения, но мы чужестранцы, и если и нарушили какие либо законы, то сделали это по незнанию, без злого умысла.

— Значит вы чужестранцы. И что же, позвольте спросить, заставило вас покинуть свою родину, мать вашу?

— Ну... мы ищем одно озеро высоко в горах...

— Вы ищете озеро. — Недобро улыбнулся член совета. — Может, еще признаетесь, что вы прибыли сюда из другого мира через Заоблачные Врата?

— Мы не хотели рассказывать, но раз уж вы сами знаете... — Развел руками Симург, как и я, удивленный такой прозорливостью. — Да, мы пришли к вам из другого мира, чтобы найти Нефритовое Озеро...

Тут учитель алхимии замолчал, захваченный врасплох странной реакцией собеседника.

— Я вам покажу озеро! — Закричал Ибрахим, ударяя кулаком по подлокотнику. За спиной управителя сторожевой башни с хлопком распахнулись два широких серебристых крыла. Свиток, оброненный перепуганным служкой, развернулся у наших ног охровой дорожкой.

— Придут избранные через Заоблачные Врата, через Проклятые Земли, и один из них займет пустующий трон, и империя, наконец, обретет императора, и вернется в мир порядок и справедливость! — Продолжал орать лилу, как тугоухий глашатай на главной площади. — Совсем совесть потеряли! Наслушаются древних пророчеств в кабаках, а потом кого на границе с контрабандой не поймай, так «я, мол, избранный, иду спасать мир». Ну ничего, ходили бы в библиотеку, вместо кабаков, дочитали бы пророчество до конца, и знали бы, что избранным может быть только лилу с белоснежными крыльями. А белокрылы у нас уже многие столетия не рождались!

— Что за шум, и драки нету? — Звонкий мужской голос прозвучал иронично и вместе с тем успокаивающе. В зал вошли двое: высокий молодой чернокрылый лилу с темными блестящими волосами, разделенными на аккуратный пробор, и скрюченный вопросительным знаком меднокрылый старикашка. Проходя мимо, дедок успел игриво ущипнуть Асеера чуть ниже спины, чем ввергнул последнего в полуобморочное состояние.

— Да вот, опять шайку избранных поймали, шли спасать мир с утра пораньше. — Совсем другим, деловитым тоном произнес Ибрахим. — Все, ледяные бороды открыли пещеры. Сезон торговли самоцветами начался. Теперь косяком попрут.

— Что ж вы все этот мир спасаете, спасаете, да никак не спасете. — Вдохнул чернокрылый, наблюдая, как его бойкий коллега с кряхтением взбирается на свое законное место по правое крыло от Ибрахима. Тем временем старичок устроился, многозначительно подмигнул окончательно обмершему Асееру, и махнул рукой окружавшим нас воинам.

— Обыщите их на предмет волшебных амулетов. Оружие оставьте при них, ибо имперским воинам незачем оскорблять свою честь страхом перед жалкой кучкой проходимцев.

Трофеями стражников оказалась моя (то есть охотничья) связка охранных печатей, золотой браслет Тимхо, и мой (то есть уже Шушунин) маскировочный медальон.

— Так, кто тут у нас? — Чернокрылый поднес тонкие пальцы к вискам, поправляя серебряный обруч с овальным рубином посередине. В этот же миг из камня вырвалась вспышка яркого красного света.

— Человеческий мужчина, еще один человеческий мужчина, — забубнил себе под нос колдун (я только ухмыльнулась). — Человеческий детеныш (Тимхо обиженно нахмурился)... хм, очень интересно, какой-то новый вид нежити (Асеер побледнел еще больше, звучно заскрипев зубами), надо будет разобраться на досуге, и...

Голос на мгновенье оборвался, словно у говорящего внезапно кончился воздух.

— Не может быть... Ан'геллу Цева!

Последние слова прозвучали, как крик «жрецы йдут!» в разгар внепланового кооператива на дальнем храмовом поле, когда ушлые мужики уже выпили не один кувшин пива, закусив это дело укупанной здесь же освященной репкой, оную должны были усердно пропалывать. Члены совета переменялись в лице (естественно, не в лучшую сторону) и на какое-то время потеряли дар речи, обмениваясь испуганно-вопросительными взглядами.

— Ханой, ты не ошибся? — Хрипло уточнил Ибрахим, облизывая тонкие губы с окантовкой из мелких морщин. — Девочка...

— Когда Ханой ошибался, старый пень? — Раздраженно проскрежетал дедок, выбираясь из своего с таким трудом покоренного кресла и опускаясь на колени. Прямо на холодный каменный пол. — Приветствуйте свою госпожу, болваны!

Ибрахим и Ханой, не раздумывая, последовали его примеру. Встревоженная страшным лязгом, я обернулась и обнаружила распростершихся на полу стражников. Это что, какой-то древний обряд задержания контрабандистов или специфическая пытка, направленная на выведение жертвы из душевного равновесия? Если так, то способ работает. Лично я уже была готова во всем признаться...

Но тут к общему «лилитопад» добавился новых хлопок. Детское тельце забилося в судорогах, извергая изо рта белую пену.

— Лекаря! — Правильно сориентировавшись в ситуации, заорал чернокрылый маг. — Быстро!

Тут же, будто все это время, дожидались под дверью, в зал ворвались двое здоровенных мужчин (оказывается люди у них не только в меню, но и на службе) и один чернокрылый седовласый лилу. Девочку в одно мгновенье подхватили на руки и сноровисто утащили куда-то в неизвестном направлении.

— Да не стойте, вы истуканами! — Возмутилась я, расталкивая в стороны Симурга и Асеера, чтобы броситься следом, но меня кто-то схватил за руки. Я опешила, но тело дингир-ура отреагировало самостоятельно. Вцепившийся в меня лилу кувыркнулся в воздухе и врезался в противоположную стену. Не такие они и могучие! В приливе вдохновения я увеличила счет до трех, когда меднокрылый старик властно поднял руку. Повинуясь беззвучному приказу, окружающие нас стражники отступили.

— Возможно, вы не поняли. — Успокаивающе произнес черноволосый. — Кем бы не доводилась вам эта

девочка...

— Она моя сестра! — Запальчиво воскликнул Тимхо, сжимая костлявые кулаки.

Колдун Ханой понимающе кивнул. — Но прежде всего, она — лилиту, потомок старшего рода повелителей Цева, а поэтому жизнь этого ребенка для нас поистине бесценна, и ни один лилит, независимо от цвета перьев и убеждений, не сможет причинить ей зла. Белокрылые всегда были священной кастой, кастой повелителей. Только белокрылый может управлять империей, и твоей сестре мальчик, суждено стать нашей госпожой. Трон империи пустует уже несколько столетий. Раньше один белокрылый приходился на десять тысяч пестрокрылов, а теперь повелители исчезли вовсе. Каста у нас — нечто большее, чем условность. Есть темные кедошим, наделенные магическими силами, есть огненные серафим, награжденные физическим совершенством, из них выходят лучшие воины, есть серые сарим, обладающие высшей мудростью и талантом управления, есть... то есть когда-то были светлые Цеву, соединяющие в себе достоинства всех каст, а также великий дар управлять энергией мира и ведающие высшей справедливостью. Наши летописи рассказывают о том, что император Цеву Иан когда-то открыл Заоблачные Врата и попытался проникнуть в соседний мир. Первыми, конечно же, отправились самые достойные во главе с императором (хм, интересно, а вот у нас в Шумбере, обычно первыми отправляются самые ненужные).

Когда они вернулись, то оказались совершенно безумными, превратившись в настоящих демонов, безжалостно и жадно убивая своих же собратьев. А так как наши законы запрещают поднимать руку на белокрыла, чтобы он не сотворил, эти безумцы успели причинить много зла и даже сыскать себе таких же кровожадных сторонников. То была поистине кровавая эпоха, продолжавшаяся, пока младший сын императора Цеву Эду не объединил под своим командованием войска и не пошел против обезумевшего отца и его приспешников.

Старый император был пленен, прокляв (ну вот, опять про проклятия!) потомков своего сына и свой народ, и сослан со своими поделщиками обратно в тот страшный мир за Заоблачными Вратами (вот спасибо, нам как раз только их и не хватало!). С того времени белокрылы больше не рождались. Впоследствии перед смертью Эду оставил пророчество, согласно которому Заоблачные Врата, забравшие наших повелителей, подарят нам нового императора. Теперь вы понимаете?

— Мне все равно, найдите кого-нибудь другого!

— Как ты разговариваешь с членами совета, щенок! — Прокаркал меднокрылый.

— Но девочка серьезно больна! — Встрял Симург.

— Да, ее может спасти только Нефритовое Озеро! — Подхватил Тимхо. — У нас и так осталось мало времени.

Вы должны вернуть нам Шушуню!

— Вам не следует беспокоиться, чужеземцы. — Оглядываясь на своих коллег, произнес Ибрахим. — Забудьте про Озеро, это всего лишь старинная легенда, выдумка. Мы найдем лучших лекарей империи. Да что там империи, всего этого мира!

— Но вы ничего не понимаете! — На раскрасневшихся щеках мальчишки заблестели мокрые дорожки. — Вы... вы ее убиваете!

— Чушь! — Отмахнулся меднокрылый старик. — Что ты такое несешь?

— Мальчик прав! — Внезапно для себя выступила вперед я. — Девочка не чистокровная лилит, ее отцом был человек, ваши виды несовместимы!

— Что за чушь? — Удивился серафим. — Даже в моем полку служит пятеро полукровок.

— Может быть в вашем мире, такое и возможно. — Не унималась я. — Но в нашем мире межвидовые браки — причина неизлечимых болезней. Девочка уже больна, и вряд ли здесь медицина и магия на таком высоком уровне развития, чтобы справиться с врожденным пороком!

— Чушь! — Снова воскликнул старик. — Мы пригласим лекарей со всего света, и рано или поздно они найдут способ, как решить эту проблему!

Я замолчала, побежденная аргументами лилу. Скорее всего, они найдут этот способ слишком поздно, но это все же лучше, чем мифическое озеро, существование и целебные свойства которого до сих пор оставались под большаи-и-им таким вопросом.

— Умбра! — Этот крик одновременно сочетал в себе и мольбу и приказ. Если первую его составляющую можно было еще оставить без внимания, то от обязанностей служить своему хозяину меня еще никто не освобождал. Я тяжело вздохнула, но все-таки обнажила меч, принимая боевую стойку. — Мы заберем ребенка в любом случае. По хорошему или по плохому.

Тимхо воинственно шмыгнул носом и утвердительно тряхнул головой, чтобы ни у кого не осталось сомнений в его решительных намерениях. Печально оглядев хоровод крылатых стражников, Симург извлек из-за пояса тонкий кинжал с таким горестным вздохом, словно это была последняя заначенная от тещи бутылка самогона. К моему изумлению, немного поразмыслив, Асеер тоже приготовил Стрекозу к бою.

Вот только наше героическое восстание никого не удивило. Ибрахим бросил смеющийся взгляд на сидящего рядом старика. Старик небрежно поднял желтую просвечивающую на свет лапку и в стенах открылось множество

мелких окошек, ощетинившихся арбалетными болтами.

— Похвально, что вы так радеете о благополучии вашей спутницы. — Произнес молодой колдун, лениво потягивая угольно черные крылья. — Но мы радуем о благополучии целой империи. В темницу их!

* * *

Оружие у нас так и не отобрали, но теперь это больше выглядело, как откровенная насмешка над нашей беспомощностью. От пола несло таким ледяным холодом, что хотелось взлететь. Но ни лететь ни даже подпрыгнуть было некуда, стоило выпрямиться в полный рост, и макушка сразу упиралась в ледяной потолок подземелья, за которым над нашими головами поднимались многие и многие ярусы крепости. Вокруг зияла непривычная чернота, не позволяя различить и собственной вытянутой руки. Зрение альбиноса оказалось совершенно неприспособленным к темноте. И как он той ночью только мог драться? С помощью магии, не иначе...

Только тут светлой мысли удалось докопаться до заброшенных шахт моего сознания. Я на проверку щелкнула пальцами, прошептав формулу заклинания. В тот же миг под натиском небольшого желтого плазмоида тьма трусливо спряталась по углам, предоставляя возможность осмотреться. Тимхо и Симург о чем-то увлеченно шептались в дальнем углу. Наверное, вынашивали коварный план побега. Меня не приглашали, что было не столько обидно, сколько недальновидно. Дингир-ур прилежно чах неподалеку, чуть-чуть не касаясь меня плечом.

— Асеер...

Охотник медленно обернулся, пренебрежительно и вместе с тем угрожающе приподнимая левую бровь. Широко раскрытые глаза вспыхнули звериным зеленым светом. Это, между прочим, мой запатентованный и отработанный годами взгляд номер семь, используемый для отпугивания настырных уличных попрошайек!

— И как тебе новое зрение? — Не удержавшись, спросила я, хотя первоначально собиралась спросить совсем другое.

— Чудно. — После недолгой паузы ответил Дингир-ур.

Чудно? Что еще за слово такое! Он что, обучался по сборникам древнешумберской романтической поэзии? Я помню чудное мгновенье...

— Непривычно. — Поправился охотник, без ошибки прочитав на своем лице мои мысли.

— Я не знал, что тьма может быть такой... Обычное заклинание не дает такого спектрального разложения и такой четкости.

— Кстати, о заклинаниях, — спохватилась я. — Пожалуйста, воздержись от магии на время. У этого тела нет магического резерва, и любое колдовство отнимает у меня часть жизни.

Они никак не отреагировал на эту просьбу, только невпопад спросил.

— Девочку еще можно превратить обратно в человека?

— Не знаю. Возможно. Ее брат надеется на некое волшебное озеро из семейных преданий.

— А ты? Ты на что-нибудь надеешься?

Странный вопрос, особенно учитывая, кем и кому он задается. Краем глаза я заметила, что Тимхо с Симургом прекратили секретничать, и теперь внимательно прислушиваются к нашему разговору.

— А мне не на что надеется, охотник. — Шепотом огрызнулась я. — Как и тебе. Думаешь, они поутру извинятся, мол, извиняйте господин охотник, не признали, и отпустят тебя на все четыре стороны?

— Ага, сразу же после четвертования. — Спокойно ответил он. — Думаю, девочка нужна им, чтобы самим добраться до власти. Завтра же начнется настоящая бойня за право стать ее наставником... или посмертным преемником. Наши же жизни им не только не нужны, но и не желательны.

— Вот-вот. — Согласилась я, немного смущенная такой прозорливостью. Намного приятнее считать врага тупым и агрессивным фанатиком. — Поэтому нам нужно срочно отсюда выбираться.

Охотник-зу раздраженно дернул подбородком, звучно втягивая носом воздух. Разговор с безнадежно тупой и мерзкой нежитью требовал от мудрого и благородного охотника большого терпения, и оно уже было на исходе.

— У нас над головой десятки кушей камня и кирпича, а единственный выход — тяжелая плита, закрепленная цепью к металлическим петлям в полу. В ту узкую щель, через которую поступает воздух, даже крыса не пролезет.

— Крыса то? Крыса то точно не пролезет. — Со знанием дела подтвердила я, перехватив настороженно-подозрительный взгляд номер три. — А вот игиг...

* * *

— Я тебя убью, тварь! — Пообещала черная призрачная фигура. — Как только мы отсюда выберемся, я убью тебя с особой жестокостью и огромным удовольствием. Чтобы я, дингир-ур, добровольно превратился в исчадь тьмы!

— Если, что. Ты уже в него превратился. — Резонно заметила я, стараясь не обращать внимания на оскорбления и угрозы. — Или тебе кажется, что дингир-уру, благороднее превратиться в кучку обглоданных и обгаженных червями костей?

— Не передергивай!

— Тогда хватит изображать из себя блаженного, не в храме! Все запомнил? Долго во тьме не находишь, старайся передвигаться по теням. Тебе нужно только узнать, где держат Шушуню, по тихому обезвредить стражу и выпустить нас отсюда. Дальше я уже смогу спокойно воспользоваться твоим магическим резервом, не боясь, что все этажи крепости обрушатся нам на голову.

— А он не сможет также сделать Шушуню тенью? — Внезапно вспомнил Тимхо.

— Нет.

— Но ты же превращаешься вместе с одеждой и оружием?

— Тут другое дело, Тим. На переброску живого человека не хватит сил, да и человеческий организм просто не перенесет такой трансформации. Одна ходка, и все — привет Мухре^[32]. Асеер, ты как, готов?

— Не знаю. — Упорно бубнил себе под нос дингир-ур. — Все равно не представляю, как можно протиснуться в такую узкую...

Небольшой концентрированный разряд сработал, как мощный пинок под зад. Охотник инстинктивно трансформировался и нырнул в темноту. Моя тень на стене резко выпрямилась, принимая форму девичьей фигурки, возмущенно погрозила кулаком и сгустком черноты перетекла к узкой щели между плитой и потолком. Я тревожно вздохнула, рассматривая очертания своего нового широкоплечего и длинноволосого тела, колыхающиеся на стене в дрожащем свете плазмоида.

Подумать только, *моя* тень. У меня никогда не было собственной тени...

Я уже начала волноваться, когда люк в потолке все-таки изволил открыться. Выбравшись наружу, мы обнаружили бездыханное тело тюремщика и Асеера, поигрывающего связкой ключей.

— Ты нашел план крепос...

— Как там Шушуня? — Перебил мальчишка. — С ней все в порядке?

— Все в порядке. — Успокоил его охотник. — Она в южном крыле, недалеко отсюда. Чувствует себя хорошо, ждет нас... то есть вас.

— Тогда мы должны освободить других несчастных, что томятся в этих подземельях! — Вдохновлено воскликнул Тимхо, пытаясь поднять тяжелый засов соседнего люка и одновременно принять одухотворенно-героический вид (а вдруг там прекрасная царевна?).

— Не бойтесь... эх-хе, вы можете надеяться на нас-с! — Молодая романтическая душа упрямо рвалась к подвигам, но засов, видно, пока никуда не торопился, оставаясь слеп и глух к благородным юношеским устремлениям, как самое настоящее бревно.

Но не все же настолько черствые. В ответ на душевный порыв каменная плита содрогнулась от мощного удара, и снизу раздался такой прочувствованный утробный рев, что мальчишка испуганно охнув, шарахнулся в сторону, отбив себе копчик и всякое желание рыцарствовать. Невинные страдальцы, определенно, возлагали на нас большие надежды, как в плане освобождения, так и в плане небольшого перекуса. Кстати про планы...

— Так ты нашел план крепости?

— Нашел. — Дингир-ур грубо сунул мне в руки смятый кусок пергамента, явно не признавая за тварью права распоряжаться и задавать вопросы. — Только, как вы собираетесь выбирать? Тут около полсотни лилит и еще столько же людей и других неизвестных мне существ. Среди них много магов. Чтобы провести их, нужен очень сильный колдун, один из лучших.

— Зачем нам один из лучших? — Улыбнулся Симург, излишне панибратски хлопая охотника по плечу. — Ведь у нас есть самый лучший.

* * *

Стражи на входе почтенно раскрыли огненно-рыжие крылья, приветствуя члена Совета Трех, мага кедошим Ханоя аб'Лаху, отворяя перед ним тяжелые двери в центральный коридор. Чернокрылый лилу, может, и выглядел излишне молодо, но все в Белогорье знали, каким жестоким огнем могут полыхать эти веселые мальчишеские глаза и на что способны эти тонкие, увитые кольцами пальцы.

Ханой недовольно остановился на пороге, чуть не прищемив крылья. Конечно же, эти двое проходимцев уже

были здесь. Вились вокруг юной госпожи, как надоедливые шершни. Хотя определение не совсем соответствовало истине. Члены совета просто стояли у дверей в покои девочки, но сам факт, что его опередили...

— Вижу, вам не спится, почтенные старцы. — Произнес Ханой. — Может приготовить вам успокаивающий отвар?

— А, не запыхался. — Брюзгливо откликнулся начальник стражи серафим Шурла Сабот. — Как раз время, чтобы...

Голос старика утонул в мелодичном перезвоне, как будто внезапно запели тысячи колокольчиков.

— Сервиз дзинской династии на двести персон, фарфор, штучный экземпляр, инвентарный номер 351. — Стоящий рядом служка деловито чиркнул пером в длинном, свисающем до пола свитке.

— А что, госпожа уже пришла в себя? — Поинтересовался маг, поравнявшись с коллегами. Только теперь он заметил под глазом у Ибрахима Муфты огромный синяк. Звон повторился с новой силой.

— Волшебный жезл справедливости, горный хрусталь и золото, инвентарный номер 359. — Внимательно прислушавшись, служка уверенно заштриховал очередную строчку.

— Как слышишь, пришла. — Сарим Ибрахим приложил к синяку тыльную сторону ладони. — Пришла и изволит гневаться. Только-только лекаря унесли. Она ему, представляешь, каким-то чудом горшок на голову одела, так и не сняли.

— Горшок? — Оторопело переспросил Ханой.

— Горшок ночной, серебро инкрустированное алмазами и изумрудами, изображающий девять подвигов Анукия, инвентарный номер 1125. — Сверившись со списком, уточнил служка.

Члены совета замолчали, погружившись в собственные мысли. Странно, но за дверью тоже установилась солидарная тишина.

— Наверное, посуда закончилась. — Прошептал Ибрахим через какое-то время, когда из комнаты больше не донеслось ни единого звука. — Ищет чего бы еще испортить.

— Нет, притаилась. — Уверенно заключил начальник стражи. — Выжидает.

Несмотря на зловещий тон серафима, Ханой приоткрыл дверь и осторожно заглянул внутрь. Когда маг повернулся к застывшим от предвкушения коллегам, на его лице играла озадаченная улыбка.

— Спит. Устала и теперь просто спит.

— Спит она. — Завистливо проворчал Шурла. — Нам завтра, между прочим, нужно уже рано утром выезжать в столицу. У меня еще вещи не собраны. А мы тут всю ночь на нервах, а вдруг как опять буйствовать начнет?

— Или случится что-нибудь. — Пробормотал Ибрахим, расточительно пощипывая и без того редкую бороду. — На рыжекрылов, не в обиду тебе, Шурла, будет сказано, надежды нет. Придется нам самим дежурить всю ночь.

— Да идите вы... спать. — Благодушно щелкнул клыками Ханой. Длинные чуть загнутые резцы влажно сверкнули в свете факелов. — Всем здесь сидеть не обязательно. Я могу подежурить один. На меня-то у тебя, Ибрахим, надежда есть?

Серокрылый скептически фыркнул, но все-таки развернулся и зашагал прочь. Немного подумав, и напоследок смерив юнца ледяным подозрительным взглядом, Шурла последовал за управителем Западной Сторожевой Крепости.

Несмотря на нахальную непосредственность, чернокрылый лилу был хорошим воином и одним из сильнейших магов Белогорья, члены совета знали, что оставляют госпожу под надежной защитой. Кроме того, Ханой знал, что почтенные старцы уже наверняка обо всем позаботились, и в случае чего (не дайте боги, конечно), верные лилу не дадут предателю улететь слишком далеко.

Он притворил за собой дверь, немного посмотрел на спящего ребенка, а потом со вздохом уселся на кресло у окна, открывая принесенный с собою трактат о ядах. Что-то подсказывало юному магу, что к будущей дворцовой жизни (если он хочет, чтобы она продлилась сколько-нибудь долго) нужно готовиться заранее.

— Здорово! Никто даже не догадывается, что мы рядом. — Восхитился Тимхо. — Обалдеть!

— Молчи! — Честное слово, я еле сдержалась, чтобы не дать болтуну подзатыльник. — Хочешь, чтобы нас поймали?

Абсолютной невидимости добиться трудно, да я и не стала тратить время на построение сложной матрицы для каждого из членов группы. Поставленные магические экраны, делали нас полупрозрачными, словно рисунки на стекле, но отнюдь не незримыми и уж точно не неслышимыми!

— Успокойся. Смотри, охотник, как и обещал, обезвредил всех стражников. — Симург указал на двух лилу, якобы прикорнувших у стены, но на самом деле крепко пришипленных к каменной кладке за воротники.

— Еще предложи пойти покричать во дворе и попинать дверь казармы. — Проворчала я, но в душе все-таки немного успокоилась. Асеер, тенью скользивший впереди, и вправду работал идеально, стараясь не проливать лишней крови.

Дверь тихо отворилась, впуская нас в просторную комнату, судя по всему, когда-то отличавшуюся богатым убранством. Сейгеш все убранство ключьями, осколками или обломками (в зависимости от того, чем оно раньше было) покрывало выложенный мраморной плиткой пол. В кресле у окна, уткнувшись острым подбородком в грудь, дремал молодой кедошим, напоминавший колдуна Ханоя, но точно разглядеть в тусклом блеске свечей не удавалось. Шушуня с трудом, но все-таки обнаружилась на огромной, как элгайская равнина, кровати.

В порыве радости она так крепко обняла Тимхо, что тот сдавленно пискнул. Симург тоже получил свою долю крепкий объятий. Асееру по старой памяти достался обожающий взгляд. На меня даже никто не взглянул. Невесть с чего рассердившись, я прошипела что-то невразумительное про телячьи нежности, которые могут окончиться телячьей отбивной, и грубо толкнула Шушуню с Тимхо к выходу. Опомнившиеся «друзья» поплелись следом. До двери оставалась каких то два шага, когда комнату сотряс возмущенный вопль. Крутанувшись вокруг оси каблуков, я к своему ужасу увидела вскочившего на ноги лилу (им все-таки оказался Ханой) и застывшего рядом Симурга с виноватым видом и... пучком черных перьев в руке.

— Бесценные ингредиенты... — Жалко проблеял учитель алхимик в ответ на мой зверский взгляд. — Я же думал он без сознания!

Ощипанный советник не стал унижаться до крика (эх, молодость, молодость), он лишь надменно ухмыльнулся и швырнул в меня черным боевым сфероидом. Сфероид — это плазменный сгусток, представляющий собой сферическую конфигурацию магического поля и плазмы. Черный — самый нестабильный, с большим трудом контролируемый даже для самим создателем. Не успеешь бросить такой «мячик» в противника и он взорвется у тебя в руках. Ханой так был уверен в собственных силах, что когда я легко поймала смертоносный сгусток тьмы, и играючи перебросив из руки в руку, послала обратно, только уже в виде парализующего разряда, так опешил, что не успел отреагировать.

Тимхо осторожно помахал рукой перед остекленевшими глазами колдуна, а потом осмелел и ущипнул его за нос.

— Застыл. — Восхищенно прошептала Шушуня. — Ты его убила, да?

— Нет. Но теперь пару дней культурную жизнь в крепости можно разнообразить экскурсиями к новой статуе.

Моя идея сразу же нашла поддержку в народных массах. Двери резко распахнулись, и в комнату с предвкушающим ревом ворвался отряд истосковавшихся по искусству стражников.

— Куда, экскурсия платная! — Казалось бы всего шуточный взмах руками, но стражников вынесло в коридор совсем нешуточной ударной волной. По-моему даже перестаралась, вышибив дверь вместе с петлями. Неведомая раньше магическая сила клокотала во мне, как лава в разбуженном вулкане.

Затихшая крепость загудела, как растревоженный улей, наполняясь голосами, топотом ног, хлопаньем крыльев и бряцаньем оружия.

— Сейгеш всем покажу, где омары зимуют! — Залихвацки выкрикнула я, совершенно хмелея от своих новых возможностей. — Все за мной!

Заговорческие взгляды, которыми обменялись мои спутники были далеки от благодарного восхищения и больше выражали брезгливое недоумение шайки разбойников, в засаду к которым незаметно пробрался буйно помешанный. Ну и бес с ними! Душа неудержимо рвалась к подвигам.

Ни для кого не было секретом то, что «большинство» членов Совета Трех тратило огромные деньги на содержание личной секретной службы крысаков^[33], предназначенной для слежки за коллегами и контролем общего положения в крепости. Оба старца искренне считали свою разведку лучшей, прочно цементируя свою уверенность серебром, причем ничуть при этом не ошибаясь. Крысаки работали слаженно и безукоризненно, умудряясь втихую получать деньги от обоих нанимателей. Поэтому ничего удивительного в том, что оба члена совета скоро столкнулись лбами на лестнице, и чуть не были задавлены с двух стороны солдатами собственной службой охраны, набежавшими следом за своими хозяевами. Обменявшись крепкими ругательствами и негодующими взглядами, почетные старцы, пихаясь плечами и крыльями, поспешили к взлетному балкону, с которого как раз хорошо просматривался весь внутренний двор.

От ночи прожитый день отделяла только тонкая зеленая полоса на горизонте. От свободы беглецов отделяла высоченная стена с бойницами по периметру и широченные ворота на таком гигантском засове, что его смогли бы отодвинуть разве что семеро взрослых лилу, пятеро магов, под забивку затаренные артефактами и амулетами, но ни в коем случае горстка ничтожных людишек. Переведя дух, старцы мстительно прищурили глаза, собираясь незамедлительно, пока не вмешался склероз, припомнить наглецам все обострившиеся на нервной почве болячки. В следующее мгновение щелки глаз выросли до размеров суповых пиал. Почтенные члены совета взвились в воздух двумя переполошенными воронами.

Беловолосый мужчина, не прерывая плавного размеренного бега, выставил вперед руки... и огромные, надежные, выкованные лучшими барбегазскими^[34] мастерами ворота, с достоинством выдержавшие несколько осад и ураганов, легко вспорхнули с петель, словно последний лист с дерева, а бессовестный колдун, как ни в чем

не бывало, продолжил свой преступный путь.

Я перепрыгнула через поверженный засов, и остановилась, оглядываясь по сторонам. Вокруг, куда ни глянь, простирались заснеженные горы. Единственная припорошенная дорога величаво поднималась на открытый всем ветрам и взглядам серый хребет, словно именитая лицедейка на сцену. Резерв охотника не безграничен. Если применить заклинание невидимости, то куда девать следы? Да и чтобы преодолеть расстояние в сто наших шагов — преследователем хватит всего пары взмахов крыльев. Ассер, видно, прейдя к тому же выводу, помрачнел и развернулся в сторону крепости с мечом наизготовку. Нет уж, лично мне всегда больше нравилось позорное бегство, «честной» смертельной битве. Я схватила за воротник рвущегося абы куда, лишь бы подальше от великих подвигов Симурга, по ходу дела достраивая и активируя заготовку заклинания.

Ворота вздрогнули и оторвались от земли, стремительно поднимаясь к зажигающимся звездам. Протестующие крики учителя алхимии сменились душераздирающим визгом, дополнившись тварехульскими ругательствами чуть не сорвавшегося вниз Асеера, восторженными воплями детей и разбойничьим свистом ветра.

Нужно возвращаться к Поднебесным Вратам, но, поди, сейгеш разберись, где они. Нам бы хотя бы просто в шальной выступ не вписаться, и то хорошо. Я магически усилила зрение и весьма вовремя, хотя, конечно, резковато обогнула ощетинившийся сосульками горный выступ. Створки затрепетали, норовя гостеприимно распахнуться, но в последний момент передумали, и самолетные ворота спокойно заскользили дальше. После виража все пассажиры, кроме меня и Асеера приняли горизонтальное положение, вцепившись в деревянный засов с энтузиазмом голодных термитов. Ветер подвывал все сильнее, стягивая кожу с лица, и набиваясь в рот уши и нос вязкой кашей. Внизу зубоскалили мрачные пейзажи, один жизнеотрицательнее другого. С такой высоты, на такой-то скорости. Бр-р-р.

Я оглянулась. Симург, Тимхо и Шушуня таращили глаза и беззвучно разевали рты, как три селедки в неводе. Ветер скрадывал все звуки, оставляя мне только злорадный свист в ушах. Но мне уже не нужно было слышать их слова, чтобы понять — все пропало. Нас догоняли. Мощные крылья без особых усилий надрезали темноту, с каждым взмахом поднося своих хозяев все ближе и ближе.

Умбра, ты слишком редкий экземпляр, чтобы сдохнуть. Что же делать? Что же, что же, что же...

— Симург! — Я сбросила скорость до минимальной (один черт попались, зато можно спокойно подумать, не отвлекаясь балансировку по тангажу и рысканью) и подобралась поближе к учителю алхимии. — Эти проклятые перья еще у тебя?

— Чего? — Затряс головой шумберец. — Ничего не понимаю!

— Перья!!! Которые ты выдернул у того лилу! Они у тебя или нет?!

* * *

Командующий Крыла Анут инстинктивно дернулся и ушел вверх, когда беловолосый внезапно вытянул руку в его сторону. Памятуя об удивительном трюке с воротами, остальные серафим также сбавили скорость и повторили маневр командира. Зря. Вместо смертоносного заклинания в воздух взметнулся лишь пучок смоляных перьев. Неестественно-чуждый сгусток темноты на фоне голубого вечернего снега закрутился в спираль и разлетелся пеплом.

Старый проверенный магический медальон Анута в очередной раз не подвел.

И это все, на что вы способны, чужеземцы? Лилу выхватил два тонких меча и улыбнулся, предвкушая небывалые почести, которые с нетерпением ожидают спасителя госпожи и уничтожителя ее похитителей.

Колдун тоже понял, что на этот раз оплошал, обреченно потянувшись за оружием. Всем известно, что рыжекрылые серафим — лучшие воины, уступающие, разве только богами и повелителям Цеву. Сила удара была такой, что лезвия заскрежетали, высекая желтые искры. В следующее мгновение Анута отшвырнуло в сторону, и командующий крыла растерянно завис на месте, нервно хлопая крыльями. На его плече расцвела красная рана. Какая нелепая случайность! Ведь просто невозможно, чтобы человек смог ранить лилу в честном поединке!

Подоспевшие бойцы атаковали беглецов сразу с нескольких сторон. Лысая девушка и колдун на редкость слажено отбили нападение, умудрившись не подпустить ни одного серафима к горстке съезжившихся между ними людей. Сразу видно, профессионалы высокого уровня. Анут уважительно хмыкнул. И, судя по всему, давно работают в паре, вон как двигаются, как будто заранее угадывают намерения друг друга. Но это им все равно не поможет. Презрев ранение, командующий бесстрашно ринулся в бой. А чего бояться? Скоро здесь будет все Крыло, а это девяносто отборных воинов.

Но пока они не подоспели, еще оставался шанс увековечиться свое имя блистательной славой отважного победителя и главного защитника будущей императрицы.

Черный пепел смешался с ледяной крошкой, прочерчивая в воздухе узкую извилистую дорожку. Ветер

усиливался. Снежинки медленно поднимались с насиженных мест, сначала неуверенными стайками, потом, осмелев, целыми роями растревоженных белых пчел...

Низкий зловещий гул прокатился эхом в каменных лабиринтах гор и отозвался давящей болью в живых сердцах.

Люди — нелюди прекратили сражение, встревоженные и испуганные. Не гулом, а наступившей потом тишиной, заставившей пространство и время застыть в зловещем предчувствии.

Анут прикусил губу и прищурился, вглядываясь в снежную пелену, за пару мгновений, затянувшую все небо. Конечно, не было ничего удивительного в том, что внезапно пошел снег. В горах погода меняется постоянно. Просто впервые снег шел снизу вверх...

Роскошные перины вековых гор словно располосовали ножом. Белый пух тучами взмывал в вечернее небо, сливаясь в серую беспроглядную хмарь. При богатом воображении, а командующий Крыла, никогда в этом смысле не бедствовал, можно было различить, что хмарь приобретает форму огромного существа с длинными извивающимися лапами и звериной мордой, увенчанной небольшими острыми ушками...

В следующий момент чудовище рванулась к нему на встречу, поглощая и перемалывая все на своем пути. Горы сотрясла новая волна воя, и Анут понял, что у хмари имеется еще и пасть от уха до уха, бесформенная, иссинне-бездонная как провал в небытие. И еще у нее совершенно отсутствует музыкальный слух.

Командующий Крыла едва успел закрыть лицо локтем, защищаясь от жалящей ледяной крошки, которая летела с такой скоростью, что могла запросто выколоть глаза. Больше он ничего не успел, сметенный неистово ревущим вихрем.

* * *

— Что это?! — Тимхо, как и предполагалось, не дал мне спокойно полюбоваться на то, как поверженные враги бесследно исчезают в клубящейся снежной пелене. Обязательно, что ли так в ухо орать?

— Обыкновенный стихийный демон. Это я его вызвала.

— Обыкновенный... — мальчишка осоловело оглядел беснующееся чудовище и покрепче прижал к себе сестренку. — А он на нас не кинется?

— Спокойно, гильдия веников не вяжет. Хотя стихия, она конечно, вещь нестабильная и трудно предсказуемая. — Я потеряла занемевшие руки, одобрительно наблюдая, как последняя уцелевшая партия крылатых воинов поспешно драпает в сторону крепости. — Но у меня все под контролем. Этот красавец настроен только на уничтожение лилу...

Демон как раз навис над нами, позволяя в полной мере оценить все его выдающиеся достоинства. Рост под двести кушей. Постоянно извивающиеся длиннопалые лапищи. Черные разногабаритные глазницы. Перекошенная (надеюсь, от радости при встрече со своей создательницей) пасть.

— Умбра, повтори, что ты сказала.

От подозрительно ласкового голоса Асеера по спине пробежали колючие искорки подозрения. Такое впечатление, что я пропустила нечто очень важное. Упади небо!

И тут небо взяло и упало.

Демон сорвался с места, взлетая вверх и одновременно изгибаясь дугой, словно кто-то отпустил сжатую пружину. Огромный ревущий поток шквального ветра, снега и льда обрушился вниз с той неотвратимой стремительностью, с которой строитель опускает последний кирпич в вершину погребальной пирамиды.

Горы невозмутимо пережевывали утробный рев беснующейся стихии и сплюнули его чахлым, затухающим эхом. Очень скоро установилась абсолютная равнодушная тишина. Проклятые Земли всегда ценили свой покой прежде всего. Только небо накинulo черную вуаль, и немного подумав, уронило скупую звезду, оплакивая глупых самонадеянных людей, осмелившихся управлять самой стихией.

Постоянное, неукротимое движение. Это было похоже на огромный снежный жернов. Снег был везде. Залазил под одежду, набивался в рот, застревая в горле, проникал даже под плотно закрытые веки, чего никак нельзя было представить...

Одно время по заданию наставника Асееру пришлось надругаться над доброй сотней могил и облазить твареву кучу склепов в поисках не в меру расплотившихся упырей. Тогда охотник научился мастерскому обращению с лопатой и философскому взгляду на смерть. Насмотрелся всякого. Особенно запомнилась усыпальница времен первой династии Ура, где покоились царь Мескаламдуг и его наложница Пуаби. По слухам, самодержец любил жить с размахом, был страшно жадным и все свое всегда носил с собой (постоянно таскаясь с огромным караваном слуг и придворных лизоблюдов). Впоследствии Мескаламдуг тоже не изменил своим привычкам.

Девушка лежала на деревянном ложе, в плаще из синих лазуритовых бус, в пышном головном уборе из золотых листьев, венков и заколок в виде диковинных цветов. Вокруг склепа располагалось довольно обширное помещение, в котором с серебряными лентами в волосах и в цветных плащах сидели трупы десятков женщин из царской свиты, музыканты, танцовщицы и прочая прислуга, якобы добровольно отправившаяся следом за любимым правителем, а на деле обманом опоенная сильным снотворным и потом банально удушенная за компанию с юной госпожой. Здесь же валялись арфы тонкой работы, к резонаторам которых были приделаны золотые или серебряные головы быков с лазуритовой бородой, золотые же туалетные приборы, доски для игры в кости и разная драгоценная утварь. В засыпанном землей пологом спуске-коридоре, ведущем с поверхности земли в склеп, нашлись повозки, скелеты волов и их погонщиков, вход «охраняли» воины в парадной одежде, шлемах-шишаках и даже при копьях.

На самом деле, просто безутешно довольный наследник, основательно подсуетился, чтобы задобрить венценосного покойного (по слухам упокоившегося не совсем по доброй воле), заодно проведя серьезную кадровую перестановку и устранив ненужных свидетелей. Но все равно размах захоронения впечатлял. Вот бы мне так помереть, — еще подумал тогда юный неопытный дингир-ур. И вот, что получилось...

... движение прекратилось, но лучше от этого не стало. Снежные жернова превратились в железные тиски. Асеер попыталась пошевелиться или хотя бы вздохнуть. Ни того, ни другого не вышло.

Лучше бы он разбился о скалы. А сейгеш придется помирать в богами забытом сугробе, в чужом теле, в окружении шайки наивных простаков и в компании с ненавистной тварью. Глаза давно видели лишь одну беспросветную мглу. Но теперь начало темнеть и перед внутренним взором. Наконец то. А то боль стала уже совсем невыносимой. Надо будет непременно попросить Гешгинанну^[35] написать его имя в отдельной табличке, только бы не угодить с игигом в одну преисподнюю. Не хватало еще, чтобы эта зловредная гадина и всю загробную жизнь испортила.

* * *

Решение мужественно расстаться с жизнью было все еще твердым и непоколебимым, но трудолюбивые легкие уже жадно вкачивали в организм неизвестно откуда взявшийся кислород, не обращая внимания на суицидные причуды хозяина. Немного погодя Асеер осознал, что он свободен и железные тиски больше не сковывают движений. Глаза начали постепенно дробить слепую монотонную темноту на сотни тысяч мелких, отчетливых деталей.

Первое, что охотник увидел, было заботливо склоненное над ним лицо, почти до бровей заросшее то ли белой густой бородой то ли россыпью сосуллек. Бородач приветственно закивал головой, помогая принять сидячее положение. Тут выяснилось, что ростом он достает сидящему охотнику как раз до переносицы. Хотя благодарность была и последним чувством, которое дингир-ур испытывал к своему непрошенному спасителю, Асеер все таки заставил себя вяло улыбнуться и пробурчать надлежащие случаю слова.

— Счастья тебе, добрый человек, пусть вечная благодать снизойдет на твоих детей, внуков и правнуков.

Лицо спасителя обиженно скривилось, отчего ледяная борода воинственно встопорщилась и издала мелодичный звон.

— Это я теперь еще и добрый? Нет, ну каково, а!? — Громко возмутился человек на гортанном северном наречии шумберских долин. — Ты, учитывая добродетельная дева еще меня поцелуй! Знал бы наперед, не откапывал бы! Да, еще бы, пожалуй, сверху гранита из шгольни наложил.

— Что ты несешь? — Ноющая боль в висках и морозный ветер быстро вытеснили зачатки доброго тона из

головы дингир-ура. — Никто тебя не просил меня спасать, ты, полудурок хыров!

— А почему полудурок? — Подозрительно поинтересовался этот ненормальный.

— Хорошо, извиняюсь, ошибся, ты полный дурак. — Пробормотал вконец озлобленный Асеер, внутренне готовясь, что разгневанный спаситель раскается в содеянном и сей же геш бросится закапывать его обратно.

Странно но, эти слова подействовали, как масло на скрипящее колесо. Бородач польщено улыбнулся.

— Вижу, тебе уже хуже, нормально заговорила. А то вы, имперцы, всегда так. Спасаете их, спасаете, А потом благодарности не дожدهсья. Ни проклятья тебе, ни пощечины!

— Проклятья... — Дингир-ур стал понемногу догадываться, в чем дело. — Скажи... как тебя?

— Хрипун.

— Скажи, Хрипун, а то, что ты меня спас — это плохо или хорошо?

— Плохо, конечно, хотя, вот я сейгеш на тебя гляжу и думаю, что, может уже и хорошо.

— А если ты руку или ногу сломаешь, это плохо? — Не отступал охотник.

— Чегож тут плохого? — Удивился Хрипун. — Если ногу то еще хорошо, а руку вообще замечательно. Я же работать не смогу, кто, интересно, мою семью кормить будет?

— Все с тобой понятно, мерзкое отродье. — Кивнул Асеер. — Поверь, я никогда не забуду твоего ужасного, богомерзкого поступка.

— Да что уж там. — Скромно отмахнулся бородач. — Такие уж мы барбагези гнусные, безжалостные и жутко корыстные, спасаем всех, не надеясь на хулу. Хотя, злобное словцо, оно конечно завсегда сердце греет. Вон ваш беловолосый то, как откопали, так благодарил, так благодарил! Заслушаешья.

Только сейгеш дингир-ур заметил тварь и ее спутников, стоящих в окружении шести маленьких человечков с длинными, смерзшимися в сосульки бородам и невероятно огромными плоскими ступнями. Асеер немного поколебался, но, в конце концов, решил не причислять невиданных существ к разряду нечисти, и, соответственно, своих личных врагов. Пока.

— ... что деваться вам некуда. — Голос Хрипуна донося, словно издалека. — Так чегож плохим людям не пойти навстречу? Отведем к нашему Удуку, отогреетесь чуток, он то разберется, что с вами делать.

Симург, до этого напряженно разглядывающий в темноте окружающих его барбагези, подпрыгнул, как ужаленный. Тварь резко развернулась в сторону говорившего. Мирный перестук ее зубов перерос в угрожающее клацанье.

— К-к-кому отведете?

— Дык, к Удуку. — Добродушно объяснил один из бородачей. — Не понимаешь? Эх, ты имперец. Ну, к Удук Шану, к императору по-вашему, к царю по-нашему, то бишь, к самому главному.

* * *

Царские палаты всегда будоражили жадные до чужого добра умы и являлись, если не гордостью, то отличительной особенностью любого государства, так точно. У рыболодей аб'галлу венценосные особы встречали гостей в коралловых беседках причудливо украшенных жемчугом и ракушками, с белыми ступенями, уходящими в морские глубины, где среди мирно колышущихся водорослей мелькают серебристые ленты косяков. У нефилем под эти нужды отведены целые хоромы: увенчанные облаками мраморные колонны, несущие купол цветного стекла, полы, вымощенные под карту звездного неба, и стены, увешанные оружием всех времен и народов. У людей — душные залы, слепящие глаза драгметаллами, обнаженными телесами танцовщиц, проеденными молью гобеленами и надраенными доспехами личной стражи. Даже у гулей имелись какие никакие представительного вида норы, без вкуса, зато щедро украшенные крадеными безделушками. В общем, подводя итог, можно сказать, что в сравнении с другими расами, барбагези выглядели более чем непритязательно.

Длинный темный тоннель открыл нашим взорам небольшую пещеру, скаречно освещенную масляными светильниками. Из предметов мебелировки были только ряды деревянных лавок вдоль стен, жестяное местами дырявое ведро, и пара кресел, обтянутых бордовым, вытертым на сиделище бархатом. Судя по всему, мы прибыли в разгар некоего важного общественного события: лавки прогибались от нагрузки нескольких десятков задниц, а затертость на одном из кресел была прикрыта задумчивым субъектом в съехавшем на лоб треухе. Наши сопровождающие, всю дорогу бурно обменивающиеся последними слухами о резко сократившихся кражах вина из хранилищ, неизвестном скелете, найденном в шпольне неподалеку, и пропавшем монахе из соседней обители, резко умолкли, синхронно поклонившись.

— Чтоб ты провалился, проклятый Удук Шан. — Почтенно прогудели они.

— Вовремя, закрути вас паралич. — Царь, без особого интереса проскользнул по нам взглядом и, выдержав риторическую паузу, многозначительно изрек. — Мы тут как раз выбираем добровольца...

По скамейкам прокатился такой мученический вздох, что я сразу заподозрила горный народец в жестоких ритуальных жертвоприношениях. Прибывшие сконфуженно засопели и как один устали в пол.

— Кто-то должен наконец-то разбудить царевну. — С укором добавил правитель, обводя своих подданных строгим взглядом.

При слове «царевна» глаза Тимхо вспыхнули уже знакомым мне романтическим огнем.

— Волшебным поцелуем? — Жадно подался вперед мальчишка.

— Ага, — Удук Шан бросил в рот горсть орехов, меланхолично проскрежетал челюстями, после чего звучно сплюнул скорлупу в ведро. — Волшебной колодезной водицей. После пира она, перебрала чуток, вот и отсыпается. Она отсыпается, а заказ на решетку из витых торсированных стержней уже вторую седмицу висит. Прутья толстые, сами видали, такие кроме дочуры никто в холодном состоянии не скрутит.

— А если нагревом? — Неуверенно предложил кто-то с дальнего ряда.

— И где нагревать будешь? Печь сломалась, а в горне... эх, сплошной брак. Нет, тут только дефровкой... ну так что, лярдит вашу мать, кто пойдет будить царевну?

— Вот сам бы и пошел. — Буркнул один из наших спасителей, расслабляя шнуровку и снимая свои длинные ступни, которые к моему удивлению оказались совсем не ступнями, а двумя широкими обтянутыми мехом дощечками.

— Хрипун! Ты царя то не стыди! Разговорился он тут. Ишь какой! Вот ты, Хрипун, и пойдешь. А я сказал пойдешь! Давай, давай. — Удук Шан грозно проследил, как побудчик обреченно скрывается в тоннеле, а потом перевел дух и проворчал. — Сам... а вдруг, как не признает родителя спросонья? У дочуры то рука тяжелая. А мне лица терять нельзя, потому как не личное оно уже, а что ни на есть государственное...

Тут монарший взгляд споткнулся на нашей компании, неприкаянно торчащей в проходе.

— Торговцы?

— Нет, о, ужаснейший из отвратных. — Поклонился Симвург. — Мы путешественники, попали под чудесную лавину, но были спасены вашими зловредными подданными.

— И куда же вы держите путь?

— К Нефритовому Озеру, не слышали о таком? — Простодушно ляпнул учитель алхимии.

Браво. Аплодирую стоя. Тур по местным подземельям продолжается. И как ему удалось дожить до стольких лет при дворе? Мы с Асеером обменялись мрачными многозначительными взглядами. Правильно, теперь еще посидим в темнице у барбегази.

Царь грозно свел густые брови, но стражу, тем не менее, пока звать не стал.

— Как же, слышал.

— Правда?! — Искренне обрадовался Тимхо, такой же гульцапнутый^[36] на всю голову, как и его дядя. — Здорово! А в сторожевой крепости нам сказали, что такого озера не существует!

Я приготовилась к худшему. Удук Шан молчал. Густые брови опускались все ниже, усы, топорщившиеся над плотно сжатыми губами, наоборот ползли вверх, пока и те и другие не оказались почти на одном уровне.

— У этих благословенных лилит не только крылья, но и мозги птичьи. Они не скажут вам ничего или солгут. — Наконец вымолвил барбегазский царь. — Но я скажу вам целых три вещи и скажу правду. Первое — это Озеро действительно существует и находится в Зеленом Доле прямо за нашим хребтом. Второе — Зеленый Дол с всех сторон окружают неприступные скалы, но туда ведет один из наших подземных туннелей.

Мы воодушевленно переглянулись. Симвург даже открыл рот, чтобы выдать благодарственную речь, но правитель вздернул руку в предупредительном жесте.

— И третье... — Желтые с ромбовидным зрачком глаза Удука Шана наполнились теплым золотым светом, а губы приоткрылись в такой ласковой улыбке, что даже я не сдержалась и улыбнулась в ответ. — И третье — согласно нашему закону, пока мы живы, ни один чужеземец не переступит порог наших подземных владений. Ни-ко-гда!

Снег причудливо играл всеми оттенками синего. Пронзительный морозный ветер прочувствовано завывал в ущельях, отдаваясь гулом в ушах и потоками боли по онемевшей коже. Впереди чернел частокол горных пиков, за спиной — закрытый вход в пещеру, из которой нас несколько гешей назад вытурили, всучив лишь корзину с едой и огромный меховой тулуп. Корзина была с презрением брошена в сугроб, но предусмотрительно аккуратно и недалеко. Не в пример бывшим хозяевам гостеприимный тулуп легко вместил в себя Тимхо и Шушуню, сразу сделавшихся похожими на сказочное чудовище о двух головах. Люди стояли на краю обрыва, внимательно вглядываясь в ночной пейзаж, надеясь найти подходящий спуск. Я ни на что особо не надеялась. Все тело так зверски задубело, что мне уже было все равно где замерзать — кушем выше или ниже. На данный момент меня больше заботил шатающийся передний зуб, который грозил скоро выпасть и окончательно испортить и без того непривлекательный охотничий фасад. Я была полностью поглощена приближением сего радостного момента, и потому чуть не прикусила язык, когда за спиной раздался злоеший скрежет.

— Эй, имперцы. — Из-за отъехавшей в сторону каменной плиты, исполнявшей обязанности двери, хлынул свет, освещая хмурое бородатое лицо Хрипуна. Судя по огромному синяку, украшавшему правый глаз барбегази, он как раз недавно освободился от последнего поручения.

— Чего тебе надо зараза? — Угрожающе ощерилась я. — Поздно спохватились, тулуп назад не отдадим.

— Какой тулуп? Хуже скажи, ты, беловолосый, гешем не колдун?

— А что?

— Отвечай, колдун или нет! — Прикрикнул бородач.

Гордость, самоуважение и чувство собственного достоинства, несомненно, являются неустанными стражами, охраняющими личность каждого разумного создания. Но иногда стража солидарно выходит покурить.

— Ну, колдун. — Вежливо ответила я, почуввав, что впереди отчетливо забрезжила возможность спасения.

— Скверный? — Уточнил Хрипун, почему-то обращаясь к Асееру.

— Самый отвратительный колдун, которого я встречал в своей жизни. — Заверил его тот.

— Ага, а еще со мной два вредных ребенка, тупой алхимик и гнусная омерзительная тварь. — Мстительно добавила я.

Барбегази широко улыбнулся, продемонстрировав пару вакантных мест в челюсти. Страшно подумать, чем бы закончилась любимая народная сказка о спящей царевне, если бы в главной роли выступила дочура Удук Шана.

— Это даже хуже, чем мы предполагали. Идите за мной, имперцы, кое-кто хочет с вами поговорить.

* * *

— Ну, рассказывайте, презренный, в чем заключается ваша сугубо деликатная проблема. — Я устало откинулась на спинку кресла и обвела взглядом пещеру, в которую нас пригласили. По сравнению с пустынными приемными, личные покои барбегазского царя походили на переполненный склад краденого товара и выставочный зал одновременно. Тяжелые расшитые золотом шторы, меха неизвестных зверушек, толстенные ковры, причудливая мебель, кованые подсвечники, затейливые светильники, вазы с сухофруктами, вазоны с сухоцветом, вазочки с засохшим вареньем и прочие декоративные изыски смотрелись диковато, но, в общем, создавали ощущение такого уютного кавардака. Сам царь, наоборот, выглядел намного скромнее и покладистее, чем в момент нашей прошлой встречи.

— Понимаете, господин колдун, у нас в штольнях в последнее время беспокойно. — Удук Шан смущенно подергал белоснежную бороду и устремил на меня полный страданий взгляд.

— Продолжайте. — С трудом подавив зевок, предложила я. — Какого рода беспокойство вы имеете в виду? Пьянство? Грабежи? Митингующая оппозиция с лозунгами?

— Какое! Рабочие отказываются выходить в смену, западные цеха простаивают третью ночь! Уже шесть жертв и трое пострадавших.

— Известно, что это было?

Царь горестно свел кустистые брови и кивнул.

— И как называется этот кровожадный монстр? — Я заинтересованно раскрыла слипающиеся веки.

— Мама... моей жены.

— Кто?! — Сон как рукой сняло.

— Мама жены! Это началось трое суток тому назад. — Зачастил правитель, видимо опасаясь, что иначе его будут перебивать, но все вежливо молчали, по дурацки вытаращив глаза. — Мама появилась ровно в полночь, вышла из ювелирной мастерской и заявила, что собирается у нас погостить. И вот до сих пор...

— И что тут такого? — Нахмурился Асеер. Вечно ему кажется, что над ним все издеваются. — Ну, приехала к вам ваша мама.

— Мама моей жены. — С нажимом уточнил барбегази.

— Ну и что?

— А то! — Царь подался вперед и перешел на зловещий шепот. — А то, что мама моей жены умерла еще в прошлом году! Но теперь уже третьи сутки, в разгар рабочей ночи она появляется в главной ювелирной мастерской, начинает браниться и мало того... наводит смертельную порчу. На кого пальцем укажет, тот на следующий день обязательно сломает себе чего-нибудь или вообще пропадает, а кого поймает и враз до смерти изведет!

— Интересно. — Пробормотала я, косясь на озадаченного охотника. — А вы не пробовали ее как-нибудь своими силами выпроводить? Постыдить там, через плечо поплевать, экзорцизмы под настроение напеть?

— Вот по тебе сразу видно, что холостой. — Проворчал царь. — Знаешь, что будет, если жена узнает, что я эту... мать ее пытался выгнать? То-то и оно. У нас, у барбегази своих колдунов отродясь не было. В столицу запрос

мы на специалиста отослали, конечно, да только гёт знает, когда этот специалист придет. Заказчики уже бусы и кольца требуют, кайлами стучат, а мы еще и не начинали. В общем, вся надежда только на вас. Выручайте, я в долгу не останусь.

— Похоже на экимму. — Асеер, поглядел куда-то сквозь меня. — Духи не боятся меча, их можно уничтожить только магией, при помощи мощного заряда... Умбра, как у тебя с резервом?

— Пусто. — Честно призналась я. — Даже плазмод не смогу создать.

— Наставник как-то рассказывал мне, что есть и еще один способ — зелье Маништусу....

— Маништусу? Это, случайно, не тот храмовый алхимик, который два года искал способ воскресить свою любимую бабушку, чтобы излить невысказанные слова благодарности, и заодно узнать, куда она запрятала заветную кубышку с серебром, а потом еще пятьдесят лет выяснял, как укукошить чересчур деятельную и зубастую старушку? Помнится, ему все-таки удалось пережить перечницу... правда всего на несколько месяцев...

Дингир-ур раздраженно поджал губы, но все-таки утвердительно кивнул. — Ты знакома с рецептурой?

— Смутно, Хозяин не увлекался зельеварением.

— Хозяин?

Сделаем вид, что последнего вопроса не было, и хорошенько подумаем над предпоследним...

— Сопроводительное заклинание еще помню, а с ингредиентами совсем туго. А ты сам как?

— Знал бы сам, тебя бы уж точно не стал спрашивать.

Мы помолчали. Возвращаться обратно на мороз никому не хотелось. Но что делать?

— А вы спросите дядю. — В суровой задумчивой тишине детский голосок прозвучал как-то инородно, словно праздничный бубенчик на похоронах. — Дядя Симург все на свете знает!

Я удивленно уставилась на Шушуню, о самом существовании которой успела уже совершенно позабыть. А ведь правда, профессиональный алхимик отбарабанит рецепт любого декокта, хоть среди ночи разбуди. Плохих преподавателями в Школу Искусств не берут. Только почему самого гения не слышно?

Ответ обнаружился в соседнем кресле. Он мило улыбался во сне, утопая щекой в пушистых волосах солидарно подсапывающего ему племянника.

— Симург! — Я бесцеремонно дернула алхимика за длинный нос.

Искристые карие глаза широко распахнулись, в панике забегали по сторонам, сошлись в кучу на переносице, а потом удивленно уставились на меня.

— Ты знаешь рецептуру приготовления зелья Маништусу?

— Что? Маништусу? Конечно... а что? Зачем?

Решив отложить объяснения, я развернулась к Урук Шан, который все это время внимательно следил за нашим разговором.

— Мы беремся за это дело, но понадобится ваша помощь.

— Да, да. Все что угодно! — Царь сполз на краешек кресла и подобострастно закивал, демонстрируя жгучее желание немедленно содействовать любым нашим устремлениям. — Чего вы изволите?

— Мне понадобится малая берцовая кость с ноги умершего. И любая старая одежда или вещь, некогда ему принадлежавшая. Остальное... пришлите писца, я изволю диктовать.

Симург на удивление быстро сориентировался в ситуации, и теперь энергично расхаживал по комнате, бодрым уверенным голосом перечисляя необходимые компоненты. Кто бы мог подумать, от этот нахальный, заносчивый тип, коллекционирующий катаклизмы и неприятности, сможет оказать реальную помощь и спасет меня от смерти во льдах. Бр-р. Я поежилась, удобнее устраиваясь в мягком теплом кресле, и блаженно улыбнулась. Боги, как, хорошо! Как, же иногда хорошо ошибаться в людях!

* * *

— О нас много всяких рассказней ходит. — Хрипун, который вызвался нам в провожатые, лихо перебрисил факел из одной руки в другую и обернулся. — Вот, например, якобы мы все лето проводим в спячке, потому как не выносим жары и дневного света. Мол, достаточно посветить нам в глаза яркой лампой, так мы сразу все накопленное добро и отдадим.

— И что, светят? — Спросил из темноты Асеер. Он старался не попадать в ореол факела, бессовестно пользуясь преимуществами ночного зрения, чтобы во всех подробностях рассмотреть округу.

— Светят. А потом у нас полгода крутят ворот вместо крудлей. Посторонитесь-ка.

Мимо прокатилась тележка, запряженная двумя отталкивающего вида существами, похожими на огромных слизней. Рифленая черная шкура влажно поблескивала. Длинные уши-рога вяло покачивались в такт движения. Вверх-вниз. Вверх-вниз.

— Вот такой он, крудель. — С теплотой прокомментировал барбегази. — Отвратительная, безотказная животиная. Вечный враг нашего рода. Первые упоминания...

— А почему вы все лето проводите в спячке? — Поспешила вмешаться я, пока наш проводник окончательно не углубился в истоки крудлеводства.

— Да не то, чтобы в спячке, просто замораживаем все работы, закрываем ходы и перебираемся в высокогорные пещеры. Летом в штольнях скапливается смертоносный газ, убивающий все живое. А зимой он вытесняется холодным воздухом. Вот некоторые думают, якобы все барбегази — горняки и мастеровые. А ведь среди нас много бездарных художников, скульпторов, поэтов. Вот глядите. — Хрипун услужливо подсветил факелом. Увиденное заставило меня шарахнуться в сторону и наступить на ногу Асееру. С каменной стены на меня глядело бесчувственное одутловатое лицо Хозяина...

Видимо барельеф запечатлил какого-то древнего демона или бога смерти в момент исполнения своих непосредственных обязанностей. В левой руке он держал горсть искалеченных тел, безжизненно свисающих между пальцами и падающих под ноги, а правой нравоучительно указывал пальцем вверх. Я рывком схватила факел, подняла его над головой и, холодея от необъяснимого страха, прочитала высеченные на камне символы: «Живущему — жить, гниющему — гнить, всему свой срок. От смерти, как от собственной тени, сколько ни шагай, не уйдешь».

— Что с тобой? — В голосе охотника послышалась смесь злости и тревоги.

— А? Что? О! — Я обнаружила, что вместо рукояти факела случайно ухватилась за руку нашего проводника, который теперь болтал ногами в куче от земли. — Извиняюсь. Вот факел, держи. Плечо не потянул, нет? Прости еще раз.

Хрипун и не думал сердиться. Он одернул на себе тулуп, гордо ткнув пальцем в сторону барельефа.

— Моя работа. Я таких надписей в каждом туннеле нашлепал. Вон глядите — над входом в гардероб. Смерть снимет с нас последние одежды, каково? Внушает, а? А вон там дальше, мое избранное. По безлюдью смерть не ходит. Мертвым телом хоть забор подпирай. Проси Творца, чтоб не лишил доброго конца! Умел пожить, умей и умереть!

Жизнь дает один только Бог, а отнимает всякая гадина. Умирать — не в игрушки играть, как а? Прямо в жилу!

— Чего... — Нервно сплотнула я. — Чего-нибудь более жизнеутверждающего нельзя было нашлепать? — А что может быть жизнеутверждающее смерти? — Лукаво подмигнул барбегази. — Тем более я ведь погребальных дел мастер, не путать с погребными! Совмещаю работу с искусством. Кстати, а мы уже пришли — вон та самая мастерская.

В мастерской оказалось неожиданно светло. В открытом раскаленном брюхе огромной печи плясали желтые искры. Жаркий воздух трепал мои волосы и бороды двух хмурых барбегази. Последние быстро перебрались парой слов с Хрипуном и поспешили убраться, оставив нас одних, вернее троих.

Дети и Симург, хоть и не без боя, но остались отсыпаться в царских покоях. Я бы с удовольствием оставила с ними Асеера, но упертый дингир-ур увязался со мной. То ли справедливо опасался за сохранность своего драгоценного тела, то ли желал лично убедиться, что экимму не станет халтурить и разделается со мной по всем правилам.

— Ну, что мы теперь будем делать? — Глаза Хрипуна горели жарким энтузиазмом, он даже стал притоптывать от нетерпения. — Чертить символы кровью али обряд какой совершать? Я вообще с детства жутко тупой, все на лету схватываю. А может заговор какой прочитать надо? У меня бабка по материнной линии могла краснуху сводить. Так что вы не стесняйтесь, только подскажите как надо, помогу, чем смогу.

— Ты можешь идти. — Стол с инструментами полетел на пол, туда же, несколько мгновений спустя, отправился и сорванный с крюка ворох мешков. Я уселась на импровизированный холщовый матрас, облокотилась спиной о прохладную, пахнущую пылью и смолой столешницу, и закрыла глаза.

— Как же я могу идти? — Растерянно пробормотал барбегази. — Мне же Удук Шан приказал на шаг от вас не отходить, вдруг вам чего-нибудь понадобится... а что вы сейгеш делаете, а?

— Медитирую. — Зло буркнула я. Кто знает, когда царская теща изволит появиться, может под утро. Асеер все равно бдит за двоих, так что мне можно и вздремнуть. — Если хочешь, остаться, то сядь в дальний угол, и не мешай. Еще слово и весь обряд сорвется, вот тогда-то сам будешь объясняться с Удук Шаном... или его мамой.

— Мамой жены. — Назидательно поднял палец Хрипун, но все-таки послушно отошел подальше и замолчал, а через пару гейшей вообще заснул. Ко мне же сон наоборот не спешил. Без болтовни барбегази стало еще паршивее. Я приоткрыла глаза и вздрогнула от неожиданности. Рядом стояло мое отражение. Черная тень на фоне оранжево-алого зарева остывающей печи. На груди — цепочка флаконом, наполненным желто-зеленым фосфоресцирующим зельем. И такого же цвета глаза, прожигающие тяжелым взглядом.

— Быть тобой просто отвратительно, и это не барбегазский комплимент. — Тихо сказал Асеер. — Когда я смотрю на свет, все расплывается. Кружится голова и постоянно мутит, с тобой всегда так?

— Только, когда ты рядом. — Огрызнулась я. В самом деле, не рассказывать же ему правду. — Зато быть тобой сплошная благодать и отрада. Ноги-руки изодраны, все тело в синяках. Голова чешется. Ты гешем блох нигде не нахватался?

— Тебя вообще постоянно морозит, холодная как трехдневный труп.

— А у тебя патлы грязные в лицо лезут. Хоть бы подстригся, ты же представитель божьего храма!

— А у тебя... — Охотник хмыкнул и пристыжено замолчал, сообразив, как глупо выглядит наша перепалка. —

Я, вообще, что хотел спросить...

Ему явно было неудобно и стыдно, но дингир-ур все-таки себя пересилил.

— У тебя никогда не было галлюцинаций?... тогда может ли переход между мирами вызывать ненормальные зрительные или слуховые ощущения? — На одном духу выпалил он в ответ на мои поползшие вверх брови.

— Конкретизируй. — Это было одно из любимых словечек Хозяина.

Асеер горько вздохнул, растирая висок, стрельнул недоверчивым взглядом из-под сведенных бровей, и обреченно опустил голову.

Оказалось, что строгому внутреннему взгляду охотника уже который беру являлась некая прекрасная дева. В принципе, дингир-ур не имел ничего против периодических явлений прекрасных дев, но выше обозначенная особа беспрестанно ругалась, как пьяный погонщик, всячески угрожала и требовала, чтобы ее немедленно вернули законному владельцу. В конце концов, несчастный, измотанный придирками склочной девицы и небезосновательными подозрениями в умственном расстройстве, дингир-ур решил выбрать меньшее зло и обратился к нему за советом.

Просмеявшись, я смахнула слезу, и кратко поведала ему всю историю волшебного меча.

— Я слышал про живое оружие, обладающее высшим свободным разумом и магическими свойствами, но не думал, что такое на самом деле бывает. — Задумчиво произнес Асеер. — Тем более я не думал...

— Что оно добровольно выберет в хозяйки презренного игига?

— Неважно. В любом случае, это твое. — Охотник отстегнул ножны и протянул мне. — Все равно, я больше привык к своему оружию.

На мгновение его ладонь дрогнула и остановилась на полпути.

— Умбра, скажи, кто такой хозяин, про которого ты упоминала.

Я скривилась, одним мимолетным движением выхватила Стрекозу, швыряя в обратку его пояс. — Он мой создатель. Моя совесть, мой разум, моя воля. А я, его тень и следую любому его устремлению.

— А что будет, если ты откажешься подчиняться?

— Ничего не будет. И меня в том числе.

Рука непроизвольно дернулась, устремившись куда-то к сердцу. Давно заметила, что когда волнуясь в этом теле, меня ужасно тянет залезть в левый нагрудный карман. В этот раз я не стала сдерживаться и извлекла наружу свернутый кусок ткани, оказавшийся старой отпоротой нашивкой. Черный треугольник, орел на фоне солнца. Странно. Я отогнула край рубахи. У меня на груди в обрамлении черного треугольника задумчиво ухмылялась морда белого волка. Если, это не нашивка Асеера, то тогда чья?

— Дай сюда. — Охрипшим от злости голосом приказал дингир-ур, вырывая у меня злополучный лоскуток. — Ты не имеешь права даже касаться ее этими грязными руками!

— Как знаешь, руки то твои. Кстати, знакомая птичка, где-то я ее уже видела.

— Это нашивка жреца Энмеркара. — Дингир-ур, затаив дыхание, уставился мне в глаза, ожидая какой-то реакции.

— Энмеркар... что-то не припоминаю. — Это было наглой, бессовестной ложью, потому что имя знаменитого охотника было известно каждому мало-мальски разумному игигу, а уж мне то и подавно.

— Наставник в храме Ниппура, лучший дингир-ур, который когда-либо рождался. Он был моим учителем и отцом. — Ледяным тоном подсказал мне Асеер. — Ты убила его пять лет назад.

— Всех разве упомнишь. — Это опять было неправдой. Проклятая память хранила каждое лицо, каждое имя... а уж это и подавно.

В мое горло красноречиво уперлось острие меча.

— Это он тебя послал? Твой Хозяин?

— Да. — И, не дав времени на вынесение помилования, которое явственно прозвучало в его голосе, я безжалостно продолжила. — Но Хозяин не приказывал убивать твоего наставника, ему всего лишь была нужна одна вещь из его личной коллекции. Убийство было моей собственной инициативой. И, чтоб ты знал, я нисколько по этому поводу не сожалею.

— Тварь. Ненавижу! — От нахлынувшей ярости из уст охотника вырывалось змеиное шипение. Ненависть в голосе. Ненависть во взгляде. Ненависть, ненависть, ненависть. Он сжал рукоять меча с такой силой, что костяшки пальцев побелели.

— Ну и чего ты ждешь, человек? — Я щелкнула по острию ногтем, отчего оружие отозвалось тихим протяжным стоном. Сердце начало наливаться привычной зудящей злобой. — Зрители могут расходиться, сеанса раскаянья не будет. Вы, люди, всегда считали себя лучше всех, выше всех. Остальные для вас — мусор под ногами. Пустые слова. Вы ничем не лучше! Что, не хочется рубить собственное горло чужой рукой? Решил подождать, пока снова станешь собой? Так я и знала, своя шкура дороже аморфной чести и жизни родного человека!

Удар был что надо! Даже Хрипун проснулся и испуганно завертел головой.

— Все вы — двуличные подлецы. — Стрекоза легко поймала меч противника, отбросила его в сторону и замелькала прозрачным трепещущим крылышком, нанося серию атакующих ударов. Охотник больше не внушал мне страха. Я чувствовала себя отдохнувшей, посвежевшей, и готовой вступить в битву хоть с целым светом.

— Если хочешь мстить, мсти, но только не разводи обличительных речей. Твой наставник убивал подобных мне и убивал безжалостно. Я имела полное моральное право отплатить той же маной.

— Пусть! — Наши мечи скрестились, и лица оказались друг напротив друга. Оказывается это жутко, смотреть в собственное лицо, перекошенное от ненависти. — Но за что ты убила мою сестру?! Что тебе сделала маленькая девочка?

От неожиданности я чуть не пропустила опасный выпад, грозивший оттяпать мне ухо.

— Я... я не убивала ее.

— Врешь, тварь! Я сам видел ее изуродованное тело. Видел сам!

Знаю, не нужно было этого делать, но губы уже автоматически шептали заклинание, выскребывая магический резерв до дна. Вспышка света, и вперед понесся скомканный, наскоро вырванный из памяти мыслеобраз.

— Так посмотри еще раз, охотник!

Свет факелов. Извилистый коридор. Две молодые служанки с корзинами белья. Девушки переговариваются шепотом, попеременно творят охранные знаки и тяжело вздыхают, отчего прижатые к груди корзины поднимаются на добрых пол куша. Еще бы, сегодня последнее испытание для молодых охотников. Вернется ли озорной кучерявый Гулеш, выходки которого известны уже за пределами храма, увидят ли они еще доброго стеснительного Энду и его ученую крыску, которая так забавно умеет плясать на задних лапках и ходить по веревочке? Что за испытание предстоит будущим дингир-ур, какие страшные твари встретятся им на пути?

Им и невдомек, что одна из этих тварей сейгеш скользит прямо у них под ногами, причем в самом дурном расположении духа, и на чем тьма стоит, костерит свою дурную долю. Еще бы. Вас бы вытащили ночью из постели и послали в дальний ном, в один из самых поганых городов на свете, в храм доверху набитый охотниками. И главное зачем? За чучелом ламашту. Да они из меня самой чучело сделают, наипигут стрелами и поставят рядом!

Я так усердно возмущалась, что чуть не пропустила нужный поворот. Внимание. Сосредоточиться. Пара гешей — и я уже в секретных покоях легендарного Энмеркара, великого победителя игигов, чтоб ему вечно икалось. Он, конечно, уже дряхлый пятидесятилетний старикан, я — молодой двадцатилетний могучий воин и все такое, но погибать во цвете лет все-таки было неохота. Меня не покидала уверенность в том, что встреча с владельцем помещения, окончится моим же погребальным обрядом.

Обстановка как раз соответствовала. Сладковато-кислый запах тления. Сплошные ряды тварей всех мастей пучили на меня остекленевшие глаза и ехидно разевали выкрашенные красной краской пасти, словно предлагая присоединиться к их компании. Оставалось только надеяться, что самый страшный монстр из этой коллекции сейгеш дрыхнет у себя в келье. Ага, вот и старушка ламашту. Ух, и ничего себе. Интересно, как я потащусь с таким бегемотом через весь Шумбер?

— Ах ты, подлая тварь!

Внезапный мужской крик заставил меня выронить чучело и приготовиться срочно драпать, но следом послышался звук удара и... измученный женский стон. — Помогите. — Тихо позвала незнакомка. — Помогите, пожалуйста.

Лучшим выходом в данной ситуации был ближайший выход из храма, и побыстрее, пока меня тоже не набили соломой, но этот голос...

Ламашту осталась валяться на боку, укоризненно наблюдая за тем, как я быстрым шагом направляюсь в жилую конец комнаты и приподнимаю разделяющую помещение занавеску.

То, что я увидела, свергло меня в ступор на добрые полгеша. На полу, среди мрачно сверкающих магических символов лежала красивая обнаженная девушка, совсем еще девочка. Черные, как смоль волосы, раскинулись кружевным плащом. Из страшных ран по всему телу ручейками струилась кровь. А над всем этим стоял широкоплечий мужчина, обернутый в пурпурный вессон.

— Все равно тебя никто не услышит. — Спокойно произнес он.

— Когда брат вернется, он убьет тебя, Энмеркар.

— Он не вернется. — Дингир-ур поднял над головой изогнутый обрядовый клинок. В который раз... — Я

послал их в логово удугов. Оттуда никто не возвращается. Теперь ты принадлежишь только мне, девочка... я так давно этого ждал...

— Пожалуйста, не надо...

Удар в спину — это, несомненно, подлость. Кто же спорит. Только люди в большинстве своем не заслуживают ничего другого. В тысячи других ситуаций он бы почувствовал угрозу и легко увернулся. Но сейгеш дингир-ур был слишком занят. И потом уж чересчур невероятным было ожидать нападения игига в обители охотников.

Даже смертельно раненый, великий Энмеркар остался опасным противником и вымотал меня едва не до потери сознания.

Но я все-таки его убила.

Его же оружием.

Впервые лишение жизни доставило мне искреннее, ни с чем несравнимое удовольствие.

Когда все было кончено, я присела на корточки перед девушкой и приложила измазанную кровью ладонь к ее горлу.

Ничего не подделаешь. Слишком поздно. Не знаю, сколько я так просидела, рассматривая бледное, завораживающе прекрасное лицо, красивее которого я не видела больше на своем веку. Только когда сквозь нарастающий звон тишины послышались быстрые шаги, я опомнилась и, переступив Порог, испуганно сиганула в темноту. Кончено же, совершенно позабыв про ламашту.

— Наставник, я вернулся! — Радостно произнес юный голос. Пока что исполненный лишь хвастливой детской гордостью, а не болью и ненавистью ко всему миру...

— Я вернулся...

— Не верю. — Асеер бросился в атаку с таким остервенением, что я даже растерялась. — Ты лжешь!

— Ты... — Мне пришлось пережить несколько очень неприятных мгновений, когда лезвие промелькнуло над самой головой, срезав пару прядей. — Ты просто не хочешь видеть правды!

— Подлая тварь!

— Гнусный человек!

— Дзинь-дзинь! — Внесло свою лепту тонкое стекло, рассыпаясь на осколки.

Спохватившись, мы застыли на месте, скорбно уставившись на зеленую фосфоресцирующую лужу, растекающуюся по полу. Единственный способ уйти живыми после встречи с экимму медленно и печально просачивался между металлическими плитами под ногами.

— Эй, молодец, а ведь она гово'ила тебе правду.

— Тебе-то откуда знать! Лучше не лезь. — Взвился охотник, не отрывая взгляда от удручающего зрелища.

— Мне известно все, что было, что есть, и даже немного из того, что может произойти. — Самодовольно произнесла его собеседница. Собеседница?

Мы медленно подняли глаза. В трех кушах над землей (и зачем барбегази такие высокие потолки?) висела голубая светящаяся фигура дородной низкорослой женщины со щекастым сварливым лицом уличной торговки. Вместе с астральным телом экимму забирает себе и психологическую оболочку, с удовольствием перенимая все самые худшие черты характера покойного.

— Что это вы тут за разх'ом устх'оили, а?

— Мамочки! — Хрипун с глухим стуком бухнулся в обморок.

— Ма-а-амочки. — Передразнила экимму, внимательно окидывая взглядом мастерскую и возвращаясь к луже на полу. — Так, а это что? Зелье Миништусу? Как не культурно. Хотели обидеть больную ста'ую женщину! Этого вам не спущу, так и знайте! Вот когда я была молодая...

— Умбра! — Передо мной возникло рассерженное лицо Лайдэ-дзи. — Последний раз тебя выручаю. Так, пока эта гримза треплется, быстро опусти меня вон в ту бадью с углем, которая справа от тебя валяется.

— Опустила, что теперь?

— Теперь по луже повози. Ага, с двух сторон.

— С кем это ты там говойишь? — Подозрительно прищурилась царская теща, вернее существо, надевшее ее маску. За Гранью живет множество чудовищ, и чтобы пробраться в наш мир им приходится подыскивать себе защитную оболочку, как крабу-отшельнику — ракушку. Но будьте осторожны, на самом деле экимму — это не тот человек, которого вы знали. Вместо безобидной улитки из-под ракушки могут высунуться острые клешни. Есть даже такая поговорка: пока он жив, он друг, когда он умер, он страшный демон. Не знаю, заметил ли призрак мои манипуляции или просто увидел Стрекозу, но широко распахнувшаяся зазубренная пасть явно свидетельствовала о крайней степени возмущения. — Ах ты змея!

Экимму превратилась в сплошной сгусток злобной энергии, протягивая к нам смертоносные лучи-щупальца. Кстати о змеях, такие лучи опаснее яда кобры...

— Замри, картавая, перед беспределом! — Вопль лайдэ-дзи заставил чудовище на мгновение замереть в недоумении, но именно это мгновение и подарило мне возможность уклониться от смертельных объятий.

Серия ударов — и загребушие отростки закружились в воздухе ворохом угасающих обрубков.

— Надо же, работает! — Восхитилась я.

— Еще бы не работало! — Польщено проворчала Стрекоза. — Гильдия веников не вяжет.

— А ну тихо! — Грозно прикрикнул Асеер. — Потом поболтаете, если доживете.

— Вот те раз, он меня слышит! — Удивилась Лайдэ-дзи, но послушно замолчала. Все-таки опасность еще действительно никуда не исчезла.

Тем временем значительно уменьшившийся в размерах призрак быстро заскользил вокруг, пытаясь достать меня со спины, за которой прятался беспомощный дингир-ур. Но каждый раз горящий зеленым пламенем клинок заставлял чудовище отступить, лишившись очередной части его энергетической оболочки.

Завывая от праведного негодования, экимму рванул с такой скоростью, что превратился в сплошное смазанное кольцо. От безостановочного вращения у меня уже заболела поясница и начала кружится голова. И тут призрак исчез...

Мастерская погрузилась во тьму. Тусклого мерцания измазанного зельем меча едва хватало, чтобы разглядеть узор на рукояти. Тишина наполнялась только нашим дыханием и жалобным постаныванием Хрипуна. Скоро к этим звукам добавился гул голосов. В глаза ударил свет факелов и на пороге появился всклокоченный Симург в окружении нескольких барбегази.

Наверное, они то и спугнули призрака. Как известно, экимму не жалуют яркий свет и шумные компании. Ну и слава богам. Я с облегченным вздохом опустила меч.

Этого-то она и ждала...

Жуткий визг плетью ударил по ушам и нервам, вырвав из моей груди неконтролируемый дикий вопль. Впереди распласталась синяя клубящаяся хмарь.

Я отчетливо поняла, что онемевшая от страха рука не успевает поднять клинок.

Время сделалось вязким, как в страшном сне, когда любое самое простое движение, как ты ни старайся, становится непростительно медленным, тяжелым, практически невыполнимым...

Сквозь смазанные контуры женского лица проступил звериный оскал истинной сущности... тварь самодовольно улыбалась...

Внезапно пальцы обожгло нечаянным холодом чужой ладони, и рука с мечом взмыла вверх.

Резкий удар клинка. Стон.

Рассеченное ровно пополам лицо застыло трагикомической маской.

Одна часть еще победно ухмыляется, а вторая уже передернута предсмертным ужасом.

Оглушительный удар сердца, и экимму испарился, словно пьяный бред из внезапно отрезвевшей головы.

Все кончено. Кажется, последнее я произнесла вслух.

— Какое счастье, что все обошлось! — Опомнился Симург, бросаясь ко мне с жаркими объятьями. — Как же я рад, что вы остались живы! Мы так спешили, чтобы предупредить, что зелье бесполезно. Представляешь, Умбра, забыл положить древесного угля...

Охотник, предостерегающе сжал мое правое запястье. Но у меня и в мыслях не было никого калечить. Особенно этого горе-алхимика. Разве можно всерьез на него сердиться? Таких обаятельных обалдуев либо закапывают при первой же встрече, либо опекают всю оставшуюся жизнь, не чая души и скуки...

Не успела я в полной мере осознать, ошеломляющий смысл последних слов, мелькнувших в моей голове, как мне в живот со всего размаху впечаталась визжащая Шушня, а на шее повис Тимхо, усиливая сходство с наряженным священным кустом, который на праздник урожая обычно обвешивали игрушками и ленточками.

— А ну прочь, трудяги! — Кучка барбегази раздвинулась, освобождая дорогу спешащему к нам Удук Шану. К счастью, он не стал усугублять мое положение, и деловито осведомившись результатом проводов любимой тещи, ограничился жаркой благодарственной речью с почтительного расстояния.

В завершение речи прощуршали вялые аплодисменты, и рядовые барбегази быстро разошлись по своим делам, оставив нас в обществе царя и его верного Хрипуна.

— В связи со всем вышесказанным, — уже более тихим и менее торжественным голосом произнес Удук Шан, без одобрения рассматривая учиненный погром. — А также с шатким финансовым положением, и дополнительными затратами на переоборудование мастерской, считаю, что в качестве награды можно позволить подлым чужеземцам продолжить свой проклятый путь через наши владения.

Пока смысл слов барбегази добирался до сознания людей, я получила несколько мгновений свободы. После чего нагрузка на мой несчастный организм увеличилась в несколько раз, дополнившись бешеной встряской и ликующими воплями.

— Что? — Снадрывом выдохнула я, тщетно пытаясь поднять голову, чтобы взглянуть в царское лицо, но

вместо этого узрела только важно удаляющееся монаршее сидалище. — А как же ваши древние устои? А суровые предки?

— А что им сделается. — Доверительно прошептал Хрипун. — Провернем все по быстрому, да первые как стояли, так и останутся стоять, ну и вторые, дай то боги, тоже не перевернуться.

— Спасибо, спасибо вам! — Окончательно расчувствовавшись, вся честная компания (кроме охотника, конечно) перекинулась с меня на барбегази, накрыв того буйной галдящей лавиной.

— Да что уж там. Идите, нам не жалко. — Вяло отбиваясь, просипел припертый к стенке бородач. — Все равно на том конце туннеля какая-то неведомая тварина сидит и харчит всех без разбора...

Не смотря на все наши старания, ничего полезного про загадочную тварину выяснить не удалось, кроме того, что около пяти лет назад она нагло, без всякого уведомления властей, оккупировала пещеру на выходе из туннеля, и первое время весьма охотно принимала у себя местные комитеты по защите прав частной собственности. Когда поток желающих пополнить ряды борцов за справедливость и рацион гостеприимной тварины иссяк, тоннель срочно закрыли на реконструкцию, а потом объявили убыточным и на всякий случай замуровали.

Пока Хрипун раздавал факелы и напутствовал нас краткой поучительной речью, другие барбегази шустро разобрали каменную кладку. Опыт предыдущих злоключений и рекордная скорость, с которой стена снова выросла за нашими спинами, как-то не внушили веру в спокойное светлое будущее. Ничего удивительного, что к выходу из туннеля мы подходили в зловещем молчании, словно банда разбойников из известной сказки, вернувшись в свою волшебную пещеру после долгого трудового дня и обнаруживших вместо горы сокровищ огромную кучу драконьего помета. С одной стороны нужно пойти и проверить, не обронила ли эта алчная гадина чего-нибудь, улетающая, но с другой стороны, а вдруг она еще здесь и уже проголодалась?

Тихий шорох мелких камушков под ногами отзывался скрежетом клыков. В желтых бликах вспыхивающих на гранях мечей то и дело мерещились хищно горящие глаза. Сверху размерено падали капли воды, но мысли с непреклонным упорством приписывали им высокую концентрацию гемоглобина и артериальное происхождение.

Наконец, настал роковой момент. Мы ступили в логово чудовища. И что же? Просторная пещера, окутанная серой предрассветной дымкой, оказалась совершенно пустой и необжитой. Никаких признаков насильственной смерти или кровавых пиршеств. Ничего, кроме сухих листьев и здоровой груды бульжников, наваленных перед самым выходом. Похоже, нам в коем то веке повезло, и разочаровавшаяся в местном радушии тварина давным-давно перебралась в другое место. Судя по всему, Асеер пришел точно к такому же выводу. Охотник вогнал свой меч в ножны и направился в обход завала, взяв курс на синееющий впереди проем. Мы устремились следом за ним. Туман то отступал назад, то снова приближался, покрывая наши фигуры легкими мазками, словно художник, наскоро исправляющий огрехи в законченной картине. И вот, как по волшебству, по плечам дингир-ура снова раскинулись белоснежные волосы, а за спиной распахнулся широкий плащ, похожий на крылья летучей мыши. Над головой Симурга покачивалась нечто напоминающее то ли царскую корону, то ли шутовской колпак, то ли большую пятиконечную звезду. Тимхо значительно расширился в плечах, обзавелся окладистой бородой, конусообразным шлемом, копьём и щитом, став похожим на одного из легендарных героев народных сказаний. За спиной Шушельги, распушилось белое оперенье, складывающееся в невесомые полупрозрачные крылья. Мне жутко хотелось узнать, на кого сейгеш похожа я сама, но спросить было стыдно. Упади небо, какая же все-таки у меня в голове ерунда! Мечтаю непонятно о чем, вместо того, чтобы бдительно обозревать окрестности, как и подобает настоящему телохранителю при исполнении. Чтобы хоть как-то реабилитироваться, я запрокинула голову, устремив грозный испытующий взгляд на каменную грудку, как раз нависающую над нашими макушками, и вздрогнула от неожиданности. Потому что грудка ответила мне тем же.

Черный зрачок-олива несколько раз перекатился по золотой с серебряными прожилками радужке, как по банкетному блюду, и, наконец, замер у правой нижней кромки. Тут же рядом вспыхнул еще один гигантский глаз. Грудка камней заворочались, оказавшись жуткой тварью добрых пять кушей высотой. Чудовище медленно расправило крылья, перегораживая выход из пещеры, и издало зычный утробный рык.

— Отриньте надежду, смертные, ибо дни ваши сочтены, а судьба печальна. Единственное ваше спасение — мудрость приобретенная. Если отгадаете мои загадки, можете продолжить путь, а нет, вам больше никогда не увидите солнечного света. — Мощная львиная лапа хлопнула по земле, взбив облако пыли. — Первая загадка! С глазами — а не видит, с клювом — а не клюет, с крыльями — а не летает. Что такое?

— Дохлая ворона. — Мрачно откликнулась я.

— Ты погляди. — Засмушалось чудовище. — Тогда, так: и в нее льется, и из нее льется, сама по земле плетется. Что такое?

— Река.

— Сидит дед во сто шуб одет, а кто его раздевает...

— Тот грязный извращенец. Нет, С15, тебя только могила исправит!

Женское лицо ламассу озадаченно вытянулось. Брови поползли вверх, чуть-чуть не сравнявшись с гривой рыжих, как придорожная пыль волос, пушистая кисточка львиного хвоста напряженно замерла в воздухе. — Умбра! Ты... сменила тело?

— Махнулась не глядя. — Мрачней дальше некуда, произнесла я. — Зачем Он тебя прислал?

— Что?! Боги, а я-то уже решила, Хозяин прислал тебя по мою душу!

Мы облегченно перевели дыхание и взглянули друг на друга уже с большей приязнью. Хозяин создал модельный ряд С специально для сбора и переработки информации. Ламассу обладали огромной силой, блестящим умом, обширными познаниями во всех областях науки, невероятной усидчивостью (оной частично способствовала способность превращаться в камень), ответственностью... и полным отсутствием личности. Послушные исполнители, штампы одинаковые, как отпечатки одного сапога, без чувств, без пристрастий. Но только не С15! Она была просто помещена на всяких тайнах, головоломках, шарадах, активно приобщая к своему любимому занятию окружающих. Были скандалы, было последнее предупреждение, был строгий запрет Хозяина, после чего ламассу ушла в глубокое подполье, продолжая планомерно пополнять свою коллекцию и лелеять надежду придумать такую загадку, которую не сможет разгадать никто на свете. Два производственных брака, мы сразу почувствовали друг в друге родственные жилки и до сих пор поддерживали приятельские отношения.

— Умбра, а тебе гешем уже не исполнилось четверти века? — Вкрадчиво осведомилась С15. Вот хвостатая сплетница! Ведь она все уже наперед просчитала, и заранее знала ответ. А, главное глаза, глаза то какие честные-честные.

— Если ты не прекратишь совать свой курносый нос в чужие дела, — назидательно, отчетливо выговаривая каждое слово, произнесла я. — Ты его точно когда-нибудь лишишься.

— Да ладно, я же специализируюсь на информации. Кстати, мне доверили первую серьезную работу! Лексико-грамматические характеристики употребления гумилативов на примере фольклора параллельных миров. Лет на сотню потянет. Заодно и коллекцию пополню. — Мечтательно промурлыкала ламассу.

Тут глаза ее округлились. О, нет...

— О, да! Хочешь послушать мою новую загадку?

— Валяй, жги. — Обреченно кивнула я.

— Кто утром ходит на триста сорок восьми ногах, днем на сто семьдесят четырех, а вечером на двести шестьдесят одной?

— Первое и самое очевидное, что приходит на ум — это ложносидачебрюхий многоногий самоглот. — Заметив округлившиеся глаза моих спутников, я снисходительно пояснила. — Питается собственными лапами, пока не теряет их все, а потом принимается за собственный хвост. Может, слышали про змея, кусающего свой хвост? Вот он и есть.

— Да, подходит. — Ламассу сникла и так грустно вздохнула, так что даже мне стало стыдно. — А я-то думала, что наконец-то... получилось...

— Не расстраивайся. — Шушуня ласково погладила огромный, достававший ей до плеча коготь. — Тимхо что-нибудь придумает.

Митич младший смущенно крякнул и почесал затылок.

— Ну, нам в школе всегда говорили, сложность затрудняет задачу, но только простота способна сделать ее невыполнимой. Может, вам следует максимально сократить количество ног...

— На восемьдесят семь! — Моментально подсчитала С-15. — Так, получается... кто утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех!

— Не знаю. — Честно призналась я.

— Умбра, ты не спеши, подумай хорошенько.

— Никогда не слышала о подобном монстре!

Ламассу всполошилась, вылетела из пещеры, словно камень из пращи, но через мгновение вернулась, нетерпеливо переступая с лапы на лапу. Бурлящее творческое вдохновение — от вздохмаченного загривка до кончика нервно подрагивающего хвоста. Ей явно не терпелось опробовать свою новую загадку на ком-то из старых знакомых.

— Это... спасибо большое! Поговорила бы еще, но мне пора. *Думает, он самый мудрый... а ему, кто утром ходит? И все!* — Сумбурной скороговоркой забормотала она, то и дело сбиваясь на собственные мысли. — *Эх, он у меня попляшет!* Вернусь не скоро. В пещере холодно, лучше располагайтесь в долине. *Тоже мне гумилативы... подождут лет двести.* Короче, если что, Умбра, то ты меня не видела!

Пушистая кисточка прощально щелкнула у Симурга перед носом и скрылась на фоне ночного неба.

— Что это было? — Учитель алхимии переложил восторженный факел в левую руку и нервно потер лицо, сделавшись похожим на прокоптившегося мракобеса.

— А это было, вернее была... — я с улыбкой провела пальцем по его щеке и двумя быстрыми штрихами подрисовала заливающейся смехом Шушуне шикарные усы. — Можно сказать первая настоящая удача на нашем пути...

Необъяснимое беспокойство, кольнувшее сердце, заставило меня приглядеться внимательнее. Шея ребенка чуть заметно подергивалась, отчего голова склонялась набок, как будто девочка к чему-то внимательно прислушивалась. Боги, как быстро....

Похоже, что привычка сохранять невозмутимое выражение лица на этот раз мне изменила. Тимхо вопросительно нахмурился. Теряешь квалификацию, подруга.

— Просто хотела заметить, что за последние два дня мы почти не спали. — Для убедительности пришлось даже успокаивающе покачать головой, мол, ничего важного. — Неизвестно сколько еще придется пройти, поэтому предлагаю отдохнуть хотя бы до рассвета.

Ни вопросов, ни возражений, как ни странно, не последовало.

К бурному восторгу детей и изумлению взрослых, туннель неожиданно вывел нас в настоящую летнюю ночь, наполненную пьянящими ароматами цветов, вокальными ансамблями птиц и прочувствованным речитативом цикад. Вот интересно, каким таким таинственным образом Зеленому Долу удалось избежать загребущих лап зимы? Горячие источники? Или, может здесь и вправду властвует древняя магия? Я поймала себя на том, что искренне надеюсь на второй вариант...

Мы расположились на небольшой поляне в нескольких кушах от леса, развели огонь и перекусили. Но, как говорится, не хлебом единым жив человек. Вместо того, чтобы спокойно отойти ко сну, семейство Митичей уселось у костра, принявшись с нездоровым интересом разглядывать пляшущие языки пламени. Народ явно рассчитывал на зрелище. Ну-ну. Главное, чтобы этот театр абсурда не превратился в анатомический.

И вот, терзаемые самыми мрачными предчувствиями, молчаливые и напряженные до предела актеры показали на арене по другую сторону костра. Взгляды встретились. В моих ушах отчетливо раздался дробный стук трещотки.

Мы с охотником обреченно понурились. Как бы невзначай встали плечом к плечу. Медленно присели (со стороны это должно было походило, на оздоровительные гимнастические упражнения) и так же синхронно улеглись, заслушав облегченные (или разочарованные?) вздохи зрителей.

Первый акт дингир-ур валялся хладным пластом, клацая зубами и изредка бросая на меня косые подозрительные взгляды, словно натурщик, которого заставили позировать рядом с голодным крокодилом. Только спустя несколько гешей до меня дошло, что охотник просто зверски замерз. Откровенное злорадство (так ему и надо) вскоре сменилось злобным возмущением (он что, всю ночь так клацать собирается?!), затем тихим отчаяньем (точно собирается...), и, в конце концов, перетекло в запоздалое раскаяние (на его месте должна была быть я). Еще немного помучившись, я послала все сомненья в пеший путь по Элгайской долине и решительно подвинулась ближе к дингир-уру, накрыв его своим одеялом. Охотник дернулся, как от удара, но отодвигаться не стал. Благодарить тоже. Зато зубовный перестук почти сразу прекратился.

Правда, на его место тут же пришло протяжное хныканье, которое еще меньше способствовало моему спокойствию и умиротворению.

— Тим, что там у вас происходит?

— Хочу сказку! — Капризно возвестила Шушуня. — Иначе спать не буду.

— Какие сказки, все устали. — Попытался образумить свою младшую сестренку Митич.

— Хочу! Хочу!! Хочу!!!

— А ну цыц! Эй, мелкая, если я расскажу сказку, ты заткнешься?

Ребенок откровенно просиял.

— А ты про Гильгамеша знаешь? — Воодушевился Тимхо.

— О Все Видавшем? Ха! Любую табличку на выбор.
— Обалдеть! Тогда Расскажи про то, как они Хумбабу победили!
— Не хочу про твою Хумбабу. — Тон Шушуни был непререкаем. — Хочу одиннадцатую табличку.
— Какая тебе разница? Да ты даже не знаешь про что там! — Мальчишка рассержено всплеснул руками. — Нарочно, да? Лишь бы мне напакостить! Умбра, скажи ей!
— Умбра, скажи ему! — Плаксиво, с прозрачным намеком на истерику, потребовала его сестра. — Что он пихается?!
— Неправда! Все ты врешь! Умбра!
— Умбра-а-а!!
Я жалобно перевела взгляд на беззаботно храпящего Симурга и окончательно, безнадежно загоревала.

Эпос о Гильгамеше, записанный со слов Син-леке-уннинни, табличка 11

В предыдущих сериях:

В надежде вернуть жизнь безвременно усопшему другу Энкиду народный герой Гильгамеш отправляется за советом к Утнапишти, бывшему царю города Шуриппака, единственному из людей, принятому в собрание богов и тем самым выцыганившего божественное существование для себя и своей жены...

Утнапишти ему вещает, Гильгамешу
«Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово
И тайну богов тебе расскажу я.
Шуриппак, город, который ты знаешь,
Что лежит на берегу Евфрата, —
Этот город древен, близки к нему боги.
Богов великих потоп устроить склонило их сердце.
Совещались отец их Ану, Эллиль, герой, их советник,
Их гонец Нинурта, их мираб Эннуги.
Светлоокий Эа с ними вместе клялся,
Но хижине он их слово поведал:
«Хижина, хижина! Стенка, стенка!
Слушай, хижина! Стенка, запомни!
Шуриппакиец, сын Убар-Туту,
Снеси жилище, построй корабль,
Покинь изобилье, заботься о жизни,
Богатство презри, спасай свою душу!
На свой корабль погрузи все живое.
Тот корабль, который ты построишь,
Очертаньем да будет четырехуголен,
Равны да будут ширина с длиною,
Как Океан, покрой его кровлей!»
Я понял и вещаю Эа, владыке:
«То слово, владыка, что ты мне молвил,
Почтить я должен, все так и исполню.
Что ж ответить мне граду — народу и старцам?»
Эа уста открыл и молвит,
Мне, рабу своему, он вещает:
«А ты такую им речь промолви:
«Я знаю, Эллиль меня ненавидит, —
Не буду я больше жить в вашем граде,
От почвы Эллиля стопы отвращу я.
Спустишь к Океану, к владыке Эа!
А над вами дождь прольет он обильно,
Тайну птиц узнаете, убежища рыбы,
На земле будет всюду богатая жатва,
Утром хлынет ливень, а ночьюю

Хлебный дождь вы узрите воочью».

Едва занялось сияние утра,
По зову моему весь край собрался,
Всех мужей я призвал на повинность —
Дома сносили, разрушали ограду.
Ребенок смолу таскает,
Сильный в корзинах снаряженье носит.
В пятеро суток заложил я кузов:
Треть десятины площадь, борт сто двадцать локтей высотой,
По сто двадцать локтей края его верха.
Заложил я обводы, чертеж начертил я:
Шесть в корабле положил я палуб,
На семь частей его разделивши ими;
Его дно разделил на девять отсеков,
Забил в него колки водяные,
Выбрал я руль, уложил снаряженье.
Три меры кира в печи расплавил;
Три меры смолы туда налил я,
Три меры носильщики натаскали елея:
Кроме меры елея, что пошла на промазку,
Две меры елея спрятал кормчий.
Для жителей града быков колол я,
Резал овец я ежедневно,
Соком ягод, маслом, сикерой, вином и красным и белым
Народ поил, как водой речною,
И они пировали, как в день новогодний.
Открыл я благовонья, умастил свои руки.
Был готов корабль в час захода Солнца.
Сдвигать его стали — он был тяжелыми,
Подпирали кольями сверху и снизу,
Погрузился он в воду на две трети.

Нагрузил его всем, что имел я,
Нагрузил его всем, что имел серебра я,
Нагрузил его всем, что имел я злата,
Нагрузил его всем, что имел живой я твари,
Поднял на корабль всю семью и род мой,
Скот степной и зверье, всех мастеров я поднял.
Время назначил мне Шамаш:
«Утром хлынет ливень, а ночью
Хлебный дождь ты узришь воочью, —
Войди на корабль, засмоли его двери».
Настало назначенное время:
Утром хлынул ливень, а ночью
Хлебный дождь я увидел воочью.
Я взглянул на лицо погоды —
Страшно глядеть на погоду было.
Я вошел на корабль, засмолил его двери —
За смоление судна корабельщику Пузур-Амурри
Чертог я отдал и его богатства.

Едва занялось сияние утра,
С основанья небес встала черная туча.
Адду гремит в ее середине,
Шуллат и Ханиш идут перед нею,

Идут, гонцы, горой и равниной.
Эрагаль вырывает жерди плотины,
Идет Нинурта, гать прорывает,
Зажгли маяки Ануннаки,
Их сияньем они тревожат землю.
Из-за Адду цепенеет небо,
Что было светлым, — во тьму обратилось,
Вся земля раскололась, как чаша.
Первый день бушует Южный ветер,
Быстро налетел, затопляя горы,
Словно войною, настигая землю.
Не видит один другого,
И с небес не видать людей.
Боги потопа устрашились,
Поднялись, удалились на небо Ану,
Прижались, как псы, растянулись снаружи.
Ишгар кричит, как в муках родов,
Госпожа богов, чей прекрасен голос:
«Пусть бы тот день обратился в глину,
Раз в совете богов я решила злое,
Как в совете богов я решила злое,
На гибель людей моих войну объявила?
Для того ли рожаю я сама человеков,
Чтоб, как рыбий народ, наполняли море!»
Ануннакийские боги с нею плачут,
Боги смирились, пребывают в плаче,
Теснятся друг к другу, пересохли их губы.
Ходит ветер шесть дней, семь ночей,
Потопом буря покрывает землю.
При наступлении дня седьмого
Буря с потопом войну прекратили,
Те, что сражались подобно войску.
Успокоилось море, утих ураган — потоп прекратился.
Я открыл отдушину — свет упал на лицо мне,
Я взглянул на море — тишь настала,
И все человечество стало глиной!
Плоской, как крыша, сделалась равнина.
Я пал на колени, сел и плачу,
По лицу моему побежали слезы.
Стал высматривать берег в открытом море —
В двенадцати поприщах поднялся остров.
У горы Ницир корабль остановился.
Гора Ницир корабль удержала, не дает качаться.
Один день, два дня гора Ницир держит корабль, не дает качаться.
Три дня, четыре дня гора Ницир держит корабль, не дает качаться.
Пять и шесть гора Ницир держит корабль, не дает качаться.

При наступлении дня седьмого
Вынес голубя и отпустил я;
Отправившись, голубь назад вернулся:
Места не нашел, прилетел обратно.
Вынес ласточку и отпустил я;
Отправившись, ласточка назад вернулась:
Места не нашла, прилетела обратно.
Вынес ворона и отпустил я;
Ворон же, отправившись, спад воды увидел,

Не вернулся; каркает, ест и гадит.
Я вышел, на четыре стороны принес я жертву,
На башне горы совершил воскуренье:
Семь и семь поставил курильниц,
В их чашки наломал я мирта, тростника и кедра.
Бога почуяли запах,
Боги почуяли добрый запах,
Боги, как мухи, собрались к приносящему жертву.
Как только прибыла богиня-матерь,
Подняла она большое ожерелье,
Что Ану изготовил ей на радость:
«О боги! У меня на шее лазурный камень —
Как его воистину я не забуду,
Так эти дни я воистину помню,
Во веки веков я их не забуду!
К жертве все боги пусть подходят,
Эллиль к этой жертве пусть не подходит,
Ибо он, не размыслив, потоп устроил
И моих человеков обрек истреблению!»
Эллиль, как только туда он прибыл,
Увидев корабль, разъярился Эллиль,
Исполнился гневом на богов Игигов:
«Какая это душа спаслася?
Ни один человек не должен был выжить!»
Нинурга уста открыл и молвит,
Ему вещает, Эллилю, герою:
«Кто, как не Эа, замыслы строит,
И Эа ведает всякое дело!»
Эа уста открыл и молвит,
Ему вещает, Эллилю, герою:
«Ты — герой, мудрец меж богами!
Как же, как, не размыслив, потоп ты устроил?
На согрешившего грех возложи ты,
На виноватого вину возложи ты, —
Удержись, да не будет погублен, утерпи, да не будет повержен!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше лев бы явился, людей поубавил!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше волк бы явился, людей поубавил!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше голод настал бы, разорил бы землю!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше мор настал бы, людей поразил бы!
Я ж не выдал тайны богов великих —
Многомудрому сон я послал, и тайну богов постиг он.
А теперь ему совет посоветуй!»
Поднялся Эллиль, взошел на корабль,
Взял меня за руку, вывел наружу,
На колени поставил жену мою рядом,
К нашим лбам прикоснулся, встал между нами, благословлял нас:
Доселе Утнапишти был человеком,
Отныне ж Утнапишти нам, богам, подобен,
Пусть живет Утнапишти при устье рек, в отдаленье!..

Серебристая пахнувшая горьким медом трава тихо шелестела на ветру. На светлеющем небосклоне еще горели далекие и замысловатые узоры созвездий. Раньше у меня не хватало ни времени, ни зрения, ни совести вот так просто, открыто смотреть небу в глаза. Это было раньше. А сейгеш я смотрела на звезды, слушала размеренное дыхание людей и думала. О чем думаешь, когда смотришь на звезды? Конечно же, о мечтах.

— Умбра... Умбра? Умбра!

— Ну что?

— Ты спишь?

— Сплю, Тим.

— Как ты думаешь, а герои из легенд, ну там Гильгамеш, Энкиду, они, правда, когда-то жили на свете?

— Конечно, жили. — Авторитетно соврала я. — Иначе, откуда взяться легендам. На самом деле, у людей не очень богатое воображение.

— Обалдеть, как здорово! — Восхищенно протянул мальчишка. — Когда вырасту, я хочу стать настоящим воином, сильным, чтобы меня все боялись, отважным и благородным. Знаешь, путешествовал бы по всему миру, помогая попавшим в беду, и уничтожая всяких мерзких тварей... ну, то есть, конечно, не всех... в смысле, не таких, как ты... то есть, таких, которые совсем уж мерзкие...

У меня вырвался горький смешок.

— Умбра, а как думаешь, я когда-нибудь стану, похожим на Гильгамеша?

— Никогда. — И в этот момент я нисколько не кривила душой, или что там у игигов вместо нее? Гильгамеша изображают юным атлетом со светлым взором и здоровенной дубиной в крепкой руке, как правило, одухотворенно лупцующим жуткое страховидло или спасающим прекрасную царевну. Но не многим известно, что великий герой никогда не делал особой разницы между царевной и страховидлом, и если бы понадобилось, с одинаковым вдохновением прибил бы первую и женился на втором, или наоборот, в любой последовательности. Агрессивный, беспринципный, жадный до власти и денег убийца... почти как я...

— Тим, ты совсем другой, и надеюсь, будешь намного лучше любого из этих героев.

Сникший было мальчишка, встрепенулся и даже приподнялся на локте, растревожив спящую сестренку. В широко распахнутых глазах отражался огонь и полный приключений мир.

— Правда?

— Правда. Но учти, герои живут долго только в легендах.

— Спасибо... ты умеешь обнадежить. — Он откинулся на спину, чтобы снова взглянуть на далекие мерцающие огоньки. — Умбра, ты всегда такая... серьезная. Мне кажется, что ты в детстве и не мечтала ни о чем.

— У меня не было детства. — Я немного помолчала, собираясь с духом. — Но мечта была. Мне всегда хотелось стать художницей...

— Кем!?

— Что, думаешь, это смешно? — С обреченным вздохом осведомилась я.

Но, как ни странно, Тимхо и не подумал смеяться.

— Нет, просто ты не похожа на... деятельницу искусства. А, на самом деле, быть художником — это обалдеть, как здорово!

— Правда? Ты не поверишь, как приятно это слышать. Многие не понимают. Знаешь, ведь картины сильнее любой магии. — Меня откровенно несло. — Они могут остановить время, изменить мир, заставить грустного улыбнуться, умершего жить вечно... я всегда мечтала окончить школу искусств, а потом жить в каком-нибудь маленьком городке, в небольшом домике, можно снимать комнату, не важно... писала бы картины, часть продавала, чтобы хватало на жизнь, а часть оставляла бы себе...

— ... Умбра, послушай, когда все это закончится... ты могла бы остаться с нами.

— Чего?!!

— Оставайся с нами насовсем... Шушуня тебя очень полюбила... дядя помог бы тебе найти хорошего преподавателя...

— Спасибо, Тим. Я подумаю. Спокойной ночи. — Я резко отвернулась, уткнувшись носом в кожаную куртку Асеера. Да, грубо. Но иначе нельзя. Нельзя, чтобы кто-нибудь видел невысказанную позорную горечь, катившуюся по щекам крупными солеными слезами.

Тусклая, еле уловимая вспышка пламени, отразившаяся в приоткрывшихся глазах, обожгла сильнее самого огня. Вот бесы, он же, вроде, спал! Мне немедленно захотелось провалиться в подземное Царство. Как можно глубже.

— Умбра, а какого цвета у тебя волосы? — Шепот охотника щекотнул мое ухо и нервы разом.

— Чего?!

Какое-то время ушло просто на то, чтобы переварить вопрос.

— Не знаю... — Наконец сбивчиво пробормотала я, смущенно покусывая губы. — У меня их никогда не было... не растут... такие уж у Хозяина представления о практичности... хм, ты решил побеседовать с тварью, дингир-ур?

Асеер слегка сморщил нос. Что-то не припомню за собой такой привычки.

— Меня всегда учили, что люди — это свет, а твари — тьма. А где в тебе эта граница между злом и добром, между игигом и человеком? Что, похоже на бред сумасшедшего? — Он помолчал, взглядываясь в мое лицо. — А если еще учесть, что я фактически говорю сам с собой...

— Ты слишком заморачиваешься...

Но он меня не слушал.

— ... ты тень, от которой не отделаешься, как ни крутись. Если повернуться к свету, ты ударишь со спины. Если отвернуться — преградишь дорогу.

— Какие глубокие размышления. — Недовольно проворчала я. — А ты просто иди рядом... и я буду тебе по боку.

Охотник усмехнулся и с протяжным вздохом закрыл глаза, уткнувшись лбом мне в плечо.

— Я все равно тебя убью. — Пробормотал он непреклонным тоном обиженного ребенка.

Да, судьба... А ведь эти слова могли быть произнесены для меня в такой же обстановке, но другим человеком, в другой жизни... и немного по-другому. Я бы тогда не кривилась в ехидной ухмылке, а счастливо улыбнулась, тихо прошептав...

— И я тебя.

* * *

Где-то далеко, в другом мире, в замке среди неприступных гор, пожилой черноволосый мужчина с аристократичной сединой на висках устало стянул очки, отшвырнул старинную рукопись и уставился в потолок, нервно покусывая губы. Его серые глаза растерянно блуждали по роскошным цветным фрескам, не задерживаясь ни на одной, словно человек пребывал в глубокой задумчивости или растерянности. Внезапно глаза его решительно сузились.

Легкий щелчок пальцев, и в воздухе таинственным образом появились огромные песочные часы.

В этот же момент распахнулась дверь, и на пороге возник молодой парень с отчаянно-рыжей шевелюрой, увенчанной маленькими рожками.

— Сайтас, вот ты где! Я тут пораскинул...

Порывистый взмах руки, и дверь резко, со страшным грохотом захлопнулась, подняв облако пыли и едва ли не вылетев с другой стороны, с которой тут же донеслись громкие стоны вперемешку с возмущенными ругательствами.

Но седовласый и бровью не повел. Все это время он не отводил взгляда от часов, изогнутых знаком бесконечности, словно в насмешку над их назначением. Искрящийся антрацитовый песок с тихим шепотом ссыпался в пирамиду у основания...

* * *

Меня разбудил холод, нагло, по-хозяйски разлившийся по всему телу. Яркий свет, не преминувший ударить в глаза, заставил болезненно зажмуриться и чертыхнуться. Эх, надо же, под утро все-таки сморило. И, судя по тому, как высоко поднялось солнце, уже полдень. Мир вокруг, подернувшись знакомой мутноватой пеленой. Даже у немощных альбиносов зрение лучше. Снова возвратилась застарелая раздражающая боль, сдавив виски жестким обручем. Что же, свершилось.

Поднявшись, я планомерно ощупала себя от макушки до талии, констатировала полноту комплектации и безрадостно огляделась, сглотнув застрявший в горле комок. Симург и Тимхо сидели среди высокой, позолоченной солнцем травы, и, судя по серьезным сосредоточенным лицам, втихую подъедали оставшиеся припасы.

— Доброе утро.

Мальчишка не проронил ни звука, даже не пошевелился.

— Достопочтимый дингир-ур... — Симург нерешительно поднялся, делая жалкую попытку преградить мне дорогу. — Знаете... сейгеш не время для разговоров.

— Успокойся, это не достопочтимый, это снова я, мерзкая тварь. Что происходит?

— Умбра? — Физиономия алхимика чуть просветлела, но на общем фоне грязи, скорби и усталости это было почти незаметно. — Шушельга не просыпается, и, дышит все труднее. Кажется, уже скоро...

Мужчина перешел на приглушенный шепот, отгородившись от племянника ладонью.

— Боюсь, как бы он не сошел с ума. Сидит, как истукан, ничего не слышит, ничего не говорит, по-моему, даже меня не узнает... мы так не сможем идти дальше...

— Я присела рядом на корточки, заглянула в потускневшие бессмысленные глаза, и тихо позвала. — Тим...

Мальчишка не шелохнулся, только чуть перебрал тонкими пальцами, прижимая к себе бесчувственную сестренку.

— Тимхо Митич, ты меня слышишь? Это я, Умбра. Да погляди на меня, бесхребетная размазня! Тряпка! — Я залепила ему крепкую пощечину. Наотмашь, до жжения в ладони.

Пострадавшая щека мгновенно налилась алым румянцем. Взгляд наполнился злобой, осознанной злобой. Так то лучше.

— Твоя сестра пока жива. Мы еще можем ее спасти. Ты меня слышишь? Тимхо!

— Д-д-да...

— Ты сделаешь все, чтобы спасти Шушельгу. Ты не можешь остановиться на полпути только потому, что тебе больно. Твоей сестре намного больнее. — Я осеклась, заметив кровавые пятна на его руках и рубахе девочки — Сейгеш ты возьмешь себя в руки, умоешь и переоденешь Шушуню в чистую одежду. У тебя есть запасная канди?

— Да. В сумке осталась... синяя. — Мальчишка судорожно вздохнул, проведя пятерней по лицу. — По карте где-то здесь поблизости должен быть ручей.

— Вот и хорошо. Симург тебе поможет. Идите, только осторожней.

— А ты?

— А я быстро соберу вещи, и догоню вас.

* * *

Бытует мнение, что спящий человек, в отличие от человека бодрствующего всегда выглядит беззащитным и милым. Но Асеер даже во сне умудрялся излучать смертельную опасность и неприязнь. Словно клинок, который до поры до времени убрали в ножны. Без обычной гримасы презрения и ненависти, лицо выглядело еще более некрасивым, но, странное дело — все равно притягивало взгляд. Сейгеш я поняла, как он похож на свою сестру. Даже нет, не похож. Они просто были одним целым, как две противоположные половинки медальона. Мягкая беззащитность с одной стороны и грубая сила с другой. Волосы рассыпались по траве белыми сияющими лентами. Правая рука — на груди, под сердцем. Левая трогательно повернута ладонью вверх около затянутой поясом талии. И самое впечатляющее... я не смогла удержаться от восхищенного вздоха.

Сапоги...

Мягкие. Удобные. Из прочной непромокаемой удужьей кожи, переливающейся на солнце всеми цветам радуги. С серебряными заклепками и толстой подошвой. Не идущие ни в какое сравнение с моей изношенной обувкой, в которой прощупывался каждый камешек на дороге. Это произведение скорняжного искусства имело всего один недостаток — непомерно огромный размер. В своем нынешнем теле я могла спокойно затолкать в одно голенище сразу две ноги. Эх, придется ограничиться лишь счастливыми воспоминаниями.

Я позволила себе еще один горестный вздох, опустила на колени без опасения отбросить несуществующую тень, и настороженно прислушалась к дыханию дингир-ура. Будем надеяться, мои ночные бдения не прошли даром.

Тяжелая рукоять охотничьего меча легла в ладонь крепким деловитым рукопожатием. Клинку в отличие от хозяина было неважно, на чьей стороне сражаться.

И тут Асеер взял и все испортил. Он открыл глаза.

Взгляд мужчины задержался на моем лице.

— Умбра? — Охотник неожиданно светло улыбнулся, я же обратно пропорционально нахмурилась.

— Никогда бы не подумал, что буду рад тебя видеть.

Упади небо, как некстати! Все было бы намного легче, если бы ты спал. Или хотя бы не улыбался так... дружелюбно? Да, я обещала честный поединок. Но времени на ошибку нет. Прости. В конце концов, я же бездушная и бесчестная тварь.

Нужно соответствовать.

Узкая лесная тропинка, перечерченная тенями деревьев, обвивалась вокруг большого нагретого солнцем бульжника. Симург неуклюже сполз с валуна и сделал несколько порывистых шагов навстречу, но внезапно остановился, вглядываясь в мою одинокую, подсвеченную солнцем фигуру.

— А где Асер? — Тут он разглядел плащ охотника и ножны со Стрекозой, снова обосновавшиеся на моем боку. — Милостивые боги, ты его...

Я молча поправила лямку, делая попытку обогнуть препятствие, но учитель алхимии снова преградил мне дорогу.

— Да постой же. Милостивые боги, да ты просто молодчина, Умбра! — Со смесью восхищения и суеверного ужаса пробормотал он. — В одиночку справиться с храмовым охотником! А я-то думал, ты действительно собралась устраивать с ним поединок чести...

— Слово честь придумали трусы. Для наемника все решает выгода. — Я с вызовом взглянула ему в глаза и невольно удивилась. Куда делся чудаковатый повеса-аристократ, совершенно неприспособленный к жизни? Сейгеш на меня смотрели холодные, пронизательные глаза опытного и опасного игрока. Игрока привыкшего выигрывать.

— Извини, что я в тебе сомневался. Порой трудно отличить серебро от мельхиора, но ты настоящий профессионал. — Серьезно сказал он, а потом, словно спохватившись, расплылся в своей обычной шалопайской улыбке, становясь похожим на своего племянника.

— Кстати, а почему ты один? — Опомнилась я, хватая Симурга за руку, чтобы тут же испуганно её отпустить, потому что мужчина неожиданно завопил злым голосом и шарахнулся в сторону, бережно придерживая правое предплечье. Только тут я различила пару новых ссадин и большую кровотокающую царапину на колене.

— У тебя вывих... что случилось? Где дети?!

Учитель алхимии виновато потупился, склонив кудрявую голову, и обреченно прошептал.

— Мы нашли ручей...

Да, и этим было все сказано. Они нашли ручей! Внизу обрыва. Высокого каменистого обрыва, куда со всей своей детской непосредственностью и младшей сестренкой поспешил провалиться злосчастный Тимхо Митич, не разбившись насмерть только благодаря хорошей реакции Симурга. Реакция оказалось, действительно, что надо, а вот физическая подготовка подвела. В результате: вывихнутое плечо у дяди, серьезный перелом ноги у племянника, огромный синяк на лбу Шушуни... и абсолютно непонятно, как двигаться дальше.

Но я была бы не я, если бы так просто сдалась. Плечо было вправлено. Нога уложена в лубок и перевязана лентами из плаща дингир-ура. Остатки материала пошли на изготовление нехитрого приспособления, которое сейгеш удерживало девочку над моим животом, фиксируясь крестом на спине. За спиной отчасти в качестве противовеса, отчасти из-за невозможности передвигаться самостоятельно, обхватив мою шею руками, висел Тимхо.

Говорят, что игиги невероятно сильны и выносливы, как никто из людей. Не врут, это правда. Раньше я бы даже не заметила своей ноши. Но уже к вечеру она стала для меня непосильной. Мир превратился в сплошное расплывчатое пятно. Голова гудела, будто растревоженный улей. Причем казалось, что в виски ожесточенно впиваются сотни жал. Наконец, до меня дошло, если сей же геш не остановлюсь, то просто упаду лицом в грязь во всех смыслах, причем без всяких перспектив подняться. Пришлось срочно объявлять привал.

Мои недоумевающие спутники остались где-то далеко позади вместе с заходящим солнцем, за стеной деревьев. В тщетной попытке убежать от боли я ломилась сквозь кусты, не разбирая пути и не обращая внимания на хлещущие по лицу ветки, словно раненый слон через джунгли, пока совсем не обессилила и не рухнула в траву. В глазах потемнело. Подумать только, раньше я никогда не боялась темноты...

— Да, милая моя... — В голосе Стрекозы прозвучала злая язвительность. — И зачем ты это сделала?

— Ты это про охотника? — Если честно, сейгеш меня обрадовала даже такая вредная собеседница. Настолько было жутко оставаться одной наедине с болью.

— Нет. Мне не понятно, зачем было ввязываться во всю эту историю. Ты же мечтала совсем о другом. А, Умбра?

Задумчивая пауза затянулась надолго. Мне даже успело немного полегчать. Я воткнула меч в землю и подтянулась, вставая на колени. Лоб уперся в холодное перекрестье. С грани клинка на меня тупо уставились мутные, еле-еле прозревшие глаза.

— Кстати, ты же у нас знаешь все наперед. Скажи, это Нефритовое Озеро сможет спасти девочку?

Похоже, что вопрос все-таки пришелся некстати. Лайдэ-дзи смутилась. Впервые на моей памяти.

— Видишь ли... как бы это... в общем, я малость приукрасила, когда говорила, что могу видеть будущее. Его

никто не может видеть. Разве что смутные мельтешащие обрывки. Оно ведь постоянно меняется, это будущее. С настоящим, в принципе, тоже проблемы. Могут только сказать, что озеро действительно существует и находится где-то поблизости. Я чувствую его. Это какая-то древняя магия, намного старше и могущественнее любого известного искусства, источник первозданной природной силы. Но на что эта сила способна, я не знаю.

— Да что ты вообще знаешь!

— Ну, например, что ты умираешь.

Если она собиралась поразить меня своей пронизательностью, то просчиталась. Мне уже было на все плевать.

— Умираю. — Задумчиво, пробуя слово на вкус, произнесла я. — Хотя что-то можно сделать против воли

Хозяина. Как Сайтас не бился, ни одна из теней не прожила больше двадцати шести лет. Зато за хорошую службу можно получить в награду время... чтобы пожить на свободе... самой.

— Подожди! Ты сказала «ни одна»?

— А ты думала. Надо будет, он еще взвод таких, как я наклепает. Вот как помру, так сразу...

— И как он узнает?

— Да уж узнает...

— Тогда я совсем ничего не понимаю. На кой бес тебе сдались эти люди, Тень?! Ты для них только отражение тьмы под ногами.

— Просто хотела сделать что-нибудь... хм, хорошее и светлое. — Как бы в уплату за все старые мерзости, от которых мне не хватило духу отказаться.

— Как и от жизни? — Саркастически осведомилась Лайдэ-дзи.

— Это камень в мой огород? Да, я боюсь смерти. — Признание вырвалось болезненным кашлем. — Всегда боялась... но это не главная причина. Одиночество. Пустота. Мне всегда хотелось узнать, как это быть человеком, иметь настоящую семью, делить жизнь, радости, надежды...

— Ну и как тебе?

Я подняла взгляд на свое отражение в мече. Да-а... мало сказать, что в гроб кладут краше, по-моему, даже выкапывают симпатичнее. Землистое в бурых разводах лицо с обвисшими щеками ответило мне кислой улыбкой.

— Погано.

Стрекоза расхохоталась. Он смеялась жадно и самозабвенно, словно пила плотками воду после двухвековой жажды, все больше входя во вкус, давясь, захлебываясь, но не переставая. Мне показалось, что среди деревьев мелькнул темный силуэт. Я настороженно прищурилась, пытаюсь отличить движение живого существа среди покачивания ветвей. Зверь, человек или... больной бред? Наверное, все-таки последнее. Тем более что мне опять стало хуже. В глазах как-то без предупреждения потемнело, и я повалилась лицом в траву под звонкий хохот Стрекозы, отдававшийся в моей голове гулким, затухающим эхом.

Из небытия меня вырвал все тот же язвительный голос. Я то решила, что уже отмучилась, и потому восприняла торжественное возвращение в сознание с большим недовольством.

— Чего тебе еще надобно, старче?

— Умбра, какая же ты балбеска. — В голосе неожиданно послышались сочувственные нотки, горчившие мрачной решимостью. — Ты не умрешь. По крайней мере так, здесь и сейгеш. Во мне остались силы. С гулькин хрен, конечно, но этого хватит еще на пару недель.

Меч ощутимо нагрелся и даже слегка завибрировал от усилий, но все зря. Живительная энергия наотрез отказывалась передаваться моему обреченному телу.

— Рассыплешься. — Ехидно пообещала я. — Ничего не получится, потому что...

И в этот момент боль ушла. Совсем. Вместо жуткой слабости, по венам разлилась... нет, не прежняя сила, но спокойная уверенность в своей самостоятельности. Я неожиданно осознала себя сидящей среди высокой изумрудной травы, украшенной лиловыми колокольчиками, вязью синих теней, и за вечерней солнечной позолотой. Над головой журчали размеренные, тихие пересуды деревьев, постепенно вливаясь в тишину щемяще-бесконечного неба.

— Боги... — одними губами прошептала я. — Как же хорошо... жить...

Где-то истерически заголосила птица. Но лично мне ее верещание показалось волшебной музыкой.

— А давай рванем к морю, а? — Ни с того ни с сего предложила Стрекоза, запальчиво и даже с какой-то детской восторженностью, которую никак нельзя было ожидать от двухсотлетнего существа. — Пара недель в запасе имеется. Вернемся, подстережем парочку тамкаров, под зайдем серебра на общественных началах и устроим себе царский отпуск, чтоб Ур-Намму попух с зависти. Заживем! Портреты, пейзажи, натюрморты, первое, второе, компотик, элгайская настойка на семи травах, танцовщики в коротких юбках и все такое...

Я поднялась, повела локтем, очищая клинок от земли, и благодарно улыбнувшись, вернула меч в ножны.

Тени бесшумно соскальзывали с выделанной кожи куртки, расстилаясь по траве, с недовольным шелестом ловившей мои шаги.

— Вот и правильно, вот и молодец, пошли. Знаю я одно местечко. — Продолжала самозабвенно трещать Лайдэ-дзи. — Не Ниппурская Школа Искусств, конечно, но за хорошие деньги можно взять пару приличных уроков у конкретных мастеров...

Я приостановилась, позволив себе вдоволь послушать и помечтать за компанию, а потом снова вернулась к первоначальному темпу.

— Сможешь шпаклевать свои шедевры хоть с утра до вечера... эй, ты куда? Пещера же в другой стороне! Так, Умбра... Умбра? Умбра!

— Умбра, ну и где тебя бесы носили столько времени?! — Возопил учитель алхимии, едва за моей спиной сомкнулись кусты.

— Говорил же, она обязательно вернется!

Я иронически изогнула бровь, переводя взгляд с торжествующе улыбающегося мальчишки на его дядю.

— А что, кто-то надеялся на обратное?

— Как же, отделаешься от тебя. — Пробурчал себе под нос Симуург, впрочем, от меня не укрылась его радостная улыбка. — Между прочим, пока кто-то наслаждался красотами природы, мы нашли дорогу к озеру!

— Да ну.

— Гляди. Что ты на это скажешь?

Я послушно склонилась над Тимхо, который стал разворачивать свою драгоценную, успевшую уже изрядно истрепаться, карту. Загорелый мальчишеский палец с белой полоской шрама уткнулся в неэстетическую россыпь из бурых пятен, переходящих в кривую грязную линию.

— Скажу, что прежний хозяин недолюбливал насекомых и скупился на мухобойки.

— Умбра, да, погляди по сторонам, ты, что ничего не замечаешь?

Я скептически огляделась и...

— Ух ты! — Прямо напротив, на другом конце лужайки возвышалось нечто. Огромное, вытянутое до земли каменное лицо с моховыми бакенбардами и всклокоченной шевелюрой из разросшихся лиан. Как его можно было не заметить?! Я еще раз сверилась с картой, и на этот раз в пятнах отчетливо проступили размытые очертания человеческих лиц.

— Ты лучше погляди сюда. — Симуург небрежно приподнял полог ветвей так, что стало видно старую поросшую травой дорогу, по обе стороны которой, как бы сдерживая наступающие войска леса, стояли сплоченные шеренги таких же каменных истуканов.

— Ух ты! — Повторила я, и немного подумав, совсем уже по-тимховски добавила. — Обалдеть!

Солнце уходило. Лесной коридор с каменными колонами-идолами, и занавесями из длинных лиан, словно срезали, наотмашь, открывая крутой, отвесный обрыв с видом на просторную долину. Внизу гигантским зеркалом раскинулась водная гладь. Огненное сияние закатных лучей смешивалось с салатно-зелеными гребнями волн, и тонули в фосфоресцирующей изумрудной глубине, закручивающейся бездной прямо под ногами. Люди молчали. Стрекоза обижалась, так и не проронив за всю дорогу ни одного слова. А я и раньше не отличалась чрезмерной болтливостью, а уж сейгеш...

Мы так долго сюда шли, так верили, так спешили, и вот теперь просто потеряли дар речи от волнения. Первым опомнился Симуург.

— Я знал, знал, что найду его!! — Завопил он, впиваясь в свою роскошную шевелюру. Стягивающая хвост лента слетела, позволив длинным густым волосам львиной гривой раскинуться по плечам и спине. — У меня получилось!

— У нас получилось! — Радостно подхватил Тимхо. — Слышишь, Шушуня, мы его нашли! Быстрей, дядя, помоги, мне. Нужно найти спуск...

Дядя с племянником стали взволновано ползать по краю обрыва в поисках пологого склона. Про меня все забыли, оставив стоять в стороне, в компании с каменными истуканами. Впрочем, мне там было самое место. Такая же понурая, молчаливая и никому не нужная. Чем дальше уходил день, тем яснее становилось видно, что озеро светится само по себе, словно зелье Маништусу. Это было прекрасное, но в то же время пугающее зрелище. Из любопытства я подобрала толстую ветку. Несмотря на хорошую высоту, она вошла в воду без брызг, как в масло, распустив на поверхности круги, и тут же всплыла, как полагается любому порядочному куску дерева... но только в виде черного островка золы.

— А ну стойте!

Симуург и вцепившийся в сестру Тимхо уже каким-то гётом умудрились сползти на небольшой каменистый уступ внизу, и теперь недоуменно задирали головы на мой отчаянный крик. Мальчишка, как всегда, истолковал все по-своему.

— Понимаю, Умбра, тебе некогда с нами возиться. Все равно у меня больше нет денег... так что ты свободна от обещаний, я расторгаю договор. Можешь возвращаться, ты еще успеешь на ярмарку. Это уже наши семейные дела.

— Да. — Поддержал его Симуург. — Можешь идти, дальше мы справимся сами.

— Да вы... вы... — От злости я даже потеряла дар речи. — Дурачье. Туда нельзя! Вода озера убивает все живое. Это верная смерть!

— Знаешь, иногда твои шутки не к месту. — Насупился Тим. — Не смешно. Ты же куда-то спешила, можешь идти.

— Ах, вот вы как? — Эти слова и тон, которым они были сказаны, окончательно меня доконали. Не понимая, что делаю, я сорвала с плеча сумку и, лихо раскрутив ее над головой, зашвырнула в озеро. Получилось даже эффективнее, чем с палкой. Вода забурлила, выпуская вверх клубы ядовито-желтого дыма. Под конец на поверхность всплыли почерневшие клочки кожи. Они какое-то время задумчиво покачались на волне, а потом с прощальным бульком растворились, оставив после себя только прогорклый въедливый смрад.

Тимхо испуганно ахнул. Симуург выругался. Я же измученно застонала, вспомнив, что в сумке был весь мой гонорар.

— Дядя... но как же так?! — Мальчишка так вытаращил глаза, что они заполнили добрую половину лица. — Это же волшебное озеро... оно должно помочь...

— Оно и поможет. — Странно улыбаясь, произнес учитель алхимии. — Только не тебе. Думаешь, все это затевалось ради какой-то сопливой девчонки?

Нашего дворянина было не узнать. Черты его лишились изящества, но приобрели решительную жесткость, а взгляд стал ироничным и безжалостным.

— Тогда ты такой же романтический идиот, как твой отец! Ведь всего бы этого не было, если бы этот болван не уперся рогами. Что ему стоило отдать мне карту по-хорошему? Нет, пришлось обращаться к влиятельным людям, просить, унижаться... сам виноват... сказал бы все сразу, без попыток... — Ах ты подлый, двуличный... ты... обманул нас!

— Почему обманул, Тим? Я же обещал довести вас до волшебного озера — так вот оно перед вами. Оно действительно может исполнить любое желание. Единственное, что я не ознакомил тебя с сутью ритуала. Так сейгеш можно исправить эту досадную недомолвку. Дармовых чудес не бывает. Даже в магии действует принцип взаимной выгоды. Озеро мне — желание, а я ему — две души, что тоже немало. И не смотри на меня так, пожалуйста...

— Ничего у тебя не получится!

— Посмотрим. — С этими словами Симуург схватил племянника за ногу, пытаясь подтащить к обрыву, но Тимхо изловчился и второй ногой заехал дядюшке по большому плечу. Мужчина зашипел, разжимая руки и картинно падая на колени. Воспользовавшись okazji, паренек (вот чего его я от него никак не ожидала) выполнил меткий удар сандалией в область, ключевого значения для всех представителей мужского пола. Шипение переросло в витеватый вой.

Становилось все интереснее. Я даже забыла о предосторожности и опасно свесилась с обрыва.

— Ну, счастливо оставаться... — После такого трудного трудового дня можно позволить себе ехидную ухмылку. — Не буду вмешивать *в ваши семейные дела*.

— Умбра, подожди! — На конкурсе отчаянных воплей этот имел все шансы выбиться в число финалистов. Прижимая к себе сестру и часто-часто перебирая ногами, Тимхо отполз к самому склону, упершись спиной так, что мне была видна только его буйная кудрявая голова и ободранные коленки. — Помоги, пожалуйста! В смысле, я опять хочу тебя нанять! Я заплачу!

— Умбра... — Смург, уставился на меня так, словно видел впервые в жизни. Эдак интригующе задумчиво. Мужчина поднатужился, собрал остатки самообладания, принимая более достойный вид, и громким самоуверенным голосом произнес.

— Он тебе лжет. Мне точно известно, что у щенка за душой ни сикля! Я же предлагаю настоящий взаимовыгодный договор. Можешь назвать любую сумму! Старый дурак Эру Дитрэ снабдил меня серебром, которого тебе хватит до конца жизни!

Да уж, иногда до конца жизни хватает и горстки серебряной стружки. Видя, что я никак не реагирую, учитель алхимии разволновался.

— Знаю, раньше я выглядел полным олухом, но это всего лишь маска, и, заметь, недурно скроенная. Сам верховный жрец Инанны принял ее за правду. Старый паук был так увлечен плетением заговоров, что запутался в собственной паутине. Если бы ты знала, чего мне стоило постоянно играть роль безнадежного идиота. Но выигрыш того стоил! Это судьба, если хочешь. В одной старинной рукописи я нашел описание некоего обряда, странным образом связанного с нашей фамильной тайной. Как оказалось, даже мои предки плохо представляли себе всю силу озера. Предав воде две жизни, можно обрести такое могущество, что рядом с ним померкнет слава твоего Хозяина! Я стану самым великим колдуном и смогу подарить тебе свободу!

— Да ну! — Невольно вырвалось у меня. Уже одно это стоило того, чтобы попробовать. Глаза алхимика полыхнули такой уверенностью, что даже я серьезно засомневалась (а, вдруг?).

— Я же еще предлагаю тебе безбедную жизнь. Мы деловые люди, Умбра. Девчонке в любом случае не поможешь, а мальчишка... не пройдет и пары лет, как он либо по глупости напорется на чей-нибудь нож, либо

сопеться. Зато так их жизни принесут настоящую пользу. Мне и тебе.

— Не слушай его, Умбра! Он тебя обманет, как нас!

— Заткнись, щенок!

— Сейгеш разберемся. — Особо не рассчитывая на благословение свыше, я предпочла позорно съехать вниз на заднице, нежели героически спускаться стоймя или выполнять показушные прыжки с вывертом и финальным плюхом в кислотном озере.

Эти два гиджа даже не догадывались, что без толку сотрясают воздух. Сейгеш, истощенная недавним свиданием со смертью, я мало на что годилась, потому как сама мало чем от нее отличалась. Бледная, немощная нежить. Жалкая тень от меня прежней. Тень от Тени. Забавно.

— Я облегчу тебе выбор. У меня трехзарядная звезда... — Сухим, надтреснутым голосом пригрозил Симуург заставив меня застыть в полусогбенном положении. Блефует или нет? Мощная штукавина. Может уничтожить все живое на три куша окрест своего хозяина. Интересно знать, где он ее прятал все это время.

— Но я бы больше всего на свете не хотел причинить тебе вред.

— С чего бы это? — У меня отчего-то невыносимо засвербело в груди.

— Неужели ты так и не догадалась. — На фоне его смущенной ослепительной улыбки безнадежно терялась даже искрящаяся гладь озера, развернувшаяся золотым серпом на горизонте... как сине-голубые силуэты гор, терялись в волшебной закатной дымке, как...

— Умбра! — Перед глазами, руки в бока, встал беспокойный дух меча. — Кого ты слушаешь, лысая, у него же на лбу аршинными буквами написано — подлый лживый агхруш!

— Уйди старче, может, мне в первый раз в любви признаются.

— А ты сразу уши по плечам и разложила!

— Так что скрепим договор и за дело? — Не подозревающий о нашей перепалке Симуург протянул навстречу руку. — Вместе. Это судьба.

Я молчала, не в силах отвести глаз от его улыбки. За спиной молча глотал злые слезы Тимхо, жалкий и беспомощный. Молча умирала Шушуня. Всего-то две, даже полторы чужие жизни в обмен на надежду. На новую жизнь.

— Только попробуй! Умбра, не смей! Слышишь, не смей! Я тебе приказываю!

Отброшенный за спину клинок возмущено тренькнул, утягивая за собой истерически верещащее приведение. Ничего, это всегда трудно, делать первый шаг. Я ощутила почти физическую боль, словно перешагивала через саму себя, выворачиваясь наизнанку. Наши ладони встретились в крепком уверенном рукопожатии.

— Правильный выбор. — Симуург облегченно рассмеялся. — Обещаю, ты не пожалеешь.

— Уже нет... — Мимолетные сомнения спокойно полетели себе дальше, и я даже смогла ответно улыбнуться.

— Тогда не будем медлить. — Он слегка нахмурил брови, пытаясь освободиться от моего крепкого рукопожатия. Так и не сумев справиться, алхимик недоуменно поднял на меня глаза. Улыбка еще блуждала на его губах, когда я резко отступила к краю бездны. И только когда зеленая вода со свистом понеслась нам на встречу, он опомнился и забился в диком, отчаянном крике.

— Умбра! — В это мгновенье Тимхо Митич позабыл обо всем на свете, в том числе и о своей сестренке, оставшейся сиротливо лежать на каменистой земле. Не жалея покалеченной ноги и сдирая пальцы в кровь, мальчишка дополз до кручи и холодея, заглянул в разверзшуюся брызгами водяную глотку. Озеро заглохло подачку с всплеском похожим на клацанье клыкастой пасти и тут же утянуло на дно, выдохнув в воздух облако кислого дыма. Взбурлившая желтой пеной поверхность стала медленно окрашиваться жуткими бурыми пятнами вперемешку с пучками волос, костями и полосками кожи. Это была страшная смерть. Это было ужасное зрелище, но Тимхо не мог оторваться. Слезы градом катились по щекам, хотя им, казалось бы, уже неоткуда было взяться.

Последняя черная крупинка легко скатилась по гладкому стеклянному склону, часов и грациозно спикировала на вершину песчаной пирамиды. Часы на миг застыли в немом совершенстве и тут же разлетелись на сотни мельчайших осколков, зависших в воздухе сверкающей пылью.

Сидящий в кресле мужчина перевел взгляд на свою тень, медленно расползавшуюся под ногами чернильным пятном, и со стоном запустил пальцы в серебряные, совершенно седые волосы.

Легкий чуть уловимый шелест, похожий на соприкосновение лепестков распускающегося цветка. Широкие крылья раскрылись и вспыхнули понизительной белизной, отражая последние солнечные лучи. Могущественная повелительница Цеву, единственная наследница престола Белогорья, повелевающая волей, знающая истину, равно читающая мысли и судьбы, опустила голову и горько разревелась, словно маленькая, беспомощная девочка.

День закончился. И, стирая тени, наступила ночь.

— Укум...

Вода. Толщенные пласты зеленой воды. Мутные светло салатовые, потом оливковые, потом темно-зеленые, как прослойки на срезе нефрита или ряды чешуек на гибком хвосте. Все ниже и ниже, пока кажущаяся уже бесконечной глубина внезапно не обрывается прикосновением плавного донного изгиба...

— Укум намус...

Вода движется. Постоянно движется. Закручивается тугими струями, свиваясь в кольца-воронки. Грациозно изгибается, перебирая бесчисленными пальцами-потоками...

— Агхруш, донгаз агадзута су пеел сибир ла дуг...

Словно огромное древнее существо, много старше жизни и смерти...

— ... мне пока трудно разобраться в твоём языке, но донгаз, кажется, значит, оскопленная свинья, а сибир — посох?

— Длинный кривой посох. — Машинально поправила я. — ... это ж надо так гиджски сдохнуть... стоп... это что, я думаю?!

Я огляделась. Это было непривычно. Меня не было! Ни рук, ни ног, ни даже живописной горстки костей. Только тошнотворная мутная зелень вокруг. А откуда этот голос? Послышалось? Но ушей у меня вроде как тоже не наблюдается... и как такое может быть? Я же, отчетливо помню, как расплзалась кусками...

— Погибло только человеческое тело и темная субстанция игига.

— Да, но что тогда осталось?

Зеленая муть неожиданно резко сгустилась, вытягиваясь гибким рыбоподобным телом. Заколыхалось сотнями извивающихся щупальцев. Скрестила на груди изящные руки с тонкими непропорционально длинными пальцами. Склонила на бок гладкую продолговатую голову.

— Душа.

— Душа? Но у игигов нет души. Сайтас говорил...

— Сайтас... Сайтас... — Большие раскосые глаза на плоском безносом лице подернулись пленкой, за которой впервые промелькнуло нечто напоминающее человеческое чувство. Злость. — «Тот самый» великий колдун? Как же, встречались.

— Не знала, что вы хорошие знакомые. — Забросила невод я. — Правда, он душка?

— Он негодяй! — Внезапно взорвалась хозяйка озера.

— Мерзавец.

— Наглец!

— И не говорите.

— Самоуверенный бесцеремонный юнец!

Это уже было забавно. Но, вместе с тем, что-то подсказывало, что это создание имело полное право назвать Хозяина милым карапузом, древних богов мелкой шантрапой, а легендарного дракона Усумгала, который в силу своих странных гастрономических привязанностей раз в каждое тысячелетие с начала основания мира пытается заглотить солнце, жалкой козявкой.

— Он и еще его шумные, невыносимые спутники! Имел наглость осквернить мое озеро! Неслыханно. Устроить пьянку на заветных берегах, священных еще до всех святынь появления!

Кажется, тут дело пахнет очередным научным симпозиумом, когда Хозяин вместе с шайкой таких же гульцанутых на всю голову колдунов запирались у Сайтаса в кабинете с парой-тройкой бочек вина, а потом пускались во все тяжкие, устраивая Армагеддон во всех подвернувшихся под нетрезвую руку мирах...

— Но когда они вскипятили вечные, гордые воды, заставили их бурлить и опорожнили огромные бочки душистые масла и снадобья, заставившие волны взбиваться густой белой пегой, как в дешевых купальнях, я не смогла больше хранить покой. Я, сама Творящая, явилась нечестивым, дабы они умерили свою спесь и преисполнились почтением. И они, увидев меня, убоялись и принесли положенные извинения. Только этот дикий невоспитанный колдун осмелился перечить и даже угрожать! Мне Творящей?! Если бы не расторопные друзья, умыкнувшие его у меня из-под носа, ему бы не помогла и вся мощь его великого дара!

— Жаль. Если бы вы успели, может быть, он бы уже не успел создать себе новую живую игрушку.

Почудилось, что моя собеседница улыбнулась, хотя рот больше похожий на клюв осьминога постоянно оставался неподвижно закрытым. Ладонь раскрылась и сложилась, словно причудливый веер. Указательный палец прочертил короткую горизонтальную линию, моментально вспыхнувшую ярким золотым светом.

— Так пишется «смерть» на твоём языке. Этот знак символизирует единицу. Например, человек. Что в нем уникально и единично? Разум. Но разум без тела мертв. Умрет тело, погаснет разум.

Легкое движение и над первой чертой загорелась вторая.

— Тело без разума тоже суть смерть.

Две горизонтальные черты пересекла одна вертикальная.

— Вот так на твоём языке пишется «жизнь». Когда разум и тело связаны вместе. Душой или магией.

— И какая веревка крепче?

— Никакая. Неудачная аналогия. В этом отношении душа больше похожа на воздух. Без него пламя мысли не возгорит даже из самого лучшего дерева. Тепло огня — это жизнь. Судьба решит будет ли это тепло домашнего очага, костра на обочине, пепелищ на поле брани, кузнечных мехов либо раскаленных пыточных инструментов. Но рано или поздно огонь догорает. Всегда. Дерево всегда превращается в пепел. Всегда. И воздух скоро забывает о теплоте и уюте, снова превращаясь в холодный безжизненный ветер.

— Ты забыла добавить слово всегда. Вся эта возвышенная болтовня — намек на то, что я все равно сдохну?

— Именно тебе больше не суждено быть. Ты должна стать частью мира. И я никогда ничего не забываю. — Иероглиф «жизнь» померк, оставив лишь пару золотых искорок в выпуклых, похожих на прозрачные пиалы глазах. — Ответ на вопрос, девочка. Почему ты здесь?

— Шла мимо, поскользнулась, упала? — Попыталась отшутиться я. — Как вариант.

— Подумай еще раз. Почему ты здесь?

— Это что какая-то шарада? Вопрос с подвохом, чтобы поставить меня в трудное неприятное положение? Или...

— Почему Ты Здесь? — Каждым словом можно было пробить здоровенную брешь в самой толстой крепостной стене. Мои и без того ветхие оборонительные укрепления позорно пали.

— Чтоб тебя! — Истерично проорала я, забыв подивиться технической стороне вопроса о крике души. — Почему? Потому что я идиотка! Потому что хочу, чтобы Шушуня наконец выздоровела! Чтобы они с Тимхо в отличие от меня жили очень долго и очень счастливо!

— А почему? — Елейным тоном матерого отравителя, подталкивающего жертве бокал с первосортным ядом, осведомилась она. — Ведь судьба подарила тебе время. Почему чужое счастье важнее собственной жизни?

— Потому! Потому что я их люблю! Люблю больше своей паршивой донгазской жизни. И только попробуй не помочь девочке! Я тебе тут такое устрою, все твое болото из берегов выйдет! Я... да я...

— И незачем так кипятишься. — Голос прозвучал отстраненно, с раздраженной тягучей ленцой. — У меня давний договор с вещным миром. Приходится соблюдать все формальности. Одно желание в обмен на одну добровольную смерть. Девочка уже давно здорова.

Этому голосу невозможно было не поверить. Если бы я могла дышать, вздохнула бы с облегчением.

— Согласно тому же договору, отданное добровольно возвращается. Ты получишь назад свою жизнь.

— Не надо. Считай это подарком. Лучше сделай, чтобы меня больше никогда не было.

— Разве ты не хочешь вернуться?

— Надоело, да и нет смысла. Выражаясь твоими словами, в свечу моей жизни слишком часто плевали, факел моей надежды отсырел... так получается, что я оживу, чтобы тут же снова умереть. Мне все равно оставалось каких-то пара гешей, или, как бы резюмировать поэтичнее... песок в моих часах все равно уже закончился...

— Я заткнулась, замкнулась в себе и стала ждать конца, под мерное колыхание зеленой мути. Муть сгущалась и темнела. Грань приближалась, даже без тела я остро чувствовала ее ледяное дыхание. Последним, что я увидела, была Хозяйка Нефритового Озера. Она протягивала вперед полупрозрачную руку, медленно разжимая ладонь, и улыбалась этой своей дурацкой несуществующей улыбкой. Белые струи песка свободно и красиво струились меж пальцами.

— Зато у меня этого добра навалом. Прощай.

В следующее мгновение мир ухнул куда-то вниз. Мышцы отозвались гулкой болью, словно их скрутили на манер выжимаемого белья, а потом резко отпустили. Мышцы? Я напрягла руку и, не веря своим глазам, осторожно поднесла ее к лицу, удивленно рассматривая белую кожу и... переплетение линий на ладони, которого у игигов не бывает и быть не может. Такое чудо бывает только у человека. Две чуть изогнутые горизонтальные линии точно в центре пересеченные вертикальной. Именно так на шумберском пишется слово жизнь. Я жива. Жива! Ура-а-а!

Но стоило открыть рот, как ликующий вопль тут же затолкало обратно вместе с мощным потоком холодной воды, который мне показался расплавленным железом. Тело забило в неконтролируемой истерике. Стиснув зубы, я судорожно вздернула голову, и еле сдержалась, чтобы снова не завопить, только в этот раз от отчаянья. Надо мной простирались гигантские массы воды. Я в исступлении замолотила ногами-руками, увеличивая скорость подъема, но очевидная истина тянула на дно не хуже камня. Не смогу. Не успею! Тем более изголодавшиеся легкие практически разрывали грудную клетку, требуя воздуха.

— Идиотка! — Неожиданно ясно прозвучало в моей голове, а затем нечто подхватило меня за шиворот и со страшной силой поволокло вверх.

Я вылетела из глубины, словно забулдыга из корчмы, напутствованный подкованным сапогом вышибалы. Легкие жадно втянули в себя весь доступный воздух, захватив заодно целую пригоршню воды. Закашлялась и чуть ли снова не ушла на дно, но старая выправка взяла верх. Худо-бедно собравшись с мыслями и силами, мне удалось

заставить свое одеревеневшее тело грести к берегу, оный, хоть и смутно, но все-таки просматривался далеко на горизонте. Очень-очень далеко. Вода озера утратила своё сверхъестественное нефритовое свечение, превратившись в обычную безобидную жидкость без вкуса и запаха. Без способностей игига, мне бы ни за что не отличить черную матовую полоску суши от блестящей под круглой луной поверхности плеса.

Кстати, никогда не видела такой огромной луны. Она висела над озером гигантским серебряным тазом, выставленным на суд дотошной публике сказочным мастером-великаном. Казалось, стоит приглядеться, и можно будет рассмотреть даже тонкую авторскую гравировку. Но меня, к сожалению, интересовали более приземленные вещи. Например, берег. Целая бездна времени и усилий ушла удугу под хвост, а он был все так же далек от меня, как царский суд от справедливости. Даренному коню в рот не смотрят, но новое тело поразительно быстро израсходовало свой резерв, выдохлось, досыта нахлебалось воды и все чаще предпринимало попытки уйти на дно. В довершение всех бед, правое копыто свело судорогой. Да, где же этот берег? Не иначе, как мне посчастливилось спутать сушу с дрейфующим бревном. Идиотка! Вместо дряхлой клячи мне подсунули настоящую ослицу.

И тут колени внезапно уперлись во что-то твердое. Никогда в жизни так не уставала. Всего в паре шагов от берега я поскользнулась и чуть не захлебнулась на дхэр. Сил хватило только на то, чтобы встать на четвереньки. О том, чтобы подняться или двигаться дальше речи вообще было. Руки дрожали мелкой дрожью. Воздуха катастрофически не хватало. Глаза затуманилось от воды. Одного носа для дыхания было мало, и поэтому я активно использовала для этих целей рот, открыв последний настолько широко, насколько позволяла челюсть, при этом искренне сожалея, что не могу задействовать еще и уши.

Немного погода полегчало, зрение стало мало-помалу проясняться, и, первым, что я увидела, была тень. Это было ни с чем несравнимо. Это было прекрасно. Я стала благоговейно перебирать пальцами песок на границе света и моего персонального кусочка тьмы, сопровождая себя хрипом и гулками подмываниями. Может, со стороны это и походило на воспаленный бред душевно больной, но на языке чудом воскресших и зверски уставших игигов имело весьма четкое значение.

Живой не поймет жизнь до конца, как понимает ее умирающий. Здоровому не оценить истинный смысл свободы, его открывает лишь долгая тяжелая болезнь. Зрячему не узнать настоящей красоты, она открывается только прозревшим...

По моим щекам лились слезы. Я мотала головой и ожесточенно, царапая кожу, вытирала их, чтобы не мешали смотреть на мою собственную тень. Гёт! Неужели такое возможно? Моя тень. Моя собственная тень. Моя свобода.

Она четко прорисовывалась на фоне мерцающих лунных бликов, тянулась по узкой песчаной дорожке, вымощенной желтыми резными листьями, изгибалась в острых гранях каменного выступа и заканчивалась, чуть-чуть не касаясь полукруглых носков сапог...

Очень хороших сапог. Из прочной непромокаемой удужьей кожи, отсвечивающей всеми цветам радуги. С серебряными заклепками и толстой подошвой. Настоящее произведение скорняжного искусства...

Сил не осталось даже для саркастической ухмылки. Моя судьба предпочитает черный юмор. Так жестокие мальчишки забавляются с мотыльками: поймают, оторвут крылья и посадят в коробку. Потом, когда ты уже смирился со своей долей, тебя выпускают. И ты ползешь, ползешь, перебираешь лапками, борясь за убогую бескрылую жизнь. Вот уже спасительные заросли травы совсем близко, но в последний момент на тебя с хрустом опускается подошва.

Эх, нужно было взять и добить его, когда была возможность. Так нет, лежачего мы не убиваем, это неблагородно. Неэтично. Ничего, вот уж ему точно все равно, стоячая ты, лежачая или ползучая. Для него ты личный враг, убийца семьи, лживое коварное отродье.

— Жизнь. — Коротко потребовал меч, с нетерпением выскальзывая из ножен. Совершенный, прирожденный убийца, такой же, как его хозяин. Говорят, что с момента посвящения и до конца жизни каждый охотник получает только один меч — символ возмездия и чести. Потерять оружие для клана храмовых убийц, значит признать свою трусость. Дингир-ур может оставить на поле боя друга, может остаться сам, но оружие не оставит никогда.

Холеное, заточенное лезвие с чувством превосходства поднялось над моей головой. Сначала медленно, а потом все быстрее, под нарастающую дробь сердца, судорожно бьющегося в груди, словно мотылек в банке. Трепыхание мягких крыльев переросло в сплошной трескучий гул и внезапно оборвалось.

Мгновение тишины. Серебряный росчерк в темноте.

Встревоженная резким движением ночная бабочка, предававшаяся философским размышлениям на узорном лимонно-желтом листе, сорвалась ввысь и, усиленно работая крыльями, понесла свое жирное тельце подальше от глупых надоедливых людей. На поиски смысла жизни. Который все-таки где-то есть.

Просыпалось солнце, щедро раскрашивая небо всеми цветами радуги на манер перламутровой раковины. Просыпались цветы, сонно потягивали задеревеневшие за ночь лепестки. Просыпались птицы, друг за дружкой подключаясь к радостному утреннему галдежу. Только Аджей, одна из ярчайших и красивейших жемчужин в ожерелье Белогорья, и не думал просыпаться. Этот город просто никогда не спал.

Свысока Аджей походил на палитру художника. Так уж было задумано основателем города, чтобы все кварталы строго различались по цветам. Даже солнцу, казалось, было каждый раз интересно разглядывать это чудо градостроения. Свет медленно, с предвкушением подбирался с восточной стороны, чтобы перелистать город, как любимую книгу. Квартал за кварталом, улицу за улицей, дом за домом.

Первым делом свет заливал Багровый квартал, где все постройки сооружались из красного кирпича. Здесь днём и ночью дымили трубы, стучали молотки, скрипели груженные сырьем и готовым товаром повозки, деловито переругивались-переговаривались мастера в красных фартуках, суетливо сновали подмастерья, время от времени потирая багровые оттопыренные уши или ноющих зад.

Пурпурная брусчатка перетиралась сотнею подошв в рыжую пыль, незаметно, сквозь плебейские Оранжевые кварталы, переходя в желтую мостовую Золотой Середины, делового центра города. Здесь в архитектуре использовались все оттенки от спелой пшеницы до яичного желтка, а отделка вирировалась от пошлой бронзы до настоящих драгоценных металлов, янтаря и самоцветных камней. Здесь в небо поднимались согнанные служками стаи голубей, струи фонтанов, макушки памятников и шпили высоких, похожих на замки домов. Здесь не было границ ни для спроса, ни для предложения, буднично гудели рынки, тихо орудовали мошенники, надрывно вопили их жертвы и одобрительно помалкивало правосудие.

Миновав вечную суматоху Золотой Середины, солнечные лучи с облегчением погружались в сверкающие росой аллеи Изумрудных кварталов, где располагались самые красивые парки и цветники, а также лучшие школы искусств и самые удобные постоянные дворы.

Далее свет отправлялся любоваться своим отражением в витражах соборов на Улицу Лазурных Свечей, также известной своими библиотеками, тавернами, игорными и публичными домами, тихо пробегал по черепичным крышам густонаселенных Лиловых кварталов, где проживало больше половины всего населения города, и, наконец, озарял зеленые лужайки Пестрых Холмов, единственного района в Аджее, который не подчинился строгим цветовым законам. Своим особым положением Пестрые Холмы были обязаны своим состоятельным обитателям, обладающим достаточными средствами и связями, чтобы позволить себе любые чудачества. Конкуренция среди богачей достигала самых невероятных цветов, стилей и размеров, превосходя не только самые смелые мечты, но и самые страшные кошмары.

На фоне всего этого бесчинства дом светила художественных искусств, госпожи Лу Жабо смотрелся сдержано, благовоспитанно и даже чопорно. Уютный двухэтажный особнячок белого кирпича с черными ставнями в духе эпохи Покинутого Трона.

Гармоничная отделка, искусные витражи и изящные росписи на стенах демонстрировали прекрасный художественный вкус хозяйки, золотой флигель в виде расправленных крыльев говорил о богатстве и высоком происхождении, вывешенный над входом герб «красная трезубая корона» возвещал о том, что один из предков сего высокого рода когда-то удостоился неслыханной чести личного знакомства с императором — все это давало серьезные основания для гордости хозяйки и лютой зависти соседей.

Солнце осторожно заглянуло в окно на втором этаже и, неожиданно, лицом к лицу столкнулось с самой домовладелицей. Надо сказать, что оба светила не испытали при этом особого удовольствия. Жесткие стальные глаза превратились в злые щелочки. Бледное неприветливое лицо скривилось в недовольной ухмылке. Отчасти из-за нелюбви к солнечному свету, отчасти от ненависти к беспорядку.

На подоконнике, рядом с ночной лампой валялась целая куча дохлых мотыльков. Их обгорелые жирные трупы бесстыже возлежали на белых салфетках и даже плавали в вазочке со свежими цветами. Если бы не эксцентричная прическа, вернее полное ее отсутствие, волосы на голове хозяйки встали бы дыбом. От вида этого крылатого безобразия высокородная дама так полыхнула праведным гневом, что солнцу сразу же захотелось стыдливо спрятаться за горизонт.

— Эй, девка! — Эхо низкого с хрипотцой голоса бесом заскакало по многочисленным комнатам, сплошь увешанным живописными шедеврами хозяйки. Служанка не заставила себя ждать, склонившись в вопросительном поклоне.

— Сколько же это будет продолжаться? Неужели нельзя хоть раз сделать все, как полагается? — Воскликнула госпожа, еле удержавшись, чтобы не навешать мерзавке подзатыльников. Отчасти из-за врожденного милосердия, отчасти из-за недавно введенного штрафа за избиение и убийство простолюдинов. Зато необложенные налогами

оскорбления полились полноводной рекой.

Между тем девка принялась торопливо наводить порядок, умудряясь при этом виновато кивать головой и даже вставлять извинения в нужных местах.

— Ишь, деловая. — Раздраженно подумала Лу Жабо, наблюдая, как служанка с отрешенным видом сгребает злокозненных мотылей в фартук, меняет воду для цветов и задерживает плотные черные шторы. Одно хорошо — платить ей много не нужно. В последнее время дела на мыловарне ши не очень ладно. Того и гляди, скоро придется зарабатывать продажей собственных картин. И почему дурные мысли лезут именно под утро?

— Поздно, утро уже. — Госпожа грузно опустилась на спальный стул, положив на подставку перед собой полные холеные руки с длинными, выкрашенными красным лаком ногтями. Жесткие завитки тихо стукнули о маренное дерево. — Закончишь с домом и ужином, наруби дров. Принеси воды да к вечеру разогрей, изволю умыться. Платье приготовишь изумрудное, что с желтым кантом, сие обозначает благонравие и честные устремления. Только не перепутай с бирюзой, дура. Бирюза для увеселений и легкомыслия. Парик мой любимый, серебристый. Мне сегодня вечером к душеприказчику идти, а он, говорят, раньше был во дворцовую курьерскую службу вхож, так уж будь уверена, все премудрости понимает. Ногти отполируй и позолоти. Теперь модно. Видишь, вот тут с концов облупились? Видишь, я тебя спрашиваю?

— Вижу.

— Видит она... о-о-ох. — Благообразное лицо художницы исказилось широким зевком. — Да что ты в своей жизни кроме грязи и клопов то видела, плебейка малохольная. Кабы не я, так и померла бы дурой, ничего путного за свой век не узнав.

— Спасибо, высокочтимая госпожа. — Кротко пробубнила служанка. — Как изволит высокочтимая госпожа.

Но высокочтимая уже не слышала ее униженного бормотания. Закрыв глаза и выпятив влажно поблескивающие губы, женщина мгновенно погрузилась в глубокий сон, застыв бесчувственным монолитом. Бурная светская жизнь бурлила в основном по ночам, поэтому первую половину дня Лу Жабо предавалась заслуженному отдыху. Теперь ее можно было разбудить разве что прямым попаданием тарана.

Служанка еще долгое время просто стояла, бездумно глядя на пол, потом провела по лицу огрубевшими, красными от холодной воды ладонями и направилась к угловому комоду. То был обычный комод фабрики «Желудь», какие сотнями выставляли в лавочках Золотой Середины. Единственное отличие от остальной продукции «Желудя» — укороченный на четыре пальца нижний ящик, в пустоту за которым прекрасно умещался набор красок, кисти и свернутый в трубочку холст.

Краски были разложены на комод, а чистый, загодя загрунтованный холст закреплен на хозяйском мольберте. Госпожа Жабо спала, не подозревая о творящемся бесчинстве, ее мощный художественный храп эхом разносился по опочивальне, легко заглушая утренний щебет птиц за окном.

Влажно поблескивающая кисть медленно погрузилась в баночку. Густая синяя краска довольно хлюпнула и потянулась следом длинными эластичными нитями, ловко срезанными об острые края горлышка. Светло серые, почти прозрачные глаза воодушевленно пробежались по настенным картинам, подмечая мельчайшие детали и особенности техники мастера. Впервые за все утро на отеком, замученном лице появилась улыбка. Тонкий кончик мимолетно коснулся бесцветной поверхности воды, тут же нарядившейся в яркое голубое кружево, оставил сочный завиток на палитре, на мгновение застыл над белоснежной поверхностью холста, подрагивая от предвкушения и...

В дверь неожиданно постучали. Набухшая капля неконтролируемо сорвалась вниз, отпечатавшись уродливой вытянутой кляксой, весьма натуралистично изобразив надменный профиль почивавшей госпожи.

Девушка досадливо вздохнула и без того взъерошенные короткие волосы, вспомнив, что как раз сегодня должен был забежать мальчишка посыльный из лекарской лавки, чтобы занести травяной сбор от простуды. Отложив кисточку, она спустилась на первый этаж, открыла дверь и, сощурившись от яркого света, сверху вниз поглядела на утреннего гостя. По росту и сложению стоящая на пороге фигурка вполне походила на пресловутого мальчишку, правда со скидкой на то, что он внезапно подхватил опасное кожное заболевание и баснословно разбогател — с ног до головы неизвестного посетителя окутывал модный серый с перламутровым отливом плащ из кожи морского змея. Настолько редкого, злобного и категорически несогласного с модными тенденциями, что его шкура ценилась на тысячу мер золота и стоила, как весь хозяйский дом вместе с мебелью. Ничего удивительного, что служанка в жизни не видевшая, такую уйму деньжищ намотанную на одного человека, застыла в недоумении. Зато посетитель внезапно обрел невероятную прыть и с пронзительным визгом бросился вперед.

Служанка вынужденно попятилась, обводя округу беспомощным взглядом. Но в столь ранний час на улице не было ни души, поскольку одна половина жителей Пестрых Кварталов еще не проснулась, а другая уже спала. Странное существо вихрем ворвалось в дом и в диком прыжке настигло свою жертву, вцепившись в нее острыми когтями. Входная дверь с грохотом захлопнулась, заглушая истошный душераздирающий вопль.

После ожесточенного сражения, мне все-таки удалось оторвать от себя верещащее чудище и поднять за ворот плаща. Спавший капюшон явил на свет всклокоченную детскую головку.

— Я тебя все-таки нашла! — Мило улыбнулась девочка, шалопайски болтнув в воздухе ногами. Вряд ли когда-либо встреча великой императрицы Белогорья со своими подданными проходила на столь высоком уровне. Удивление сменилось кипучей злостью. Я скорчила зверскую физиономию, собираясь разразиться бурной приветственной речью, но тут в дверь снова постучали. Упади небо! Да что же это такое, в самом деле!

— Дуй на второй этаж. Сидеть тихо. Ничего не трогать! — Сквозь зубы приказа я, и проследив, что насупившаяся гостья точно скрылась из виду, нервно провернула круглую ручку. К моему облегчению за дверью оказался не легион вооруженных до клыков серафим из личной охраны императрицы, а всего лишь конопатый отрок из лекарской лавки. Но, как оказалось, радовалась я зря. По зловредности для организма этот лопухий прохвост стоил целого легиона. Он поведал все последние сплетни, расспросил о здоровье хозяйки так дотошно, словно был ее единственным наследником, грустно посетовал на содранный в драке ноготь, обсудил прогноз погоды на будущий год и сточил целую гору семечек, после чего вспомнил, что забыл сверток с травами в лавке, пообещав вернуться попозже. Одна нога здесь, другая там. Я еде удержалась, чтобы не помочь ему разрывным заклинанием, но потом решила приберечь боевую магию для других претендентов и направилась к лестнице.

Мелодичные переливы храпа. Белый квадрат распятого на мольберте хоста с синей кляксой. Полоса света из-за раздвинутых штор. Конечно же, она подглядывала в окно.

— Умбра, я так соскучилась! — Девочка порывисто обняла меня за талию, уткнувшись лицом в живот. На этот раз я ответила ей взаимным объятием, ласково погладив всклокоченную макушку.

— Я тоже Шушуна, я тоже.

— Столько много всего произошло! — Взволновано затараторила она. — Я теперь императрица и мне все-все подчиняются, кто бы мог подумать, да? Все так сложно, но жутко интересно. Я теперь, знаешь, такое могу, я... я... я всегда верила, что ты жива. Но почему ты нас оставила, почему? Мы тебя чем-то обидели, да?

— Ну что ты. — Всхлипнула я. — Вы самое прекрасное, что было в моей жизни. Просто понимаешь... Шушунь... без меня вам будет гораздо легче. Ну, зачем юной императрице довесок из вредного больного на всю голову игига? Скоро у вас появятся свои семьи...

— Ты наша семья!

— Дело не только в этом. Рано или поздно Он узнает, что я жива, и найдет меня. Он не остановится ни перед чем. Хозяин...

Тут мой взгляд упал на госпожу Жабо, и слова застряли в горле промасленной тряпкой. Да, ничего так ни красит женщину, как несмывающиеся краски по серебряной двушке за баночку. Эта мелкая негодяйка раскрасила художницу моими личными красками, заработанными потом и кровью! И ведь как раскрасила! По сравнению с этим макияжем даже Аджей выглядел унылой бесцветной кучей-малой. Я отчетливо поняла, что только что лишилась работы. Да, нудной, да, унижительной, да почти не оплачиваемой, но честной, без убийств и грабежей, с возможностью заниматься любимым делом.

— Светлые воды, что ты натворила?!

— Не все же ей измываться над полотнами. — Беззаботно рассмеялась девочка. — По-моему она выглядит счастливой. Умбра ты что, расстроилась? Ерунда какая!

— Очень смешно! Конечно, для тебя это ерунда, тебя ждет дворец со всеми удобствами, а я? А по мне плачет клоповник и бьются в истерике месяцы безденежного мытарства. Знаешь, каких трудов мне стоило найти эту работу? Скажи, зачем ты это сделала, а? Что ты вообще здесь делаешь?!

Она отстранилась. Гордо вскинутый подбородок, огромные горящие глаза, волна иссиня-черных волос и небрежно расправленные белые крылья. Сказки врут. Гадкий утенок превратился вовсе не в прекрасного лебедя, а в хищного коршуна.

— Лучше скажи, что ТЫ здесь делаешь. — Шушельга ткнула когтем в мой застиранный рабочий фартук и криво улыбнулась, обнажая острые клыки. — Лучший воин, которого я когда-либо знала, лучший маг, которого когда-либо видел свет, работает на постирушках. Пресмыкается перед пресмыкающейся! Неужели тебе никогда не хотелось большего?!

— Вообще-то, если вдаваться в научные подробности, она земноводное. — Подавленно буркнула я, опираясь локтем на плечо самозабвенно храпящей госпожи. Мне тоже требовалась передышка.

— Плевать. — Властно отмахнулась девочка, а я подумала, что она все-таки очень сильно изменилась. — У меня для тебя выгодное предложение. Только не перебивай, пожалуйста. Империя долгое время существовала без правителя, и конечно теперь многое нужно восстанавливать и создавать заново. Конечно, никаких радикальных

реформ я вводить не буду, по крайней мере, сразу. Но кое-какие изменения не требуют отлагательства. Городские власти уже не справляются с разгулом преступности, поэтому я решила основать специальную службу, которая будет заниматься особо сложными и опасными делами. Курировать работу буду лично я, а тебя приглашаю на должность... м-м-м... допустим... главного выяснителя. Потом придумаю что-нибудь более звучное. Но главное для тебя — большое жалованье, жилье по твоему выбору и месячный отпуск после каждого дела. И не думай, что это подачка. Ты действительно лучшая кандидатура.

— Шушунь, — я отошла к окну, скрывая ухмылку. — Скажи честно, ты это все сейгеш придумала?

— Зря прячешься, я могу читать мысли. Ничего не сейгеш. Давно хотела создать нечто подобное, просто подходящего случая не было. А теперь появилась острая необходимость. И в службе и в твоей помощи.

Я обернулась, с надеждой разглядывая свою бывшую работодательницу. Может, получится как-нибудь оттереть... или закрасить...

— Не понимаю! — Капризно топнула ногой Шушуня. — Чем плохо мое предложение? Любой другой бы на твоём месте помер от счастья!

— А я тебе объясню, малышка. — Я подошла вплотную, глядя ей прямо в глаза. Огромные искрометно черные — прямо, конец света, а не глаза. — Ты предлагаешь мне снова прыгнуть в яму, из которой я с таким трудом выкарабкалась. Опять погони, интриги, убийства. Нет уж, хватит. Мне хочется простой спокойной жизни. Так что ответ на твоё предложение окончателен и этот ответ...

Входная дверь с грохотом вылетела из петель. Из окон градом посыпались стекла, а следом здоровые крылатые мужики с перекошенными от ярости лицами и мечами наизготовку.

* * *

Порою явь оказывается невероятнее любого сна. Госпожа Жабо открыла глаза и нервно заморгала, откровенно им не веря. Впервые в жизни самообладание ей изменило. Из горла вырвались нечленораздельные булькающие звуки, нечто среднее между истеричным визгом и предсмертным хрипом.

Миром правил хаос. Казалось, от дома уцелели только стены. Окна выворочены, шкафы выпотрошены, картины валяются на полу, везде пыль, а кроме того вся комната была заполнена и продолжала заполняться... если судить по форме и оружию, элитными императорскими войсками. Насчет оружия никаких сомнений быть не могло — в горло госпожи упиралось сразу шесть клинков, давая возможность во всех подробностях рассмотреть гравировку элитного подразделения серафим.

— Госпожа, вы в порядке? Что происходит?

Справедливо приняв эти слова на свой счет, художница с мольбой покосилась в сторону спасителя. Уж столько благоговейного ужаса и заботы в них прозвучало. Но высокий чернокрылый кедошим в синей шапочке первого советника обращался к какой-то девчонке, стоящей в самом центре комнаты. Темноволосой худенькой девчонки с выразительным, до боли знакомым лицом. Боль переросла в острые сердечные колики, когда за худенькими плечиками раскрылись широкие белоснежные крылья.

— Со мной все в порядке, Ханой. Нет никаких оснований для волнений. Тем более, я здесь по важному государственному делу. — Великая императрица, за честь лицезреть которую любой житель Белогорья лично бы разобрал свой дом по камушку, снисходительно улыбнулась. — До вашего появления мы как раз обсуждали его с главой императорской секретной службы по особо важным делам. Правильно, госпожа главный расследователь?

Императрица вопросительно склонила голову, приподняв широкие брови. Глаза всех присутствующих устремились к особе, к которой с таким почтением обращалась повелительница, и удивленно поползли на лоб. Послышался легкий звон выроненного советником Ханоем меча, а затем грохот упавшей в обморок госпожи. Служанка в застиранном фартуке, ставшая центром общего внимания, отрешенно смотрела себе под ноги, теребя воротник рубашки. Когда она, наконец, оставила в покое свой воротник и заговорила, многие из воинов невольно нахмурились. Столько злобы и недозволенной грубости прозвучало в этом голосе.

— Все правильно, великая императрица. — Тихо сказала она, решительно гася грустную улыбку. — Все правильно.

Небо висело так низко над землей, что Сашею казалось, будто оно всей своей массой давит ему прямо на темечко. Вот это был уже явный перебор, потому как изнутри голову старосты Серых Ив, маленькой деревеньки на севере Волчьего Лога, распирали тяжкие думы, обремененные хронической похмельной ломотой. Беда пришла два года назад по весне, когда стоял снег. Из окрестных сел стали пропадать люди. По одному, по двое, а то и целыми семьями. Кого-то потом находили, только кого конкретно понять было затруднительно. Тела всякий раз оказывались настолько изуродованы, что их не то, чтобы родная мать не могла узнать, без пол литры взглянуть духу не хватало.

Первым делом подумали на волков, их в здешних лесах водилось с избытком, но после засомневались. Вроде год не голодный, да и не было никогда раньше, чтобы волки так лютовали. Старожилы припомнили давний случай с колдуном, сглазившим соседскую скотину. Так те соседи обиделись и подожгли весь дом вместе с хозяином. На прощанье колдун, как водится, извергнул страшное проклятие. Байка долгое время пользовалась успехом. Хотели уже всем миром скинуться на кедошима из столицы^[37], чтобы тот произнес очистительное заклинание. Только кровные удалось сэкономить. Отправившихся на утреннюю стирку баб в очередной раз подстерег деревенский охальник Вацу, постоянно устраивавший селянам пакости и злые шутки. На этот раз он коварно покачивался у мостков с распоротым животом. Визг стоял такой, что в реке всплыла рыба, у коров пропало молоко, а из камышей выскочил и метнулся к лесу огромный серый зверь. Версия с волком вернулась и прочно заняла логовище на верхних строках жалобных грамот к столичным властям.

За полгода в округе перебили много волков, но результат получился прямо противоположный задуманному. Если раньше люди пропадали раз в месяц, теперь, как будто в отместку, кровожадная тварь стала убивать каждую неделю, избегая всех ловушек и капканов с поистине дьявольской, несвойственной простому зверю хитростью. Неизвестно, кто первый произнес слово оборотень, но уже через пару дней его с содроганием повторяли в каждом доме. Дело принимало серьезный оборот.

Писали самой императрице, Саший даже лично в столицу к первому советнику ездил, да все без толку. Власти предпочитали отмалчиваться, рассчитывая на то, что при известной сноровке шило можно утаить в любом мешке.

Но не когда оно торчит у тебя в заднице. Люди продолжали пропадать. Жуткие слухи расползлись по всему Белогорью, и, в конце концов, достигли Повелительницы. За поимку логского зверя была назначена большая награда. Охотники слетелись в Волчий Лог, как сороки на падаль. Но время шло, количество волчих тулупов росло, а местное население продолжало медленно и неотвратно убывать.

Сетуя на частые отлучки в столицу, жена уже всерьез предлагала Сашию обвенчаться с первым советником. Доведенный упертым жалобщиком до исступленья первый советник обещал обвенчать того сразу со всеми предметами интерьера и представители животного мира. Но вчера старосту Серых Ив приняли на удивление учтиво, вежливо попросив сопроводить до Городца важную персону из столицы. Наконец-то. Дождались...

Громкое карканье, прозвучавшее над самым ухом, вывело Сашия из транса воспоминаний. Вздрогнув, мужчина захлопал белесыми ресницами и оглянулся на ехавших рядом всадников.

* * *

Высокая фигура в темном плаще выделялась даже среди ладных парней. Всю дорогу так и просидела бесстрастным смоляным столбом, а тут резко вздернула голову, провожая взлетевшую с ветки ворону тревожным взглядом. Капюшон сполз на плечи, обнажив бледное женское лицо в обрамлении коротких черных волос придававших хозяйке сходство с давешней птицей. Только то явно была птица более высокого полета, о чем красноречиво свидетельствовал массивный серебряный перстень на указательном пальце, надетый прямо поверх перчатки. Кровавый рубин в оправе в виде четырех когтистых трехпалых лап — символ принадлежности к власти и особого расположения императрицы. Магический талисман, признающий только одного хозяина, которому он был подарен Повелительницей, в крайнем случае, его близких родственников. Говорили, что чужаку примерка такого колечка может самое дешевое обойтись в отрубленный палец.

— Бойся волка спереди, а ворона сзади! — Не удержался от смешка нахальный Вежек, самый старший и самый непутевый сын старосты, искренне считающий слово «интеллигентный» ругательством. Его товарищи с любопытством прислушались. Что-то будет. — Вы уж извиняйте, кабы заранее знали, что к нам гости из столицы приедут, справили бы ажурные намордники и пробки расписные узорные... Кстати, скажите, девушка, кто же вы будете по чину? А то к нам всякие тут приезжают... интеллигентные...

Привычный к жестким столичным нравам Сашей торопливо замахнулся, чтобы отвесить неучтивому

детинушке оплеуху. Поскорей, пока имперская чиновница плетью не приложила. Но всадница лишь задумчиво повела бровями, будто не заметив дерзости, и староста в последний момент сделал вид, что чешет в затылке.

— Девка да еще совсем зеленая. — Разочарованно подумал он. — Перстень волшебный, небось, по наследству получила. Потыркается, на трупы насмотрится да со слезами обратно к мамкам-нянькам запросится. Эх, послали кого не жалко...

— Можешь называть меня достопочтенная госпожа главный расследователь тайной имперской службы по особо важным делам. — Последовал ответ. Последовавший за ответом взгляд оглушил хамоватого парня получше отеческой затрещины. Это было еще тем чудно, что в последний раз Вежек терял дар речи, когда зимой пьяным свалился в колодец.

— Э-это... допопо... допотопочтенная госпожа... — После долгой паузы подал голос староста. — Это вы что же такое делать будете?

— Расследовать.

— Правду выпытывать что ли? — Робко спросил кто-то из парней.

— Можно и выпытывать. — Всадница поджала тонкие бесцветные губы, накинула капюшон, и больше до самого города не произнесла ни слова, за что вконец расхворавшийся староста был ей искренне благодарен.

* * *

Забурившись в первую подвернувшуюся гостиницу, я повалилась на кровать прямо в одежде и проспала до вечера следующего дня.

Приятное вечернее сияние мягко окутывало комнату, проглядывая сквозь стебли цветов в вазе, перебирало хрустальные шарики огромной, на весь потолок люстры, разбрасывая солнечные зайчики на снежно белых простынях. Я потянулась, с головой зарылась в мягкое одеяло, и замерла, втягивая носом приятный аромат лаванды, не шедший ни в какое сравнение с прогорклой сыростью, которой в течение двух лет смердила моя прежняя постель.

На столике лежал конверт с приглашением на ужин к бургомистру. Так и знала, что благая весть о моем «тайном» приезде обгонит меня на несколько дней. Но должность главного расследователя уже не представлялась мне в том мрачном свете, в каком виделась три дня назад, когда пришлось поспешно выехать из Аджея и тащится через всю империю к бесу на рога. Бадья воды с розовыми лепестками и поднос, полный снеди, окончательно примерили меня со своей тяжелой долей. Таким образом, несмотря на приобретенную помятость и наследственную угрюмость, мое лицо, высунувшееся между ставнями, можно было назвать вполне жизнерадостным. Живописный вид, открывающийся из окна, закрывала замшелая полуразвалившаяся башня, которая наперекор земному притяжению плавной дугой нависала над гостиницей. Я заметила у окна на самом верхнем этаже высокого темноволосого мужчину. Поймав мой взгляд, он отвесил грациозный полупоклон и, прежде чем я смогла ответить, скрылся в полумраке своей комнаты.

Внизу меня встретил конюх, спешивший донести благую весть о том, что моя чудесная, бесподобная, чистопородная кобыла давно вычищена, напоена, накормлена и заседлана. При упоминании седла мой зад налился свинцовой болью, а от воспоминаний о едком запахе лошадиного пота моментально скрутило желудок, отбивая всякое желание садиться на это пыточное приспособление. Ненавижу лошадей. Я собиралась высказать все это конюху, но взглянув в его чистые, горящие добротой и участием глаза, поняла, что не смогу. Это все равно, что сообщить ребенку, что доброго дедушки Ухты не существует. Стараясь отсрочить момент возвращения в седло, я морально и материально поблагодарила мужика за старания, заодно осведомившись, кто живет в старой башне напротив.

— Да там уже лет сто, как никто не живет.

— Но я видела силуэт в окне...

— Да вы что, госпожа, здесь все окна еще при моем прадеде замуровали, после того, как тогдашний начальник тюрьмы, знатный упырь, оттуда по пьяни вывалился. И главное ведь не случилось же с ним ничего, с начальником, только обе руки сломал. Так потом ходил еще каждый день лично проверял, чтобы, значит, совестливее закладывали...

Тут мужика окликнули, и конюх торопливо (от беды подальше) скрылся за углом, оставив меня самостоятельно переваривать услышанное. Я недоуменно пожала плечами, и тут же вышвырнула из головы мысли о таинственном окне, сконцентрировавшись на покорение конского хребта.

На поверку оказалось, что мои представления о городе, его жителях и царивших среди них настроениях, настолько же соответствовали реальности, насколько похоронная процессия соответствует свадебному картежу. Вместо заколоченных кривыми гвоздями ставень — открытые настежь окна с веселенькими занавесками, вместо

пустынных улиц — оживленные толпы народа, вместо подозрительного прищура — улыбки и приветливые кивки. Я долго разглядывала ощеренную волчью пасть, намалеванную на вывеске харчевни «серый волчок». После ознакомления со вторым десятком подобных вывесок (одна висела даже над входом в булочную), в сердце стали закрадываться нехорошие подозрения. Количество волчьих атрибутов, названий и символик в Городце не поддавалось исчислению. Бойкие лоточники, торговавшие фарфоровыми фигурками, салфетками, гобеленами и коврами, подробно изображающими особо красочные моменты из трудовых будней логского оборотня, легко перекрикивали своих конкурентов, предлагавших населению серебрянное оружие, чеснок, освященную воду и обереги.

Скоро на глаза мне попался красочный плакат, призывающий гостей и жителей города принять участие в охоте на оборотня. Достаточно было получить разрешение на уничтожение нечестивого зверя у городского охотничьего комитета. Стоило оно сущие гроши, зато сулило непередаваемые ощущения, бессмертную славу в веках, благодарность от последующих поколений, и баснословную награду в случае удачи.

Сумму награды разглядеть не удалось. Последняя строчка, в которой указывалась заветная цифра, была вся в разводах и затертостях, как если бы в нее часто тыкали пальцами в назидание ленивым мужьям.

По мере приближения к городской ратуше, на пути стали попадаться шумные компании в охотничьих костюмах, вооруженные луками и мечами. Некоторые гордо тащили за собой бездыханные волчьи туши — видимо на опознание. У главного входа в здание местного правительства царило настоящее столпотворение, в котором с трудом угадывалась очередь. Очередь галдела, ругалась и извивалась, словно гигантский морской змей. В последний раз такое скопление, многонациональных, раздраженных и подозрительных физиономий мне довелось повидать при пожаре в общественных купальнях Ниппура. Тогда для многочисленных потерпевших была организована выдача экстренной помощи в виде полотенец, накидок и фиговых листов, посмотреть на оную тут же сбежалось все население столицы.

Всегда знала, что для стоящих в очереди мужчин, слово «дама» — это совсем не повод пропустить кого-то вперед, а подсказка для употребления ругательств правильного рода, но продолжала упорствовать из чистой вредности. Назревал конфликт. Ситуацию разрядили мои коллеги по полу, заодно разрядив в меня парочку арбалетов. Я отступила назад, пропуская особо «наглый» болт рыжеволосой наемницы, метившей мне в голень, пожалала плечами и уже собралась отступить окончательно, как вспомнила о перстне.

Императрицу здесь действительно уважали. Не просто подчинялись по праву сильного, костеря за кружкой пива последними словами, как у нас в Шумбере, а любили и почитали за высшее божество, всезнающее, всемогущее и справедливое. Возмущенная толпа смутилась, застыв в немом благоговенье, будто им показали не рубиновый перстень, а, по меньшей мере, тайный лаз в императорскую пивоварню. Смотрящий за порядком чиновник, подобострастно согнулся в три погибели (с непривычки разом хрустнув всеми суставами) и, талантливо выдавая приступ радикулита за почтительный полупоклон, повел меня на второй этаж.

Из распахнутых настежь дверей в коридор выливались потоки света, смеха и музыки. Несмотря на то, что до темноты было еще далеко, здесь уже всю жгли свечи и прожигали жизнь. Невидимый глазу лютнист из последних сил отработывал гонорар. Время от времени его мощный, прочувствованный бас, заставляющий гудеть пол под ногами, заглушался хором «подпевающих» луженых глоток. Тут уже содрогалось все здание. Никогда раньше не слышала, чтобы баллада о кровавых злодеяниях ужасного оборотня исполнялась с таким воодушевлением и весельем, бьющим аж через дверной косяк. Да что здесь, к ушам удужьим, творится?

Моему заинтригованному взору предстала просторная зала, походившая на филиал таверны и лесную поляну одновременно. Обитые зеленым сукном стены украшали дубовые ветки, из-за которых, любопытно выглядывали отрубленные волчьи головы. Столы, словно поганки, образовывали ведьмин круг, в центре оно, возвышался огромный «мухомор», застланный красной скатертью и уставленный всевозможными блюдами и напитками. Среди всего этого роскошества, обняв друг друга за плечи, лихо отплясывало пятеро здоровенных мужиков, умудряясь не задеть ни одного прибора. Зрители поддерживали их истошными воплями, колошматя пивными кружками по своим коленям, столешницам и соседям. Стоял такой грохот, что закладывало уши, и казалось, будто волчьи головы на стенах, одобрительно кивают в такт задорному танцу. Если эти ребята хотя бы вполтину такие же хорошие охотники, как лицедеи, у логского оборотня нет шансов.

Представление как раз подошло к логическому завершению. Наскоро расчищенное от постанывающих танцоров и обломков стола место занял очередной активист местной самодеятельности. Маленького роста, нервный, с всклоченной седой шевелюрой, вытаращенными глазами, голубыми бусинами блестящими между кустистыми бровями и тонкой щеточкой усов. Он поднял над головой надкушенную курью ножку, привлекая к себе всеобщее внимание.

— Дамы и господа...

— Не визжит свинья в хлевочке, не скулит с цепи кобель. Ой, не к счастью во садочке распустилась конопель... — Прочувственно внес свою лепту лютнист.

— ... имею честь сообщить вам радостное известие о том, что...

— ... темной ночью, летней ночью девы к озеру пошли-и-и...

Оратор нахмурился и замолчал, нетерпеливо дожидаясь конца куплета.

— Сегодня совет назвал имя достойнейшего из достойных. Нет нужды перечислять все его добродетели...

— ... харя вшивая кривая, ой, косой недобрый взгляд. Чу, сестрицы, разбегайся, э... — Дальше лютнист продолжал перебирать струны молча, потому как из его рта, наглухо перекрывая потоки творчества, торчала метко брошенная куриная нога.

— И в такой вот связи, — удовлетворенно заключил седоволосый, вытирая ладони о штаны. — Прошу любить и чествовать барона Ивона Пылного, лучшего охотника на оборотня этого сезона!

Под бурю оваций, величаво кивая и кланяясь, в центр вышел высокий крепко сбитый бородач.

— Стараниями этого благородного мужа было поймано тринадцать страшных зверей, каждый из которых мог оказаться кровожадным людоедом. Своей храбростью он тринадцать! Тринадцать раз спас наших женщин и детей от страшной участи. Мы долго думали, что может послужить достойной платой за проявленную смелость, отвагу и самоотдачу. Слава? Хороший клинок? Деньги? Драгоценности?

Ивон алчно раздул ноздри и сверкнул глазами, одобряя заданное направление мысли.

— Нет! Все это тлен и суета не достойное настоящего мужа. Заносите же! Пусть награда найдет своего героя!

Распахнулись двери. Семеро угрюмых мужиков втащили и бухнули на пол огромную гранитную статую кошмарного мускулистого типа, сосредоточенно разрывающего пасть гигантскому волку.

Да... титул героя можно было давать уже только за удачную попытку просмотра этой жути без нервной икоты, а желающих транспортировать сей шедевр собственноручно следовало вообще посмертно причислять к лику святых. Судя по ужасной композиции и унылому виду, статуя как раз была выдолблена с перспективой на надгробие. Во всяком случае, ничего кроме глухой скорби эта глыба не вызывала.

— Ваше имя будет написано золотыми буквами на постаменте!

— Не надо! — Пискляво выдавил побледневший охотник, красочно представив себе под буквами еще и две даты. — Я... хочу принести это... произведение искусства в дар городу, чтобы...

— Какая неслыханная щедрость! — Седовласый умиленно промокнул глаза кружевным платочком, заодно вытирая масло с губ и подавая знак носильщикам. — Благодарю вас, барон от всего сердца. Обещаю лично проследить, чтобы сей почетный дар нашел заслуженное место в музее нашего города. А вы веселитесь, пейте, ешьте, сегодня же ваш праздник!

Народу не нужно было повторять дважды.

* * *

Музей располагался на том же этаже в самом хвосте коридора в комнате подозрительно напоминавшей старый захламленный чулан. Заглянув внутрь, я с любопытством ознакомилась с основной экспозицией, представленной метлами, вилами, лопатами, сломанными стульями и прочим хламом. Давешний седоволосый мужичок как раз смахнул платочком пыль с постамента и отечески похлопал волка по хвосту, благодаря за сотрудничество в экономии городского бюджета.

— Самому оборотню вручать не пробовали? Авось тоже удерет ни солонина хлебавши.

Вопреки моему ожиданию, он не выказал малейшего испуга или удивления. Медленно обернулся и ответил мне обаятельнейшей улыбкой.

— А, госпожа, главный расследователь! Заметил вас еще на церемонии. Должен признать, прекрасно выглядите. Ужасно рад, что вы любезно решили принять мое скромное приглашение. Все давно собралось. Пойдемте же. — Он подхватил меня под локоть и целеустремленно поволок в неизвестном направлении.

— Куда? — Спросила я, настороженно склонив голову. Всклокоченная седая шевелюра едва доставала мне до груди.

— Ну как же, ко мне на ужин. О, боги, конечно же! Позвольте представиться, Курц Семга, бургомистр, благословением великой императрицы уполномоченный управитель Волчьего Лога.

* * *

Где мне только не приходилось бывать за время службы у своего бывшего Хозяина, но только не на званом ужине. Вот не зовут люди игигов на ужин и все тут. Обычно наоборот.

За окном сгустились сумерки. Свечи отбрасывали на стены длинные замысловатые тени сидящих за столом

людей. Чем ярче разгорались свечи, тем гуще становились тени. Их было шесть, не считая моей.

Тень колеблющаяся, постоянно подпрыгивающая, всклокоченная, похожая на треплющийся на ветру клочок шерсти, приставший к ветке.

Бургомистр Курц Семга, маленький, непоседливый, забавно чудаковатый, но, несмотря на потешный вид излучающий силу, уверенность и острый практичный ум. Он явно пользовался здесь большим авторитетом.

Тень широкая, бугристая, постоянно дергающаяся словно гора, недра которой подверглись вспышке трудового энтузиазма барбегази.

Младший лесничий Жаг Фетер, понурый, молчаливый детинушка, ерзающий на стуле, как на сосновых иголках. Ему явно было скучно, неинтересно и совершенно некуда деть молодецкую силушку, избыток которой заставлял его постоянно двигаться: крутить шей, перебирать под столом ногами, разминать плечи, мять в руках салфетку и «незаметно» ковырять в зубах вилкой.

Тень широкая, бугристая, большую часть времени неподвижная.

Старший лесничий Лунь Фетер, отец Жага. Угрюмый мужик лет сорока, со злой, встревоженной мордой, застуканного за разграблением улья медведя. Он почти не вмешивался в разговор, глаза от тарелки отрывал лишь изредка, чтобы метнуть в меня недобрый опасливый взгляд.

Тень плавная, грациозная, похожая на игриво струящийся водопад.

Госпожа Лива Плес, богатая вдова, владелица сиротского приюта, остроумная, красивая женщина с белоснежной кожей, длинными огненно-рыжими волосами и привычкой надсмехаться над каждым неосторожным словом собеседника.

Тень пятая, застывшая карающим топором палача.

Барон Ягор Мари Грибон де Мандрагор, прославленный борец с нечистой силой. Приятный мужчина обходительный. Почти моего роста, темноволосый, темнокожий, светлоглазый, с доброжелательной чуть ироничной улыбкой. Я бегло примерила на него роль человека, увиденного мной в окне старой тюрьмы, но ничего определенного решить не смогла. На эту роль столь же прекрасно подходил каждый пятый мужчина в городе.

Тень шестая здорово смахивала на нахохлившегося ворона.

Чернокрылый кедошим, городской маг Агайя Нарда неопределенного возраста. Бледный, остроносый с неестественно желтыми, будто чем-то выжженными волосами. В разговор поддерживал вяло, но по существу, грубостей и глупостей не говорил.

* * *

Незнание местных обычаев, правил игры и просто реального положения вещей делало свое черное дело. Меня нагло обыгрывали по всем фронтам. Талантливо, красиво и без особых усилий. Последнее раздражало особо сильно.

— Бургомистр, давайте поговорим серьезно. — Я задействовала свой коронный взгляд номер пять, медленно обводя им всех присутствующих. — Вам не кажется, что творящееся в городе больше похоже на дешевое балаганное представление? Хотя, может, и не такое уж дешевое?

— Что... — Начал было старший егерь, но закончить я ему не дала. Расследователь я или нет?

— Я имею в виду очереди в ратушу, занимательные картинки над корчмами, предметы народного рукоделия и веселые тематические вечеринки. Вы этой твари, что поклоняетесь? Может, еще и молитвы за ее здоровье перед сном читаете? Скажите, во сколько намечено посещение жертвенного алтаря?

— Вы в своем уме? — С усмешкой поинтересовалась рыжеволосая госпожа Лива.

— А то в чем же. По-вашему я должна уверовать, что толпа вооруженных до зубов наемников за три года не смогла поймать одного вшивого оборотня?

— Вас подводит молодость и недостаток знаний. Вы не знаете этого леса. Вы не знаете этого зверя. — Медленно проговорил Ягор, явно сдерживаясь, чтобы не послать зарвавшуюся чиновницу в далекий и экзотический турпоход. — И благодарите богов, ибо возможно именно благодаря этому незнанию вы все еще живы и можете нести этот откровеннейший вздор.

* * *

Старший лесничий, пораженный моим провокационным трепом до полной потери речи, закрыл вхолостую распахнутую пасть, и энергично закивал, поддерживая слова охотника.

— Но вы-то тоже еще живы. — Улыбнулась я, с удовольствием наблюдая как, багровеет шея старшего

лесничего, чернеют глаза кедошима и белеют костяшки пальцев барона. Теперь, вынырнув из фальшивой лести и условностей, я снова была в своей привычной стихии людской ненависти.

— Императорское кольцо дает вам некоторые привилегии. — Прошипел маг Агайя Нарда, подаваясь вперед и пачкая кружевные сборки рубахи в недоеденном салате. — Но не дает права равнять себя с держателями власти, прославленными воинами и кудесниками! Вы далеко не первая и не последняя из императорских чиновников, кого присылают следить за положением дел. И всех других из отары ваших предшественников впоследствии отсылали или снимали с должностей, а мы оставались. Понимаете?

Так, Умбра, похоже, ты немного переоценила значимость кольца. И вот теперь тебя прилюдно именуют овцой, бараниной с императорским клеймом, которое означает высший знак качества и защищает от сторонних шампуров, но не прибавляет уважения окружающих. Вот только лично я видала все их кольца, чины, привилегии и обиды оптом глубоко и безысходно в одном безрадостном несолнечном месте.

— Сдается мне, — вопреки ожиданиям общественности моя улыбка становилась все шире и гаже. — Живы вы именно потому, что хорошо знаете этот лес и этого зверя. Хорошо и близко!

Молчавший до этого времени бургомистр вскочил, так шандарахнув кулаком по столу, что подпрыгнули близлежащие тарелки и близидящая к нему маркиза. Младший лесничий сполз под стол, а старший так натуралистично схватился за сердце, что я невольно улыбнулась. Как же, решили устроить бесплатное представление для особо впечатлительных расследователей. Буря в стакане воды. Знаем, плавали.

— Что-о?! — Дико вращая глазами, взревел Курц Семга. — Вы смеете намекать на сговор!? Сговор между людьми и нежитью!?

Красивый хрустальный бокал разлетелся с положенным ему хрустом. Следом отправилась высокая бутылка темного стекла. Разъяренный бургомистр колошматил ею о столешницу, до тех пор, пока у него в руках не осталось лишь узкое горлышко. При этом взбесившийся Курц Семга не замолкал ни на мгновение. Глаза его горели безумной яростью, волосы вздымались над головой грозowymi тучами, губы кривились, усы топорщились, по пальцам стекала кровь, не хватало только реквизита из охалки молний и огненной колесницы. Беру свои слова обратно. Похоже, вместо воды в стакане оказалось вино, и оно успело порядком перебродить.

— Они убивают наши семьи, наших детей, жен и матерей! Они лишают нас надежды и веры в будущее! Они безжалостны, бессердечны, отвратительны! Они отнимают все только ради утоления собственных низменных потребностей! Они дарят нам смерть, боль... увечья. И вы считаете, что мы пойдем с ними на сделку? Вы, правда, думаете, что после всего содеянного, мы унизимся, чтобы плясать под их дудку? Ни за какие деньги мира! Слышите?! Ни за что! Кем бы они ни были, под какой бы маской не прятались, для них существует только одна награда — смерть!

Я медленно поднялась и направилась к выходу. Спасибо, наслушалась досыта. Как любой не в меру живучей нежити, мне довелось услышать сотни подобных отповедей, в тысяче исполнений, так что фальшь или наигрыш я улавливала без труда. Оснований сомневаться не было. Этот явно не врал. Это была искренняя, лютая, бескомпромиссная, абсолютная ненависть. Такие умирают, но не идут на сделку с нежитью. Или скорее убивают.

— Бургомистр.

— Что?! — Все еще не в себе, задыхаясь от злости, проорал он.

— У вас на руках кровь.

Итоги душевных посиделок у бургомистра вкупе с тем фактом, что за всю ночь на мою особу не было совершенно ни одного покушения (если не считать нападения шайки клопов), заставили меня окончательно распрощаться с версией о преступном сговоре между добром и злом. Приходилось признать, что оборотень, если он все-таки где-то существует, работает без посредников. Видно и мне придется трудиться самостоятельно. Для начала следовало хорошенько осмотреть окрестности, определиться что тут, кого и как.

На выходе из конюшни меня поджидали два делегата из городской ратуши: чернокрылый маг и темноволосый охотник. Не моргнув и глазом, они осыпали меня градом комплиментов, отдельно упомянув мою неземную красоту (помятое ото сна лицо с припухшими веками и всклокоченными волосами), грацию (шаркающая походка портового грузчика), пронизательный ум (ну, что есть, то есть). Быстро исчерпав мои немногочисленные достоинства, они переключились на кобылу. Как мне показалось, с куда большим энтузиазмом и откровением. Это уже походило на форменное издевательство. Я не выдержала конкуренции и громко кашлянула, вопросительно поднимая брови. Какого черта? Оказалось, что делегаты принесли извинения от имени бургомистра и благоую весть о том, что зла на меня не тот держит, чего и мне желает. Извинения я приняла, вежливо поблагодарила за участие от своего лица и морды кобылы, но от сопровождения на прогулке отказалась. Ибо собиралась увидеть все, что есть, а не только то, что мне покажут.

К сожалению, без сопровождения все-таки не обошлось. Бегать от тайных соглядатаев в городе, который они знали, как свои пять пальцев, было глупо. Вылавливать юрких мужиков по подворотням, отчитывать их или окончательно портить всем настроение не хотелось, они тоже люди подневольные. Поэтому проще всего просто не обращать внимания на слежку.

Первым делом я посетила главные городские рынки и корчмы, основательно затарившись продуктами, напитками и, конечно же, слухами. Надежные источники, как то «лучший друг знакомый жениха троюродной косоглазой племянницы супруги старшего вороватого брата помершего в прошлом году от сенной лихорадки деверя моей младшей сестры» с достоверностью вплоть до «совру, гадом буду» и «чтоб мне попухнуть» удалось узнать следующее:

— Облавы на оборотня устраиваются до того часто, что всем героям «материала для подвигов» уже не хватает. Городскому правительству приходится тайком завозить хищников из других регионов. Менее шепетильные личности, вроде корчмаря Дрыни Седого с улицы Висельников наловчились устраивать для приезжих платные незаконные облавы, привязывая волчьи шкуры на молодых кабанчиков, диких козлов, и даже своего конюха Ирдюка.

— В самом существовании оборотня никто не сомневался. Видел его каждый второй, правда показания «свидетелей» так разительно отличались, что можно было заподозрить, что в Логе орудует целая шайка разномастной нежити.

— Те же источники утверждали, что радоваться гаду (то бишь оборотню) осталось не долго, ибо справедливость все же существует, чему имеются серьезные подтверждения. На прошлой седмице бессовестные Дрыня Седой и его конюх Ирдюк, потеряв всякий стыд, вылакали бочку дорогого велицкого вина, ни с кем из добрых людей не поделившись, и вломились в дом к девице Ивонне Жиарской, перепутав тот с борделем. Более трезвый и тренированный Ирдюк успел сбежать, побив все свои старые рекорды. Менее сильный духом и телом корчмарь рухнул в обморок прямо в изящные, но крепкие руки правосудия. Народ, конечно, взволновался. Ибо девица Ивонна была широко известна своим целомудрием, набожностью и еще тем, что прошлым летом этими самыми руками в одиночку заломала некстати подвернувшегося ей медведя. Помолвка с корчмарем объявлена на завтра.

— Оборотень — гад, и это бесспорно. Но всего за три года Волчий Лог превратился из обнищавшей лесной глуши в процветающий и развивающийся торгово-промышленный центр. Отстроились постоянные дворы и корчмы. Буйно зацвела торговля чесноком, оберегами и оружием. Наладился экспорт тулупов и шапок. Смертность от этого не уменьшилась, но зато благодаря приезжим охотникам заметно повысилась рождаемость и пополнилась городская казна.

— На вырученные деньги сноровистый бургомистр поправил крышу городской ратуши, обновил крепостную стену, назначил хорошие пособия для стариков, вдов, сирот и увеченных. Себя, конечно, тоже не забыл. Но, вообще, бургомистра трогать не следует. Он мужик вспыльчивый, однако ж справедливый, за него любой горожанин грудью встанет, как за отца родного.

Короче, картина вырисовывалась вполне жизнерадостная, но бесперспективная. Выходило, от оборотня одна сплошная благодать, в самую пору действительно устанавливать ему памятник и выставять почетный караул. Вот всегда удивляла меня способность людей находить выгоду даже в самых тяжких ситуациях. Эпидемии, природные

катаклизмы, войны и даже общественные уборные неизменно оборачиваются для какой-то части человечества источником повышенного дохода. Но, заходя с другого бока, бургомистр никого не убивал, не грабил, просто сумел вовремя распознать выгодный источник финансирования и правильно организовал городское управление.

Заплутав в доводах без всякой надежды на получение дельных выводов, я вынужденно перешла к следующему этапу расследования. Оставила кобылу в конюшне и отправилась осматривать окрестности. Логский лес произвел на меня впечатление. С первого взгляда лес, как лес. В меру дремучий, заросший колючим кустарником, мхом и грустными осенними деревьями. Пользуясь отсутствием листвы, солнце заливало все вокруг сказочным золотым сиянием, рисуя на ресницах семицветные радуги и переполняя сердце ожиданием чего-то нового, волнующего, необычного. Я невольно замечталась и... дождалась.

Пришла в себя уже вниз головой, подвешенная за ногу к ветке здорового дуба. На звуки ругательств появились два неизвестных мужика, извинились, быстро спустили меня на землю, скрутили веревку, и, жутко смущаясь, удалились в ближайший орешник. Дальше я была уже настороже. Только это помогло избежать десяти таких же гостеприимных, заваленных листвой петель, трех спрятанных в траве сетей, тринадцати капканов и бесчисленного количества ловчих ям, которые попадались едва ли не на каждом шагу. По мере углубления в чащобу, становилась все необычнее. То и дело встречались неунывающие грибники, которых не пугало даже полное отсутствие грибов, на удивление крупные старушки-травницы, целые отряды одиноких лесорубов, юные девы с трехдневной щетиной, одиноко и беспомощно блуждающие вдали от города, не говоря уже про такие чудеса природы, как говорящие деревья, возмущенно сопящие пригорки и матерящиеся кустарники.

На постоянный двор я вернулась только за полночь. Страшная, замерзшая, злая, как застрявший в дупле удуг, и окончательно утвердившаяся в мысли об отъезде. Логика моих размышлений была проста. Если логского оборотня до сих пор не поймали, значит, он не полный гидж. Отсюда следует, что в окрестностях Городца его искать бессмысленно. Только полный гидж будет промышлять в лесу, забитом по самые макушки алчущими наживы охотниками. Любая здравомыслящая тварь поискала бы более спокойное и полезное для пищеварения местечко.

Я стащила влажные осточертевшие сапоги, и, не зажигая свечей, уселась за стол, развернув приобретенную утром карту, в которой на протяжении всего дня старательно отмечала места предположительных нападений красными кружками. Топография Волчьего Лога затейливостью не отличалась. Обозначенный жирной кляксой Городец находился в центре, от него отходили кривые лучики-дороги, соединявшие город с многочисленными, затерянными в глуши селами. Для разнообразия подумаем. Где бы я обосновалась, будучи коварной нежитью? Юг пока оставим, слишком близко главный тракт. На западе и востоке слишком много красных кружков, неприлично ставить кровать вплотную к обеденному столу. Значит, остается север. А здесь у нас сплошные болота и три непотопляемые деревеньки. Крайние мне что-то не очень приглянулись, уж слишком далеко пилить до других районов. А вот эта деревенька Серые Ивы, что ближе к центру очень даже ничего. Конечно, никаких гарантий, что мы с оборотнем мыслим одинаково, но оставаться в Городце ни ему ни тем более мне не разумно.

* * *

Накрапывал дождь. День уже окончательно склонился к вечеру, окутав дорогу сиреневыми сумерками и густым непроглядным туманом. Непроглядным — это для людей, но не для игигов. Я очень даже хорошо разглядела редкий ивняк, притопленный водой, заросли сухого камыша, позднюю лягушку, в последний момент выскочившую из-под копыт лошади, и даже первые признаки человеческой цивилизации в виде дырявого сапога и деревянного указателя. Сразу за указателем обнаружили два дюжих молодца, увлеченно переводящих наименование родного населенного пункта на менее культурный, но более доступный в их понимании язык. Кобыла натянула поводья, недовольная тем, что ее одернули от аппетитного куста, и возмущенно всхрапнула.

Парни разом присели, испуганно уставившись на выплывающую из тумана зловещую черную фигуру, на поверку оказавшуюся не шибко фигуристой девицей на безобидной лошадке. Даже со скидкой на отсутствие макияжа, прически и платья с модными кружевными оборками, вряд ли я представляла собой настолько печальное зрелище, насколько погрустнели их лица. Не проронив ни слова, парни быстро нырнули в высокие заросли сухой травы.

Странно. Что-то мне их физиономии показались знакомыми...

Воспользовавшись моим замешательством, коварная кляча поднялась на дыбы. Мое настроение резко упало, а я отправилась следом, вынужденно пересев из седла на влажно хлопнувшую кочку. Агхруш! Зато сразу вспомнила, где видела этих парней. Вежек и Арко, они сопровождали меня до Городца вместе с местным старостой Сашеем.

Лошадь меланхолично обглаживала веточки на полюбившемся кусте, бессовестно игнорируя мои обличительные речи. Только что хвостом, как от надоедливового овода не отмахивалась. Я устало вздохнула, изловила саботажницу за поводья, и уже не рискуя, собственнножно зашагала по натопанной тропинке туда, где

брезжили огоньки человеческого жилища.

Мне глянулся маленький аккуратный домик у самой дороги. Из трубы столбом валил дым. Пахло свежими поленьями и мясным пирогом. В хлеву мычали коровы, блеяли овцы. Воображение тут же красочно изобразило горячий ужин, стакан парного молока, мягкую пуховую перину и белоснежное одеяло с отогнутым уголком. Императорское кольцо и деньги давали мне все основания надеяться на самый радушный прием. В самом деле, стоило только ступить во двор, как на встречу оживленно выскочили все домочадцы, включая мужчин, женщин, детей и стариков. Несомненно, это был случай редкого гостеприимства. Так меня не встречали нигде и никогда.

Никогда раньше передо мной не бухались на колени, не рыдали, не хватали за рукава, не пытались облобызать мои сапоги и копыта лошади. А таких надрывных истеричных завываний не смогла бы воспроизвести даже стая голодных эскимму. Впечатленные неожиданной звуковой атакой мы с вороной попятилась и, чуть не застряв в калитке, опрометью выскочили наружу, подальше от этого сумасшедшего дома.

Но, видимо, других домов в Серых Ивах не держали. Три последующих попытки обрести стол и кров (стойло и корыто) проходили точно с таким же нездоровым ажиотажем. Как будто заранее репетировали.

Полное уныние застало меня сидящей на краю колодца в обнимку с деревянной кадушкой. Уныние тоже явилось не одно, а в компании трех развеселых мужичков, по нашему с кадушкой примеру, сжимающих друг друга в приятельских объятиях. Троица сделала несколько кругов вокруг колодца, попутно распадаясь на составные части, наконец, собралась в единое целое, синхронно икнула и остановилась прямо передо мной.

— А-а-а! Вот она! — Широкоплечий бородач по центру обличающе ткнул пальцем в кадушку. — Говорили ж вам, ядрена выпь... а вы и н-не верили.

— Кара наши головы покладет, отнюдь пощады вручивши за безочьство! — Непонятно, но жарко поддержал его тощий длинноносый мужчина слева, прожигая кадушку осудительным взглядом. — Мирский мятежь, ослепление уму, начальница всякой злобе, бесовска мытница, поборница греху, засада от спасения. Всем нам им без вины расправа, и стар и ун возраст имевши. Кому вадити?

Я покосилась на «мытницу бесовску» до этой реплики подобных садистских наклонностей не проявлявшую.

Тем временем правый с трудом поднял голову, предъявив для досмотра круглое морщинистое лицо.

— Здравствуй-те, дорогие наши гос-с-пода выпыты... выты... пытыватели! — Щербато улыбнулся он, попытавшись изобразить приседание в церемониальном поклоне, чуть не завалив всю троицу. Я с некоторым отставанием от развития беседы осознала, что обращаются именно ко мне.

— Мы, конечно, дико извиняемся, но может вы все-таки это... не будете нас пытять, а? У нас и народу-то почти нет, развернуться вам н-негде. Хотите, я на колени встану?

— Только если вам так удобнее передвигаться. — Кажется, до меня понемногу стало доходить, из-за чего весь сыр-бор. — Я что похожа на разъездного палача, зачем вас пытять? Я приехала здоровье подправить, отвлечься от столичной суеты. Думала, здесь свежий воздух, природа, простые открытые люди, пиво неразбавленное...

— Да вы что? На отдых?! — Клопочуще расхохотался бородач. — Ядрена выпь! Ну, Вежек, ну волчий сын, всех взбаламутил, понимаешь. Едет, говорит, чиновница от самой эмпиратрицы, будет увсех пытять, огнем жечь, мечом колоть, гнусности непотребные над честными людьми творить! Обырыгтя не отыщет, так на деревенских отыграется... я же вам говорил, брешет. А ну, мужики, разворачивай! Надьть народ успокоить.

— Извиняйте. — Дедок все-таки умудрился изобразить галантное приседание, и веселая троица короткими перебежками направилась к ближайшему дому.

— Стойте! — Спыхватилась я. — У вас в деревне случайно нет одинокой, подслеповой, слабо слышащей старушки, проживающей где-нибудь на самой дальней окраине?

Бородач обернулся, поверх голов своих друзей, едва достававших ему до плеч, грозно нахмурил высокий, перехваченный кожаным ремешком лоб. Казалось, что ремешок вот-вот не выдержит тяжелых мыслительных усилий и лопнет, но складки на лбу великана разгладились так же быстро, как появились. — Так ты к бабке Глашире? Точно, мужики! Она ведь все рассказывала, что ейная внучка в столице чиновницей, а ведь не верил же никто! Так вон за тот холм иди, там через два дома репейное поле будет, через него выйдешь к озерцу там домик деда Богдоя, ежели заплутаешь, справа по берегу, где между стволов сети натянуты и стол накрыт. Под скамьей дед Богдой лежит, у него поинтересуйся. Там дальше дорога идет, потом заброшенный колодец, вот за ним у самого леса халупа твоей бабки и стоит. Да, то-то я гляжу лицо у тебя такое зловредн... знакомое. Нет, только глянь, а!

Я глянула. Указанное направление было ничем не хуже любого другого.

* * *

— Говорю, это я, ваша любимая внучка. — Уже в пятый раз проорала я, уже сильно жалея, что ввязалась в эту сомнительную авантюру. Лучше бы сразу отправилась к старосте.

— Приехала погостить из столицы!

— Вну-у-чка? — Бабка придвинулась вплотную, как будто собиралась меня не разглядывать, а обнюхивать. На вид ей было все триста-четыреста. Некогда голубые глаза побледнели, затянутые бельмами. На подбородке и под носом топорщилась седая щетина.

— Это ты Арискина дочка что ли будишь? Или Горкина?

Болотный гнус завывал все злее, заглушая даже урчание моего живота, не говоря уже про тихие укоры совести.

— Арискина.

— Ась?

— Арискина!

— Как?

— Говорю, Арискина дочка!

— Радость-то какая! — Морщинистое лицо расплылось в счастливой беззубой улыбке. — Я уж и не чаяла.

Надолго ли в гости?

— Могу заплатить... у меня деньги есть. — Зачем-то ляпнула я.

— Да ты что! Совсем вы там в своем городе с ума посходили. Места много. Да и на что мне деньги-то? Все свое с огорода. Ну, заходи уже, не стой на пороге. Лошадь свою в овчарне оставь. Удумала тоже «заплачу»! Вот по хозяйству помочь, это другое дело. Умеешь хоть по хозяйству?

— Угу.

— Вот и хорошо, будет мне подмога на старости лет. Пойду пока стол соберу, оголодала, небось, с дороги.

Я тяжело вздохнула, рассматривая сгорбленную хрупкую фигурку, окруженную золотистым свечным ореолом, словно божественным сиянием. Милая старушка. Так и кажется, что она не в дом пошаркала, а отправилась прямым ходом на небеса. Почувствовав грубый толчок в спину, я поспешно оглянулась, встретившись с укоризненным взглядом из-под мокрой черной гривы.

— А что мне еще оставалось делать, на улице под дождем ночевать?

Лошадь ехидно фыркнула и демонстративно отвернулась.

* * *

Знала бы она тогда за кого заступается. Четыре дня проведенных в Серых ивах оставили за моей спиной целый ворох покорно выполненных заданий, просьб, указов и просто бессовестных требований. Один бабкин огород я перекапывала три раза, полдня выкорчевывала огромный старый пень, потом вкапывала его обратно (с ним привычнее, и можно присесть, передохнуть), собирала урожай, обновляла забор по всему периметру, латала крышу, выскребала двор до последней травинки, выкапывала яму для перегноя, носила воду, колола дрова, стирала белье, лушила фасоль, перебирала зерно, боролась с муравьями, кормила кур, чистила печку, стригла деревья... и так далее и тому подобное. Но вот сегодня фантазия этой старой горчицницы, превосходящая даже выдумку моего бывшего Хозяина, величайшего колдуна Сайтаса, дала слабину. Я не преминула воспользоваться передышкой, устроившись на чердаке с позаимствованным еще из главной городской библиотеки бестиарием. Кто знает, может, в этом мире мне придется столкнуться с неизвестными ранее существами.

Все-таки мне очень повезло застать Белогорье в период, когда бумага уже изобретена. Разве могла бы я в своем мире так же спокойно листать книгу, положив ее себе на колени? Да шумберское глиняное издание с аналогичным содержанием просто похоронило бы меня заживо.

Но определенные недостатки все же имелись. Точнее, отсутствовали определенные достоинства: ни намек на содержание, нумерацию страниц или алфавитный порядок. Автор просто записывал всю информацию, как попало, по мере посещения вдохновения и новых знаний. В результате этих сомнительных встреч, на свет родился научный труд толщиной в два моих запястья, нареченный «Прилежное описание всех занятых существ больших и малых, составленное рукой ученого мужа, мага, путешественника, придворного советника, кедошима Забиры Ойро».

Бегло просмотрев первый раздел «О бестиях земных, небесных и морских, бездумных, обычных и редких, полезных и вредоносных», я обнаружила поразительное сходство фауны двух миров. Отличались только названия и некоторые частные характеристики. Только обычная зоология меня интересовала мало, поэтому я также быстро пролистала второй раздел «О созданиях мудрых, первородных и наивысших, наделенных языком и всяческими благодетелями, к сути бестиария не относящихся, но приведенных исключительно для сравнения и примера», сосредоточившись на третьем под кратким названием «О монстрах», оставленном без дополнений и комментариев (не иначе как по причине их полной нецензурности). Я устроилась поудобнее, цапнула одно из схороненных под соломой яблок, и принялась за чтение.

«Гурах-и-рибин, или «старуха порога». Сия тварь суть похожа на бабу, но не бабой, а противным естеству чудовищем является. Встречается все больше у ручья или у колодца. Прикидывается немощной старухой и просит одиноких путников о помощи. Ежели кто страдает тугоумием либо мягкосердечностью и соглашается, на того бросается и замаривает насмерть».

Через многочисленные щели и дыры чердачной стены обильно проникал солнечный свет, и отлично просматривался колодец с приуроченной к нему скамьей, обычно использовавшейся бабкой для полуденной медитации. Мой подозрительный взгляд застучал хозяйку на месте преступления за вдумчивым созерцанием опустевшего, безукоризненно чистого огорода. Судя по тому, что время перевалило через обед, а новых поручений все нет, у старой карги творческий кризис. Еще бы! Любой нормальный человек давно бы очоурился, а мне все нипочем.

«Характер имеет премерзкий, вид весьма отвратный и способна находится в нескольких местах одновременно без особых для себя усилий, а ежели разгневаается, то бранится так, что бывалые воины копья роняют».

Что-то подсказывает мне, что автор трактата лично бывал в Серых Ивах...

«Однако ж не это в ее природе отвращает нас более, потому как свойственно многим бабам, а то, что коли Гурах прознает о чьей близкой кончине либо горе великом, тут же является тому и оную страшным воем да криками предрекает, хотя ее никто об том не просит. От себя сообщу, что еще неизвестно предрекает ли сия тварь погибель либо сама же и насылает ее. Повествуется о некоем крестьянине, к дому которого ночью подошла Гурах и стала рыдать и стонать; собрав все свое мужество, он высунулся из окна и крикнул: «Уходи, иди в Дрыздень (от себя замечу, что сие не грубости проявление, но название соседней деревни) и больше никогда не возвращайся!». Гурах ушла, и на следующий день стало известно, что живший на краю обозначенной деревни молодой крепкий здоровьем мужик ночью внезапно скончался. Надежных средств избавиться от этой напасти не существует. Если уж довелось встретить кому Гурах-и-рибин, то не должно кричать и печалиться, а следует тому спокойно надеть приличное одеяние и принять вид достойный, чтобы опосля перед людьми не посрамиться».

— Внученька!

Я поперхнулась яблоком, подскочила на месте, зацепившись воротником за какую-то ерунду, и распоролла любимую теплую рубаху до середины спины. Ну вот, единственное приличное одеяние безнадежно испорчено. Но принимать достойный вид все же рановато. Я с дурашливым гиканьем сиганула из чердачного окна спиной назад, два раза крутанулась в воздухе, на ходу стягивая с веревки один из сушившихся там халатов, и, легко приземлившись напротив застывшей с открытым ртом бабки, выскочила за калитку. Быстрее, пока меня не привлекли к возведению фортификационных сооружений против нашествия муравьев или прокладыванию дренажного канала от бабкиного сортира до столицы ближайшей вражеской державы.

Халату следовало возблагодарить меня за спасение от участи половой тряпки, которая была для него единственной перспективой. Он оказался вылинявшим почти добела, протертым во всех возможных местах, а в дополнение ко всему широким и длинным, как саван. Зато в этом облачении я не бросалась в глаза — так одевались добрая половина ивовцев и все огородные пугала. Неспешно прогуливаясь по деревенским улочкам, я попутно набрасывала в голове схематический план населенного пункта. В общей сложности получалось около трех десятков дворов, разбросанных, как попало. Условно Серые Ивы можно было разделить на северную, южную и западную части, где жилище старосты исполняло роль центрирующего элемента. Любопытно, что мнения ивовцев в отношении меня тоже растроились. Одни были настроены дружелюбно, искренне принимая меня за родную внучку бабки Глаширы. Другие враждебно, по той же причине. Третьи упорно настаивали, что я трусливая соплюха, сбежавшая из Городца, чтобы отсидеться в глуши, только бы не попадаться на клыки оборотню. Нетрудно было предположить, что причина такого неординарного подхода к моей личности скрывается где-то под резным козырьком дома Сашия.

Двери мне открыла красивая дородная женщина. Красоту немного портил грязный платок, завязанный кривым узлом на макушке, и просто невероятно поганило склочное выражение лица.

Нет, мужа нет, не было, и не будет потому, как, во-первых, какой же это муж, если в самый разгар дня от работы отлынивает, а во-вторых, она этого гада все одно домой сегодня не пустит. Но ежели по недоразумению Саший еще кому-то на этом свете нужен, то его можно наверняка найти либо в луже за корчмой, либо около амбара дядьки Шповника. Там Пацек опять на воровстве попался, так, поди, уже все бездельники собрались.

Проследовав в указанном направлении, я действительно обнаружила скопление оживленно галдящего народа. Общественное внимание заслуженно занимал здоровенный зад в ярко-красных штанах, торчащий из маленького амбарного окошка.

Староста обнаружился неподалеку в компании двух членов пресловутой троицы: бородача в прожженном кожаном фартуке, выдававшем в своем владельце кузнеца, и престарелого любителя церемониальных поклонов, на этот раз самым невоспитанным образом костерящего всех направо и налево.

— Стену ломать надоть. — Глубокомысленно произнес Саший, выгадав брешь в частоколе ругани. Кузнец поддержал старосту степенным кивком, ссылая в его протянутую ладонь щедрую горсть семечек.

— Что, не свое не жалко? Ну уж дудуки! — Взвился дед, бросаясь к закупоренному окну, и пытаясь рывками вытащить несчастного вора за ногу. — Не дам! Не для того я все прошлое лето его строил!

— Дядько Шповник! — Жалобно пробасили изнутри амбара. — Больно!

— Больно ему! — Возмущился дедок, удваивая усилия. — Погоди Пацек, вот вылезешь наружу, тогда узнаешь, к чему люди такое слово придумали!

Скоро громкость внутриамбарных стонов и причитаний значительно возросла, соразмерно с увеличением прикладываемых усилий. После истощения запаса семечек к процессу вытягивания присоединился кузнец, а вслед за ним еще два мужика. Добротная деревянная стена лишь ехидно потрескивала, явно намереваясь пережить всех собравшихся. А вот голая полоска загорелой спины растягивалась и наливалась кровью, сравниваясь цветом со штанами. Конечно, одна голова — хорошо, но с телом — еще лучше.

Я наскоро сотворила матрицу заклинания, и вытянула руку, посылая сформированный сгусток энергии в нужном направлении, но тут внезапно...

* * *

Вежек подмигнул Арко, приложил ладони ко рту и завопил высоким бабьим голосом.

— Ой, мамочки! Бык с привязи сорвался! Бык!!! Ой, спасайся, кто в красном!

Парень рассчитывал всего лишь немного развеселить друзей, не возлагая особых надежд на свою шутку. Как оказалось, совершенно напрасно. Пацек издал сдавленный крик, и, со всех сил молодого жизнелюбивого организма, убежденного в своей полной несовместимости с быками, рванулся внутрь.

Дальше вообще произошло нечто странное. Деревянные доски, словно заговоренные, разошлись в стороны, высвобождая человеческое тело, и тут же сомкнулись... на трех новых.

В следующее мгновение из амбара грянул такой мощный душераздирающий вопль, что из-под порога выскочили и бросились врассыпную перепуганные до смерти мыши, с которыми дядька Шповник безрезультатно боролся уже второй год. Вежек так и не понял, что произошло. Наверное, первой не стерпела и проломилась та самая передняя стена. А может быть, Пацек впопыхах вынес лбом несущий столб. Но в результате, от нового амбара осталось только плотное снежно-белое облако муки.

* * *

Занималась алая заря. Сочная, как спелый помидор.

Кузнец и еще двое присыпанных мукой молодцев торжественно несли над головами деревянную дверь, на которой возлежал бесчувственный дядька Шповник. От похоронной процессии отличало только то, что Шповник лежал на животе, так крепко вцепившись в единственную уцелевшую часть амбара, что разлучить их так и не удалось. Следом шумно тащили скромно упирающегося Пацека. Пацек выглядел бледно, жалко, непрерывно бубнил извинения, но его никто не слушал. Замыкала шествие любопытная ребятня и отчаянно блажащая рыжая собачонка.

На развалинах остался только староста, под толстым слоем муки напоминающий неприкаянный призрак, отягощенный каким-то невыполненным обязательством. Саший оттряхнул ладони от шелухи и мрачно зыркнул в сторону своего дома, после чего перевел взгляд на удаляющуюся процессию. Судя по тому, как весело при этом заблестели его глаза, выбор между общественным и супружеским долгом состоялся явно не в счет последнего.

— Куда его, в сруб? На кол? На дыбу?

— В корчму.

— Куда? — Опешила я. Обычно с ворами не церемонились, считая кражу самым тяжким после убийства преступлением.

— В корчму, госпожа расследователь. — Повторил Сашей, иронично улыбаясь краешком губ. Не люблю такие

полуухмылки, словно тебе специально показывают, что полной улыбки ты уже/еще не заслуживаешь.

— Пацеку расслабиться надобно, а то сам не свой, да и Шповника надобно скорее на ноги ставить, все-таки у человека горе. Зима на носу, а припасы хранить негде. Да не подумайте чего, Пацек не вор, про то вам любой скажет. Ну не может парень день прожить, кабы кражи какой не учинить, — это да. Только воры, они ведь для чего крадут? Для выгоды. Правильно? А наш Пацек украденное завсегда возвращает. Обязательно придет, вежливо так извинится, по хозяйству, если надо поможет. Мы уже и привыкли, парень он хороший, воров... то есть работающий...

— Только и успевай из окон вытаскивать. — В тон ему поддержала я.

— Да уж приходится иногда. Вот, например, приключился в прошлом году один каверзный случай с Пацеком, жареным поросем, дымоходом и корчмарем. У нас тогда чуть вся деревня в нашествие мракобесов не уверовала... даже ополчение создавать начали... эх, госпожа расследователь, да что ж мы с вами на улице? Пойдемте в корчму, я вам там все доскажу и покажу!

— Простите, как-нибудь в другой раз. Меня больше интересуют не мракобесы, а оборотни. Может, немного прогуляемся?

Староста страдальчески скосил глаза в сторону корчмы, но все-таки нашел в себе силы кивнуть.

— Значит, вас прислали сюда из-за зверя? — Кроме горечи утраты нескольких чарок пива, в голосе Саша прозвучал искренний интерес.

— Пусть это останется между нами.

— Да уж я не из болтливых, все понимаю. Только зря вы у нас ищете, я всех деревенских почти с рожденья знаю, нет его у нас в Ивах, оборотня этого.

— Обязательно учту ваше мнение. С оборотнями теперь у всех туго. А с лекарями как?

— Есть один. Лумием зовут. Приезжий. Уже два года, как нам помогает.

— А говорили, всех чуть ли не с пеленок помните. — Пожурила я.

Староста почесал безволосый затылок, и смущенно улыбнулся. На этот раз более чем добросовестно, отведя под улыбку все свободное пространство от уха до уха.

— Выходит, приврал чуток. Но Лумий человек ученый, мухи не обидит, вы уж поверьте. Сколько народу от смерти и увечий спас, не сосчитать.

— Понятно. С кем мне нужно поговорить, чтобы составить подробный план местности на предмет буераков, опасных трясин, пещер, медвежьих берлог и других достопримечательностей?

— Да чего там говорить? — Староста беспрерывно метал взгляды в сторону корчмы с усердием многозарядной штурмовой катапульты. Лицо его выражало крайнюю степень нетерпения. — Приходите завтра после полудня, я вам карту сам нарисую, какую хотите. Договорились? Ну, тогда до завтра. Бывайте, госпожа выпытыватель.

Мне оставалось только вежливо помахать рукой стремительно удаляющемуся затылку.

* * *

Репейное поле вплотную подходило к тропинке, почти закрывая проход округлыми широкими листьями. Вызревшие корзинки соцветий, затянутые тонкой серебристой паутиной, вглядываясь в безоблачное закатное небо. Я последовала их примеру и тут же горько пожалела, что у меня нет с собой красок и кистей. Закат был прекрасен.

Так и простояла вдохновенным столбом, пока последний краешек солнца не скрылся за щетинистым хребтом леса, и только потом мечтательно вздохнула. Обязательно вернусь сюда завтра. С холстом, красками, кистями и прочим необходимым скарбом. Отличный пейзаж получится. Между прочим, здесь навалом красивых видов. Меня никто не подгоняет и не контролирует. Сама себе хозяйка. Так почему бы не отвлечься от бесплодных поисков и не посвятить время чему-нибудь полезному?

Воодушевившись подобным образом, я даже позволила себе то, что обычно не позволяла никогда. Потому что не умела. Но душа требовала, и, набрав полную грудь прохладного пряного воздуха, я затянула лирическую балладу о прекрасной царевне соколе. Сия баллада была недавно услышана мной в дорожной харчевне, полюбившись неглупым сюжетом и красивой переливистой мелодией. Я как раз подошла к тому моменту, где отважный герой обнаруживает, что подстреленная им в шутку птица, на самом деле его возлюбленная. Момент был трагичный, и требовал большой самоотдачи. Пришлось даже остановиться, иначе бы не получилось вытянуть куплет до конца. Когда я почти что уже взяла самую высокую ноту, из ближайших кустов с диким воплем выскочило нечто лохматое. Неведомое существо споткнулось, выронило мешок с репейными корешками, и бухнулось на колени прямо передо мной, оказавшись всего лишь перемазанным в земле пареньком. Ну вот, опять

за старое. Странные они какие-то все в этой деревне. Сразу и не поймешь, что от них ожидать.

— У-у-у! — Жалобно пробасил он, тыча в меня пальцем.

— Ну, чего тебе нужно, блаженный? — Я еще не растеряла романтический настрой, но уже начинала понемногу сердиться. — Утку? Удавку? Удило?

Он ожесточенно замотал головой, так, что выбившиеся из косы волосы захлестали по загорелым щекам.

— У-у-у...

— Ужин? Урожай? Укроп? Усы? Урюк? Углярку? Уху? Унты? Ушастого ежика?

— У-у-ходи! Уходи в Дрыздень и больше не возвращайся!

Вот дела. Может, бестиарий у местных кашцехлебцев что-то вроде любимой настольной книги, а сегодня творческий вечер, посвященный памяти Забиры Ойро? В отместку я предложила декламатору альтернативный маршрут, немного витиеватый, но не менее увлекательный и уж точно куда более познавательный, чем прогулка в село на южной окраине Волчьего Лога.

— Обалдеть! — Резко охрипшим голосом констатировал этот ненормальный, вытаращившись на меня самым глупым образом.

Я тоже вытаращилась на него, пытаюсь понять, что мне показалось странным во внешности этого чудака. Черные кудри, собранные в косу. Искристые янтарные глаза. Располагающее к себе мужественное лицо, сильно повзрослевшее за два года, и от этого казавшееся совсем незнакомым.

— Умбра, как ты меня напугала! — Тимхо Митич улыбнулся своей эксклюзивной обворожительной улыбкой, развеяв мои последние сомнения. — А я думал, что ты экимму, или как там ее... гурах-и... а, не важно! Честно говоря, выглядишь, словно только из-за загробной плиты вылезла. Да еще так жутко вопила. У меня аж кровь в жилах застыла!

— Ногу ушибла. — Чувствуя, что краснею, я опустила голову и развела руки в стороны, окидывая себя критическим взглядом. Да, бабкина рубаша вкупе с разгромом амбара очень своеобразно дополнили мой милый облик...

В следующее мгновение Тимхо с радостным гиканьем повис на моей шее. От неожиданности я так и осталась стоять в позе огороженного пугала.

— Обалдеть! Мы с Шушуней всегда верили, что ты вернешься! Я знал, что ты нас не бросишь!

— Тим... погоди... — Я смущенно кашлянула, отстраняя парня на расстояние нормального разговора. Боги, как он умудрился так вымахать за два года? Скоро и на меня будет сверху вниз поглядывать.

— Слушай, Митич, ты, что здесь делаешь?

— Исполняю свою мечту!

— Прослыть лучшим в империи пропольщиком лопухов?

Паренек проследил за моим насмешливым взглядом, красноречиво задержавшись на горстке рассыпанных по дороге корешков, и уязвлено передернул плечами.

— Стать лучшим в империи охотником за чудовищами! Я выслежу логского оборотня и прославлюсь на все Белогорье, как самый...

— Быстрый бегун или изобретатель самого гиджского способа самоубийства.

— Умбра, прекрати! Почему ты всегда все омрачаешь?

— Потому что я тень. Тим, ты понимаешь, что еще слишком молод, чтобы в одиночку управиться с оборотнем?

— Гильгамеш победил своего первого монстра еще в колыбели, а мне уже восемнадцать весен! К тому же я не один, мне помогает учитель. Он один из самых лучших охотников в целом мире, и когда-нибудь я займу его место.

— Лучше найди свое. — Сквозь улыбку проворчала я, потрепав его по макушке. Наставник в корне менял дело. С моей души прямо упал камень, здоровый такой булыжник. — И кто этот упорный, терпеливый и оптимистичный трудяга, который добровольно втянулся в черную кабалу твоего обучения?

— Он... он...! — От гордости и обожания у Тимхо прямо перехватило дыхание. — Он научил меня драться на мечах, стрелять, метать нож, ставить ловушки...

Да, а помнится, когда-то он говорил с таким же восхищением обо мне...

— ... читать следы, готовить магические зелья, различать нежить...

А что ты хотела, Умбра? Сама решила уйти из их судьбы. А теперь, когда нашелся тот, кто заботой и добротой заслужил их любовь, начинаешь злиться. Это глупо.

— ... плести поисковые чары, определять направление, рыбачить, строить плот...

Место в человеческом сердце не должно пустовать. Кто-то заполнил эту пустоту за тебя. Интересно знать, кто...

Я отвела взгляд от вдохновлено бормочущего мальчишки, и только теперь заметила высокого мужчину, неподвижно стоящего по пояс в репейнике, опираясь на древко лопаты. Наверняка, это и был тот самый

несравненный учитель, сумевший так быстро заграбастать мое место в сердце Тима. Камень, упавший с души, внезапно застрял где-то в горле, перекрыв дыхание.

— ... видеть в темноте, прыгать через голову... Умбра? Ты куда? Подожди, давай поговорим!
Но разговаривать я не собиралась, как и останавливаться.

* * *

Свеча была зажжена чисто символически, чтобы не оставаться наедине с тьмой.

Или нет, небольшая поправка. Наедине с собой.

Я ожесточенно откидывала в сторону вещи, мешавшие добраться до цели. Самой еще было непонятно, зачем он мне так срочно понадобился. Но одно было точно, если я сей же геш не увижу его, просто помру от разрыва сердца, отрывающегося в груди гудящими толчками. Наконец пальцы нащупали мягкую рифленую кожу перевязи. Наконец то.

С тех пор, я не доставала его ни разу. И теперь по мере того, как клинок выскальзывал из ножен, из прошлого возвращались давно позабытые запахи, звуки, образы, чувства, мысли...

Свежий, наполненный пряным ароматом цветов ветер. Тихий шум волн. Круглая, невероятно огромная луна. Я стою на четвереньках на границе между водой и берегом и тарасусь на сапоги охотника, потому что взглянуть ему в лицо нет ни сил ни смелости. Всегда страшно смотреть в лицо смерти...

Меч с нетерпением выскальживает из ножен. Совершенный, прирожденный убийца, такой же, как его хозяин. Говорят, что с момента посвящения и до конца жизни каждый охотник получает только один меч — символ возмездия и чести. Потерять оружие для клана храмовых убийц, значит признать свою трусость. Дингир-ур может оставить на поле боя друга, может остаться сам, но оружие не оставит никогда....

Холеное, заточенное лезвие с чувством превосходства поднимается над моей головой. Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Уже ничего нельзя изменить. В последний момент я трусливо зажмуриваюсь, стараясь оторваться от всего происходящего, хотя это еще никому не помогало.

Свист рассекаемого воздуха. Обрывистый хруст где-то совсем близко. Возможно, что как раз в районе моих шейных позвонков.

— Спасибо тебе. — Его низкий голос пробирался до сердца, а смысл слов пронизывает насквозь не хуже металла.

Я не верю своим ушам, поэтому широко распахиваю глаза и... обмениваюсь ошарашенным взглядом со своим отражением на серебристой полоске клинка, вогнанного в песок перед самым лицом. Какого беса? Поднимаю переполненный безумием и недоумением взор на охотника, вернее то место, где он только что стоял. Там уже никого нет.

До сих пор не понимаю, что это было. Большой бред перегруженного сознания? Сон? Сумасшествие? Но меч охотника-зу лежал на моих ладонях, подтверждая реальность воспоминаний. Что тогда? Пощада, прощение, благодарность... за что? Не верю. Дингир-ур не такой человек, он вообще не человек, и все человеческое ему чуждо. Кроме ненависти. Конечно же, скорее всего это какая-то игра, хитрая комбинация, чтобы заставить меня мучиться и страдать, перед смертью. Подарить мне жизнь, а потом отнять все самое дорогое... начиная с Тимхо...

Из груди вырвался горький стон. Ложь! Все это ложь. Умбра, кому нужны твои страдания? Да если бы он захотел, ты бы в полном объеме получила их еще там, на берегу Нефритового Озера, когда беспомощная и униженная валялась в его ногах. Уж кто-то, а храмовые охотники всегда знали толк в пытках. Ты просто врешь сама себе. Тебе не хочется верить, что Асеер оказался достаточно сильным, чтобы простить, поверить и начать новую жизнь. Потому что у тебя самой этого никак не получается. Не хочешь верить, что Тимхо мог стать самостоятельным и больше не нуждается ни в твоей помощи ни в советах. Потому что все это время жила лишь надеждой, что нужна кому то на этом свете. Ничего, скоро он станет настоящим охотником и будет сотнями крошить таких как ты по лесам и буеракам. Страшно тебе. Поэтому и придумываешь всякую ерунду. Поэтому ты постоянно врешь. Хватит.

— Внученька, у тебя все в порядке?

Я по-звериному ощерилась, порывисто разворачиваясь на голос.

— Никакая я тебе не внучка! Все это ложь! — Частичная трансформация загля в глазах дикое зеленое пламя, пальцы сжались вокруг рукояти меча.

— Та, знаю. — К моему удивлению бабка даже не подумала пугаться или расстраиваться, лишь плотнее укуталась в шерстяной платок, поджав бескровные губы. — У меня сроду не было внуков. Потому как никогда не было детей.

— Боги, но зачем же тогда... — Пораженно прошептала я себе под нос. Невероятно, но безнадежно глухая

перечница без труда уловила мое сбивчивое бормотание.

— Зачем, зачем... — Прощамкала она, качая головой. — Скучно одной то, да и трудно ужо самой по хозяйству справляться. А на тебе еще пахать и пахать.

Вот дает! У меня вырвался нервный смешок. И я ведь действительно все это время безропотно надрывалась с рассвета до заката, как каторжник в рудниках, при этом мучаясь от чувства вины и искренне считая себя коварной обманщицей, воспользовавшейся доверием наивной беспомощной старушки! Представляю, как она веселилась, когда я пыталась до нее докричаться, повторяя все по три-четыре раза. Кто же знал, что слух у бабули острее, чем у дикой рыси. Полагаю, что и ругательства, которыми я ее костерила, тоже не остались без внимания.

— Мне... выезжать?

Глашира подошла ближе, быстро провела желтым растрескавшимся пальцем по лезвию меча, который я все еще сжимала в руках. Шершавая ладонь на мгновение коснулась моей руки.

— Добрый клинок, добрый. — Довольным голосом похвалила она, и уже на пороге, не оборачиваясь, сухо добавила.

— Можешь оставаться.

* * *

С восходом солнца я уже была в сарайчике, в котором бабка обычно проводила утреннюю дойку овец перед тем, как выгнать их на пастбище. Во-первых, было на что поглядеть, потому как бабкин метод дойки отличался изобретательностью и даже изобиловал акробатическими трюками. Первым делом бабка запирала дверь на засов, потом залазила на овцу задом наперед, обхватив ее руками и ногами, и в таком неудобном положении умудрялась как-то пополнять ведро. И это все со слабым зрением, почти в полной темноте, действуя исключительно на ощупь.

Во-вторых, мне очень хотелось с кем-нибудь поговорить.

— Бабушка Глашира, может вам помочь? — Я долго обдумывала, как начать разговор, рассматривая императорское кольцо, подвешенное к шее на шнурке, чтобы не пугать простой народ без надобности. Решилась подать голос только на третьей овце. Получилось слишком громко и неожиданно, но старушка в очередной раз удивила меня своей выдержкой. Ни вскриков, ни резких движений. Лишь недовольное покачивание головы и ворчливое. — Уж без тебя обойдусь. У меня скотина нежная, чужие руки не признает.

— Понятно. А давно вы в Серых Ивах обосновались?

— Ой, давно, не помню уже. А чаво спрашиваешь?

— Места у вас красивые. — Окончательно загрустила я. Разговор все никак не клеился.

— Красивые. Леса да болота, болота да леса. — Глашира отвлеклась от своего основного занятия, чтобы затянуть узел на косынке. — Говори чаво нужно или проваливай, не мешайси тут.

— Мне бы посоветоваться...

— Ась? Посоветоваться? С выжившей из ума зловредной древней каргой?

— Ну, тот пень мне сильно на нервы действовал...

— Та ладно. — Неожиданно легко отмахнулась старушка. — Так меня половина деревни кличет. Так что давай, спрашивай. Внушенька.

— Вам когда-нибудь случалось разочаровываться в жизни?

Бабка надолго замерла, беззвучно шамкая губами, будто не поняла вопроса.

— Ой, святой Ухты, насмешила. Ты хоть знаешь, об чем говоришь то?

Я многозначительно промолчала, позволяя собеседнице самой осмыслить всю глубину моей жизненной трагедии.

— Знаете, порой мы не в силах бороться с обстоятельствами, и если уж судьба кого невзлюбила, то...

— Замуж тебе пора. Вот что. Детишек побольше, и некогда будет разочаровываться то.

— Мне и одной неплохо. — Огрызнулась я, разочаровавшись в качестве бабкиной советоспособности.

Гиджская была идея.

— Одной всегда плохо. — Серьезно сказала бабка. — Ты уж мне поверь. Я ведь раньше точь-в-точь, как ты была. Молодая, красивая, гордая и глупая. Всякое у меня в жизни случалось. Да все не по мне было. Оттого-то одна и осталась, что все по себе мерила.

— А что, нужно мерить по другим?

— Нужно. Потому как, чем больше отдаешь другим, тем своя жизнь полнее делается. А для себя копить, только пустоту настаивать.

— Ерунда. — Убежденно заявила я. — Бескорыстное добро лучше либо вообще не делать, либо продавать

подороже. От людей все равно никакой благодарности не дождешься.

— Так тебе любовь нужна или благодарность?

— И то и другое. Хотя, конечно, больше то, чем другое. — Я основательно задумалась. — Кстати, а откуда вы так хорошо разбираетесь в оружии?

— Ась?

— Я спрашиваю, где вы научились разбираться в оружии?

— Не слышу ничаво! Чевой-ты там шепчешь?

Наверное, глухота, как и память, у хозяйки была сугубо избирательная. Догадавшись, что со мной просто не хотят больше разговаривать, я вежливо попрощалась, и отправилась к старосте за обещанной картой.

* * *

Старосту я застала на пороге собственного дома. Опухшие веки, и стойкий пивной запах, убедительно говорили о том, что хозяин только-только добрался до родового гнезда. Мой визит пришелся как раз вовремя, потому как сразу за порогом обнаружилась хозяйка со скалкой наизготовку.

Пришлось громко объявить, что приехала столичная чиновница по важному государственному делу и даже предъявить кольцо. Я еле удержалась чтобы не прочесть бесогонный экзорцизм — такое жуткое зрелище представляла собой разгневанная жена Сашия. Но императорский перстень подействовал безотказно, жажда расправы уступила долгу примерной подданной. Боруся (так звали эту милую селянку) выгнала многочисленных детей во двор, сноровисто накрыла стол, и оставила нас со старостой наедине, отправившись разбираться с соседкой, пришедшей вершить возмездие над старостиным котом, задушившим ее цыпленка. Во дворе затрубили зычные, пробирающие до костей голоса. Можно было подумать, что во дворе соревнуются два отряда тугоухих горнистов.

Несмотря на скандальный нрав, готовила Боруся просто сказочно. До таких высот не добирались даже лучшие повара Сайтаса, а он считал себя столь же великим гурманом, как и колдуном. Мы ели молча, потому что от угощения просто нельзя было оторваться. Чудом спасенный Саший нашупал на столе домашнее вино, и теперь прямо таки светился от счастья.

В конце концов, почувствовав, что скоро лопну, я с сожалением откинулась на спинку стула, принявшись рассматривать подаренную старостой карту. Следовало признать, Саший оказался отличным топографом. Талант не пропьешь... и не переспоришь. Я с трудом оторвалась от интересного поворота скандала. Боруся перешла к наступлению, требуя компенсации за «самого ласкового и любимого мурлыку», цинично отравленного «издыхающим болезненным куренком».

— Скажите, а кто-нибудь в курсе, где точно происходили нападения в последнее время?

— Ну... — Староста задумался, почесав блестящий затылок. — Я тут отмечал кое-чего на одной из своих карт... вот смотрите, черными крестами.

— Можно мне ее забрать на время?

— Для вас, госпожа расследователь, все что угодно! Через неделю вернете?

— Конечно. У меня еще вопрос, что вы знаете о мужчине и пареньке, что живут в доме у озера?

— Ну, мужчину Асеером зовут, наружность у него, конечно, не приведи господь, а так мужик хороший, ладный, не конфликтный. Только на солнце без плаща не выходит, ожогов боится. Бабы интересуются, да он пока бобылем живет. Паренька, вроде бы Тимом кличут... или Тимхом... про него ничего плохого не могу сказать, золотые руки. Все мастерит чего-то, изобретает. Вон мельницу нам так справил, что она теперь вдвое больше муки за день дает. Короче, если у вас что сломалось, смело к нему идите, все может! И денег не берет. Чем занимаются, не знаю, хозяйства не ведут, скотины не держат, в лесу все пропадают. Приехали к нам в начале лета. Живут у деда Богдоя. Ну что еще...

Староста замолчал, подозрительно прислушиваясь. Я тоже насторожилась. Уж больно тихо стало во дворе. Они что там поубивали друг друга?

Тут дверь распахнулась, и в дом, тяжело дыша, ввалился незнакомый рыжеволосый мужчина, из-за его спины выглядывали щекастые, пышущие здоровьем и любопытством лица Боруся и ее соседки.

— Беда. — Сразу выпалил он низким, охрипшим от бега голосом. — На дальнем ельнике оборотень всю семью вырезал.

Староста резко вскочил из-за стола, больно саданув меня локтем по лбу. Я не возражала, тупо наблюдая, как из опрокинувшейся бутылки на белоснежную скатерть выливается яркое неприятно красное вино.

Дальний ельник, как ему и полагалось, располагался довольно далеко. Добрались туда только к полудню. Злосчастный дом принадлежал семье проповедника новой веры. Вера эта заключалась в отрешении от всего и мира и гнала своих приверженцев на поиски самых глухих и безлюдных мест, не особо заботясь о старой мудрой истине. Там где нет людей, очень скоро объявляются нелюди.

Они лежали прямо в доме. Сам проповедник, совсем еще юный паренек с простым веснушчатым лицом и по-детски удивленными голубыми глазами. Его молодая жена, хрупкая темноволосая девушка, судя по небольшому животику, так и не дождавшаяся ребенка. И еще старая женщина, свекровь. Кровь...

Казалось, весь дом погряз в крови. Жутковатое зрелище, а запах...

Характерный сладковатый душок, смерть, кровав и стаи мух. Даже у видавшего виды и нюхнувшему жизни Сашия комок к горлу подкатил, заставив помянуть нехорошим словом кулинарные таланты жены.

Мужики вынесли тела, сложили их на телегу, и теперь усердно заливали впечатление от увиденного прихваченным с собой самогоном. Староста тоже было решил присоединиться, но, тут ему явился утренний образ Боруси со скалкой, подействовавший не хуже божественного откровения. Сонм мучеников Сашия откровенно не привлекал, поэтому ряды праведников на время пополнились новобранцем. Чиновница осталась в доме, и, от нечего делать, Саший решил пока за ней приглядеть. Девушка подметила целостность дверных петель и засова, закрытые ставни на окнах. Медленно прошлась по комнатам, суеверно обогнула пустую, так и не пригодившуюся колыбельку, заглянула в нетронутые тарелки с засохшей кашей, задумчиво провела пальцем по свечному огарку в центре стола, окинула Сашия задумчивым взглядом, и только потом вышла на свежий воздух. Осмотрела землю вокруг дома, досадливо тряхнула черными волосами. Да уж, слишком поздно спохватилась. Если там и были какие-то следы, мужики давно затоптали их своими ножищами. К тому же вчера вечером шел дождь.

Рыжеволосый купец Теуш, от самогона тоже отказался и, теперь со сдержанным интересом, наблюдал за передвижениями столичной чиновницы. Его жена приходилась троюродной сестрой Боруси. Староста сразу почувствовал родственную душу и достойного собеседника.

— Я же говорил ему, перебирайся к нам, в Ивы. Как-никак, мать старая, скоро дети пойдут. Что им в глуши делать то? — Посетовал он. — Так нет, уперся, как баран. Не силком же его тащить... эх...

— Вот-вот. — Охотно поддержал разговор Теуш. — Мы с братьями к ним в начале каждого месяца заезжали, продукты кое-какие привозили. И ведь каждый раз предупреждали — слишком уж далеко забрались, случись что, помощь не подоспест! А он, мол, меня небо бережет. Сберегло вон...

— Надеюсь, в округе больше нет приверженцев новой веры? — Внезапно вмешалась чиновница. Вот же пронырливая девка, староста даже не заметил, как она подкралась. С испугу даже забыл, что хотел сказать.

— Нету. — Ответил менее впечатлительный купец, приседая, чтобы затянуть шнуровку на сапоге. — Раньше отшельник на болтах один жил, да в позапрошлом году от старости помер.

— Понятно... — Она развернулась, на ходу разворачивая карту. Едва заметно провела над листом указательным пальцем. Староста с любопытством глянул ей через плечо и окончательно утвердился в правильности решения, завязать с выпивкой. По крайней мере, на сегодня. А то уже чертовщина всякая мерещиться. Ему почудилось, что с кончика девичьего пальца на карту прыгнула маленькая красная искорка, а в следующий миг на бумаге появилось ярко алое пятно.

Ярко алое солнце медленно опускалось за горизонт. У меня, опять, как назло, не было с собой ни красок и ни кистей, ни времени за всем этим бежать. Зато за спиной шумно топтался и вздыхал староста в компании бородатого кузнеца Клюпа и деда Шповника.

— Да как же это людей по-человечески и не похоронить? — В десятый раз спросил Саший.

— Завтра похороните. — В десятый раз повторила я. — Пусть пока в леднике полежат. Сначала дождемся вашего лекаря. Нужно, чтобы он осмотрел тела.

— Да на что там смотреть лекарю-то? И так видно, что они мертвые!

Одна картина заменяет тысячу слов, то же дает один хороший удар в морду. Я с трудом заставила себя оторваться от созерцания заката и посмотреть в мутные глаза старосты.

— Ну, нужно, значит нужно... — Стушевался он, отступая за широкую спину кузнеца. — Скоро уж Лумий подойдет.

Поскорей бы. Поскорей бы поговорить с умным человеком. Есть вероятность, что он осматривал других

жертв, и теперь сможет пролить свет на эту запутанную историю. По характеру и форме ранений хороший лекарь может рассказать многое и об убийстве о самом убийце. Главное задать правильные вопросы.

— Яви ми зрак лица своего, яко глас твой сладок и образ твой красен. Мед истачають устне твои, и послание твое аки рай с плодом! — Жизнерадостно произнесли у меня за спиной.

Обернувшись, я нос к носу столкнулась с тем самым тощим черноволосым типом, недостающим элементом веселой троицы, которая встретила нас с кадушкой в самый первый день нашего пребывания в Серых Ивах.

— Живота прошу, был увлечен вельми, в оно же время твориху седалище в своем жилиште. Только молот подвогнул, гонец пришедши, весть благоую возвезтивши.

— Что он сказал? — Сдавленно спросила я у старосты. В прошлый раз я списала необычную манеру речи на счет сильного злоупотребления спиртного, но теперь лекарь выглядел трезвым, как стеклышко. Может, у меня с головой не все в порядке?

— Говорит, раньше прийти не мог, занят был. Только табурет мастерить собрался, а тут Вежек примчался. Вы не обращайтесь внимания, он же иностранец, из ихнего заморского храма, язык наш лет десять учил, старался. Только потом уж выяснилось, что по старым книгам. Ничего, мы уж обвыклись.

— Пошто госпожа останки возжелаху? — Деловито вклинился лекарь. Я беспомощно посмотрела на старосту, и тот быстро перевел.

— Он спрашивает, зачем вам понадобились мертвецы?

— Скажи ему, что я хочу знать, когда они были убиты и каким образом.

— Да будет вам! Он и сам все понимает! — Громко расхохотался кузнец. Наверное, он легко находит общий язык с лошадьми. Веселый парень, ржет после каждой фразы.

— Понимает. — Кивнул Лумий, также как я, поморщившись от зычного кузнецкого хохота. — Добро. Очи мои узреть жаждут. Сколько человецех вкупе?

— Трое... и народившийся ребенок. — Кажется, у меня понемногу стало получаться расшифровывать его изречения.

* * *

Лекарь вышел из ледника уже затемно, старательно вытирая руки полотенцем, и не давая мне открыть рта, сразу спросил.

— Паки были останки в жилиште алебо в куцах дерев?

— В жилиште... тьфу ты, то есть в доме.

— Жилище отверзте пребываху?

— Отвер... да, дверь была открыта, замок не сломан, я сама проверяла. И давайте уже ближе к делу!

— Въструбим, яко во златокованья трубы, в разум ума своего и начнем бити в сребренья органы возвитие мудрости своеа!

Я бросила несчастный взгляд на мужиков, но те только пожали плечами, мол, сама разбирайся. Слава богам следующая тирада была уже более понятной.

— Раны можаху нож анебо плоския длинныя кохти также зубья наносивши три нощи вспять алибо четыре. Токмо аз не ведати, што сие за зверь бысть. И жилище отверзте пребываху...

Я с вновь проснувшимся интересом взглянула лекаря. Луний понял, что я уловила его мысль, и многозначительно кивнул. Волчьим когтям до ножей далеко. От клыков, как правило, остаются другие следы. Оборотень, что решил соригинальничать и воспользовался ножом? Маловероятно. Также как и предположение, что кто-то из домочадцев, услышав рычание чудовища или голос незнакомого человека, гостеприимно распахнул ему дверь. Значит, что они знали этого человека... или не значит. Это же другой мир, кто знает, какие здесь оборотни. Может, они все поголовно ходят с именными кинжалами и умеют подражать чужим голосам...

Видно, лекарь пришел примерно к такому же выводу, потому что азартный блеск в его глазах поукас.

— Малую толику разумею. Аз бо есмь, аки она смоковница проклятая: не имею плода покаянию; имею бо сердце, аки лице без очию; и бысть ум мой, аки ношный вран, на нырищи забдех! — Покаянно произнес он, но тут же снова оживился. — Оште! Убивец троих человецех сердце и печень забравши. Пошто?

— Для этого вида нежити, сердце и печень настоящие деликатесы. Сытый оборотень может не заинтересоваться всем телом, выбрав только самое вкусное.

— Убивец уж ходит окрест на круги своя. — Хмуро подытожил Лимий. — А кто суть сие есть, мы не ведати.

— Страхи-то какие рассказываете, едрена выпь! — Хохотнул купец. — Тепереча точно не засну!

Староста и дед Шповник поддержали его согласными кивками.

Мужики с ослиным упорством, не слушая возражений, проводили меня до самой калитки. Я не торопилась

входить в дом, просто стояла во дворе, вглядываясь в серную громаду леса, поднимавшуюся сразу за забором.

Никак не давали покоя слова лекаря о том, что раны могли быть нанесены не только волчьими клыками, но и человеческим оружием. Волки-оборотни... странные отношения у людей с волками. Что-то сродни дикой смеси из страха, зависти, нездорового любопытства и необъяснимого магического притяжения. Древние люди, селившиеся кланами, часто выбирали животных своими покровителями. Ни один зверь не был столь почитаем охотниками и воинами, как волк. Мощь, скорость, свирепость, выносливость и хитрость — вот что непреодолимо влекло одного хищника к другому. Мне сразу вспомнилась волчья морда, вышитая на плаще Асеера.

На восточной окраине Шумбера проживал племя, члены которого искренне считали себя детьми волков. Их воины шли в бой с голыми руками, надев волчьи шкуры и, предварительно накушавшись ритуальных галлюциногенных грибочков. Не всем после сражения удавалось снять эти шкуры. Некоторые превращались в кровожадных двуногих зверей, без разбору бросавшихся на людей и скотину. Таких либо изгоняли, либо убивали.

Слишком долго человечество прикрывалось звериной шкурой, чтобы безнаказанно совершать бесчеловечные поступки, на которые не осмелился бы и самый лютей хищник. И вот, природа потребовала свою законную плату, вместе с набежавшими за столетия процентами. Безумие охватило людей, словно моровое поветрие. История помнит множество случаев, когда, возмнив себя волками, люди убегали в лес, жили там и охотились точно дикие звери, не гнушаясь нападением на себе подобных. Так возникло большинство легенд об оборотнях. На самом деле перевертышей очень мало. Причиной тому, людская ненависть и, как ни странно, любовь. Смешанные браки между оборотнями и людьми не редкость, в результате на свет появляются совершенно нормальные человеческие дети. Оборотничество проявляется крайне редко, и лишь через несколько поколений. Иногда человек даже не догадывается о своей сущности, пока не увидит полную луну или не услышит протяжный волчий вой...

Тут я потеряла нить рассуждения, потому что по всей деревне разом взвыли собаки, словно предупреждая о какой-то одним им ведомой угрозе. Интересно, почему бабка не держит собак? Мало ли кто подкрадется из чащи... тем более теперь, когда убийца шастает тут, как у себя дома.

Я зыбко повела плечами и вдруг уловила среди деревьев какое-то быстрое, смазанное движение. В десяток шагов преодолела весь огород. Перемахнула через изгородь. Неподвижно застыла, выжидая. Гнетущая ночная тишина вперемежку с пронзительным воем никак не давала сосредоточиться, и здорово давила на психику. К моей гордости, у того, кто сидел в лесу, нервы сдали первыми. Раздался хруст ломающихся веток, и шелест потревоженной опавшей листвы, словно этот кто-то целеустремленно ломился вглубь леса.

* * *

Я рванулась следом, но тут же чуть ли не с головой окунулась в лужу, зацепившись ногой за торчащую из земли корягу. Нет, ерунда. Так я его не догоню. Нервы у него, конечно слабые, зато ноги сильные. Вон как быстро драпает.

Оставалось либо повернуться и отправиться спать, либо...

Стыдно признаться, но за все это время я еще ни разу ни рискнула переступить Порог.

Наполовину из-за опасения, что Сайтас каким-то образом сможет выследить меня, наполовину из-за страха неизвестности, ведь никто не знает, во что я теперь превращусь после полной трансформации...

Трусиха. Я в сердцах стукнула кулаком по воде, окатив себя фонтаном грязной воды. Трусиха и паникерша. Давай, поднимайся и беги следом, может, еще догонишь. Не ты, так твои кинжалы. В коем-то веке тело решило внять возмущенному голосу разума.

Ветки хлестали по лицу, ноги постоянно проваливались в какие-то бочаги и буераки, но у меня получалось не сбавлять ход. Единственное чего я действительно опасалась, так это выткнуть глаз шальным сучком. Хотя и это не будет такой уж большой потерей. Специфика моего зрения позволяла мне видеть даже с мешком на голове. Зрение игига — это восприятие за гранью простого преломления света, ощущение каждой частицы теплоты, излучаемой предметом или живым существом. Вот и теперь, крупный алый стусток жизненной энергии едва заметно пульсировал между светло синих стволов деревьев и разноцветных огоньков лесных обитателей. Мой напарник по оздоровительному вечернему бегу уже не торопился. Иногда мне даже удавалось различить поджарый четвероногий силуэт крупного животного. Ничего, догоню. Он раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре, а я раз-два, раз-два. Как в той притче про хитрого конокрада, убедившего богатого господина, что пешком он попадет в город гораздо быстрее, чем на коне.

Я широко улыбнулась, прибавляя ходу, и тут же поплатилась за неуместную веселость. Императорское кольцо, подвешенное на шнурке к моей шее, выскочила из-за ворота куртки, со всего размаху саданув меня по передним зубам. Почти одновременно с этим пришла резкая боль и испуг, отозвавшийся тревожным уханьем внизу живота. Только не это! Вряд ли я в ближайшее время решусь перейти Порог, только чтобы регенерировать. Так и придется

доживать век с искусственной вентиляцией.

Я красочно представила себя с внушительной черной дырой вместо передних зубов, и обреченно застонала, пытаясь на ощупь определить масштаб катастрофы. Моя улыбка и так не вызывала добрых чувств, а теперь... теперь мне прямая дорога в художественные свистуны или разбойники. Как ни странно, но ощупывание не выявило особого ущерба для моего здоровья, и я немного успокоилась. Сняла с шеи кольцо. Раздраженно сунула его в карман. Потеряется, и гёт с ним. Все равно из-за него оборотня упустила...

Если, конечно, это был оборотень, а не местный волк-горемыка, оголодавший загнанный, измученный постоянными облавами. Разве стал бы кровожадный оборотень, гроза всей округи, удирать от какой-то дурной бабы, которая потащила одна ночью, в самую чашу леса.

Только, чтобы заманить ее поглубже и разделаться с этой идиоткой без свидетелей. Как раз когда я додумывала эту оригинальную самокритичную мысль, оборотень перешел к ее осуществлению. Стремительный толчок в спину сбил меня с ног. Каким-то немыслимым образом, еще падая, мне удалось извернуться, закинув руки за плечи, и схватив его за лапы, швырнуть через голову. Ничем не защищенное лицо удачно приземлилось в мокрую грязь, проделав в ней довольно широкую борозду. Отплевавшись, я со злорадством убедилась, что оборотень тоже послужил на пользу сельскому хозяйству, вспахав носом нетронутую целину между двумя соснами. Здоровый, зараза. Ростом с теленка.

В следующее мгновение зверь был уже на копытах, то есть на лапах, приготовившись для нового прыжка, который я без труда отбила, саданув его кулаком по клыкам. Не мне же одной из-за прикуса переживать. Он явно не ожидал от дурной бабы такой силищи и сноровки, с хрустом проломив спиной кусты шиповника.

— Ну, кому еще бодрой питательной селянки? — Голосом рыночно зазывалы прокричала я, прыгая следом. — Налетайте, пока не остыла!

Но бодрые селянки почему-то больше не вызывали у оборотня энтузиазма. Он судорожно встряхнулся и перешел к стремительному отступлению. Я бросилась за ним, запоздало вспомнив о спрятанных за голенищами сапог кинжалах. Сталь сверкнула в ночи и глубоко вонзилась в ствол дерева, пришили к морщинистой коре сухой лист. Идиотизмом занимаюсь. Ежу понятно, что специально попасть в мелькающего среди деревьев зверя можно только в сказках или пьяных фантазиях.

Зато в реальной жизни всегда есть место случаю. Волк коротко взвизгнул, с удивлением оборачиваясь на торчащий из правого предплечья кинжал. Вообще то, я метила в шею, но это тоже не плохо... или плохо?

Оборотень сомкнул пасть на рукояти, быстро выдернул клинок, и развернулся ко мне, вздыбив загривок, предъявляя свой оружейный арсенал. Два ряда длинных, острых клыков. Я попятилась, пораженная нешуточной угрозой, полыхнувшей в его глазах. Шутки кончились. Одно дело бороться за случайный кусок мяса, и совсем другое защищать собственную жизнь. В таких ситуациях опасными становятся даже робкие песчаные гули.

Ощущение опасности нахлынуло так неожиданно, что у меня даже защемило в груди, словно я внезапно оказалась на краю бездонной пропасти. Смерть рыскала где-то рядом, около деревни. Это было что-то незнакомое, враждебное и невероятно могущественное. Я резко крутанулась на месте, поворачиваясь лицом к этой неведомой опасности и... спиной к оборотню. Идиотка!

Зверь пришел к аналогичному выводу. Причем гораздо раньше меня. Острые клыки, мстительно рванули плечо, добравшись чуть ли не до самой кости. Всепоглощающая злая обида затмила даже боль, что уж там говорить о здравом смысле. Мне даже в голову не пришло воспользоваться магией, хотя ничего приличного при таком раскладе, я бы наколдовать все-равно не успела.

Мы бились молча, страшно, и отчаянно, расходясь лишь для небольшой передышки. Кровь, похожая в темноте на ртуть, катилась пузырями. Не помню, когда и как я пересекла Порог, должно быть инстинктивно. Заметила это только, когда зверь вдруг отшатнулся, словно разглядел у меня на лбу моровую язву.

— Вот черт! — Прохрипел он, оторопело мотая башкой. — Нежить!

— На себя погляди. — Я тут же воспользовалась своим советом, и только тогда в полной мере осознала что произошло. Ран, как не бывало. Ощущения были разноречивые. Вроде бы все осталось, как и прежде, а вроде что-то изменилось. Внутри меня снова клубился упругий, извечный мрак, но кое-что было в новинку. Словно разжались невидимые тиски, державшие меня в рамках чужого отражения, отдалив от всего человеческого, и опасно приблизив к необузданным природным стихиям и первозданной дикой тьме.

— Ты хоть не заразная, а? — Осведомился оборотень, брезгливо кривя морду.

— Ядовитая. — Я на пробу нырнула в ночную черноту, на удивление легко заскользив по холодной земле, поднялась по стволам деревьев до самых макушек, играючи тронула не успевший облететь лист, а потом вернулась к зверю, который, ошеломленно поджав хвост, кружился на месте, как волчок. Подгадала момент и со всего размаху залепила ему хорошего пинка под волосатый зад. Оборотень подпрыгнул от неожиданности, и необычайно проворно развернулся, припав к земле.

Мы с ненавистью уставились друг на друга, готовые выяснять отношения до посинения и остывания

противника, но тут предчувствие опасности накатило с новой силой. На этот раз оборотень тоже почувствовал угрозу. Ее было трудно не почувствовать, воздух вокруг буквально гудел от переизбытка неизвестной магии. Оно приближалось, стремительно набирая скорость, словно хищник почувствовавший добычу.

Я даже не успела понять, как оказалась на высоком скалистом выступе, увенчанном засохшим дубом. Огромное, выжженное в половину человеческого роста дупло походило на кривую усмешку. Дальше бежать было некуда, обрывистые, увитые могучими корнями склоны уходили куда-то вниз, откуда приглушенно журчала вода.

А оно уже выбиралось из леса. Злобное, бесформенное, похожее на уродливую черную тучу. Я малодушно нырнула в дупло, которое оказалось неожиданно просторным, пронизывая дерево по вертикали. Наверное, здесь раньше ночевали местные охотники. Спина неожиданно уткнулась в чей-то меховой бок. Оборотень ощерился, я угрожающе сжала кулаки, и... через мгновение мы уже прижимались друг к другу, как мать и сын, наконец обретшие друг друга после долгих лет разлук. Прямо на нас с оглушительной скоростью неся сгусток черной смерти.

Если бы не дуб, нас бы просто размазало на месте. Могучее дерево лишь отмахнулось облаком щепы, со скрежетом повалилось набок, пару раз подпрыгнула на булыжниках, и полетело вниз, вертясь словно прялка. Мы, конечно же, принимали в этом процессе самое живое участие. Пока что живое. От толчков, кульбитов, и постоянного кружения у меня потемнело перед глазами, я даже не смогла обрадоваться, когда вместо заключительного глухого треска раздался спасительный хлоп. Хотя радоваться, в принципе, было еще рано. Река с интересом завертела новую игрушку, оживленно перебрасывая ее из одного потока в другой. О том, чтобы отыскать выход, и речи быть не могло. Не знаю, как там оборотень, а лично я уже была в прединфарктном состоянии, и не смогла бы отыскать даже собственных рук-ног. Только много позже, когда ужас постоянного движения исчез, ко мне вернулся здравый смысл, напомнив, что можно перейти Порог и воспользоваться магией.

После тряски в обгоревшем стволе дерева, заплыва в ледяной воде и продолжительного барахтанья в береговой грязи, я в полной мере оправдывала гордое звание нечисти. Даже самые скрупулезные критики не смогли быть обнаружить на мне и одного чистого места. После происшествия в Нефритовом Озере, у меня появился скромный, но вполне приличный магический резерв. Я, не задумываясь, истратила остатки энергии на возвращение себе приличного вида.

В деревню вернулась за полночь. Спасть не хотелось совершенно, поэтому прямым направилась в корчму. Как оказалось старосту, лекаря, кузнеца и деда Шповника тоже одолевала бессонница. А, кроме того, если судить по обилию костей, крошек и захмелевшим лицам, уже давно мучили голод и жажда. Меня радушно пригласили объединиться для активной борьбы со всеми тремя бедами. Отказываться было неприлично и неохота.

Ничего не бодрит так, как ледяная колодезная вода, щедро выплеснутая в ваше лицо.

— Очнулась, голуба. — Довольно улыбнулась бабка Глашира, скрупулезно вытрясая из ковша последние капли прямо мне на макушку. — Полдень ужю. Что, хорошо вчера погуляли то?

Я села, облокотившись на влажную подушку, даже не подумав возмущаться столь радикальным способом побудки, и честно попыталась вспомнить, чем окончился вчерашний вечер. Вроде бы мы хорошо посидели, выпили за здоровье императрицы, первого советника, корчмаря, его супруги, детей, тещи и дворовой скотины, за мир во всем мире, чтоб все было, чтобы оборотень облез, попух и издох, за новый амбар, за мужиков, за присутствующих прекрасных дам (из женщин за столом была только я, но мужчины почему-то упорно настаивали на множественном числе)... потом начало светать... мы выпили по последней... потом долго успокаивали загоревавшего старосту... я обещала объяснить Борусе, что мы всю ночь исполняли государственный долг, разрабатывая план по поимке оборотня... Сашей бросился меня обнимать, в свою очередь пообещав вразумить зловредную каргу, не дававшую покоя дорогой гостье... дальше все окутывала загадочная, бередящая душу темнота.

Интересно, к кому мы добрались в первую очередь. Я ожесточенно растерла щеки и понуро, исподлобья поглядела на Глаширу, однако вместо угловатого бабкиного лица увидела стремительно приближающееся круглое доньшко.

— Молодая да, видать, из ранних. Ух, я тебе, чтоб знала! — Карающий ковш ощутимо приложился к моему лбу. Оба сосуда, и пустой и порожний, отозвались звонким протяжным гулом.

— Явились тут под утро вдвоем со старостой. Оба хорошие, лыка не вяжут. Этот что-то про государственный долг плел, про обырытня, все просил, чтобы я мужа не ругала! Якобы грех это, столько годков вместе прожили. И не постыдился же глумиться, паскудник, одна ведь век коротаю! Ничаво, долго ишо помнить будет, как старую одинокую женщину обижать. Ты так ему и передай... говорю, передай ему, что ежели тепереча токмо сюды сунется... я ему для его морды бесстыжей не токмо метлы ивовой, я прихвата не пожалею!

Все ясно, Саший вчера сокрушительно ошибся полномочиями, домами и бабами. Остается надеяться, что он протрезвел по дороге домой, не успев «вразумить зловредную каргу», иначе ивовцам вскоре предстоит подыскивать себе нового старосту.

— Ишь, нашла с кем связаться! Гляди, пьяных да гулящих не терплю. В следующий раз выгоню, так и знай! — Закрепив результат хлестким ударом полотенца по моему загривку, бабка гордо удалилась. Но ворчать так и не перестала. Ее визгливый голос, не замолкая, раздавался то из одного, то из другого угла дома.

Все, достала. Сегодня же съеду от этой ворчливой гримзы. Я выпутала ноги из-под пухового одеяла и отрешенно повозила ступнями по деревянному полу. Взгляд упал на открытую книгу. Наверное, бабка случайно задела обложку, когда затевала оздоровительно-воспитательные водные процедуры.

«Упир, оно же упырь, оно же убыр, мяцкай, бурколак, оно же вампир (хоть и разумом нескудным наделен, а все туда же). Что за мерзость сие есть, давайте вам расскажу. Оно ни мертво, ни живо, но живет в смерти. Пуще всего народ пугать любит, також до крови лакомый и мясом никаким, даже самым залегающим не брезгует. Наяву оно тощее и волосатое, а когда кровящи насосется, становится таким жирным, что само дивиться, как не лопается. Свежая кровь сочитя изо рта, носа, и ушей его. Клыки и когтища имеет загнутые, словно у дикого кота. Силы из ночной тьмы черпает и может оборачиваться зверем, пиццей али черным туманом, враждебным для всего живого».

Я невольно зачиталась, не обращая внимания на старушечье бормотание, доносившееся из соседней комнаты.

«Ночным туманом проникает оно в дома. Бывает что сложенные накрест руки упыря окоченеют, не развести, так у него вместо рук вырастают крылья. Родится сия тварь от мертвецов неуспокоенных, самоубийц, колдунов или ведьм, и убить ее можно только заточенным колом в сердце или отрубанием башки. Чтобы покойник не встал, в гроб кладут веточку боярышника, а если нет таковой под рукой, можно и зубок чеснока, ежели не жалко. Также можно воткнуть на могилу семь ножей и окурить место серой и дымом от лимонного дерева.

Ночью упир могуч, а днем хил и потому в земле скромно хорониться, засыная непробудным сном. Вот тогда-то его и промышляют. Для того нужно пустить на кладбище белого племенного жеребца, который ни разу не спотыкался. Благородная скотина легко перешагнет через все могилы, кроме одной, где упир прячется...»

Меня отвлекла тарелка каши, накрытая сверху толстым ломтем свежего хлеба, поставленная прямо между страницами. Каша оказалась горячая, щедро приправленная большим куском золотисто-желтого масла, а хлеб мягким, с поджаристой хрустящей корочкой. Решимость срочно переезда таяла на глазах, вместе с маслом. Бес с ней, с бабкой, пусть ворчит. Так и быть, поживу еще пару денечков.

— Спасибо большое. — От души поблагодарила я Глаширу, молча стоявшую над ней (над душой), сцепив

костлявые, увитые венами руки на фартуке. — Было очень...

— Тарелку давай, раз наелася... — С неожиданной неприязнью перебила бабка. — Не подлизывайся, не люблю... ишь ты, спасибо... и иди давай, там тебя во дворе с утра дожидаются.

— Кто? — Вопрос оказался чисто риторическим. До ответа на него так и не сподобились.

Странная старушка. Вроде бы вот-вот рассыплется, а раскусить все никак не получается.

Я растеряно поглядела ей вслед, покачала головой, и потянулась за валявшимися под кроватью сапогами. Ну, кого там еще принесло?

* * *

На улице ярко сияло солнце, а небо было как-то непривычно, поражающе синим и безоблачным. Прощальный фортель осени, чтобы пустить пыль в глаза вечной сменнице зиме. Гость стоял у колодца, практикуясь в метании ножа в старый пень, довольно хмыкая при каждом попадании. Пень страдал молча, не разделяя радости метателя. Я полностью поддерживала пень, радоваться пока было нечему.

— Давно ждешь?

Паренек, обернулся, озарив меня одной из своих неподражаемых улыбок.

— Да нет, нормально. Умбра, лучше скажи, как твои дела? Как здоровье? У тебя все в порядке?

— Не дождетесь. — Мрачно буркнула я, плотнее застегивая куртку, в которой, несмотря на все старания солнца, было холодновато. Возможно, так давал о себе знать недавний переход Порога. — Тимхо Митич, ты, что торчал здесь с самого утра, только чтобы поинтересоваться моим чахлым здоровьем?

— Да нет. — Он замялся, взлохматив кудрявый затылок, отчего аккуратная короткая косичка перекосилась и встала дыбом. — Я хотел пригласить тебя на прогулку. Что-то вроде обзорной экскурсии по местным достопримечательностям.

— А что, здесь есть что-то достойное примечания? — Обреченно спросила я, понимая, что соглашусь в любом случае, даже если он пригласит меня просеивать муку или перебирать пять мешков крупы из амбара дядьки Шповника. Я слишком сильно соскучилась по этому неутомному кучерявому мальчишке.

— А как же! Один храм святого старца Ухты чего стоит! На него даже из столицы посмотреть приезжают. Там даже саркофаг с его мощами есть, представляешь? Здесь совсем недалеко, если верхом...

Я слегка прикрыла глаза, слушая его веселый, давно позабытый голос, и словно возвращаясь на пыльные дороги Шумбера, узкие улочки Гуабы, в бескрайние степи Элгая Зарече, таинственный лес дор-доу, темные пещеры барбегази, цветущие берега Нефритового Озера...

— Так что, Умбра, поедешь со мной?

Сдалась тебе такие спутники, человек. Ты ведь давно идешь другим путем, путем охотника, на котором таким как я места нет. Для них уготовлена засыпанная землей яма в лопухах на обочине.

— А что, Асеер знает, что ты собираешься на прогулку с игигом?

Он слегка удивился, приподняв угольно-черные брови. Правильно, мне самой интересно, с чего я так взбеленилась.

— Конечно! Зря ты так. Учитель не разделяет людей и нелюдей. Он говорит, что добро и зло не имеют расовой принадлежности. Настоящие охотники борются с истинным злом в любом обличье, а с суевериями сражаются проповедники.

— Асеер так говорит?

— Да. И еще он говорит, что игиг — это тяжелый диагноз, но не смертельный приговор.

— Ну... тогда... поехали. — Сбивчиво пробормотала я, слишком пораженная, чтобы отбить булыжник, нагло брошенный в мой огород. Как он сказал? Игиг — это тяжелый диагноз? Ну, дингир-ур, мы еще поглядим, кому на самом деле потребуется помощь лекаря.

* * *

Пригретый, расцвеченный солнцем лес выглядел куда лучше обычного. Рыжая, упорно не желающая опадать листва молодых дубков и ярко зеленая сосновая хвоя придавали ему нарядный, даже несколько щеголеватый вид. Я бы непременно залюбовалась такой красотой, если бы не постоянная тряска, от которой мутнело в глазах, а к горлу поступал солоноватый комок. Моя вороная кобыла скакала словно сеголеток, впервые почувший свободу. Она то норовила пуститься в галоп, то резко притормаживала, чтобы щипнуть чего-нибудь вкусного или почесать брюхо попавшимся на пути низкорослым кустарником. Зад ныл, требуя независимости от дурной головы, решившейся на

конную прогулку. В контраст моему бодрому клячetryсению Тимхо плавно и спокойно скользил чуть впереди на своем светло желтом жеребчике. Золотистый конь, будто плыл по воздуху, поочередно выбрасывая вперед то обе левые то обе правые ноги.

— Здорово у тебя конь вышагивает. — Высказала я вслух свои наблюдения. — Никогда такого не видела.

— Он иноходец. — Гордо приосанился паренек, похлопывая жеребчика по изогнутой шее. — Большая редкость, особенно правильно обученный. Я на него все деньги с первого заказа потратил.

— Может, махнемся? С доплатой.

— Нет уж. — Тим хитро улыбнулся, пригибаясь, чтобы пропустить над головой коварно нависшую ветку дерева. — Лис мне почти как друг. А как твою лошадку зовут?

— Я зову ее гнусная скотина.

— Нет, ну какое у нее имя?

— Откуда мне знать. При покупке нас друг другу не представили, а потом мы с ней на эту тему не заговаривали.

— Тогда ты должна ее назвать. — Убежденно заявил паренек.

— Ну, хорошо. — Я в некотором замешательстве усталилась на взлохмаченную гриву между любопытно встопорщенных ушей, казавшуюся на общем фоне случайно поставленным чернильным пятном. — Пусть будет Кляксой. Пойдет?

— Ничего. — Серьезно тряхнул кудрями Тим. — Но ей больше подходит имя Слива, вон какой у нее бочок синевой отливает.

— Лучше Редька.

— Нет, тогда уж Черника или... Чернушка.

— Ты ее еще Черноземом назови...

* * *

За спором мы и не заметили, как добрались до храма. Опомнились лишь, когда из-за деревьев показалась невысокая скособочившаяся башня в окружении облезлой лужайки. От леса лужайку отделял забор, представляющий серьезную преграду разве что для кур, важно расхаживающих по двору. Такой низкий, что его можно было запросто перешагнуть, а при желании, и вышибить одним пинком. Зрелище жалкое. Но несмотря ни на что, для меня этот храм выглядел более убедительно, чем многие другие вместилища истинной веры, отгораживающиеся от «добрых людей» заточенными кольями, рвами или твердокаменными стенами в три ряда.

Про самого святого старца Ухты (цвет глаз, рост, вес в обществе и на весах) лично мне было известно маловато. Вроде бы, еще при жизни дед занимался широким кругом общественно полезных работ: исцелял безнадежно хворых, помогал сирым, не особенно издевался над убогими, изгонял бесов, активно перевоспитывал блудниц, безжалостно доводил преступников до горьких слез раскаяния и прочих нервных припадков, а также творил многие другие не менее славные деяния. Как показывает история, народная любовь не покидает столь великих людей и после смерти, увековечивая их в молитвах, на лубочных картинках и амулетах от запора.

Тимхо дернул за веревочку, и нехитрый механизм отомкнул задвижку с внутренней стороны, пропуская нас во двор. Архитектурный ансамбль башни дополнялся хлипким сараем и крепкой деревянной будочкой стратегического назначения — единственным строением не вызывавшим у меня опасений. Подробное описание храмового хозяйства емко укладывалась в двух словах «разруха» и «запустение». Похоже, кроме нас единственными посетителями и стражами скромной обители святого Ухты были местные квочки.

— Что-то здесь не людно. — Я поддала под зад особо фанатично настроенной несущке, нагло загордившей мне дорогу. — И не ладно.

Паренек недовольно покосился в мою сторону, явно осуждая акт глумления над гордой священной птицей.

— Просто не сезон. Обычно посетители приезжают летом. Да и оборотня все бояться. — Нехотя буркнул он.

— И чего же обычно алчут страждущие? — К углу сарая был прибит ящик для пожертвований, поэтому интерес прозвучавший в моем вопросе был почти искренним, и мальчишка снизошел до более вежливого ответа.

— Святой великомученик Ухты творит всевозможные чудеса и исполняет самые заветные желания.

Так он еще и великомученик. Все понятно, деду круто не везло. Особенно если учесть, что все его прихожане были неприлично скупыми людьми, либо их здесь вообще давненько не было. Всего две медных монетки, окислившихся так, что профиль последнего императора больше походил на ослабленную упыринную морду. Только магию зря потратила.

Тимхо, конечно, не мог видеть, как я использую заклинание взлома, но все равно что-то заподозрил и, бесцеремонно оттащил меня за рукав.

Сразу за углом сарайчика, где ограда выглядела почти прилично, а лужайка еще каким-то чудом зеленела, обнаружился вход в небольшую башенную комнатку, в которой стоял массивный каменный гроб, накрытый толстой монолитной плитой. Над гробом висел поясной портрет старца, вероятно, еще прижизненный, потому что по своему опыту знаю — с трупа великомученика ничего путного не нарисуешь. На портрете был изображен не дряхлый старикан с бородой по пояс, как я собственно его себе и представляла, а мужчина в самом расцвете сил с большими синими глазами, облаченный в пурпурную шапочку с белым мехом и пурпурного же цвета плащ весьма зажиточного имперца. Единственное, что в нем было от старика, это длинные седые волосы и короткая щегольская борода. Если побрить, посадить на строгую диету, а потом заставить полдня резать лук, будет здорово похож на Асеера...

— Вот он, саркофаг! Здесь хранятся мощи святого... — Донесся до меня голос Тима. От избытка чувств паренек выпустил мой рукав, чтобы тут же вцепился в крышку гроба. Прикрыл глаза и быстро задвигал губами, словно читал молитву.

Ничего себе. Похоже, действительно читал. И куда только глядит дингир-ур?

— Тим, — ехидно окликнула я. Он отмер, уставившись на меня таким затравленным взглядом, от которого дрогнуло даже каменное иггское сердце. Боги, да пусть верит в кого хочет, хоть в праведного удуга вегетарианца.

— Я... просто... хотела узнать поподробнее про святого старца.

Паренек просиял, словно заядлая бабка-сплетница, в дом которой негаданно ввалилась толпа столичных дознавателей.

— Один раз в году, в ночь после третьего снега — вдохновлено начал он. — Святой Ухты спускается с небес в наш мир, чтобы покарать зло и наградить добрых людей. Особенно святой благосклонен к детям. В эту ночь святой старец преподносит подарки для тех, кто светел душой, чист помыслами и совершал достойные поступки... так было раньше, пока люди не пропитались злобой насквозь.

Он вышел во двор, а я так и осталась стоять на месте, задумчиво разглядывая испещренную знаками каменную крышку саркофага. Тимхо еще что-то говорил. Слова доносились непонятными едва слышными отголосками. Да особенно и не хотелось вникать в их смысл. Созерцание гроба направило мои размышления в новое русло. Из головы все никак не шла утренняя статья из бестиария. Если верить написанному, местные упыри могут превращаться в черный туман. Интересно, имеет ли упыринный туман какое-нибудь отношение к тому дурно воспитанному туману, что ни с того ни с сего атаковал меня в лесу? Если да, то получается, что логский оборотень идет в комплекте с логским упырем.

Как найти и убить оборотня я еще представляла, а упырь? Упырь — это же совсем другое дело. Ночью за ним гоняться себе дороже, а днем гад может скрываться где угодно.

Нужно хоть как-то ограничить круг поисков. Если рассудить, упыри сами по себе, на весенней лужайке не родятся. На той стороне, за границей жизни и смерти кишмя кишат жуткие, тупые, вечно голодные твари, которые готовы в лепешку расшибиться, лишь бы проникнуть в мир живых. Но Порог они сами перейти не могут, тварям нужно особое приглашение от людей. И люди приглашают их. Сами. Приглашают, когда не могут отпустить умершего, оплакивая его денно и нощно, привязывая его к Порогу своими слезами и страданиями так, что он не просто может уйти. Люди связывают себя любовью, обязательствами, ненавистью, болью. И по этой связи твари, точно крысы по швартовочному тросу, перебираются в опустевшие, мертвые тела. Редко, но случается, что из-за Порога возвращаются настоящие хозяева тел, но для этого они должны быть либо игагми, специально созданными для подобных путешествий, либо людьми с огромными энергетическими запасами. Например, магами или... я задумчиво уставилась на портрет.

Во взгляде святого старца читался укор. Правильно, я бы тоже не создалась. Очень может быть, что по ночам дедушка Ухты спокойно сдвигает крышечку и разгуливает по окрестностям целомудренно скрываясь под черным туманом.

Тимхо копошился на улице, вкапывая в землю какую-то корявую палку, и не обращал никакого внимания ни на меня, ни на саркофаг. Самое время проверить, полна ли коробушка.

Ы-ых. Тяжелая зараза. От напряжения у меня заломило спину, но плита даже не шелохнулась. Если внутри действительно упырь, то ему оставалось только искренне посочувствовать. Это как же бедняга каждый раз корячится.

Я расставила ноги на ширину плеч, основательно поплевала на ладони и уже приготовилась ко второму заходу, как за моей спиной раздался протяжный скрип. Оказывается, в самом конце комнатки находилась потайная дверь. Теперь на ее пороге стоял страшный тощий, лысый, как черепаха, старикан. Такой древний и кардинально усыпанный пигментными пятнами, что с испугу я приняла его за припозднившегося упыря, но потом разглядела плешивые изгибы черных крыльев над плечами.

Пока мы внимательно изучали друг друга, на лице служителя храма не дрогнул ни один мускул, но легче было вынести гробовую плиту, чем его холодный, колюще-режущий взгляд.

— Жестокость к тварям безмолвным объясняется ущербностью либо недоразвитостью ума. — Наконец, проскрежетал он. — Низкую тягу к легкой наживе можно истолковать души изъязном, и попробовать излечить молитвою и покаянием...

Я почувствовала, что краснею. Надо же было так проколоться, совсем забыла, что кедошим прекрасно разбираются в магии, и могут учуять ее на любом расстоянии, как стервятники дохлого онагра. Не объяснять же теперь, что я залезла в ящик для пожертвований из любопытства...

— Но попытка осквернения святыни, безусловно, свидетельствует о полной испорченности человека, и можно с уверенностью сказать, что таковой прогнил до основания, потому как безнадежен. — Взгляд храмовника стал откровенно расчленяющим, я практически чувствовала, как он мысленно распиливает меня на части. Религиозные фанатики вообще социально опасны. Просто рассадник психических заболеваний. Помнится, толпа вот таких же активистов из одного аккадского храма целый день гоняла меня по пустыне, не отвлекаясь на отдых и обеденный перерыв. Всего лишь из-за того, что я наступила на молитвенный коврик их настоятеля. И это тогда они еще не знали, о пропаже своего священного голубого алмаза...

Я стала медленно отступать спиной назад, мучительно ожидая, когда же чернота арки над головой наконец-то сменится синим небом. Так увлеклась, что едва не сшибла Тимхо, который упоенно любовался результатом своих трудов — торчащим из земли колышком. Хрыч, выползший за мной на свет божий, смотрелся на этом самом свету еще страшнее. Да на его фоне любой самый залежалый упырь выглядел бы розовощеким карапузом. Но вместо того, чтобы пасть хладным трупом или задать стрекача, как поступили бы все нормальные люди при виде этого облезлого реликта, ненормальный Митич бросился к нему навстречу с какой-то бурной, непонятной мне радостью.

— Здравствуйте, настоятель Вербит!

— А, юный Тимхо... — Взгляд кедошима потеплел, хотя лицо оставалось все таким же мертвенно-неподвижным. — Рад тебя видеть. Как твои успехи в ученье?

— Спасибо, хорошо. Я уже выучил молитву «об отвращении зла».

— Весьма похвально.

— Так вот откуда крыша подтекает...

— Что? — Раздраженно вздернул крылья Вербит.

— Да ничего, я не вам. Я говорю, Тим, зачем ты похоронил здесь это полено?

Храмовник засопел во гневе, но уже привыкший к общению с игигами Митич легко отделил суть от плевел, охотно пустившись в объяснения.

— Есть традиция, по которой в последний месяц осени любой может загадать самое заветное желание, и закопать еловый кол рядом с саркофагом святого Ухты. Если человек чист душой и достоин помыслами, святой вскоре ниспошлет ему свое благословение.

— Это как?

— После первого снега на месте колышка вырастет высокая молодая ель!

— Угу. — Только теперь я заметила рядом со свеженькой вновь вкопанной палкой целую кучу старых наполовину сгнивших и покрытых мхом черенков. И что-то ни одной елки...

— Я загадал, стать великим воином. — Мальчишка принял мечтательный вид, какой обычно бывает у малышей в предвкушении балаганного представления. — Давай приедем сюда после третьего снега и посмотрим? Вдруг чудо случится!

— Чудес не бывает. — Отрезала я. — И это я говорю тебе, как профессиональный маг. Чудо — это усиленная, кропотливая работа, требующая большой самоотдачи и удугову кучу времени. Только при наличии всего вышеперечисленного оно имеет шанс случиться. А все эти ваши ритуалы — пустая трата времени.

— То есть ты хочешь сказать, что все зря, да? — Начал кипятиться мальчишка. — Нет, ты скажи, скажи, что из меня не получится хорошего охотника!

Я как раз собиралась, но меня перебил кедошим. Сначала жестким колючим взглядом, и только потом словом.

— Вы сами себе противоречите. Говорите, что чудес не бывает, и тут же даете им определение. Чудеса случаются повсеместно. Почитайте хотя бы древние свитки, труды святых и ученых... везде найдется упоминание об удивительных вещах, творящихся в мире по воле всевышних сил. Это, несомненно, свидетельствует об истинности божественного откровения. Вера в чудеса помогает справиться с любыми трудностями. Верь, юный Тимхо, и у тебя все получится. Святой Ухты всегда с нами. — Закончив на этом, старик ободряюще кивнул мальчишке и пополз обратно в свою нору стеречь саркофаг.

Я примирительно улыбнулась Митичу, но тот лишь насупился еще больше и отвернулся. Надо же, обиделся. Лучше бы тратил время на тренировки, а не на всякую романтическую ерунду, уже не маленький. До каких пор еще с ним нянчиться? Всю дорогу мы не сказали друг другу ни слова.

Колуче попрощались на репейном поле и разъехались в разные стороны. Тим — к дому деда Богдоя. Моя разнузданная кобыла — в компанию к бабкиным овцам, где ей, кстати, было самое место, а я — поскорее в дом с целью проспать до самого вечера. Но стоило переступить порог, как в лицо неожиданно метнулось нечто черное-серое, похожее на растрепанный клочок тумана. Настолько неожиданно, что не успела даже прикрыться руками, только зажмурилась. Кожу больно хлестнуло чем-то мокро-шершавым.

— Пугайся! — Раздался следом ворчливый старушечий голос. — Ни прибраться, ни печь почистить!

Я возмущенно выругалась, попытавшись быстренько проскочить мимо воинственно настроенной Глаширы, но здорово просчиталась. Легче было проскочить между смыкающихся волчьих челюстей. Шустрая бабка с криками и позором выгнала меня во двор, охаживая смердящей, измазанной в золе тряпкой.

Делать было нечего. Я подалась к озеру. Может быть потому, что там в отличие от бабкиного дома и моей души было спокойно.

Вот что значит переменчивая осенняя погода. Куда успел надеваться безоблачный теплый денек? Наверное, туда же, куда мое хорошее настроение. Небо затянули караваны серых туч. Ставший пронизывающим ветер поднимал холод с воды и гнал его шипящими бурунами по высокой выцветшей добела траве.

Недалеко, съездившись на холодной земле у самой кромки воды, дремал старый рыбак Богдой. Длинная тростниковая удочка с прилаженным колокольчиком не в пример хозяину удобно устроилась на рогатине, а прибитый волнами поплавок степенно покачивался в зарослях кувшинок у самого берега.

Зато середина озера безраздельно принадлежала припозднившимся с отлетом диким гусям, беспокойно сновавшим туда-сюда, словно проверяя напоследок, не забыли ли они чего важного.

Наконец, водную гладь испещрили светлые древки срезанных волн. Следуя за протяжно гомонящим вожаком, стая поднялась в небо. Единым живым существом, точеным наконечником стрелы, нацеленной куда-то за горизонт. Одна птица почему-то задержалась внизу.

— Эх, пропадет. — Оказалось, что дед Богдой проснулся, смотал удочку и теперь осторожно поднимал связку насаженных на прут карасей. — Из всего выводка ужа такая несурзая, что хоть плач. Так и не смогла на крыло встать-то. Совсем квелия, вон даже головы не поднимает.

Словно разобрав его слова, гусыня отчаянно вытянула шею, закричав-заплакав вслед ускользящему вдаль косяку. И они слышали. Вожак развернул стаю, описывая над озером прощальный круг, словно давая понять «мы тебя помним».

Но с заснеженных гор уже подкрадывались холода. А в стае кроме нее были и сдающие, но еще не сдающиеся старики, и несмышленный едва окрепший молодняк, и просто ослабленные болезнями и недугами. Все они могут выжить только если не останутся. И калека замолчала, понимая. Они были в своем праве. Они улетали.

А она оставалась. Одна. Лишь потому, что судьба создала ее не такой, как всех. Просто ради эксперимента, из научного интереса. И судьбе нет никакого дела, каково это быть уродом, изгоем, тем, кто всегда остается один...

Я обернулась. Старик уже ушел, и это все решало. Потому что я никогда бы не осмелилась на подобную глупость при свидетелях.

Отражения грозных облаков плыли по холодной осенней воде, быстрее и легче лучших имперских судов. Перебирали мелкую рябь потревоженных ветром волн, словно струны, чередуя мрак тени с золотисто-синими прожилками чистого неба. Серая птица даже не успела испугаться, когда скользнувшая по ее спине тень внезапно сомкнулась вокруг тела крепкими тисками и потащила на глубину.

Я с головой ушла под воду, оттолкнулась, вынырнула на поверхность, и снова пошла на дно. Благо последнее было не глубоко, а то бы я точно захлебнулась, пытаясь удержать отчаянно вырывающуюся гусыню. Кто додумался назвать гусей неповоротливыми? Да легче удержать ушами шапку при штормовом ветре.

Но, несмотря на все трудности, собственная жизнь всегда являлась для меня хорошим стимулом, поэтому скоро я уже уверенно стояла на твердой почве, правда по пояс в ледяной воде.

Убаюканная магией, птица прекратила трепыхаться, притихнув в моих руках, меня же наоборот начало потряхивать от холода, но я лишь упрямо сжала зубы. Если уж совершаю идиотский поступок, то не привыкла отвлекаться на всякие глупости.

Это было трудно объяснить. Легче объяснить, зачем козе клепсидра. Но мне было очень важно, чтобы эта птица смогла улететь вместе со всеми. К бесам судьбу, к черту законы природы, к удугам этот вшивый здравый смысл!

Серебристое свечение бережно окутало каждое перышко, впитываясь все глубже. Оставалось надеяться, что хворь не серьезная. Я закрыла глаза, сконцентрировавшись на волнах силы, разливающихся по всему существу, упорядочивая и выявляя огрехи строения. Болезнь нашлась быстро, она чернела на общем серебристом поле двумя

кривыми кляксами. Пострадали поднимающая крыло нижняя мышца в области груди под основной грудной мышцей и сухожилие, перекинутое через блок, позволяющее нижней грудной мышце поднимать крыло «снизу». Смертельно для птицы, трудновыполнимо для меня, но, в общем, — ничего страшного. Просто нужно очень постараться...

Несмотря на холод, пот градом стекал со лба. Как любил говаривать знакомый военный лекарь — легче добить, чем вылечить. Одному небу было известно, сколько прошло времени, но от страшных клякс остались лишь еле различимые тени, еще немного и о них не останется и следа...

Неожиданно серебряная сетка заклинания предательски дрогнула, начиная блекнуть. Черные кляксы радостно раздулись до прежних размеров. Упади небо! Только не это. Я со скрипом сцепила зубы, пытаюсь выбрать остатки резерва, но выбирать уже было нечего.

Озверевший ветер плетью хлестал по коже, высекая из глаз пустые, бессмысленные слезы, но я ничего не чувствовала. Только злую обиду. Напрасно. Все напрасно. И ведь не хватило совсем чуть-чуть... а может, как раньше...

Обида на миг отступила, уступая дорогу удивлению. Чьи-то ладони легли поверх моих, щедро раздаривая жгучее тепло и силу. Даже более щедро, чем было нужно. Заклинание достроилось за считанные мгновения, выбросив избыток энергии искрящимся потоком солнечного ветра. Если отпустить птицу, какое-то время ее будет нести вверх просто за счет магии. Осталось только раскрыть ладони.

Ветер.

Свобода.

Ликующее счастье, в которое трудно поверить.

Расправленные крылья.

Сияющий силуэт на фоне серых грозовых туч.

В груди защемило от пьянящего ощущения полета. Магия так тесно связала нас, что общим стал каждый удар сердца, каждый толчок крови, даже небо, скользящее сквозь трепещущие перья стало общим.

На западе догорала заря, на востоке зажигались первые звезды. Мир остался далеко внизу. Внизу больше ничего нет, ничего больше не нужно. Только вверх и вперед, следом за стаей. Вперед! Быстрее! Еще быстрее! Наперегонки с облаками, подальше от боли, страхов, одиночества, пустоты, безнадёги...

Колочий толчок импульса. Темнота. Резкое головокружительное падение.

— Очнись. — Услышала я негромкий, спокойный голос, и открыла глаза. Гусыня по-прежнему продолжала полет, плавно и уверенно, не проявляя малейших признаков усталости или признательности. Я перевела взгляд на склонившегося надо мной человека с перепачканным сажей лицом, недовольно поджала губы, но следовать дурному примеру не стала.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Мы сидели, молча, провожая улетающую птицу. Я ерзала, кутаясь в его длинный серый плащ. Асеер был неподвижен и спокоен, тем спокойствием, которое сведущие узнают, как спокойствие свернувшейся в кольцо кобры, притаившегося хищника, спокойствие несущее смерть...

Но ведь именно этот человек только что спасал со мной гуся, вытащил меня на берег, потратил магию на сушку моей одежды и отдал мне свой плащ. Тот одержимый жаждой мести фанатик, что встретился мне на дорогах Шумбера, пугал намного меньше, чем этот непонятный, спокойный, умиротворенный человек, способный, кстати, на что угодно.

— Я тебя искал.

— Вижу. — Я приподняла уголки губ, покосившись на черное пятно, размазанное по щеке охотника. — Зачем?

— Чтобы поговорить... о Тимхо. Мальчик вернулся сам не свой... и...

— И, конечно же, ты решил, что во всем виновата мерзкая тварь. Ты не ошибся, это дело моих грязных лап! — Запланированный злодейский хохот был неожиданно прерван приступом кашля. Я постучала кулаком по груди и проникновенным голосом добавила. — Меня печенкой новорожденных младенцев не корми, только дай поизмываться над молодыми охотниками...

— Умбра, тебе не надоело?

— Не поняла.

— Притворяйся мерзкой тварью.

— Я и есть мерзкая тварь, порождение тьмы, страх, ужас, безжалостное создание черного колдовства, бессердечный монстр, проклятье богов...

— Какая чушь.

— Вот и нет! Я злобная и бессердечная!

— Ты оставила жизнь смертельному врагу, спасла детей, истратила весь резерв, чтобы помочь... хм... гусю.

— Если бы я тогда случайно не свалилась в озеро, ты бы теперь жаловался другим жмурикам в подземном царстве на изощренные бесчеловечные пытки и долгую мучительную смерть, а не нес здесь какую-то ересь про гусей.

— Ну хорошо. — Вздохнул он. — Оставайся задницей, если хочешь.

Я усмехнулась. Еще бы. Картина «дингир-ур убеждает игига в добродетели и благородстве» могла бы пополнить лучшие коллекции абстрактной живописи.

— Что там насчет мальчишки?

— Перед прогулкой с тобой он прямо светился от счастья, а вернулся мрачнее тучи. Даже со мной не захотел разговаривать. — Асеер заглянул мне в глаза. — Умбра, что там у вас произошло?

— Ты в курсе, что твой воспитанник разучивает молитвы во славу одного древнего ископаемого под руководством другого?

— Да. И не вижу в этом ничего страшного.

— Ничего страшного?! — Всплеснула руками я. — Да парню окончательно запудрили мозги! Того и гляди будет в рубище ходить, горланить священные гимны, и бичевать себя крапивой куда не попади!

— Тимхо взрослый, здравомыслящий молодой человек. Он никогда не опустится до таких крайностей. К тому же каждому охотнику необходим храм, место, куда можно прийти за советом, за поддержкой, за отпущением, за надеждой... а эта вера не требует ни кровавых ни финансовых жертв, лишь соблюдения законов совести и чести, доброты и участия к близким. По-моему, мальчику это только на пользу.

— Ты еще скажи, что сам к саркофагу навевываешься. — Буркнула я из чистой вредности. Слова охотника меня убедили, успокоили, заставив посмотреть на ситуацию с другой стороны.

— Навевываюсь. — Не стал отнекиваться дингир-ур. — Кстати, тебе тоже бы не помешало. Настоятель храма очень мудрый и интересный собеседник.

— Спасибо, мы уже беседовали. — Я задумчиво почесала переносицу, шерстяной охотничий плащ колюче огладил щеку. — Из-за этого-то и весь сыр-бор...

* * *

— И ты сказал ему, что он никогда не станет настоящим охотником? — Сдавленно спросил Асеер, в конце моего короткого живописного рассказа.

— Немного в другой формулировке, но смысл верный. Признаю, немного погорячилась. Но я всегда говорю, что думаю и...

— Лучше бы та сначала думала, а потом уже говорила. — Грубо оборвал меня охотник. — Ты должна поговорить с ним, извиниться, убедить в том, что у него все получится!

— И не подумаю. — Я закусила удила. — С какой это стати мне переживать из-за чьих-то там переживаний?

Асеер угрожающе сжал пальцы, предвкушая мое удушение, но все-таки сумел сдержаться, продолжив переговоры.

— Понимаешь, Тимхо стал мне очень дорог... я никогда не видел его таким... потерянным, разочарованным. Твои слова очень многое для него значат. Умбра, поговори с ним. Пожалуйста. Сегодня вечером в деревне будет праздник с народными гуляньями по случаю. Тимхо участвует в боях, ты могла бы...

— Не могла бы. — Стыдно признаться, но мое озлобленное упорство удивляло даже меня. Ведь на самом деле я уже давно осознала, что была неправа, и сама собиралась извиниться. Просто какое-то пока неосознанное мерзкое чувство засело глубоко в душе, заставляя говорить гадости. — Я тебе уже сказала, что не буду ни перед кем извиняться! Я не подвязывалась возиться с сопливыми щенками! Разбирайся с ним сам, если хочется...

— Понятно. — Подозрительно, но Асеер ничуть не рассердился, как будто заранее знал, что я от всего отпущусь.

— Чего тебе понятно?

— Что с тобой по-хорошему нельзя.

— Ну, попробуй по-плохому!

Он потянулся к ножнам на поясе. Я, ухмыльнувшись, вытащила из рукавов тонкие метательные ножи, готовая к любому удару. Только не к такому. Увиденное настолько меня потрясло, что я в ужасе отпрянула назад.

— Ты ничуть не изменилась, лысая. Разве что волос стало побольше, но мозгов так и не прибавилось! — Уперла руки в боки Стрекоза. — И не надейся сбежать, моя милая, я не люблю неоконченных разговоров. Буду приходить к тебе во снах, мы жмурики это умеем, и всю ночь рассказывать занимательные истории из моей недолгой, но увлекательной двухсотлетней жизни.

— Чего ты хочешь?

— Нет, она еще спрашивает! — Многочисленные черные косички раздраженно запрыгали по загорелым плечам. — К чему эти дешевые понты и гнилые базары, подруга? Бросила мужчину с двумя детьми, жила все это время в свое удовольствие. Хорошо, хоть девчонку пристроили. Хотя знала бы, чего нам это стоило! Асеер, значит мальчонку одни кормил, поил, воспитывал, душу, понимаешь, вкладывал, отношения выстраивал все эти годы, а она тут заявляется, как шмон среди ясного неба, и все снова к песчаному гулю под хвост?

Я только хватала ртом воздух от возмущения, не в силах вымолвить ни слова. Обвинять меня после всего случившегося?! Да я это их спасла! Я! А не этот белобрысый подхалим. Я пожертвовала своей жизнью и имею право...

— Ничего ты не имеешь, девчонка! — В голос заорала Лайдэ-дзи, испугав меня до нервной икоты. — Отказалась от обязанностей? Вот и о правах забудь! Одно без другого не бывает. Это тебе не щенок, это человек, и возможно в будущем великий, нечета тебе! Поняла, кошелка?

— Асеер, убери ее... — Взмолилась я.

Охотник иронично приподнял брови, не сводя с меня хитрых рубиновых глаз.

— Ну, хорошо! Хорошо! Шантажисты дхэровы, я поговорю с Тимхо!

— Вот видишь, а ты сомневался. Пойдем, Асеер, сил моих больше нет глядеть на эту бесстыжую морду. — Душа меча погрозила мне кулачком и растаяла. Охотник тоже не стал задерживаться.

* * *

Как конкретно назывался праздник и к чему он был приурочен так и осталось для меня загадкой, разгадывать которую, кстати, не было никакого желания. Если бы не Асеер, сам факт существования торжества вообще благополучно обошел бы меня стороной.

Я бесцельно бродила по берегу, кутаясь в охотничий плащ, все больше склоняясь к тому, чтобы все-таки разбавить собой праздничную бочку меда. Наставления дингир-ура и ворчание призрака тут не причем. Мне действительно было стыдно, погано и немного больно от собственной грубой, бескомпромиссной, непробиваемой, глупой упертости. Да пусть верить в кого хочет, только бы верил. Пусть мечтает о чем угодно, только бы не превратился в кого-нибудь, вроде меня.

— Госпожа расследователь. — Из кустов показалась щекастая физиономия с отчетливым черным пятном на лбу. Глашира, явно вошла во вкус. — А я везде вас искал...

— Чего тебе, Пацек?

— Вот. — Детинушка робко вытянул руку, в которой была зажат серый кожаный мешочек.

Приглядевшись, я с удивлением опознала в нем свой дорожный кошель, который потеряла еще на прошлой неделе. Точнее, это так я думала, что потеряла...

— Все на месте, вы не подумайте... — Вор пламенно зарделся, отводя честные голубые глаза. — Я вам там его зашпопал кое-где... и отдельный кармашек для мелочи...

Я зачарованно развязала горловину, высыпав содержимое на ладонь. Кроме изначальных десяти золотых наружу высыпались три медных монетки незнакомого происхождения.

— За моральный ущерб. — Сдавленно пробормотал Пацек в ответ на мой недоумевающий взгляд. Мысль о воре, охотящемся за кошелем только чтобы его простирнуть, зашпопать и доложить туда денег, была сродни бойкому улыбчивому покойнику, и никак не желала укладываться у меня в голове.

— Хотите, я вам еще кобылицу вычищу или набойки на сапоги слажу?

— Нет.

— Да? Тогда может тыкву возьмете, у нас в этом году во-о-от такие уродились!

— Не стоит.

— Тогда, может, заплату на рубахе поставлю, вон на локте у вас поистерлось...

— Слушай, парень, ты просто спер мой кошель! — Не выдержав, я сорвалась на дурной бабский крик. — Не порвал семь томов собственноручно написанных наставлений потомкам, не плевал в мой колодец, не предавал огню и мечу мое родовое, нежно любимое с детства гнездо! Поэтому вовсе не обязан теперь заменять мне отца и старушку мать!

Здоровенный детинушка неожиданно и как-то совсем по-детски потупился и шмыгнул носом.

— Э-эй, ты чего? Ну вот... — Я притушила саркастическую ухмылку, смущенно потерев бровь. — Ладно прости, погорячилась. Тыква всегда в хозяйстве пригодится. К тому же, я тут вспомнила. У меня к тебе одна очень важная просьба.

— Правда?

Население Серых Ив отнеслось к празднику ответственно. Явились все, от грудных младенцев (громко выражающих свои впечатления о самом празднике и матерях, додумавшихся их к нему приобщить) до древних стариков (еще с утра оккупировавших все сидячие места). Хотя даже полная явка не могла объяснить, откуда в такой маленькой деревне взялась такая уйма народа. Зато смог Пацек. Оказалось, что многие из присутствующих — родственники и друзья местных жителей, съехавшиеся в Ивы из окрестных сел, чтобы поучаствовать в празднике.

Проводник из Пацека, вообще получился намного лучше вора. Ненавязчивый, лаконичный, смысленный. Он сам получал удовольствие от прогулки, и бескорыстно делился им со мной, комментируя все происходящее вокруг. Как то: «Парный забег молодоженов на дальнюю дистанцию. Аника, дочка скорняка из Липок, уже третий год участвует. Каждый раз с новым мужем». Или вот: «По гонкам в мешках среди мужчин у нашего лекаря во всей округе равных нет. Уж как до мешка доберется, так бывало и на коне не догонишь. Правда, как протрезвеет, ничего потом не помнит, и нипочем не верит, когда ему про то рассказывают». А также: «В прошлом году то староста наш прямо на празднике крепко поссорился с женой и пошел топиться на бывший Кривой Мост, что через озеро. Боруся — следом. Не, не топиться. Проследить, чтобы, значит, не передумал. Почитай тогда все наши собрались поглядеть. Мост старый уже был. Не выдержал. Сашию хоть бы что, а Борусю потом еле откачали».

В толкотне у лавки с пирожками моего проводника оттеснили куда-то в за пределы видимости, зато я наткнулась на старосту, кузнеца и деда Шповника, оживленно обсуждавших что-то с купцом Теушем. Со мной вежливо поздоровались, приняв в узкий кружок.

— Ты у себя в Липках умничать будешь. — Ругался Саший, почему-то шепотом. — А мы тебе дело верное говорим. Надуть вскладчину на Ерку ставить.

— Я же не спорю. — Вежливо соглашался купец. — Но вам не кажется, что для забега с яйцом и ложкой среди девиц она немного крупновата в кости... в смысле тяжеловата... на подъем? Тем более она раньше и не участвовала никогда...

— Зато у нее рука крепкая. — Возразил староста, почему-то потирая поясницу, а потом окинул округу подозрительным взглядом и, наклонившись поближе к собеседнику, добавил. — У нас есть информация!

— Ага! — Хохотнул Купец. — Мы вчера из харчевни возвращались, а девки-то деревенские как раз гадать на женихов удумали. Со свечкой в ночь по двору ходили. Якобы на свет должен дух нечистый явиться и рассказать, когда сватов ждать. Так во двор возьми да забеги заяц-беляк. У них в это время самая кормежка. В потемках то не видать ничего, только тень черная ушастая. Все в крик «демон, демон!», а Ерка, та не испугалась. Она чтобы у демона про жениха выспросить, через плетень одним махом перепрыгнула и беляка до самой опушки гнала. А свечка то и ни разу не погасла.

— И я тебе скажу, Теуш. — Значительно погрозил пальцем дед Шповник. — Тот заяц только потому ушел, как фору хорошую взял. Мы бы, может, тоже ушли... ежели бы Клюп не засмеялся...

Я добавила одну медную монетку к общей ставке на Ерку в забеге с яйцом и ложкой среди девиц, две других к общему недоумению поставила на Тимхо в боях на шестах среди мужчин. Тут же отыскался Пацек с пирожками, о происхождении которых можно было легко догадаться по хитрому прищурю и стыдливому румянцу на щеках, а также с вестью, что бои на шестах вот-вот начнутся.

На месте соревнований в землю было вбито четырнадцать бревен по одному уровню, два ряда по пять, и только центральный из четырех. Вооруженные длинными, в три локтя палками, противники должны были гонять и мутузить друг друга до первого падения. Призом назначили племенного бычка, в связи с чем участников набралось разве что чуть-чуть поменьше зрителей. Очередь до Тимхо дошла только спустя десять глубоких разочарований, шесть расквашенных носов, один отбитый копчик и три подвернутых лодыжки. Толпа встретила шуплого мальчишку, вышедшего против мускулистого кузнеца из Липок смехом и улюлюканьем, которые смолкли лишь на мгновенье, когда кузнец распластался на траве, после чего возобновились с удвоенной силой, дополнившись одобрительными выкриками. Скоро определились двое главных претендентов на рога и копыта: Тимхо, и, как ни странно, сын старосты Вежек, показавший необычную сноровку и находчивость. Последний настолько изводил своими шуточками противника, что тот иногда падал от злости еще до начала поединка. Финальный бой, традиционно начался с перечисления выдающихся недостатков соперника. Тим стоял красный, как ошпаренный рак, стараясь не замечать остроумных уколов Вежека. Он так увлекся, что за словесными выпадами едва не пропустил настоящего. Начался серьезный бой. К чести обоих парней, можно сказать, что зрелище было увлекательным, где-то даже красивым. Похоже, никто, кроме бычка, не пожалел, что пришел. И вот, наконец, мать

сыра земля приняла в свои утешительные объятия побежденного. А победитель остался наверху, счастливо потрясая шестом над вихрастой головой.

— По-моему, самый подходящий момент. — Асеер незаметно вырос у меня за спиной, словно насланный злой ведьмой горб. Ведь как раз сама подумала то же самое, но после этих слов зверски захотелось сделать все наоборот. Упади небо! Что же мне теперь постоянно на всяких дингир-уров оглядываться. Я не удостоила охотника даже полуоборотом, прямиком направившись к торжествующему Митичу.

— Умбра! — Красуясь, мальчишка раскрутил шест так, что тот стал почти невидимым, чем вызвал новый восхищенный гвалт толпы и мою старую недобрую ухмылку.

— Ну, что ты теперь скажешь? Видела, как я их всех победил?!

— Тим, я хотела бы...

— Нет! — Требовательно перебил меня он. — Скажи честно, что ты теперь думаешь. Как я сражался?

— Ну...

— Ну?! Да они падали, как подкошенные! Благословление святого Ухты со мной! Я почти готов стать охотником!

— Почти... — Я внимательно посмотрела ему в глаза, раздумывая, что лучше, подслащенная пустышка-лесть или горькая, но полезная правда. Если бы он был мне чужим, хватило бы и первого, лишь бы отвязался. Но чужим Тимхо мне не был. А правда, чем горче, тем полезнее.

* * *

Пацек плохо разбирался в людях, но то, как изменилось лицо его черноволосой спутницы, ему очень не понравилось. Оно, напряглось, растеряв всю привлекательность и человечность. В один прыжок девушка оказалась напротив победителя боев, вскочив на соседний столб. Толпа удивленно примолкла.

— Нападай.

— Но... ты же без оружия. — Смутился паренек.

— Нападай!

Тимхо сделал неуверенный выпад, но его соперница только поморщилась, отмахнувшись, точно от комара.

— Нападай по-настоящему, дурак! Пустомеля! Размазня! Девчонка!

Такого оскорбления Пацек бы ни за что не спустил. Паренек также разразился серией резких, целеустремленных ударов. Но цели ни один из них так и не достиг, и это было еще удивительнее тем, что сама цель, казалось, не прилагала к этому никаких особых усилий. Наконец, противник вышел из себя, и раскрутив посох вокруг себя огромной двукрылой бабочкой, с криком побежал вперед, словно под ногами были не редкие расшатанные бревна, а мощная дорога. Пацек плохо разбирался в боях на шестах и без, но исход был очевиден даже ему. Ловкой девушке не устоять против такой атаки.

Кто же мог предположить, что в последний момент она птицей взлетит вверх, завертится в воздухе тугим клубком, и поднимется уже за спиной нападающего, как ни в чем не бывало. По толпе пробежал изумленный вздох. Такого в Ивах еще не видели. Тимхо так вообще не понял, что произошло. Он резко остановился, едва не потеряв равновесия, и теперь стоял, глупо хлопая глазами.

— Ты почти готов. — Тихий спокойных голос заставил Тимхо вздрогнуть. Даже Пацек почувствовал себя густо перенаселенным муравейником. — Ты почти идеально двигаешься, ориентируешься и почти совершенно владеешь техникой боя. Позволь я объясню тебе, что это значит.

Неуловимое движение, и посох оказался в руках у черноволосой, а паренек, кувыряясь полетел на землю, упав лицом вниз. Большая часть грязи осела на лицах и рубахах предыдущих поверженных бойцов, но и победителю хватило с лихвой.

— «Почти» значит «не». Это значит ты не готов. Ты слишком поздно начал заниматься. Игиги — не деревенский сброд. За промахи с ними ты будешь расплачиваться не гордостью, добрым именем, а ногами, руками, потрохами, жизнью, и хорошо, если сразу и если только своей...

Шест полетел в след, приложив лежащего одним концом по макушке, а вторым пониже спины. Толпа, до этого готовая носить победителя на руках, окатила его волной насмешек, отправившись смотреть на прыжки через плетень. Почти победитель был никому не интересен. Паренек с трудом поднялся, размазывая по щекам размокшую от слез грязь. Зло пнул посох. Медленно побрел прочь, точно собака подбитая своим любимым хозяином. Пацек сам едва не расплакался, и с горя срезал у стоявшего рядом мужчины суму, даже толком не рассмотрев владельца.

Спрыгнув на землю, я обессилено прислонилась к столбу, стараясь ни с кем не встречать взглядами. И извинилась и ободрила. Молодчина, Умбра.

— Тим, стой. — Асеер придержал мальчишку за локоть. — Вспомни, что говорил Вербит, основа любой веры — это вера в себя... Все, хватит! — Вызверился Митич, отбрасывая руку учителя. — Хватит с меня вашей гиджской веры! Сказки для детей! Чудес не бывает! Умбра права, из меня никогда не получится хорошего охотника! Так зачем в пустую тратить время?

— Тим... — Осипшим от волнения голосом позвала я, подходя ближе. Он не захотел даже выслушать. Ушел, не оглянувшись. Он уходил, слегка подволакивая правую ногу, а во мне, казалось, все рушилось, с грохотом срываясь в бездонную черную пропасть. Асеер развернулся, уставившись на меня со злым, бешеным прищуром.

— Какая же ты дрянь, Умбра...

Я зажмурилась не из страха, просто чуть прикрыла глаза, подавляя защитные рефлексы. Мне не хотелось защищаться, мне впервые захотелось, чтобы меня ударили. Отметелили до полной потери моего паршивого сознания.

Но удара не последовало. Напряженная до дрожи ладонь остановилась, так и не коснувшись моего лица, и медленно опустилась, обжигая кожу чужим, не предназначенным мне теплом.

Асеер, молча, растворился в толпе, оставив меня в обществе призового бычка, который отныне уже не являлся самой главной скотиной на празднике.

Я сидела в обнимку с деревянной кадучкой на краю того самого колодца, что приютил меня в первый день пребывания в Серых Ивах, и, наверное со стороны здорово походила на старуху Порога из бестиария. Страшная, злобная и неприкаянная. Но подмечать сходство было некому. Праздничный люд давным-давно разошелся-разъехался-расползся по домам. Только дурной на всю голову нелюдь сидел неподвижным изваянием, храня их покой. За неимением собственного.

Меня заинтересовало тихое поскрипывание досок. На заборе соседнего дома, пытаюсь отцепить край длинного красного плаща, ворочался неизвестный тип с туго набитым мешком за плечом. Этот дом принадлежал вдове с тремя детишками, итак еле-еле сводящей концы с концами, без жертвований в фонд защиты редких беспринципных идиотов. Ничего, парочка кинжалов, и скоро этот вид из редкого превратится в вымирающий.

— Мешок не подержать? — Участливо предложила я, попутно прикидывая как бы побыстрее дотащить труп до репейного поля.

Вор рухнул с забора, оставив о себе на память яркую тряпочку. Через узкое отверстие между красной шапкой и длинной накладной бородой на меня с ужасом уставились честные, прозрачные, как роса, глаза.

— Госпожа расследователь. — Хрипло пролепетал Пацек. — Как же вы меня напугали!

Я спрятала кинжалы за голенища, потеряв всякое желание удобрять лопухи, но от чувства глубокого презрения к вору отделаться так и не смогла.

— Что, у вдовы был?

— Ага. — Довольно кивнул он. — У нас тут еще две есть, трое недоедающих малышей и одна бедная сиротка. Со мной не хотите?

— Чего?! — Это было через чур даже для мерзкого бессердечного игига. — Чтобы я помогала тебе грабить сироток? Даже, если ты все потом вернешь, это... это... слов нет...

— Да как вы могли такое подумать! Я же не грабил, я наоборот! — Вор так искренне возмутился, что заставил меня смутиться.

— Какое еще, гёт, наоборот?! Тебя, между прочим, только что застукали с мешком краденного на чужом заборе!

— Это не краденное. — Насупился вор, прижимая к себе мешок. — Это подарки. Между прочим, на собственные честные деньги купленные. Орехи там на меду, игрушки, ленточки цветастые, жилетки шерстяные на зиму, прялки, котелок новый один есть...

— Так что же ты, дубина, их днем не мог подарить?

— Не мог! Сегодня же как раз праздник святого старца. А добрый дедушка Ухты приносит подарки именно ночью, пока никто не видит... людям нужно во что-то верить, во что-то хорошее, понимаете? Человек потом этим чудом будет весь год жить и радоваться, что о нем помнят, любят и заботятся. Чудеса должны хоть иногда

случаться. Что, скажете, глупости все?

— Не скажу. — Я впервые за весь день по-настоящему улыбнулась. Подумать только, вор, подрабатывающий по ночам святым! — Это одно из самых нужных и важных дел, которые мне когда-либо предлагали, не считая похода в столичную картинную галерею и уменьшения популяции шумберских дингир-уров. Кстати, предложение еще в силе?

— А? — Ничего не понял парень. Бес, никак у меня не получается завязать с пустой болтовней.

— Ну, пойти с тобой можно?

— Конечно! — Пацек тут же достал из мешка и протянул мне какой-то сверток. — Вот, наденьте. Мы раньше с Вежеком ходили, но он сегодня на боях голень подвернул.

— А это обязательно? — С надеждой спросила я, брезгливо перебирая комплект из красной изъеденной молю шапочки, плаща и пыльной измочаленной бороды, идентичной натуральной.

— Обязательно. — Вор был непреклонен. — Это на тот случай, если кто увидит. Чтобы волшебства не спугнуть. А, если увидят, сразу кричите хо-хо-хо, и убегайте.

— Хо-хо-хо?

— Ну да, только голос веселее и пониже. Во всех легендах дедушка Ухты именно так и приветствует своих друзей. Добрым задорным смехом.

— А старец случайно не родственник вашему кузнецу?

— Не знаю, вряд ли... Так вы согласны или как?

— Согласна. Только давай потом заглянем еще в один дом. Тут недалеко, у озера.

* * *

У озера Пацек честно признался мне, что у него закончились масла для собак. Кроме того, они с Вежеком познакомились с нужными псынами за неделю, задабривая их вкусностями, а дом деда Богдоя в план не входил. К тому же парень вообще не помнил, есть ли у деда собака. Мы обошли двор по кругу, даже слегка постучали веткой по забору, но никаких признаков сторожевого пса не обнаружили.

— Давайте как мы вот что, госпожа расследователь: я лезу первым и осматриваюсь. Если все чисто, я три раза промяукаю, и вы пойдете следом.

— Может, лучше, мне пойти?

— Что вы! У меня как-никак опыта поболя вашего будет.

Наличие указанного опыта, собственно, и пугало. Я потеряла бороду, нервно перекинула ее за спину, но обижать парня не решилась. Устроилась ждать на корягу под забором, положив на колени свои новенькие кинжалы, купленные перед самым отъездом. Некоторые считают, что оружие должно быть простым, надежным, функциональным и недорогим, чтобы было не жалко потерять в бою. С этим трудно не согласиться, но в душе я эстет и всегда выбираю лучшее из возможного. На этот раз с выбором повезло. Исключительно удачное соотношение цены, длины клинка, с шириной и размерами рукояти. Настоящее совершенство — от окованных металлом шляпок загвоздок до вороненых полосок между долами и лезвиями. Тиму они точно должны понравиться. Особенно в наборе с леденцами и шерстяной жилеткой от Пацека.

Время шло, но посланная кошка упорно молчала. Зато лая или шума сражения тоже пока не слышно. — Наверное, опять плащом зацепился или застрял где-нибудь. — Решила я, бодро перелезая через забор. Воображение рисовало неудачливого вора, запутавшегося в веревке здорового спящего волкодава.

Что-то тихо зашуршало в зарослях полыни.

— Хо-хо-хо! — На всякий случай произнесла я, памятуя о конспирации. В следующее мгновение меня здорово треснуло по затылку. Начавшие было светлеть небеса резко погрузились в кромешную тьму.

Первое что я увидела, придя в сознание, было задумчивое лицо Асеера на фоне быстро летящих по черному небу туч. Ожидаемая, но все равно неожиданная встреча.

— Пацек жив? — Первым делом поинтересовалась я, и, дождавшись молчаливого кивка охотника, блаженно откинулась на фальшивую бороду, как на подушку. Затылок пульсировал малозначительной, почти незаметной болью мастерски нанесенного удара. Все-таки я добилась, чего хотела. Не по морде, но на душе полегчало.

— Умбра, что происходит? — Злобным шепотом осведомился дингир-ур. Шепотом, значит, Тимхо спит и не видит моего позора. Это не могло не радовать.

— А что подсказывает тебе интуиция и жизненный опыт?

— Боюсь, здесь они бессильны, как и здравый смысл. — Асеер широким жестом осенил заросший травой угол сада, где под яблонькой между подгнившими паденьшами и желтыми листьями ровным рядком лежали... еще четыре бородатых тела в красных одеяниях, в которых (если, конечно, хорошенько приглядеться) можно было без

труда узнать моего коллегу Пацек, старосту, кузнеца и деда Шповника.

* * *

— Заходите еще.

Четверо святых старцев и одна святая старуха мрачно, без особого энтузиазма, кивнули, подталкивая друг друга к выходу. Только когда стоящий у калитки дингир-ур и его злосчастный дом пропали из виду, мы перевели дух и весело переглянулись.

— Опасная работенка у этого святого. — Заметил Саший, почесывая затылок. — Тут и впятером не справишься.

— Ага. — Хохотнул кузнец. — Весь хмель, как ветром из головы вынесло.

— По-моему это был кистень. — Подал голос дед Шповник, державшийся бодрее всех нас вместе взятых.

— Или кулак. — Предположила я. — Был бы кистень, мы бы уже скорее всего обменивались опытом с самим святым.

— Кстати, госпожа расследователь, вы-то тут как оказались? — Обернулся ко мне староста.

— За компанию с Пацеком. Вежек ногу потянул.

— А вы?

— И я из-за Вежека. Он, расстроился. Говорит, Арко отказался, а Пацек один точно не пойдет. Пропадет праздник. Ну, мы и решили тряхнуть стариной...

— Ага. — Весело поддержал кузнец. — Мы мальчишкам, считай, всегда подарки разносили, чтобы, значит, людям радостней было.

Я тайком наблюдала за этими людьми, которым все святые и волшебники вместе взятые даже в подметки не годились. Каждый скучный, прагматичный сухарь вроде меня тем и жив, что постоянно критикует наивных мечтателей с их слащавыми сказками. Мол, только одному ему известна правда жизни, голая, безрадостная, уродливая, зато такая родная и настоящая. А правда-то оказывается многогранна, как и мироздание, в котором возможно абсолютно все, только выбери, что тебе ближе. Вот поэтому кому-то всю жизнь сидеть у моря, тшетно ожидая, когда из синих волн вынырнет золотая селедка, а, кому-то, поймав волшебную рыбку, варить из нее уху, горько вздыхая над выпачканной требухой разделочной доской, что чудес не бывает...

— Мы тут в трактир собрались пропустить по одной. — Донесся до меня рассудительный голос Сашия. — Госпожа расследователь, вы с нами?

— Как-нибудь в следующий раз.

Они не стали ни настаивать, ни застаиваться, скрывшись за холмом так быстро, словно за ними по пятам гнался недовольный жесткой конкуренцией святой. Я же задумчиво потерела бороду и устремила исполненный надеждой взор на темную громаду леса.

* * *

Лес моих надежд не оправдал. Единственная найденная мною более-менее приличная елка оказалась высоченной, кривой на один бок и лысоватой. Магия прекрасно заменила лопату и телегу, но чтобы не привлекать нездорового интереса кедошима, рядом с храмом от нее пришлось отказаться, транспортируя елку волоком. Последнее только усугубило негативные елкины качества и обострило мои. На месте я мстительно грохнула тяжеленное дерево оземь, попытавшись распрямить спину, да так и застыла в полускрюченном положении, оперев руки в ноющую поясницу.

Через забор с царственным величием перекидывал ногу некто бородатый, широкоплечий в красном праздничном плаще.

— Пацек? — Уверенности в моем голосе не было.

Он съезжился, резво, как-то по-звериному, отпрыгнул в сторону, выжидаяще усевшись за изгородью на корточки, словно раздумывал, а не пуститься ли вприсядку. Только теперь мозг додумался до того, что зрение игига уловило с самого начала. От этого человека не исходило тепло, точнее исходило, но примерно столько же, сколько от забора или соседних деревьев. Это был не Пацек, даже не человек. Это был упырь.

Конечно, черствый сухарь Вербит ни на главное блюда, ни на десерт не тянул, но в целом выбор я одобряла. Одинокого вредного затворника, живущего в глухом лесу, не скоро хватятся.

Навскидку выпустила плазмюид, но промазала. Упырь только гаденько хохотнул и легкой спортивной трусцой направился к лесу. Издевается! Погоди, зараза, ты мне ответишь за веселый сплав по осенней речке. Еще три

шаровых молний подпалили траву под когтистыми лапами, но особого ущерба самим лапам так и не принесли. Зато мой резерв окончательно оскудел.

Кажется, стремительные забеги по ночному лесу скоро войдут в мой привычный образ жизни. Холодало. Небо посерело, но не в преддверье рассвета, а от избытка мохнатых, нависавших над головой туч. На их фоне голые ветки казались черной запекшейся на царапинах кровью. Упырь петлял между деревьев, будто гигантский паглатый заяц, застигнутый дочкой кузнеца в разгар гадания. Мне пришлось задействовать все свои игигские способности, чтобы не отстать, но, как оказалось, не у одной меня были скрытые таланты.

Крутой вираж. Почти вертикальный взлет в густую крону дуба. Издевательский смех. Серия молниеносных прыжков от дерева к дереву. Тишина. Только слышно, как крупные белые снежинки с вкрадчивым шелестом опускаются на прошлогоднюю листву.

Мне оставалось только в бессильной ярости прочесывать окрестности, прикрывая нос и уши от колючей хватки мороза. Этот когтистый гаденыш совсем не прост. Знал, как от меня спрятаться, значит, знал мои слабости. Значит, знал, как меня можно убить. Знал и даже не попытался?

Короче, рассвет я встретила в одиночестве, окончательно окоченевшая и запутавшаяся. Утро было ничуть не мудренее вечера.

* * *

Глашира ушла на утреннюю дойку. Процедура это долгая. Поэтому никто не мог помешать мне прямо в сапогах и одежде закутаться в теплое, нагретое на печи одеяло, неспешно ополовинить разогретый в печи горшок каши, и блаженно завалиться спать.

— Умбра!

Я недовольно приоткрыла один глаз.

Лучающаяся радостью физиономия Тимхо. Не хмурое, как обычно, а скорее слегка пасмурное лицо Асеера. Недосып — коварная штука. Того и гляди Сайтас с распростертыми объятьями привидится, одетый в рубище, босоногий, с выбритым теменем и непокрытой головой. Я поежилась, поплотнее зажмурила глаз, и тут же встретила с насмешливым взглядом Лайдэ-дзи.

— Хватит дрыхнуть! Солнце давно встало. Подъем!

Кошмаров я никогда не любила. Особенно, когда они происходили не во сне, а наяву. Глаза распахнулись, как ставни дома алхимика после неудачного эксперимента со взрывчатыми веществами. Наверное, со стороны это было похоже на бодрое пробуждение.

— Доброе утро! Смотри, что я нашел сегодня, когда проснулся! — Я осмотрела свои старые кинжалы с запоздалым чувством раскаяния. — А еще леденцы и вот эту жилетку! Обалдеть, да?

Отличная балансировка. А ведь жилетка с леденцами вполне бы справились и без кинжалов. Что-то я погорячилась. Лучше бы сапоги свои старые подложила, на вырост...

— Учитель мне все рассказал!

— Да? — Гёт, пустила таки испуганного петуха.

— Он видел в саду бородатого человека в красном плаще! Учитель никогда не врет. Это был святой Ухты!

— Это... учитель так сказал?

— Нет, я сам догадался! А еще мне учитель сказал, что вчера ты тоже приходила, чтобы извиниться, только он тебя не пустил, потому что я спал. Но ты не волнуйся, Асеер мне все объяснил... в общем, я больше на тебя не злюсь. Ты ведь просто хотела уберечь меня от лишней горделивости и будущих разочарований, да?

— Ну...

— Ведь горькая правда всегда лучше медовой лжи, да?

— Нет, Тим, не всегда. — Я долго репетировала эту речь, но все подходящие слова, как нарочно, выпали из памяти. — Правда у всех разная... то есть я хотела сказать, не вся та истина, что горчит... короче, забудь эти дурацкие поговорки. Забудь все, что я тогда наговорила. На самом деле я хотела сказать совсем другое. Да, у тебя нет талантов прирожденного воина, но героями не рождаются, а становятся. У тебя благородное сердце... лучший из возможных учителей и целая жизнь впереди — этого более чем достаточно, чтобы достичь чего угодно. Знаешь, я никогда не отличалась особой религиозностью... но в тебя верю больше, чем во всех богов и святых вместе взятых. У тебя все обязательно получится.

— Спасибо! — Он по-детски беззаботно бросился мне на шею, без расчета на свой давно уже не детский вес. Любого приличного человека бы попросту расплющило по стене. Но мерзкий игиг лишь сграбастал паренька в охапку, и довольно зажмурился, положив подбородок ему на плечо.

— Сегодня выпал первый снег. Поедешь со мной в храм? Мне кажется, что чудеса еще не закончились.

— М-м-м... а до завтра отложить нельзя?

— Нет, нужно обязательно приехать сразу после первого снега.

— Нужно, так нужно. — Вздохнула я, косясь поверх его плеч на нежелательных свидетелей нашего разговора. Асеер взирал на меня с недоверчивым умилением матери страдающего врожденным слабоумием дитяти, который наконец-то сподобился одеться самостоятельно, впервые за сорок лет не перепутав рубаху с портами. Лайдэ-дзи и та приторно улыбалась, растрогано сцепив руки на груди. Только соловьев, розовых кустов и вдохновенных святых с дудками не хватало. Ладно они! Но я точно знала, что никакого дедушки Ухты не существует, что вместо сугроба из деревянного обрубка так ничего и не выросло, что где-то затаился оборотень, что упыря никогда не отучишь кушать, что мне все равно придется оставить тех, кого я люблю, потому что Хозяин рано или поздно найдет меня и уничтожит. Знала. Но, все равно не смогла сдержать ответной улыбки.

* * *

За ночь дорогу здорово замело, а снег все падал и падал. Густой, пушистый, как загрибок у ночных мотыльков. Мы двигались цепочкой, и так как я ехала самой последней, сразу за Асеером, то успела продумать утешительную речь, а также заодно вздремнуть. Разбудил меня громкий возглас Тимхо.

— Ты главное не... — Я хотела сказать «не расстраивайся», но вдруг поняла, что в голосе мальчишки не было и намека на расстройство. Это был не сиплый стон глубоко разочарования, а ликующий вопль потерявшей надежду жертвы кораблекрушения, заметившей берег или голодного морского змея заметившего эту самую несдержанную жертву.

Из разошедшихся на миг туч на храмовый двор хлынул широкий поток света, рассыпавшийся по пушистым ветвям яркими разноцветными звездами, отчего елка стала похожа на хрустальную пирамиду. Мне даже почудилось, что в воздухе раздались звуки дудок, и запахло розовыми кустами.

Я помотала головой, прогоняя наваждение, спешила вместе со всеми и подошла к дереву. Коснулась колючей ветки, растерла хвою между пальцами, понюхала, даже попробовала на вкус, проверила магическое поле, несколько раз обошла вокруг, подергала ствол, разрыла сугробы до земли — все было вопиюще пристойно и натурально. Шел снежок. Светило солнышко. Елочка росла. Но еще ночью тут торчали только заплесневелые пеньки!

— Ну как, Умбра? — Вкрадчиво поинтересовался Тимхо. — Признаешь, что была не права, и чудеса бывают?

— Прости, Тим... я... ошибалась.

— И я стану самым великим охотником?

— Определенно.

— И святой Ухты существует?

— Как видно, существует.

— Вот видишь. — Довольно кивнул он. — Главное верить. Мы с учителем собираемся зайти к саркофагу, хочешь с нами?

Я только вяло отмахнулась.

* * *

Солнце скрылось. Брешь в тучах теперь зияла как раз над моей головой, обнаруживая глубокий синий провал в небо. Даже глаза заслезились от такой пронзительной, яркой синевы.

— Никогда не поздно признать свои грехи и приобщиться к истинной вере.

— То есть вашей? — Я даже оборачиваться не стала, этот скрежещущий голос мог принадлежать только грозному старцу Вербиту.

— Истинно все, что исходит от Бога и утверждается Им в жизни, истина — источник подлинной свободы, обретаемой в результате серьезных духовных усилий, отсюда любая искренняя, свободная вера.

— Вера может и ошибаться и обманываться.

— Все же это прерогатива не веры, а человека. Я вижу, ты запуталась, женщина. Но тебе не безразлична истина, значит, ты еще не безнадежна. Можешь приходить в храм. И не только по ночам...

Я все-таки обернулась. Кедошим стоял закутавшись в крылья, словно в плащ, степенно оглаживая длинные черные перья тощими пальцами. Серые мышиноного цвета глаза пристально смотрели на меня.

— Говорят, ты признала существование святого Ухты, женщина.

— Да я готова уверовать хоть в святого ростовщика, лишь бы Тимхо был счастлив и верил... в себя.

— Забота о счастье ближнего и есть главная основа истинной веры. — Нравоучительно произнес Вербит. — Веры в добро.

В его серых глазах мелькнула странная тень, похожая на улыбку, но лицо было, как обычно, невозмутимо, сморщено и возвышенно, словно пыльный хоругвь в безветренную погоду. Я нахмурилась и перевела взгляд на руки настоятеля. Под желтыми загнутыми когтями отчетливо чернели широкие полумесяцы грязи.

* * *

В небе неспешно двигалось месиво черно-серых туч. В кронах деревьев перекрикивались птицы. За забором изредка всхрапывали лошади. Из храма веяло теплом, пригорелой кашей и куриным духом, доносились приглушенные голоса. Высокая темноволосая девушка и древний старик стояли бок о бок, улыбаясь, будто два старых заговорщика, смотрели, как идет снег, и молчали. Оба об одном и том же.

Зимняя ночь окутывала лес, черным колдовством превращая его в свое страшное враждебное человеку царство. Только звезды холодными зеркалами отражали воспоминания об ушедшем тепле. Снег и ветер. Тьма и вьюга. Время голода, ужаса и дикой охоты. Волчье время.

Черные подушечки лап мягко опускались на ледяную коросту сугробов. Поджарое серое тело призраком скользило сквозь ночные тени, все ближе подбираясь к спящей деревне. Опытный охотник всегда знает, как выследить и подкараулить жертву, безошибочно выбирая из всего стада самую слабую и беззащитную овцу.

Желтые горящие светом двух лун глаза внимательно изучали маленький домик на краю деревни и овчарню. Только на этот раз ночного охотника интересовали совсем не овцы. Если бы кто-нибудь мог видеть в этот момент оскаленную морду зверя, он бы сказал, что тот зловеще или даже нет, предвкушающее улыбается.

* * *

Утро выдалось мрачным, ветреным и скучным. Я закуталась в шерстяной плащ и побрела искать бабку, чтобы спросить, куда она дела мою любимую рубаху. В это время для поисков Глаширы лучше всего подходил хлев. Рубаха нашлась по пути — висела на веревке вместе со свежевystираным бельем, хотя с учетом утреннего морозца правильнее было сказать «стояла колом». Если бы она случайно упала, наверняка бы вонзилась в землю, подобно боевому топору. Обретя рубаху, от посещения хлева я все равно не отказалась. Вид размеренной бабкиной деятельности на этом поприще наполнял мою душу невыразимым умиротворением, домашним теплом и ощущением семьи, не говоря уже о тех приятных моментах, когда очередь доходила до вредной бодливой овцы по имени Ашка, всякий раз сполна отплачивавшей Глашире за все издевательства над бедным игигом. Саму же Глаширу почему-то мой вид жутко раздражал. Пережив череду позорных гонений, я снизила частоту посещений, переведя их в разряд тайных вылазок через дыру в крыше.

В этот раз мне посчастливилось незамеченной обосноваться на своей смотровой площадке. Я следила за происходящим краем глаза, попутно складывая из компонентов заклинания императорского кольца разные комбинации.

Вот Глашира зашла в хлев, быстро закрыла за собой дверь на крючок, чтобы не успела убежать норовистая Ашка, огляделась и, уперла руки в бока.

— От ты где затаилась, холера! А ну, выходи немедля! Я тебя вижу!

Я не тронулась с места. Все шло по плану. Из-за невиданной бабкиной жадности, распространявшейся на свечи и масло для ламп, в хлеве по утрам всегда царил глубокий полумрак, надежно укрывавший меня от бдительного, но близорукого старушечьего ока. Глашира еще немного постояла, придерживав коленом рванувшуюся к выходу Ашку, и, успокоившись, приступила к обычному делу. То есть уселась на овцу, обхватив ее ногами, и потянулась к вымени. Дотянулась она или же нет, история умалчивает, но это и не важно. Важно то, что мятежная овца, и так-то не отличавшаяся устойчивой психикой, взбесилась окончательно. Она принялась скакать по хлеву, словно одержимая, а потом вообще бросилась на дверь и, выбив ее башкой, вырвалась наружу. Либо Глашира прошла отличную школу верховой езды, либо просто была не в состоянии разжать сведенные судорогой пальцы, но держалась она, как влитая. Мгновенье, и всадница смазанной тенью скрылась за углом. Я кубарем скатилась со стога сена, в котором пряталась, и бросилась следом.

Ускакали они не далеко. Волк, а это оказался именно он, а не Ашка, пал у самой калитки, и, судя по неподвижным бокам, издох. Вероятно, сердечный приступ. Бабка стояла над покойником, беззвучно шевеля губами, будто все порывалась что-то сказать. Потом обреченно махнула рукой и неспешно побрела в сторону хлева. Несомненно, чтобы продолжить прерванную дойку. С глашириной точки зрения событие более важное и масштабное, чем какой-то там дохлый волк. Я осталась стоять столбом к изгороди, впечатлено рассматривая оскаленную пасть с высунутым языком. Впечатлений становилось все больше и больше. Тело волка передернулось судорогой Порога и стало меняться. Спустя пару мгновений, передо мной лежало бездыханное тело сухопарого пожилого мужчины. Надо же! Неуловимый логский оборотень с доставкой на дом. Можно смело свежевать, паковать и ехать в императорский дворец за наградой...

Я быстро оглянулась по сторонам и опустилась рядом на колени.

Есть дела, за которыми лучше не подглядывать, чтобы спать спокойно.

Под серией мощных магических разрядов тело выгибалось дугой. Веки открылись, обнажив пустые белки закотившихся глаз. Выпирающие ребра грозили вот-вот проколоть кожу. Седая голова безвольно моталась из стороны в сторону, подметая грязный снег волосами. Когда судороги закончились, сменившись мерным

движением грудной клетки, я завернула его в свой плащ, взвалила на плечо и потащила в сторону дома.

Он быстро пришел в себя. Обратни вообще очень быстро регенерируют, обновляя ткани и органы после каждой трансформации. А вот нервы, к сожалению, не восстанавливаются даже у самой живучей нежити.

— О, господи, что это было? — Жалобно простонал мужчина.

— Это был сердечный приступ. — Охотно объяснила я, с хрустом разминая пальцы. — В вашем возрасте нужно лучше следить за своим здоровьем, бургомистр.

Мы внимательно посмотрели друг на друга.

— Почему вы не убили меня? — Порывисто спросил Курц Сёмга.

Я пожала плечами. Честно говоря, меня саму одолевал этот вопрос, только он был не единственным.

— А как вас угораздило? Нормальная человечина надоела, решили сесть на овечно-старушечью диету?

— Не надо, я никогда не ел людей. А эти овцы... — Курц Сёмга покачал головой, болезненно прикрыв глаза. — Никакого страха перед хищником. Ужасные твари, особенно одна, с черным пятном на лбу.

— Ашка. — Догадалась я. — Да, у нее сложный характер, совсем как у хозяйки.

— Давайте не будем вспоминать про этот кошмар! — Взмолился оборотень.

— Нет, не давайте! Я, может, еще научный трактат напишу про охоту на оборотней с помощью бабок и подойников. Или про интересную модель формирования бюджета города за счет распродажи шкуры бургомистра!

— Я не совершал ничего дурного, поверьте!

— Верю. Всего лишь несколько десятков невинных убийств, случайное, ничего не значащее покушение на имперского расследователя, и трогательная ночная засада в хлеву с целью перегрызть мне глотку.

— Вы все не так поняли! — Возмущенный бургомистр так резко вскочил с моей лежанки, что укутывавший его плащ крылом отлетел в мою сторону, оставив Курца Сёмгу в первозданном, открытом всем сквознякам виде.

В дверь постучали. Оборотень застыл, жалобно вперив в меня выпученные, лихорадочно блестящие глаза. Я злобно натянула плащ ему на голову.

— Тихо, это не Глашира, постучат и уйдут.

— Вы все не так поняли. — Послушно прошептал бургомистр из-под занавеса. — Все это страшная череда случайностей. К убийствам я не причастен, просто пользовался ситуацией, на вас тоже не хотел нападать, вы сами напросились... я защищался... простите, я думал вы меня зарежете или сожрете, я не знал, что вы монстр... о боже, мой, что я говорю...

— Умбра, я знаю, что ты дома. Нужно поговорить. — Это было плохо, это был Асеер. Какого беса ему от меня понадобилось? Небось, еще и мелкого с собой притащил...

Курц Сёмга неожиданно схватил меня за плечи, разворачивая к себе. Взгляд оборотня обрел зловещую твердость дикого зверя.

— Я здесь с одной единственной целью. Сообщить вам, что в логском лесу творится нечто странное и зловещее, вызывающее опасение даже у местной нежити. Сегодня ночью у нас всеобщее собрание по этому поводу. Так как вы одна из нас, вы тоже приглашены. Буду ждать вас на закате у развилки перед храмом святого Ухты.

— Я вхожу. — Голос охотника под аккомпанемент приближающихся шагов выбил меня из гипнотического омута желтых волчьих глаз. Я отшвырнула Сёмгу и выскочила из комнаты, захлопнув за дверь за своей спиной, прямо между носами оборотня и человека.

— Чего тебе нужно?

— Поговорить. Пойдем, прогуляемся на свежем воздухе.

— Нет. Там грязно и холодно. Приходи летом.

— И не говори, слякоть везде. И жутко холодно. Даже в доме сапоги снимать не хочется. Ну, ладно, пока. — Асеер развернулся и подозрительно резво направился к выходу. — Да, извинись, пожалуйста, перед Глаширой за грязь на ковре, а то я сам не успею. Еще подумает, что это ты натоптала. Она там как раз хлеб запирала, значит, наверное, уже сюда идет...

Я заглянула в комнату, обнаружив лишь свой плащ, бесформенной кучей валявшийся на полу, и распахнутое настежь окно. Похоже, оборотень уловил основную идею намного быстрее меня. Вот гёт! А ведь у меня и моих сапог уже было три последних предупреждения. Страшно представить, что устроит бабка, если снова застанет нас на месте преступления...

— Асеер, зараза, подожди меня!

Как, собственно, я и думала, при виде меня, настроение у природы испортилось еще больше. Холод пробирал до костей. Выл и плевался мокрым снегом ветер. Грязь хватала за ноги липкими лапами, стараясь сдернуть сапоги.

— Знаешь, по-моему, свежего воздуха становится слишком много. — Асеер приподнял капюшон, одновременно придерживая хлеставшие по воздуху белые волосы. — Может, зайдём ко мне? Мы как раз рядом.

— Конечно, Стрекоза очень обрадуется. Чудом сбежать от одной скандальной старухи, чтобы добровольно сунуться в лапы другой? Нет, уж лучше замерзнуть.

— Лайдэ-дзи нет дома. Тимхо взял меч с собой.

— Куда? — Насторожилась я.

— Об этом я и хотел поговорить. Давай сначала зайдём в дом.

Кухня больше походила на алхимическую лабораторию. Соленья, мешки с травами, настойки, клепсидры, мерные чашки, сообщающиеся сосуды, и совсем уж непонятные устройства и приспособления.

— Это что? — Я кивнула в сторону весов, на одной чаше которых лежал какой-то пористый материал, а на другой — воск.

— Сыромер. Если воздух сырой, воск поднимается. Помогает следить, чтобы не портились травяные сборы... Тим придумал.

— Не знала что ты еще травник. — Я взяла с полки длинную металлическую трубку, посмотрела сквозь нее на висевшую под потолком деревянную птицу с кожистыми, как летучей мыши крыльями, и чуть не заорала от неожиданности, потому что это чучело хищно бросилось прямо мне в лицо.

— Осторожно, не урони. — Сдавленным от сдерживаемого смеха голосом предупредил Асеер. — Не бойся, это называется дальнотзор.

На проверку выяснилось, что птица так и осталась висеть под крышей. Просто трубка сделала ее раз в десять больше. Немного успокоившись, я снова заглянула внутрь странного предмета, на этот черед увидев только один огромный красный глазище в обрамлении белесых ресниц.

— У него на одном конце две плоских стекла, и еще два на другом. Только не плоские, а сферические — выпуклое и вогнутое... его тоже Тим придумал, чтобы рассматривать вещи издалека. Ты бы знала, сколько мы намучились со шлифовкой... месяца два, наверное.

— Лучше бы просто подошли поближе. А вообще... — Меня заворожил здоровенный ящик с полукруглой миской у основания, куском трубы посередине, и торчащей сверху деревянной рукой, державшей шарик пемзы. Я осторожно взяла шарик — рука неожиданно втянулась внутрь ящика, а из трубы потекла вода. Через какое-то время струя иссякла, и вперед опять вытянулась деревянная длань с новым куском пемзы.

— Упади небо.

— Что ты сказала? — Не расслышал копошившийся у печи охотник.

— Так, ничего. — Я заглянула ему через плечо в котелок с травяным отваром. — Занятные тут у вас штуки.

— Да уж. Хочешь, еще парящий шар покажу? Его последнее изобретение. — Не дожидаясь согласия, дингир-ур принес какое-то загадочное приспособление из пары трубок и металлическим шариком с двумя отверстиями, водрузив всю эту красоту сверху котелка. По мере закипания воды, пар белыми струйками поднимался по трубкам в двух трубах, и установленный в их центре шарик начал медленно поворачиваться. Струи пара били через две дыры в шаре все настойчивее, постепенно заставив его шустро вертеться, как прялку в руках у прядильщицы, получившей разрядку на обмундирование семисотенного пехотного полка.

— Ну и для чего это все?

— Не знаю... просто так. Тиму нравится. Возможно, в будущем люди найдут этому применение.

— Чему? — Презрительно хмыкнула я, усаживаясь за стол. — Искусственным птицам? Паровому шарикуну? Или этому, как его... дальнотзору? Смешно! От этого не будет толку, ты уж мне поверь. Лучше бы этот курчавый гений побольше с мечом практиковался, все равно никакой практической пользы от этих дурацких изобретений нет.

— А от твоих картин есть?

Я перестала ухмыляться и заткнулась, чувствуя, как каменеет лицо под испытывающим взглядом охотника. Злобно нахмурилась. Побарабанила пальцами по столу. Поерзала на стуле. Обреченно ссутулилась.

— Я самая мерзкая и склочная баба на свете.

— Не обольщайся, до Боруся или Глаширы тебе еще далеко. — Он был абсолютно серьезен, но глаза светились колючие смешинки. — Зато ты уверенно опережаешь Стрекозу и Лиану с приозерной улицы.

У меня вырвался смешок.

— Это та бабка, которая бросается гнилой картошкой? У нее меткий глаз.

— И крепкая рука. Говорят, в молодости она воевала наемницей где-то на севере.

Мы примолкли, погрузившись в воспоминания о прогулках по приозерной улице. Приглушенный двумя стенами храп деда Богдоя вполне сошел за мурлыканье большого кота и ничуть не раздражал, а даже создавал атмосферу домашнего уюта. Я прижала ладони к горячей кружке, разглядывая плавающие в ней листики и палочки. На вкус декокт мне понравился больше, чем на вид. Сочетание зверобоя, малины, ромашки, с приятной кислинкой дикого винограда. Кстати, Асеер сегодня выглядел не лучше своего варева. Непривычно суетливый, какой-то рассеянный. Несуразный. Вон, зачем-то опять полез на полку за сухарями, хотя только что их туда сам убрал за ненадобностью, точнее ненадкусываемостью.

— Так. — Я перехватила его взгляд, кивнув на место рядом с собой. — По-моему, мы отвлеклись от главной темы разговора. Куда подевался Тимхо?

— Мы на днях немного поспорили. — Неохотно поделился дингир-ур. — Тим собирался наняться охранником в обоз Теуша до Городца, мне эта идея не понравилась. Он сделал вид, что послушался моего совета, а потом сбежал, прихватив Стрекозу. Оставил только записку. Якобы он уже взрослый, хочет отдохнуть от занятий и прикупить кое-какие вещи.

— Вот подлец! — Возмутилась я, заслужив одобрительно-сочувственный кивок охотника. — Мог бы забежать ко мне, я бы ему тоже пару заказов сделала.

Одобрительный кивок завершился осуждающим взглядом исподлобья.

— А что такого, Асеер? Паренек просто хочет стать самостоятельнее, денег заработать, завести новых друзей. Не понимаю, чего ты волнуешься. Стрекоза о нем позаботиться. Ты же знаешь, этот меч остудит любую горячую голову и отразит любое холодное оружие.

— Но не магическое.

От неожиданности я сделала слишком большой глоток. Кипяток опалил глотку и сгустком нестерпимого жара ухнул куда-то под ребра.

— Чего!?

— В последнее время в лесу по ночам происходит что-то странное. Я чувствую энергию огромной силы. Трудно объяснить... даже не знаю на что это похоже...

— На злобный черный туман. В быту зовется треклятым упырем и прогоняется освященными кольями... хотя можно попробовать бабок с подойниками...

— Упырь? — Дингир-ур категорично качнул головой. — Нежити способной концентрировать магию, тем более в таком количестве, не существует.

— Я, например, очень даже существую. Может это необычный упырь, штучное издание. Это же не наш мир. А, как говорится, со своими упырями в другой мир не ходят.

— Умбра, если бы здесь был упырь, я бы об этом знал. — Процедил Асеер тоном престарелого царя, которому намекнули, что одна из его любимых жен на самом деле переодетый камнетес.

— Похоже, ты сдаешь, старичок, теряешь хватку. Я видела и туман и упыря собственной персоной, как тебя. Так что не волнуйся, упыри нападают только ночью. Когда выехал обоз?

— Сегодня с рассветом.

— Вот видишь! Вечером они будут уже в Городце, переночуют и к закату уже вернуться.

— Знаю. Но у меня дурное предчувствие...

— Что же ты не отправился следом?! — Раздраженно прошепелявила я, трогая языком обожженное небо. Ну и гад ты, охотник. Нет бы промолчать. А так и сам извелся, и у меня теперь душа не на месте.

— Тимхо и так злится, что я забочусь о нем, как о маленьком. Если он узнает о слезке, то может решить, что я ему не доверяю и наделать глупостей. Учителю нельзя терять достоинства перед учеником...

— А игигам все равно терять нечего. Правильно?

— Я такого не говорил.

— Зато подумал. Так и быть, вечером у меня дела, а утром сразу поеду на встречу обозу. Можем поехать вместе, чтобы тебе было спокойнее. Если что, скажешь Тиму, что просто не доверяешь мне и следишь, чтобы я не наделала гнусностей.

— Думаешь, он в это поверит?

— Нет — По здравому размышлению признала я. — Я бы на его месте сразу заподозрила коварный сговор нянек. Зброшенное здание на пустыре. Густые черные сумерки. Горящие свечи. Склонившиеся над столом зловещие фигуры в чепчиках. В их глазах пляшет бесовское пламя, а в руках трепещутся свежевystиранные

накрахмаленные пеленки, и корчится в муках плюшевый зайка.

— У тебя большое воображение. — Посетовал Асеер, пряча улыбку за сцепленными в замок пальцами.

— А у тебя его вообще нет. Нет в тебе творческой искры. — Я не удержалась от соблазна и пару раз стукнула его по лбу в надежде высечь упомянутую искру. Стук отозвался в пустом охотничьем лбу громким эхом. Ладно, на счет эха я пошутила, просто кто-то заколотил в дверь. Только это и спасло меня от немедленной расправы.

— Тим! — Закричали мы, бросаясь к засову. Ну, точно же, купец решил не бултыхаться в грязь, а отложить поездку до заморозков. Еще бы, вон как все дороги развезло!

На правах финалиста в коротком забеге я распахнула дверь и от неожиданности отступила назад, больно стукнувшись затылком о подбородок конкурента. На пороге топталась невысокая тощая фигура в черном плаще.

— Госпожа расследователь? — При виде меня дед Шповник тоже отшатнулся, но потом нащупал взглядом охотника, и смущенно улыбаясь, занял исходную позицию. — К вам сегодня Пацек не заходил?

— Нет. — Качнул головой Асеер. — А он собирался?

— Кто ж его знает... — Обреченно повторил за ним Шповник. — Ну, тогда я пойду. Прощайте.

— Всего хорошего. — Охотник прикрыл за ним дверь, и многозначительно посмотрел на меня сверху вниз.

— Ты куда-нибудь спешишь, Умбра?

— Нет, а что?

— Может, составишь мне компанию до вечера?

— Спасибо, но нет. Я лучше пройдусь немного.

— Тебе неприятно мое общество?

— Асеер, — я прямо посмотрела ему в глаза. — Ты ненавидел меня. Ты пытался меня убить. Не оригинально, но, согласишься, накладывает некоторый отпечаток.

Охотник нахмурился, сдернул с вешалки плащ, и, не глядя, точным отлаженным движением, швырнул мне. Хваленой игигской реакции хватило только на то, чтобы нелепо вскинуть руку, наматывая на кулак летящую в лицо ткань. Если бы это был кинжал, хрипела бы уже на полу. В луже крови.

— Всего хорошего, Умбра.

— Так за тобой утром заезжать?

— Не нужно. Сам разберусь.

— Асеер, ты чего обиделся, что ли? Асеер!

Но дверь уже захлопнулась, оставив меня в раздосадованном одиночестве.

* * *

— Вы опоздали. Все уже собрались и ждут только нас. — Сказал оборотень, вильнув хвостом. Хотя, если выразаться точнее, не сказал, а очень громко подумал. Нежить очень редко может похвастаться достаточно развитыми голосовыми связками, и чаще пользуется разновидностью телепатии, облекая слова и предложения в мыслеобразы. Но привычка — страшная сила. При разговоре волк раскрывал и закрывал пасть, хотя оттуда не вылетало ни звука. Забавно. Я и сама не могу никак отучиться имитировать мимику во второй ипостаси, в которой у меня и лица-то толком нет.

Мы продрались сквозь какие-то терновые кущи или пущи и выбрались к небольшой каменистой гряде, прямо у входа в аккуратно оформленную круглую пещерку. Внутри казалось холодно и сыро, будто в брюхе морского змея. Важно сидящая вокруг стола нежить несколько портила сходство — никакой змей бы никогда и ни за что не согласился жрать такую гадость. Да, такое скопление нечисти в одном месте можно увидеть нечасто. Игиги прибегают к общению друг с другом только в крайних случаях.

Здесь было, отчего впасть в истерику юной селянке и где разгуляться Забуре Ойра: стая переихихивающихся нетопырей-кровососов, смердящая тинной старуха-водяница, двое мрачных бородатых домовиков, скромно приютившийся с краю скелет, в которого какой-то сумасбродный колдун вселил неприкаянную душу, и бриллиант коллекции — упырь. Поджарый, мощный, лысый, но с полинялой бороденкой, грязными когтями и длинными желтыми клыками, торчащими из нижней челюсти двумя потухшими свечками. Выяснить отношения на глазах у публики не хотелось, поэтому я благоразумно затаила зло, отложив разборки до конца совещания.

— А вот и наши блудные агнцы. — Упырь кивнул нам с таким царственным видом, что, увидь его какой охотник на нежить, непременно бы пал ниц и принялся на коленях молить об аудиенции. — Мы как раз перешли к основной теме собрания, вынудившей нас сплотиться против общего врага. Бургомистр, пожалуйста.

Оборотень вежливо кивнул ему и продолжил.

— Всем вам хорошо известно, что в лесу появилось нечто странное. Оно убивает людей и нелюдей на нашей территории. Уже семеро нетопырей... да, всего? Тогда извиняюсь, пятеро нетопырей, болотная гидра, целое

гнездо гарпий. Так больше продолжаться не может. Нужно понять, кто или что скрывается за этим черным туманом! Есть версии?

Я вежливо, но непреклонно отобрала свою руку у предвкушено распахнувшей пасть водяницы, вытерла о куртку и жестом примерного ученика подняла над головой. — Есть! Убийца — это он!

— Я-я-я?! — Упырь изумленно выпучил сплошь черные, сетчатые как у стрекозы глаза.

— А разве здесь кто-то еще умеет превращаться в туман?

— Но я не умею, дочь моя!

— Да умеете, умеете, не скромничайте.

— Откуда ты это взяла?

— Из сочинения Забиры Ойра!

После небольшой заминки со всех концов пещеры стали раздаваться сдержанные смешки и покашливания. Столь деликатная воспитанная нечисть попадалась мне впервые. Я почувствовала себя вахлаком на светском балу.

— Знаешь, Курц, — проскрипел упырь. — Мне уже не кажется, что твоя идея пригласить кого-нибудь со «свежим взглядом» была удачной. Как сказано в писании...

— Погодите отец, Ухты. — Возразил волк. — Она смыслит в магии и...

— Как ты его назвал? — Не поверила я, впиваясь взглядом в упыриную морду.

— Прости, дочь моя, я не представился. Святой отец Ухты Арх, урожденный Вельских Пуш, умертвил Логского Леса. Безвременно покоюсь в саркофаге монастыря собственного имени.

— Святой? — Подозрительно уточнила я.

— Святость есть устремленность к безгрешности и совершенству. — Упырь пожал плечами. — Жизнь и смерть мои были посвящены этому принципу и борьбе со злом. Только все те, с кем я боролся и те, против кого, уже давно на небесах. А я очнулся в каменном гробу со зверским чувством голода, который оказался для меня сильнейшим из всех поверженных врагов. Но вера была со мной, я боролся с искушением, молился, и одержал эту победу! В награду было мне послано откровение — небеса предназначали мне великую судьбу — уничтожать зло не во плоти, а в душах. Предназначение мое — нести свет во тьму, помогая обрести веру тем, от кого отвернулись люди, сама жизнь, но не боги! Я много трудился, искал, проповедовал и, в конце концов, обрел свою паству.

Когтистая лапа широким жестом обвела собравшуюся аудиторию.

— Для нас человеческая жизнь для нас бесценна. Мы возносим молитвы всевышним богам, вкушает лишь мясо и кровь зверья дикого, неразумного, постимся по великим праздникам, творим благо, и радуемся, глядя на дела рук своих. Радуетесь ли вы, дети мои?

— Радуюсь. — Вяло вторил ему дружный хор голосов. Еще бы, последняя фраза больше походила на рык голодного льва.

— Веруете ли вы в искупление грехов наших?

— Веруем.

Упади небо. Святой упырь-проповедник. Есть в этом нечто восхитительно нелепое, этакая вещь в себе. Какой же ужас нужно внушать нежити, чтобы эти козлища превратилась в стадо агнцев, безропотно снося жесткую диету с заправкой из нудных проповедей?

— Но появилось это воплощение зла, Черный Туман, и страх поселился среди нас. Стали пропадать братья и сестры по вере. Двенадцать упырей, две гидры болотных, семиголовых, гнездо гарпий... тоже два...

— Тихо, не мешайте. — Поморщилась я, задумчиво теребя императорский перстень на шее. Все это походило на плохую театральную постановку, где вдрызг пьяные актеры перепутали все роли. Неужели меня так бездарно пытаются обмануть? А может быть, главное действующее лицо все еще прячется под колосниками за бутафорскими упырями и оборотнями...

— Тебя опять озарило прозрение, дочь моя?

— Нет еще.

— Тогда вот. — Ухты изогнул руку под немыслимым для человека углом, запустив ее в заплечный мешок, вытащил оттуда свернутый в трубку кусок кожи подозрительного происхождения и всучил мне. — Взгляни на эту карту, здесь отмечены места последних преступлений. Возможно...

Упырь настороженно умолк на полуслове, резко повернувшись мордой ко входу в пещеру. Послышался хлопанье крыльев, и в зал совещаний влетел здоровенный угольно-черный нетопырь.

— Простите, но встречу придется перенести. — Пропищал он, спланировав на стол. — Там такие дела творятся! Я самолично видел, как с запада что-то польхнуло на пол неба, и взошла красная звезда. В серых Ивах вот-вот начнется переполох, о конце света уже заговорили. Как бы облавы не было. Там еще какого-то Пацека убили...

Может, нетопырь говорил что-то еще. Вероятно даже что-то важное. Наверняка, меня звали, что-то кричали, пытаюсь остановить. Но я уже не слышала, сломя голову, несясь к дому лекаря.

Расчеты оправдались, и я выбралась из тени как раз, когда староста настойчиво постучал в дверь Лумия. За Сашием толкались мрачные мужики с косами и вилами, обступившие телегу с окровавленным телом Пацека и всхлипывающим над ним дедом Шповником.

— Странно. Спит что ли? — Пробасил кузнец, с энтузиазмом присоединяясь к старосте. Под его мощным кулаком дверь затряслась, словно в лихорадке. Зазвенели стекла в окнах. Но Лумий не открывал ни на стук, ни на крики, ни на откровенно наглые пинки в дверь. От толпы мрачных мужиков отделился Асеер, отеснил старосту с кузнецом, и сделал остальным знак замолчать. Как ни странно, но его послушались. Я подошла ближе, почти вплотную к охотнику, только он, по-моему, этого даже не заметил. Как раз в этот момент изнутри раздался грохот и звон бьющейся посуды. Не раздумывая, мы одновременно налегли на дверь.

Внутреннее убранство дома поражало оригинальностью. Шкафы с книгами, банки, склянки, извилистые стеклянные трубки, две клетки с крысами на полу, чучело совы в углу, лошадиная голова на стене. Особенно поражали ноги в полосатых шерстяных носках, лихо отплясывающие в воздухе. Над опрокинутой табуреткой. Прямо перед лицами обалдевших гостей. Мы с дингир-уром вышли из ступора одновременно, интуитивно, не сговариваясь, взяли каждый за свое. Асеер подхватил тело Лумия, а я прицельным броском перерезала веревку.

К счастью, позвонки не были ни сломаны, ни смещены.

— Ну, как он, жив? — Спросил Саший, бухаясь рядом на колени.

— Жив. Кажись, очухивается. — Определил кто-то из набившихся в домик ивовцев.

— Дай святой Ухты вам трясею болети! — Подтвердил его догадку висельник, открывая глаза. — Да избави мя от гостей безумных, яко серну от тенета, аки птенца от кляпци, яко овца от уст лвов....

— Нет, вы поглядите только. — У кузнеца вырвался осуждающий смешок. — Взрослый, здоровый мужик а занимается всякой срамотой!

— Ащи полный протест имея. — Еще больше разнервничался Лумий. — Сие не срамота, а труд ученый езмь!

— Какой еще труд? — Я непроизвольно скривилась, хотя честно старалась не обращать внимания на жаркое дыхание селян, овеивавшее мой затылок запахами пива, чеснока и кислой капусты.

— Наверное, вот этот. — Асеер протянул мне свиток, испещренный записями и рисунками, изображавшими строение дыхательной системы человека. Из всего написанного мне удалось разобрать только заглавие «Действо и степени асфиксии».

— Ничего себе эксперименты! — Наконец дошло до меня. — И зачем вам оно надо? А если бы, правда, удушились?

— Псом бо и свиниам не надобе злато, ни сребро, ни безумному драгии познания. — Лекарь выдернул у меня из рук свой бесценный труд, и гордо отвернулся. — Бых мыслию паря, аки орел по воздуху, азм все предусмотревши. Воззри!

Я проследила за его указующим перстом, и как раз в этот момент мне на плечо кучей девичьей косой шлепнулся остаток веревки, пережженный прикрепленной к потолку хитрой установкой из свечи и пропитанного маслом шнура. А-а, понятно. Неплохо придумано, хотя все равно рискованно.

Запоздало вспомнили про Пацека. Лумий, к его чести, сразу сменил гнев на бурную деятельность, в ходе которой выяснилось, что Пацек жив, но находится в очень тяжелом состоянии. Из дома были изгнаны все, кроме воспрянувшего духом Шповника, ни за что не соглашавшегося оставлять внука. Народ еще немного потоптался во дворе, посудачил в свое удовольствие о логском оборотне, Пацেকে, ценах на репу, красной звезде, конце света, и, окончательно успокоившись, разошелся досматривать сны. Остались только мы с охотником. Оглядевшись по сторонам, я незаметно зачаровала засов, и заглянула в дом.

— Простите, что потревожили. — Моя вежливая улыбка нее произвела на Лумия благоприятного впечатления. — Но мне нужно знать, что случилось с парнишкой.

— Утра ждать не можаху? — Лекарь быстро понял, что своими силами вытолкать наглую посетительницу у него не получится, и счел наилучшим выходом просто меня игнорировать. Зато дед Шповник отнесся к вопросу более внимательно. Тем более пережитое волнение требовало немедленного выхода.

— Об камни разбился. Как же он так, на ровном месте-то? — Старика еще здорово лихорадило. У меня весь день на сердце тяжело было. Чужало оно, сердце-то.

Действительно, как Пацек при всей своей неуклюжести умудрился так расшибиться? Даже при активной посторонней помощи невозможно получить столь обширные ушибы и примечательные переломы. Ну не бывает таких синяков от простого падения! Разве что, если бы парень перед этим забрался на вековую сосну, которых в округе сроду не водилось... или если бы что-то приподняло его на пару десятков кушей, а потом резко отпустило...

— Пацек с самого утра куда-то запропал. Весь день его искал и только к ночи нашел, на выезде к городу. И чего его туда, дурня, понесло? Наверное, обоз ходил высматривать. Все беспокоился, не вернется ли. За суму эту все переживал...

— Суму? — Зачем-то спросил Асеер. Зря только спросил, дед Шповник даже ухом не повел в его сторону.

— Вы госпожа расследователь разберитесь, не мог этот паразит сам о камни головой! Эх, говорил я ему, точно сума эта проклятая была!

— Какая сума? — Опять прицепился охотник. Сдалась ему эта сума.

— Да уж история вышла накануне, не приведи святой. — Вздохнул старик. — Тогда на празднике Пацек мой не удержался и срезал суму какого-то почтенного господина, который следил за борьбой на шестах. Он ведь как хотел? Той же ночью вернуть, но потом, видно, запамятовал. Мы после народ расспросили, так узнали только, что из Городца он приезжал, хозяин сумы-то. Ну, и вещицы еще проверили, нашли платок с цветком вышитым. Нож затейливый трезубый, склянку пузатую и перстень толстый золотой с камнями. Вещица приметная, поди, магическая, целого состояния стоит. Вот, думаю, хорошо бы в Городец поспрашивать, у кого такой видели, сразу хозяин бы и отыскался, или еще лучше — в ратушу отдать, бургомистру. Он говорят, человек честный. Вот... а тут Пацек с мальчишкой вашим на улице разговорился, и все, как на духу выложил. Тимхо ваш сам и предложил вещи хозяину передать, якобы он как раз сам в Городец собирался. А на утро мой остолоп как пошел обоз провожать, так с тех пор я его не видел... до самой ночи...

— Тимхо? — Внезапно отмерз Лумий. — Пригожий отроче, зрел днесь, помятую. Был еси внегда инцидент тот вечер. Аще имея вопрос по некому сосуду. Вельми желавши знать, што там.

— И что? — Резкий звеневший от напряжения голос Асеера заставил лекаря удивленно вскинуть брови, а меня инстинктивно потянуться к оружию. — Что там было?

— Азм узревши и возомниху — бысть сие зелие составом печень, сердце такожь кровища...

Кровища. Интересно, откуда у Тимхо эта гадость? Разве что речь идет про ту самую склянку из проклятой сумы Пацека. Странная рецептура для праздничного супчика. Подозрительно знакомые какие-то ингредиенты. Больше подходят для рациона нежити... старой и беззубой. Или, что еще вероятнее, для магического зелья. Похоже, некто из Городца тайно творит запрещенную волшбу на крови, скромно прикрываясь черным туманом и злой славой логского оборотня. Конечно же, наш Тимхо не дурак и тоже догадывается, где упырь зарыт. Ничтоже сумняшеся, мальчишка сбегает из дому с зачарованным мечом и отправляется в Городец не за новыми сапогами, и не баранками с маком. Этот доморощенный герой решает с помощью украденного скарба вычислить опасного буйно помешанного колдуна и в одиночку с ним разделаться, чтобы доказать, что он достоин звания настоящего охотника. С этим идиотом все понятно, а что со вторым?

Итак, первый идиот еще ничего не подозревая, мечтает о великих подвигах, а второй во всю творит злую волшбу, ответственно так творит, как все порядочные злодеи, маниакально, самоотверженно, упорно. Устает, конечно, куда без этого? Решает сходить на праздник, передохнуть, развеяться. Только расслабился, а тут раз — и все наработанное нечестным трудом исчезает в неизвестном направлении вместе с Пацеком. Бедолаге уже не до праздничного пирога. Он рвет на себе волосы, мечет из глаз молнии, пытаясь вызнать, кто осмелился на подобное. Только найти вора в разгар праздника все равно, что отыскать иголку в заднице лысого дикобраза. Но идиотам везет. Он каким-то образом узнает про Пацека и мрачным холодным вечером настигает его. Он не учитывает одного — Пацек тоже идиот, и даже не помышляет оставить себе дорожные побрякушки. Порочащие колдуна вещи уже, давно едут по дороге в Городец, на встречу к позорному разоблачению своего хозяина. Обезумевший от ярости колдун вымещает злобу на Пацекке, и даже не убедившись, жив ли тот, бросается в погоню... в погоню. О боги, Тим!

Не успела я еще толком отойти от ужасного прозрения, как обнаружила, что уже нахожусь на улице и удаляюсь от дома лекаря со скоростью обезумевшего от волнения дингир-ура.

— Подожди! — Мне пришлось подкрепить слова упором на обе ноги и резким наклоном назад. Еще какое то время мы успешно изображали плуг и борону, пока Асеер не соизволил остановить и оглянуться назад.

— Быстрым спортивным шагом его уже не догнать. Даже бегом. Даже на самой быстрой лошади.

— Знаю. — Взгляд у него был потерянный и какой-то совсем беспомощный. — Что мне делать?

— Вызывать скорую игигскую помощь.

* * *

Ночной мрак сгустился, превратившись в клубок длинных извивающихся щупалец. Антрацитовый копошащийся шар быстро раздувался, покрываясь все новыми отростками, принимая форму огромного зверя, подобного которому охотнику еще никогда не приходилось видеть. Мощное, похожее на медвежье, тело. Три пары длинных когтистых ног. Пушистый хвост. Узкая, чуть загнутая вниз морда с треугольными ушами. Чудовище повернулось к дингир-уру, оскалив клыкастую пасть.

— Ну и как я тебе?

— Похожа на горбатую белку. — Без тени испуга ответил охотник.

— Это не подходящее имя для твари, которой предначертано войти в летописи, как самому жуткому порождению тьмы! — Ворчливо отозвалось чудовище. Черные провалы глаз раздосадовано сузились. — Последующие поколения должны содрогаться от страха, а не от хохота. Ладно, забирайся быстрее.

Зверь услужливо подогнул лапы и опустился на брюхо, помогая человеку взобраться в седло, которое росло прямо из звериного загривка.

— Готов?

— Готов. Только, Умбра...

Беловолосый хотел что-то добавить, но передумал. Чудовище неожиданно и неосяземо перетекло в бег, сразу из лежачего положения. Деревья по обе стороны дороги стремительно поплыли назад, слившись в единую размытую полосу, а потом резко ухнули куда-то вниз, заставив охотника судорожно вцепиться в луку седла.

Тварь зачатила лапами по стволу и, мазанув на прощание верхушку чернильным хвостом, заскользила над лесом, едва касаясь ошестинившихся голыми ветками крон. Не было ни тряски, ни намека на дыхание, движение мышц или суставов. Только свист ветра в ушах, ощущение свободного полета и мутный свет красной звезды, пробивавшийся даже сквозь облака. Немного обвыкнув, дингир-ур ослабил хватку, и даже осмелился запустить ладонь в темно-серую, полупрозрачную шерсть, похожую на грозовую тучу. На ощупь шерсть оказалась такой же холодной и безжизненной, как лука седла, но в то же время мягкой и шелковистой. Казалось, выдернешь клочок из такой сказочной шубы, и он тут же растает в ладони.

— Эй, ты чего творишь? — Взвизгнуло чудовище, сбиваясь с размеренного шага.

— Экспериментирую. Слишком уж ты неправдоподобно выглядишь. Вроде бы ты есть, а вроде бы и нет.

— Лучше представь, как правдоподобно будет выглядеть твой отпечаток вон та той скале!

— Извини. — Человек виновато улыбнулся. — Я не знал, что ты такая чувствительная.

— Я умею терпеть боль, я просто не ожидала!

— Почему ты раньше не использовала эту ипостась? Она намного быстрее, сильнее и выносливее, чем та, прежняя.

— Я должна тебе что-то объяснять?

Улыбка слетела с лица охотника, вернув ему прежнюю неподвижность каменной маски.

— Нет. — Ответил он после короткой паузы. Отрывисто. Холодно.

— Ну и все. — Тон в тон огрызнулось чудовище. Повисло напряженное молчание. Не надолго.

— Ночь — это одна огромная тень мира. — Ни с того ни с сего начала тварь. Спокойно, словно не неслась быстрее ветра, а травила байки, сидя у костра. — Став частью которой, уже трудно поверить в свою самостоятельность. Это не обычная тень, ограничивающая суть каждой вещи. Она уничтожает все границы, беспощадно стирая частности и личности, а поэтому опасна. Сайтас всегда предостерегал меня об этом. Я остерегалась, и всегда предусмотрительно ходила по краюшку тьмы. Тем более, хозяйская магия, как поводок, всегда удерживала меня от сумасбродных поступков, не позволяя сделать ни шагу дальше дозволенной границы. Но поводок оборвался... Однажды нечто подобное мне довелось почувствовать в Нефритовом Озере. Но теперь я не гость, теперь я сама стала хозяйкой. Я больше не часть чужого отражения. Теперь я просто тень. Я просто тьма. Тьма — это Я.

— Что ты чувствуешь? — Тихо спросил человек. Тварь задумалась.

— Дикая свобода. Безграничное могущество. Бешеная сила. Кажется, я начинаю понимать Сайтаса. От такого действительно можно свихнуться... Ты первый, кому я это все рассказываю. И, скорее всего, последний. Заметил красную звезду?

— Да, она вошла сегодня в полночь.

— Фирменный знак Сайтаса, моего прежнего хозяина. Это значит, что он уже в этом мире. Рыщет по округе в поисках прежней собственности. Наверняка уже пустил по следу своих ищеек шаготтов.

— Шаготтов?

— Его последнее изобретение. Такие мерзкие летающие угри, похожие на клочки пены. Пролезут во все щели, найдут кого хочешь и где хочешь, даже если ты совсем не хочешь. Гады. Так что недолго мне осталось. Надеюсь, хоть Тима успеем отыскать... до того как Он отыщет меня...

Охотник долго молчал, нахмутив молочно-белые брови и прищурившись от встречного ветра.

— Ты не можешь так просто смириться.

— А что мне остается, бороться? С самым великим колдуном на свете?! — Тварь искренне расхохоталась. — Ты понятия не имеешь, о чем говоришь. Я знаю его, сколько себя. Если понадобится, Сайтас разберет Белогорье по камешкам, в лепешку разобьет всех и вся, но получит, чего хотел.

— Посмотрим.

Чудовище иронично и вместе с тем удивленно покосилось за спину. Если забыть, что эту фразу произнес самый лучший и безжалостный охотник Шумбера, можно было решить, что она принадлежит запальчивому юнцу,

пообещавшему соседской девице добыть голову дракона.

В конце концов, игнорировать радикально настроенную нежить, верхом на которой ты скачешь, весьма затруднительно.

— Ну что? — Тихо откликнулся он, обреченно склонив голову.

— Ты... предлагаешь... Мне... защиту?

Ночной мрак, длинные волосы и плотно надвинутый капюшон надежно укрывали лицо охотника от сторонних взглядов. Даже самый зоркий наблюдатель не мог бы заметить мелькнувшую на его губах хитрую улыбку.

— Нет. Бронирую место в первом ряду.

* * *

Осиротевшая ось опрокинутой телеги каким-то чудом не выткнула охотнику правый глаз, содрав длинный лоскут кожи ото лба до самого подбородка, а обод самого отвалившегося колеса ударил в висок, на пару гешей потушив свет красной звезды. Дингир-ур пришел в себя, зажмурился от стекающих ручейков крови, и медленно сел, ощупывая ноющий от удара висок. Падение было настолько неожиданным, что совершенно выбило его из колеи.

— Ты как, в порядке? — Голос принадлежал высокой девушке, склонившейся над Асеером. Он даже не сумел вспомнить ни одного стоящего ругательства, лишь злобно зарычал, отпихивая протянутую для помощи руку.

— Ну, извини, для поддержания новой ипостаси нужна постоянная концентрация. — Убедившись, что с ним все в порядке, она незаметно перевела дух. — А какая тут может быть к гёту концентрация, когда видишь такое...

Охотник поднялся, хмуро огляделся, и внезапно пошатнулся, едва не повторив падение, потому что тоже увидел. Такое могло привидеться только в кошмаре. Перевернутые телеги, рассыпанные кули с товаром, мертвые лошади, мертвые люди. И все это вперемешку с грязью, кровью, вывороченными кишками, опавшими листьями и зловещим светом красной звезды. Он бросился к лежащему неподалеку кучерявому мальчишке.

— Это не он. — Сухо опередил его ровный сухой голос. — Я проверила все тела и даже прочесала лес вокруг. Тима здесь нет. Меча тоже.

— Кто-нибудь выжил?

— Из людей нет. Только несколько лошадей... разбежались по лесу... только Тима нигде нет...не мог же этот поддонок его забрать... я вот думаю, может он где-то прячется или в поселок побежал за помощью... зачем ему мальчишка... что он будет с ним делать... он ведь еще совсем ребенок...

Асеер встревожено оглянулся. Уж слишком ровно и сухо звучал голос. Тень, стоявшая, горделиво держа спину, прямая и бесстрастная, как обычно, внезапно начала медленно оседать в грязь. Охотник выругался и бросился на помощь, ожидая увидеть торчащую из спины рукоять кинжала или древко стрелы. Но вместо того чтобы испустить дух, девушка закрыла лицо руками и громко, безнадежно разревелась. Известно много занятных и проверенных народом способов прерывания женской истерики: проигнорировать, хорошенько прикрикнуть, напугать, облить холодной водой, расплакаться самому, дать в лоб, надавать пощечин, оттаскать за волосы, вырубить, в конце концов. Широкий выбор, практически на любой вкус.

Дингир-ур тяжело вздохнул, осторожно поднял обезумевшую от слез девицу на руки, и зашагал по дороге в сторону Городца.

* * *

Я вздохнула и открыла глаза. Обычно с этого начинаются большинство глав в романах бездарных писателей и большинство неприятностей в моей жизни. Впрочем, вопреки укоренившемуся правилу, вид измазанного кровью покрывала, погруженной в зловещий полумрак комнаты, и дингир-ура старательно натачивающего меч у изголовья моей кровати не внушил мне должного пессимизма. Хотя для оптимизма еще также было рановато.

Угроздило же меня сорваться в самый неподходящий момент перед самым нежелательным свидетелем. Какой позор. И еще вместо того, чтобы искать Тима, валяюсь здесь уже бес знает сколько времени! Сия мысль мигом поставила меня на ноги, однако воспользоваться последними я так и не успела, потому что дорогу внезапно перегородил охотник, бесцеремонно схватил меня за плечи и усадил обратно на кровать.

— Асеер, какого беса?! Нужно что-то делать....

— Успокойся... пожалуйста. — Он поднял на меня лицо, перечеркнутое от правого виска до подбородка широкой еще кровоточащей раной. Смрад дешевого курева и пивных паров, повеявший от дингир-ура, никак не вязался со спокойным, сосредоточенным голосом. — Мы в Городце, в гостинице. Я уже сделал все возможное.

Расспросил людей о хозяине примечательного золотого кольца. Ничего полезного, в основном пьяная болтовня. Узнал только, что бургомистр, уже три дня отсутствует где-то на охоте. Даже сообщил о нападении на обоз. Через поставное лицо, чтобы не привлекать лишнего внимания.

И когда только он все это успел? И главное как...

— Ты что, наложил на меня усыпляющее заклинание?

— Тебе требовался отдых. — Он отвел взгляд. — А мне покой. Нельзя решать одну проблему, опасаясь, что вторая может в любой момент очнуться, испепелить пол города и исчезнуть в неизвестном направлении.

— Это не оправдание. — Хмыкнула я, сменяя гнев на легкое раздражение. — Мог оставить записку. Сама решу, когда мне отдыхать. Без тебя. Понятно?

Дингир-ур молча взял со стола ворох каких-то листов и бросил на покрывало.

— Еще и в моих вещах копался. — Ворчливо констатировала я, опознав в ворохе стопку карт даже кожаный лоскут, который, вероятно, был второпях прихвачен из упыриной пещеры. Тут даже имелся лист незнакомого происхождения, испещренный черными крестами, что придавало ему сходство с проектом кладбища. Особо унылый колорит придавала намалеванная в верхнем углу жуткая лохматая баба в помятой куртке. У меня забрезжило нехорошее подозрение, но охотник поспешил отвлечь внимание, неожиданно ткнув пальцем в середину произведения картографических искусств и по совместительству в мое колено.

— Взгляни. Я обобщил всю информацию по нападениям в логском лесу. Чтобы не сойти с ума от безделья. И кое-что нашел. Если объединить все точки, то со скидкой на огрехи получается нечто отдаленно похожее на шестиконечную звезду с центром в Городце. Правда, не знаю, какой от этого толк....

Наверное, следовало сказать что-нибудь умное или хотя бы обидное, а не сидеть полным гиджем с выпученными глазами и отвисшей челюстью. Упади небо, Асеер ты гений!

— Асеер, ты законченный идиот! Ты должен был разбудить меня сразу, как только это обнаружил!

— Не кричи. Насколько это важно?

— Еще не знаю. — Чуть охолонулась я. Этот спокойный, чуть ироничный голос легко выводил меня из себя и также легко заводил обратно. — Перед тобой матрица для заклинания, усиленная магией крови, когда недостаток силы колдуна компенсируется энергией предсмертных страданий жертв. Подходит для построения одного из двух заклинаний: плодородия и подчинения. Но во благо сельского хозяйства даже в самые засушливые годы на такие радикальные меры пойдут немногие, а вот ради власти над кем-то...

— Сотни жизней, чтобы подчинить кого-то своей воле? — Усомнился охотник.

— Для людей это обычная цена вопроса. Разве не так ведутся войны между вашими царями? Вспомни только кровавую войну между Шумбером и Аккадом из-за священного скипетра власти, которая продолжалась пять долгих лет. Пока нефилемский посол случайно не опознал в реликвии потерянную во время прошлого визита погремушку своего сына.

— Что еще скажешь?

— Скажу, что с матрицей такого размера это будет очень мощное заклинание. Самое мощное заклинание на крови, которое мне встречалось. Зато теперь понятно, откуда взялся черный туман — это не сам колдун, как я сначала решила, а просто хороший такой шмаг магической энергии, подчиняющийся его воле. Убивать неоформленным сгустком — это... даже не знаю... это очень круто. Все равно, что забивать гвозди головой, когда сила есть, а ума нехватка. Обычно контур замыкается на несколько вещей — на передатчик и приемники. Можно наклепать себе целую армию, готовую для тебя на все. Только для настройки каждого приемника нужна кровь будущего носителя и никак иначе. Короче, это очень сложная и опасная работа. Кого-то действительно приперло, если он выбрал такое решение своей проблемы...

— Не продолжай, я знаком с общей теорией. Это может помочь найти Тима?

Я непривычно долго думала, прежде чем ответить.

— Нет. Раз его не убили со всеми, то взяли, чтобы достроить какую-то часть заклинания либо для какой-то иной непонятной мне цели. Вряд ли злодей заварил всю эту кашу, чтобы завладеть помыслами местных тружеников полей и монополизировать цены на репу. Кого еще здесь колдурить, бургомистра, святого Ухты? Нет, скорее всего, у него где-то поблизости значен портал. Волчий Лог — это всего лишь секретный испытательный полигон, демонстрация запланирована совсем в другом месте...

Асеер, молча, остановился у окна, спиной ко мне. Распушенные белые волосы, несправедливо поделенные между утренними сумерками и чадящей лампой, спускались по черной коже куртки сапфировым водопадом с едва заметной позолотой. Я поднялась и встала рядом, чтобы видеть его лицо. Для обзора мне досталась лучшая половина без кровавой отметины, правда и она выглядела неважно — уставшей, постаревшей и какой-то совсем человеческой. От уголка глаза по щеке расходились тонкие морщинки вперемешку с мелкими ямками пор. Глубокая складка, пролегающая от носа до рта, казалась вырезанной чеканом.

— Нужно решить, что теперь делать. — Еле слышно сказал охотник, почти не двигая губами. Наверное, рана

на второй половине все-таки причиняла боль.

— Будем искать портал.

— Можно начать с Городца... потом осмотреть близлежащие села...

— Да, может быть, кто-то слышал или видел что-нибудь странное... — Я замолчала, тупо уставившись на маячившую в окне башенную стену. Интересно, у кого из нас первого хватит духу признать, что все кончено. Вероятнее всего, Тима уже давным-давно нет в живых. Небо упало. Жуткие твари пожрали солнце. Реки вышли из берегов и наполнились кровью. Боги и демоны маршируют колоннами, верша страшный суд. Но мы, как два старых упертых атеиста, продолжали делать вид, что все в порядке, надеясь невзвесть на что. На чудо?

Предрассветное затишье и черная громада башни, загораживающая собой все небо, действовали подавляюще. Ни звука, движения, ни огонька в окне. В окне...

Перед глазами почему-то возникло лицо конюха с округленными от удивления глазами.

— Да вы что, госпожа, здесь все окна еще при моем прадеде замуровали, после того, как тогдашний начальник тюрьмы, знатный упырь, оттуда по пьяни вывалился. И главное ведь не случилось же с ним ничего, с начальником, только обе руки сломал. Так потом ходил еще каждый день лично проверял, чтобы, значит, совестливее закладывали...

Я подключила зрение игига и осмотрела башенную стену еще раз, более внимательно.

— А скажи-ка мне, Асеер, как общая теория магии объясняет внезапное исчезновение кирпичной кладки?

Резкое изменение моего настроения и направления разговора весьма удивило дингир-ура.

— Внезапным появлением кого-то сильно нуждающегося в кирпичах. К чему вопрос?

— К тому, что пару месяцев назад я видела человека в окне вот этой самой башни, а потом узнала, что все окна уже много лет замурованы. Теперь посмотри — снова сплошная стена, без намеков на амбразуру, если не считать пары прорех. Но через них не то чтобы человек, тощая кошка наружу не выгянет.

— Вижу. И что?

— А то, что стены башни, как и полагается, сложены из керамического кирпича, а окна замурованы силикатным. Из чего делают силикатный кирпич? Из кварцевого песка, извести и воды! Эти три элемента используются любителями для изготовления магических алтарей и прочего обрядного хлама благодаря своей дешевизне, доступности и высокой проводимости, но профессионалы высокого уровня предпочитают не связываться с силикатами. При высокой концентрации поля материалы этого ряда быстро разрушаются, а что самое неприятное — становятся абсолютно прозрачными, как стеклышко...

Асеер сделал мне знак замолчать, а другу руку поднес ко лбу. У него самого лицо стало похоже на кирпич, которого просит чья-то морда.

— То есть, возможно, в тот день в башне кто-то воспользовался порталом.

— Вероятность есть, но если бы... эй, Асеер, подожди! Мы же еще... а, ладно, бес с тобой...

Я покачала головой, быстро проверила оружие, и по ходу сдернув со спинки кресла куртку, выбежала следом.

* * *

В отличие от окон двери никто замуровать не удосужился, забив их полустгнившими досками. Так что взлом бывшей городской тюрьмы прошел без сучка, задоринки, и, ввиду отсутствия прохожих, без свидетелей. Вероятно колдун попадал внутрь как-то иначе, но выяснять, как именно было некогда. Асеер несся впереди. Бесшумный, стремительный, опасный, словно моровая язва. Я двигалась чуть поодаль в кильватере разорванных паутин и растревоженных залежей пыли, за столько лет превратившейся в приличный слой пахотной земли, и все сильнее сомневалась в своем предположении. Уж больно девственно грязно все вокруг выглядело. Но тут Асеер неожиданно остановился, воздев ладонь в знак предостережения. Я послушно укоренилась рядом, обострив все свои органы чувств до предела. Охотник, как всегда, не ошибся. Над нами явно кто-то был. Не скрываясь и не заморочиваясь особой конспирацией. Время от времени раздавались шаркающие шаги, звон посуды или скрип двери. Количество и качество такого наглого противника внушало справедливые опасения.

Пока дингир-ур предавался размышлениям, я миновала Порог и проворно поднялась по лестнице. Последний этаж раньше, вероятно, отводился под нужды стражей и начальника тюрьмы, теперь он также сохранил respectable вид, радуя глаз свежевывытыми полами, ярким факельным освещением и длинным коридором между двумя рядами дверей, по которому как раз шествовал благообразный старичок с огромным медным тазом.

Тень недовольно качнулась, когда я вынырнула из тьмы и приставила к горлу ее хозяина кинжал. Дедок попытался ненавязчиво уйти в обморок, так что пришлось срочно подхватывать угрожающе булькнувший содержимым таз. В результате рука кинжалом дрогнула. Лезвие окрапилось брызгами подогретой воды и кровью. Порез был несерьезным и, видит небо, непреднамеренным, так что осудительный взгляд подоспевшего Асеера

пропал даром. А вот кровопускание начало давать неплохие результаты, клиент даже не стал дожидаться вопросов, зачастив бодрым шепотом, как ретивый храмовник на образцово-показательной молитве.

— Они все в третьей по левой стороне комнате. Шестеро. Вооружены. С ними мальчишка. Курчавый, сегодня ночью привели. Больше никого нет. Пошадите, мне ничего не известно. У меня больная жена, четверо детей, двенадцать внуков, а в этом году умерла младшая дочь, оставив на нас еще трех сироток. Если бы не нужда...

Пришлось остановить жизнеописание, подтолкнув мученика к указанной двери.

— Как ты обычноходишь?

— Стучу.

— Стучи.

Изнутри послышались грузные шаги.

— Это ты, старая каракатица?

— Я, ваше благородство.

— Ну, залетай...

Вряд ли говорящий рассчитывал на такое доскональное толкование своих слов. Финалисты стремительного залета распределились в следующей последовательности: кипяток, таз, несчастный дед. Открывший дверь мужик кубарем откатился в сторону, приложившись затылком о стол, и затих, в полной мере прочувствовав силу образных выражений. На этот раз о площади покрытия медных тазов.

Их оставалось пятеро сильных, здоровых, спортивных, хорошо вооруженных наемников. Всего пятеро. Спустя несколько мгновений в комнате, не считая нас с охотником, из живых остались лишь удалившийся в обморок дед, всполошенная грохотом крыса и привязанный к креслу Тимхо. Дед все еще внушал мне подозрения. Я в раздумьях склонилась над ним, нервно перебирая пальцами рукояти кинжалов.

— Умбра, не нужно! Он хороший человек.

Я пришла примерно к такому же выводу, поэтому убрала оружие, и обернулась к мальчишке. Асеер уже перерезал веревки и теперь внимательно осматривал вяло вырывающегося Тима. Кучерявый бедокур выглядел необычно бледно, словно после излома тяжелой болезни. Голый по пояс, осунувшийся, с широкими окровавленными повязками на локтях. Но живой. Живой.

Только теперь я поняла, какую жуткую тяжесть таскала на себе все это время. Коленки задрожали, чуть не подогнувшись, в горле запершило. Следовало взять себя в руки, но они тряслись, как при хореи, да и вчерашняя буря в груди снова разбушевалась не на шутку. Мне было уже все равно. Я подковыляла ближе, обняла Тима и закрыла глаза, прижавшись щекой к его вихрастой макушке. Живой. Боги, как хорошо стоять и чувствовать, как бьется его сердце... как он недовольно ворочается... обхватывает меня руками и с жалостным всхлипом утыкается в мою куртку...

— Умбра... Умбра... все случилось так внезапно... прости... я полный гидж... балбес... я...

— Ты все, что у меня есть, малыш. Ты и Шушуня.

— Как бы семья?

— Семья... думаешь... у меня бы... получилось?

— Мне кажется, у тебя есть все, что для этого нужно. Даже больше.

— И мне. — Признался прочувствованный, но немного сдавленный голос.

Я растерянно заморгала. Не каждый день вот так вдруг обнаруживаешь в своих объятиях дингир-ура. Надо отдать ему должное, Асеер терпеливо пересидел приступ игигских чувств, на корточках, притулившись к моему боку, в том же положении в каком его шея попала под мою дрожащую руку. Балбес...

Раньше я бы резко отстранилась и еще более резко выразилась, но сейгеш просто улыбнулась, и сжала обоих балбесов крепче, старательно запоминая свои чувства. Потом все-таки, нехотя, отстранилась.

— Все, проваливайте.

— Что?!!

— Тиму нужно поесть, выспаться и отдохнуть. Тебе, кстати, тоже. А у меня остались дела. — Я как можно небрежнее махнула рукой в сторону дальнего угла комнаты, где на полу был начертан круг с двенадцатью знаками перемещения. Рисунок слабо светился. — Портал еще не успел закрыться, значит, им воспользовались совсем недавно. Отправлюсь следом и, возможно, успею найти того гада или гадов, которые все это заварили и хорошенько насолю, а то и наперчу.

— Даже не думай. Это может быть ловушкой.

— Ну, конечно, Асеер, лучше сидеть и ждать: а кого же там они на этот раз прикончат? Все, давайте, идите уже.

— Никуда я не пойду. — Дингир-ур невозмутимо перешагнул через труп наемника и встал напротив меня.

— В смысле ты никуда не пойдешь?! А Тим?

— Серьезных ран нет. До гостиницы рукой подать. Или поддать... хотя он уже достаточно взрослый, чтобы

самостоятельно о себе позаботиться и может принимать взвешенные решения.

— О! Тогда я тоже пойду с вами. — Влез Тимхо. — У меня с этим типом личные счёты.

— Ни за что! — В один голос рывкнули мы, и снова уставились друг на друга.

— Не ори на ребенка.

— Не указывай мне, на кого орать! — Потеряла всякий стыд я. Давно было пора поставить белобрысого на место. — Как лицо, обличенное властью императрицы, приказываю тебе немедленно уйти!

Он ничего не сказал, лишь пренебрежительно приподнял бровь. Здесь следует заметить, что меня очень сложно вывести из себя. Самообладание — предмет моей гордости, хлеб, соль, основное средство существования и главное достоинство. Даже Хозяину приходилось здорово потрудиться, чтобы довести меня до потери сего ценного качества. Охотнику хватило одного движения брови.

— Убирайся! — Проорала я, со всей дури толкая его в грудь. — Пошел вон, тебе говорят! Идиот упертый! Скотина! Одно мое слово — и тебя сегодня же шельмуют на главной площади, понял? За оказание сопротивления власти. Высекут! Клеймят! На кол посадят! Четвертуют!

Асеер пошатывался под градом тычков, пятился, но ни коим образом не мешал моему самовыражению, лишь слегка приподнимая брови в ответ на особо неуместные и грязные ругательства. Серьезные пронизательные глаза спокойно смотрели на меня сверху вниз, и было непонятно, куда подевался тот неуравновешенный фанатик, который гонялся за мной по всему Шумберу с мечами наголо. И откуда интересно взялась эта буйно помешанная истеричка с голосом и замашками мелкочинушеской сволочи?

Что-то новое появилось в охотнике, чего я раньше не замечала. Какой-то Порог, преграда, от которой все оскорбления и грубости отскакивали, как крысы от огня. Нет, не порог, не преграда — внутренняя опора, уверенность в своих мыслях и действиях. Та самая, которой мне всегда так не хватало, которой мне так не хватает теперь. Но как у него получилось?

Я завидовала ему, ужасалась собой, но сделать ничего не могла, словно заклинатель духов, которого разбил паралич в самом разгаре магического ритуала — бесы вырвались и творили, чего хотели прямо на глазах у беспомощного господина.

— Смотри! Ты хоть понимаешь, что это за кольцо? Его дала мне сама императрица...

— На, держи, пусть у тебя будет два. Только успокойся. — И пока я, одурев до немоты, перекатывала в ладони кольцо на серебряной цепочке, как две капли дождя похожее на мое собственное, тихо добавил. — Все равно зря стараешься.

Одновременно с этим раздался знакомый чавкающий звук сработавшего портала. Прозрачный силуэт Тимхо еще несколько мгновений висел над площадкой перехода до того, как бесследно раствориться на фоне кирпичной кладки.

* * *

Мы появились из портала довольно эффектно. В яркой вспышке света. В классических боевых позициях. С клинками на изготовку. Встречай нас злодей с приспешниками, они непременно немедленно бы бросились малевать портрет или лепить статуи. Но единственный, кто мог оценить наше образцово-показательное выступление, увлеченно разглядывал переплетение труб, рычагов и зубчатых колес на стене. За спиной несколько раз моргнуло и погасло остаточное магическое свечение, до поры до времени улегшись обратно в знаки на полу. Во всем остальном темный, освещаемый единственным факелом (в руке у Тимхо) чулан остался совершенно равнодушным к незванным гостям.

— У-уй, Умбра-а... прекрати-и... — Огрызнулся пойманный за ухо паренек.

— Немедленно возвращайся в Городец! — Прошипела я, испытывая жгучее желание переключиться с уха на шею.

— Но ты даже не поинтересовалась моим мнением!

— Хорошо. Чего ты хочешь?

— Пойти с вами!

— Отлично. Очень за тебя рада. А ну лезь обратно в портал, паразит!

Но этот паршивец неожиданно больно вывернул мне запястье хитрым приемом и отступил в сторону. Мальчишку тут же заслонил Асеер. Судя по их решительным лицам, они собирались стоять до конца. Я постояла с ними за компанию, разминая пальцы и выпуская пар, а потом медленно отошла в сторону, притворившись, что изучаю путаницу труб, соединяющую сифон и огромную бадью с водой, подвешенную на цепях системы весов и шкивов. Сдался мне этот логский колдун, в самом деле. Подумаешь, провел, как человеческого младенца, выставил в полных геджах, заморил кучу народа, пытался убить Тима. Навряд ли следующий пункт в его плане — перевести

старушку через дорогу... смешно, но я чувствовала на себе ответственность за все случившееся. Если бы вместо того, чтобы предаваться радостям сельской жизни, я серьезно занялась поручением, исследовала магический фон, наладила сеть поисковых заклинаний, хорошенько прочесала территорию, да хоть бы хоть раз задумалась дольше одного геша, то много чего не случилось бы. Еще эти два героя лезут, сломя голову, сами не зная куда! Идиоты. И я тоже идиотка. Надо же было им про портал сболтнуть! Критинка. Ослица безмозглая. А теперь все. Теперь наши благородные борцы за справедливость уперлись своими ветвистыми рогами, и не угомонятся, пока им эти рога не обломают, вместе с хребтом. Неожиданно половая плитка под моим сапогом вдавилась в пол. Что-то хрустнуло, скрипнуло, на том месте, где раньше был портал, образовался черный провал, потолок начал медленно опускаться, выставив вниз острые металлические шипы. Я в отчаянье приложила лбом о бадью. Нижнюю челюсть даю, где-то среди этой дхэрни навинченной запрятан ключ к спасению, но где? Я еще пару раз боднула чугунок, начиная входить во вкус. Закончив с самоуничтожением, организм целеустремленно стремился к самоуничтожению.

— Умбра... — Подал голос белобрысый.

— Хорошо, ты был прав, это ловушка. Уйди, не мешай мне думать.

Так, своим резервом мне потолок долго не продержат, а заблокировать механизм, не зная его местоположение и устройство, даже Хозяин не смог бы. Комната слишком маленькая, если пробить стену, нас, скорее всего, завалит обломками... бесы, что же делать... что делать?

— А нас в храме всегда учили философски относиться к уходу из жизни. Один мой знакомый с детства мечтал прославиться и войти в ряды святых великомучеников. В конце обучения он с благословения наставников сложил меч, покинул храм и отправился нести учение об истинной, то есть нашей вере в дикие аморейские племена. Там детская мечта и исполнилась. Его забросали камнями возмущенные проповедью кочевники.

Я повернулась к охотнику. Шипы поблескивали уже в какой-то половине локтя от хвоста на его макушке.

— Нет, я не рехнулся. — Опроверг ход моих мыслей дингир-ур, предусмотрительно пригибая шею. — И мы не пропадем.

— Ты знаешь, как отсюда выбраться?

— Нет. Но если отсюда есть выход, то он его найдет.

— Кто? — Не поняла я, следуя взглядом за кивком охотника, но ничего обнадеживающего не узрела. Увитая трубами и увешанная непонятными устройствами стена. Копшашийся рядом Тимхо. Мальчишка? Да здесь даже легендарному совету семи мудрецов не разобраться. Я саркастически ухмыльнулась, хотя, честно говоря, хотелось заплакать. В тот же миг шипы с громким щелчком втянулись. Затем раздался бряцанье наматывающихся на барабан цепей, и потолок проворно пополз вверх. Асеер спокойно кивнул сияющему от счастья ученику, принимая спасение, как само собой разумеющееся. Тиму здорово повезло с учителем. Более чем повезло.

— Кажется, я разобрался с запирающим устройством. — Митич с важным видом снял со стены факел и подошел к высокому квадратному выступу в стене, на проверку оказавшимся чем-то похожим на деревенскую печку, и разжег огонь. — Смотрите, здесь внутри есть металлический шар. Огонь нагревает воздух, который, расширяясь, проталкивает воду через сифон вот в эту огромную бадью. Когда сосуд станет тяжелее весы и шкивы должны повернуть запорную плиту на осях... .. если огонь угаснет, дверь закроется... если хотя бы один из этапов будет нарушен, запустится очередная ловушка... уф, надеюсь, я не ошибся.

В этот раз даже я уже не сомневалась. Он не ошибся. Часть стены отъехала сторону, открывая узкий темный лаз. Темный лаз соединился с длинным темным коридором, в кишке которого мы уныло скитались несколько гешей, словно постный обед в желудке послушника, пока Пока не наткнулись на лестницу. Все взбодрились, но ненадолго. На пять-шесть десятков узких пыльных пролетов, каждый из которых настырный отпрыск Митичей оглашал торжественным «где-то здесь колдун и притаился». Потом бодрость кончилась, а высокие кривые ступеньки даже не планировали. На пятнадцатом десятке мальчишка замолчал, на двадцатом мы все переругались, на тридцатом окончательно пали духом. Тела тоже уже были на грани, но на очередном пролете проведение сжалилось и испослало нам высоченную в четыре моих роста дверь. За дверью таился очередной зловещий коридор, извилистый хвост которого уходил неведомо куда. Я перевела взгляд на убегающую вверх вереницу бесконечных ступеней, явно нацеленных за пределы солнечной системы, и внутренне содрогнулась. Эх, знать бы, какое из этих зол меньше, вернее короче.

— Смотрите! — Зловещим шепотом возвестил Тим. — Там кто-то есть!

— И пить. — Добавила я, приглядевшись внимательнее. В шагах тридцати вокруг масляной лампы сидела компания мышеголовых существ неопрятной наружности, активно пуская по кругу укутанную в мех флягу. Рядом стояла груженная углем тележка. Говорят, крысаки начали втихую просачиваться через границу из южных степей много столетий назад. Они были непритязательны в быту, довольствуясь любым теплым углом, брались за любую работу, ели все, что не прибито гвоздями, короче завоевали неприступную Империю без единого взмаха меча, уступая теперь по численности только людям и тараканам.

— Послушать бы, что они там замышляют. — Хищно сузил глаза Митич. — И, главное, не пройти, уселись

прямо на дороге!

— Что будем делать? — Асеер стоял позади. Так близко, что мне показалось, что его голос прозвучал у меня в голове.

— Давай я выйду в новой ипостаси, поздороваюсь, они и разбегутся.

— А если не разбегутся? — Серьезно спросил охотник. — Уверена, что крысаков можно напугать горбатой белкой?

— Тогда иди и сам их пугай.

— Боюсь, у меня еще меньше шансов. Другие мысли есть?

— Есть одна, но, боюсь, она тебе понравится еще меньше.

* * *

Кирпичная кладка закончилась. Лапы мягко легли на потолочную плиту, перевернув мир вверх тормашками. Я остановилась, вытянула шею, заглядывая себе за спину, чтобы убедиться, что примотанные к ней черными щупальцами люди на мете.

— Ну, как, держитесь?

— Ага! — Перевернутая физиономия Тимхо с покачивающейся надо лбом косичкой расцвела восхищенной улыбкой. — Эта твоя новая ипостась — что надо! Не пойму, почему учитель против...

— Потому что это даже не ипостась, а просто кое-как слепленная тьма, которую она и контролировать толком не может. Так что...

— Не нравится, можешь сойти! — Оборвала я, резко останавливаясь. Как оказалось, *прямо над головами оживленно галдящих крысаков.*

* * *

— А еще сказывают, водиться прямо издесь в этом самом ярусе... бе-елый кедошим. — Самый старый, плешивый и уважаемый крысак в клане обвел взглядом притихшую молодежь и зловеще поднял трясущийся палец, указуя в кромешную темень, окутывавшую высокие каменные своды.

— Врешь, дядько. — Отмахнулся его сосед справа. — Кедошими все, как уголь черны.

— Вот ты и слушай. Приключилось энтю в сей же самый день, што и нынче, ровно сто пять годков назад, при последнем ампираторе. Тогда на пир съехалось народу со всего Белогорья и запредельных земель — не сосчитать. Вино лилося рекой. Много отважных мужей тады в салатах головы сложили. Но был среди гостей один кедошим, колдовством могуч и в хмельных баталиях грозен, дольше всех за здоровье ампиратора за столом ратовал, а потом даже сам, своими стараниями поднялся и из парадной залы вышел. С тех пор его никто живым и не видел. Только через седмицу, когда протрезвели, нашли его тело вот в этом самом тоннеле, инеем покрытое. Видать блуждал, да так выбраться и не сумел, околел от холода. Сказывают, шастает теперь его дух по подземельям, от вечного похмелья и жажды маючись. От энтюго не шибко добрый, зато к гостям приветливый. Как приветит кого, так сразу в шею впивается, и пока всю кровушку не высосет, не отпустит. Наших только в прошлом году пятеро пропало.

— Тоже с императорского пиру? — Неуверенно хохотнул кто-то. Его никто не поддержал, потому что рабочие пропадали в самом деле.

— Кто же нас тудить пустить... — С притворной грустью вздохнул старик, по правде жутко довольный собой и своей коронной байкой, которая безотказно действовала на всех новичков. — Было бы об чем правнукам рассказать. Теперь честному крысаку и выше сотого яруса не подняться... век ходить по замковым подвалам... как белому кедошиму.

— Ну не знаю. Моя жинка сегодня на самом верху при столах помогает. — Невзначай заметил юноша с зеленым платком на голове, топорищившимся на затылке второй парой ушей. — Может, даже саму императрицу увидит!

— Да ты что! — Грянули крысаки, от удивления не сразу заметив, что к их хору прибавились три новых исполнителя.

* * *

Черета догадок вражеской конницей ворвалась в неспешное копошение моих мыслей, посеяв панику и ужас.

Императрица! Мы в императорском замке! Оставленная без контроля и постась тут же попыталась раствориться в темноте подземелья. Я запоздало осознала, что натворила, судорожно дернулась, чуть не потеряв опору, но все-таки в последний момент успела схватить Тима за ногу. Асееру повезло меньше. Последним, что удалось рассмотреть из-за спины мальчишки, были стремительно удаляющиеся подошвы охотничьих сапог. Внизу истошно закричали. Поднялась такая суматоха, будто в самый разгар совместного кутежа в честь ввода в эксплуатацию секретного тоннеля между женским и мужским монастырем на стол с выпивкой неожиданно спланировал святой. Какое-то время внизу проникновенно вопияли и энергично топотали. Потом воцарилась тишина. Ненадолго.

— А ну, спускайся! — Раздался снизу злобный голос людоеда, требующего свой обед.

Перед глазами предстала череда возможных вариантов изменения внешности Асеера с разными решениями по компоновке и количеству глаз, носа, ушей, зубов, рук, ног и прочих органов. Нижней строкой шли возможные варианты моего преобразования после нашего разговора.

— Спускайся, идиотка. — Голос смягчился, перейдя в вегетарианскую тональность. — Не трону. Обещаю.

На охотнике не было ни одной новой царапины. Только печальный блеск в глазах выдавал пережитые лишения и окончательно сформированное мнение о моих умственных способностях. Честное игигское, в моих планах «нижайше извиниться перед Асеером» стояло первым пунктом, было выделено жирным шрифтом и даже несколько раз подчеркнуто красным, но я не успела и рта открыть. Вышедший из оцепенения Митич, компенсируя вынужденный простой, разразился бурей слов и эмоций.

— Учитель с вами все в порядке? — Подскочил он к беловолосому. — Ничего не болит? Вот это переворот! Меня научите? Видели, как они улепетывали? Только пятки сверкали. Обалдеть! Вы слышали? Они говорили про императрицу! Мы в императорском замке! Можно повидаться с Шушуней!

— погоди, ты ничего не понял. — Асеер крепко сжал его плечо, заставив утихнуть. Паренек недоуменно вскинул голову.

— Этот кудесник дхэров тоже здесь. — Объяснила я. — Мы не знаем, что он точно замыслил, но...

— Думаешь, он решится напасть на Шушуню? Ха! — Мальчишка соорудил насмешливую гримасу. — Ему же хуже. Серафим — лучшие воины в мире! Перед императорской армией никто не устоит!

— Потому-то, он ей и воспользуется. — Идея Асеера была настолько страшна и очевидна, что даже меня бросило в жар.

— Упади небо! Точно, все сходится. Мы узнали... послушай, Тим, мы узнали, что колдун приготовил в Волчьем Логе заклинание, которое позволяет заставить кого угодно сделать что угодно. Нужно только получить его кровь и надеть на него приемник — кольцо, браслет, серьги... сойдет любая металлическая безделушка с кристаллом... до активации заклинания зачарованный даже не догадывается о его существовании. А значит, способность читать мысли Шушельге не поможет, потому что до самого последнего момента в них ничего подозрительного просто не будет... значит...

— Да понял я, понял... — Не дослушал он. Паренек уже не улыбался, но и впадать в истерику вроде не собирался. — Опять придется ее спасать.

— Я понимаю, что ты чувствуешь. Но нельзя исключать, что уже может быть... — Охотник так и не собрался с силами.

— Еще не поздно. — Непривычно серьезным голосом закончил за него ученик. — Нет. Эта козьявка жива и здорова. А если я буду думать иначе, я не смогу ей помочь.

Он вывернулся из-под ослабевшей учительской длани и ринулся вперед. Потом недоуменно обернулся.

— А вы чего стоите? Учитель, садитесь на Умбру, нужно спешить... ну чего вы так смотрите?! Она же знала! Знала, что ей угрожает опасность. Поэтому-то тогда и отослала меня из замка так быстро!

Митич не перестает меня поражать. Временами в этом несуразном мальчишке просыпается такая сила убеждения, что хоть ниц падай. Я беспрекословно усадила себе на спину, молчаливого и податливого, как тряпичная кукла, Асеера, в три прыжка поравнявшись с курчавым предводителем.

— Ты бывал в замке?

— Ну конечно! Асеер довел нас до столицы и сдал этому... главному. Когда после всего Шушуня воцарилась, я жил в замке пол года в качестве гостя. Она запретила даже упоминать, что мы родственники. Говорила, так будет спокойнее, а то придется, как члену правящей династии, тяжелую мантию таскать, на всех приемах присутствовать... — Мальчишка проворно взобрался по моему боку и, видимо, заговорившись, дал мне шенкеля. Я, не иначе, как, заслушавшись, перешла на бег. — Этот дворец, хуже тюрьмы. Мне чтобы в город выбраться приходилось каждый раз вызывать носильщиков и обязательный почетный эскорт из двенадцати серафим. Да и сама Шушуня в последние дни сильно изменилась, стала совсем чужой. С утра до вечера на церемониях и аудиенциях пропадает, а вечером запрется у себя в комнате и вообще ни с кем не разговаривает. Лишь накануне коронации удалось наконец-то ее в коридоре подкараулить и все высказать. Так она такое в ответ выдала... якобы я только и делаю, что ей править мешаю, дни напролет без дела шатаюсь и доходы империи проедаю. Короче,

орала на весь дворец. Я потом весь день ходил, как оплеванный, а на коронации случайно встретил Асеера, который к тому времени уже считался самым лучшим охотником на нежить в столице. Конечно, попросился к нему в ученики, уехал из города и больше не возвращался. Теперь то понятно, что эта козьявка специально меня разозлила, чтобы отправить подальше из дворца.

— Ты не был первым, кто просил взять тебя в ученики. — Внезапно подал голос дингир-ур. — За три дня до нашей встречи мне сделали предложение, от которого невозможно отказаться. Но... за все время... я ни разу не пожалел, что согласился.

— Честно?

— Честное дингир-урское. Я солгал лишь однажды, когда сказал, что логский оборотень — это обычный заказ от лишившегося единственной дочери купца. Это был личный приказ императрицы... Шущельга также настоятельно просила не торопиться, а в случае неожиданно быстрого решения вопроса взять еще пару заказов...

— Узнаю свою сестренку. Эй, Умбра, а тебя она, о чем просила?

Вместо ответа у меня вырвалось такое жуткий рык, что они благоразумно решили повременить с вопросами. Внизу мелькнули и быстро затерялись позади силуэты бегущих крысаков.

Никогда. Ни на кого. Так. Не злилась! Меня использовали. И самое обидное, что использовали бездарно! Чего стоило просто все мне рассказать, поделиться подозрениями? Если бы я хотя бы примерно знала, что происходит, что искать, чего опасаться, всего этого можно было избежать. Так не, эта малолетняя интриганка возомнила себя великой всемогущей императрицей! Решила поиграть чужими судьбами! Все, доигралась, пигалица! Ну, Шущуня! Если только останусь в живых... если только ты останешься в живых... сниму ремень и отдеру так, что потом месяц на трон сесть не сможешь!

— Умбра, стой! — Внезапно закричал Тим, больно потянув меня за уши. — Мы нужный поворот пролетели!

— Раньше сказать не мог? — Огрызнулась я.

— Ну, я же пока его не увидел, не знал, что он нужный... да, вон справа свет, видишь?

Это был просторный зал, заполненный крысаками, вяло подтаскивающими тележки с углем к огромному, закручивающемуся куда-то вверх желобу. На приемке груза дежурили два кедошима. Чернокрылые маги взмахивали руками, и тележки, забыв о силе притяжения, грациозно воспаряли вверх, уступая место новой партии.

— Это магопровод. — Шепотом прокомментировал Тим. — Такие желоба установлены по всему замку. На каждом ярусе дежурит постоянная смена лучших магов, которые принимают и направляют посылку по нужному направлению. Осуществляется доставка угля для отопления, продуктов, вещей. Его изобретение здорово помогло разгрузить армию. Раньше транспортировкой всего необходимого занимались серафим...

— Заканчивай экскурс в историю. Эта штука выходит в тронный зал?

— Ну, теоретически...

Неожиданно затрубил горн, проняв так, что у меня внутри все опало. Тревога? Так быстро? Слава богам дальше внутренностей дело не пошло, и седоки остались на месте. Мы настороженно замерли. Народ же внизу, наоборот оживился. Маги потянулись, расправив крылья, и весело переругиваясь, двинулись в середину зала, где шумели и рассаживались крысаки, разворачивая принесенные из дому харчи. Удачно!

Никто не обратил внимания на мелькнувшую по стене тень. Зубы самых голодных еще не успели сомкнуться на обеденной краюхе, а мы уже ползли вдоль рядов ожидающих своей очереди тележек.

— Не понимаю, зачем мы теряем здесь время! — Возмущенно пыхтел тащившийся в хвосте Тим. — Даже если нам удастся незаметно проскочить на этом ярусе, поймут на следующем! Нужно искать другой выход! Слышите?

— Слышим. Подожди. — Охладил его пыл Асеер, ползущий со мной плечом к плечу. — Умбра наверняка что-то придумала. Правда, Умбра?

Я зачем-то кивнула. На самом деле никакого плана у меня не было. Так, какая-то смутная надежда на его появление. Надежда на то, что никто не обратит внимания на огромную горбатую белку с двумя седоками, тоже теплилась, но никакой критики не выдерживала. Прикрыться заклинанием невидимости? Энергозатратно. Долго не выдержу. Да и все равно, если они действительно лучшие маги, то заметят. Я бы заметила. Вот гёт!

Мы с охотником срочно сдали назад, едва не задавив курчавого ворчуна. С воздуха приближался долговязый мальчишка-кедошим с лотком в одной руке и огромным кукурузным початком в другой. Он неуклюже приземлился в шагах двадцати от нас и сразу приступил к общественно полезной деятельности по приклеиванию к тележкам пестрых бумажных листков. Трудился он сноровисто, было видно, что с удовольствием. С таким же удовольствием, не отрываясь от основного процесса, он вгрызался в сочную золотистую мякоть. У Асеера некстати заурчало в животе. Мой желудок тут же вспомнил, что пустует вторые целые сутки, разразившись гневной тирадой. Вот зараза! Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы нас заметили...

Я высунулась из-за тележки.

Замах. Резкий удар. По лицу медленно поползла вязкая теплота. Отрок размеренно продолжил свой путь, как будто ничего не случилось.

— Что за дхэрень?! — Прилепленный ко лбу листок отлепился вместе с челкой а, если верить ощущениям, еще и с приличным куском кожи.

— Похоже на обычный раствор-индикатор, который использовался раньше для поисков магических ловушек...

— Без тебя знаю! Не вижу ничего смешного, Асеер! Для чего это здесь?

— Под действием магического поля запись на листке начинает светиться большими зхнаками и показывает кедошим, по какому каналу и на какой ярус направлять груз. Вот, сто пятьдесят три, «К» 12. Это, вроде, картинная галерея...

— Здорово. — Оживилась я. — А ну-ка сползай, проверь все тележки, нет ли здесь посылки в тронный зал.

— Но этот еще не улетел! Вдруг, он меня заметит?

— Не позорь знамя, юный дингир-уровец. Докажи, что учитель не зря на тебя время тратил.

Мальчишка насупился, как чучело сыча после обильной набивки, но пополз.

— До тронного зала, на трехсотый, ничего не идет. — Докладывал он через пару гешей. — Ближе всего двухсот девяностый ярус, но он нам не подходит.

— Это почему?

— Там сплошные воинские казармы. Есть еще двухсот семидесятый. Северное крыло, где серпентарий, южное — это императорская кухня, еще западное... там...

Мы единогласно выбрали кухню. Туда, кстати, отправлялись самые крупные тележки. Я цапнула черный гляцевый камешек с одной такой и задумчиво прокатила его между ладонями. Шершавая, как у дерева поверхность, царапнула кожу, оставив поле себя темный след. Тяжелый. Каменный уголь, а может, антрацит. Никогда особо не разбиралась, да и бес с ним. Мне же не заклинание гидрализации выстраивать — сиди потом по уши в вонючем масле...

Я отшвырнула уголек и закатала рукава, разминая запястья, только дальше дело не пошло. Тим и Асеер накинулись с двух сторон, как ретивые стражники на цареубийцу, едва не размазав меня по полу. — Индикатор! Забыла? Он же полыхнет!

— Не полыхнет. — Мне стало смешно. — Я вам тень великого колдуна или призрак отравившегося колбасника? Да эту дрянь еще в прошлом веке научились обманывать!

* * *

Груда угля медленно поднялась в воздух и грозовой тучей поползла вдоль рядов тележек, обрушиваясь в них кратковременными, точно дозированными осадками.

— Тимхо, залазь. Асеер, приготовь горизонтальный щит Даггара с компенсацией давления, достройшь надо мной на счет три. Раз...

Угольную кучу начало пошатывать из стороны в сторону, вниз бесконтрольно посыпалось мелкое крошево. За то и не люблю четырехмерные матрицы, что фиг уследишь. Вечно норовят развалиться в самый неподходящий момент.

— Два...

В зал с криками ворвались наши знакомые крысаки, неся какую-то чушь о белом кедошине. Краем глаза я видела, как Тим машет мне из тележки, сама понимала, что рискую, но спешить было нельзя. Еще немного. Магия не любит спешки.

— Три!

Толчок. Переворот. Боль в груди от столкновения с чьим-то коленом. Щит сомкнулся у меня над головой, а в следующее мгновение сверху с глухим перестуком обрушилась черная лавина. Стало темно.

Мы затаились, как три упыря в одной могиле, преследуемые разбушевавшимися крестьянами. Нам везло. Раскопок, всенародного чествования и торжественного награждения осиновыми кольями не последовало. Щит достойно выдерживал нагрузку. Правда, на проверку он оказался не классическим высокопрочным экраном Даггара, а его совковой версией. Ничего, как говаривали аккадские головорезы, подрабатывающие во время войны продажей вражеских скальпов в столичные цирюльни, — с паршивого шумберца хоть шерсти клок. Главное, что Асеер предусмотрел воздухопроводы, а то ведь смерть от удушья — самая ходовая цена за ошибку в таком заклинании.

Снова раздался рев горна, возвестивший окончание обеда, и нашу тележку потащили к желобу. Непродолжительная встряска. Рывок. Ощущение бешено скорости, замедлявшейся лишь на тягучее мгновение, когда нас перехватывала очередная смена кедошим. Получилось! Мы в пути! Давление, несмотря на компенсацию, быстро увеличивалось, отдаваясь болью в ушах. Становилось холоднее. Проклятый смертельный холод, который извечно мучает игигов, тех, которые не могут согреться даже в полуденном шумберском зное, привычно потянул

ко мне свои костлявые заgreбущие лапы. Но внезапно наткнулся на дыхание Тима, исходящее от него тепло, и отступил. Асеер придвинулся ближе, и я почувствовала тепло другим плечом. Было еще какое-то тепло. Незнакомое раньше. Неожиданное тепло с той стороны, где сердце. Окончательно отогревшись, тело размякло, сознание затуманилось. Веки неожиданно сделавшиеся непомерно тяжелыми стали предательски опускаться.

Вода. Мутная зеленая вода Нефритового Озера. Или нет, это волны на набережной Гуаба. Темная вода, переходящая в ало-золотую полосу у далекого горизонта, мерно обрушивается на заваленный кучами водорослей пустынный берег, с клокочущим гулом перекатывая мелкие камешки. Тихо вслед за солнцем ускользает за море день. По берегу идут люди. Семья. Тим крепко держит меня за руку и, как всегда, болтает без умолку. Беловолосый мужчина обнимает меня за плечи. Я время от времени поворачиваю голову, чтобы видеть его глаза. Мне холодно, когда я их не вижу. Асеер улыбается. У него самые красивые глаза на свете, глаза цвета закатного солнца. От кромки воды к нам несется растрепанная, довольная до невозможности Шушуня, за ее спиной на фоне слепящего света темный силуэт человека с гигантской, как раскрытый веер створкой гребешка в руках.

— Мы такую ракушку нашли! Обалдеть! Правда, дедушка? Давай скорее, дедушка! Человек подходит ближе, и вижу Его лицо. Широкое лицо с большими на выкате глазами заслоняет весь мир. Он хочет что-то сказать, уже слышно, как голос клокочет у него в глотке.

— Умбра, деточка моя...

Рот страшно искажается, превращаясь в огромную черную, всепоглощающую дыру. Тьма засасывает, поглощает меня без остатка. Дикий ужас. Хочется бежать. Хочется кричать, но здесь мои желания больше ничего не значат. Картинка сменяется. Теперь передо мной новое лицо.

— Умбра! — Карие глаза Лайдэ-дзи блестят, руки безостановочно перебирают ворох косичек. — Боги, а я-то уже боялась, ты не дотумаешь про сон! Слушай внимательно, нас с Тимхо повязали! Навалилась разом целая кодла наемников, а при ней колдун. Никто и пикнуть не успел. Колдун приказал везти мальчонку в старую тюрьму, а меня забрал и при себе таскает. Для этого пришлось посулить ему вечную жизнь. Представляешь? И этот туда же! Все думают, что это чего-то хорошее, нектар, повидло из райских яблок с небесной патокой. И только я знаю, что на вкус это сущее дерьмо! Вечную жизнь ему! Да пусть поцелует меня в задницу!

Стрекоза замолчала, нахмутив лоб. А у меня прямо таки чесались руки, дать ей затрещину. Хватить жужжать! Говори по сути! Ну же!

— Так, о чем это то я... ах да! Знаю я, что он замыслил! Представляешь, этот хреноплет...

* * *

Резкий удар сотряс тележку, словно клятвopреступника после прямого попадания молнии. Я проснулась обиженная на весь мир и на Стрекозу в особенности. Убила бы, если бы не двухсотлетний мертвецкий стаж! Почему так не во время? Нельзя было выйти на связь, когда я отлеживала бока на постоялом дворе Городца? И почему сразу не сказать самое главное? Если мне еще и доведется уснуть в ближайшее время, то только вечным сном. А ведь самое обидное, что могло получиться... ладно, судьба тетка вредная, но отходчивая. Может еще повезет, главное не терять время.

Тим и Асеер, с интересом выглядывающие в щель между бортом тележки и приподнятым магическим щитом, посторонились, пропустив меня в середину. Глаза обдало жаром от множества огромных печей, в которых потрескивали, булькали, шкварчали, посвистывали самые немыслимые блюда. Вокруг мельтешили, сбивались в группы, рассыпались в стороны, крутились в пируэтах, застывали в сложных подержках, повара в снежно белых одеждах, поварята в остроконечных колпаках, широкоплечие носильщики в красных кафтанах — и всем этим представлением дирижировало здоровенное чудовище, похожее на клыкастую черную саламандру. Мне попадалась похожая картинка в бестиарии под названием «донестры», но в натуре представителей этого вида встречать, еще не доводилось. Это племя людоедов-гурманов, обитающее на островах, затерянных далеко в Южном океане, редко заглядывало на материк, зато охотно принимало у себя путешественников, купцов и исследователей со всех континентов. Немногие вернувшиеся помимо неврастения и ночных кошмаров привезли с собой удивительные рецепты, перевернувшие материковые представления о кулинарии. Как ни странно в лучшую сторону. И теперь повара донестры ценились на вес золотого запаса среднего государства.

Судя по витавшим в воздухе запахам, вполне заслуженно.

— Сколько ярусов осталось до тронного зала? — Обратилась я к Тиму, чтобы хоть немного отвлечься от чувства голода, выворачивающего желудок наизнанку.

— Тридцать. — Ответил за него Асеер, жадно провожая глазами проплывавший мимо поднос с жареными перепелками. У мальчишки хватило сил только на глотательное движение.

— Гёт! Далековато. Что на пиру принято подавать остывшие и зачерствевшие в пути деликатесы?

— Все продуманно. — Исчезновение блюда из поля зрения подействовало на Митича благотворно. — Кухня расположена на максимально возможной высоте. Выше готовить будет уже невозможно. Вода кипит, но не нагревается, понимаешь? К тому же здесь отдельный магопровод, ведущий прямо в пиршественный зал. А тепло сохраняется с помощью специальной посуды, которые... вон, гляди, нас как раз везут мимо отправочного стола.

Отправочный стол представлял собой длинный помост, на котором готовые блюда укладывались в разногабаритную тару с выстланным раскаленными камнями поддоном и накрывались высокими куполообразными крышками, после чего переходили в ведение кедошим. На столе уже выстроилась приличная съестная очередь, которую замыкал давешний поднос с перепелками. Я огляделась. Из дальнего конца кухни группа носильщиков под предводительством донестра как раз транспортировала исполинское блюдо, с трудом вмещавшее в себя целого лося, вместе с рогами, копытами и годовым урожаем овощей.

Ни Асеер ни Тимхо не повернулись в мою сторону. Работники были слишком заняты, чтобы смотреть по сторонам. Даже чернокрылые маги бровью не повели, хотя уж им-то по статусу было положено сразу почуять неладное и сделать стойку. Выпущенное заклинание растеклось над полом, тремя расширяющимися от тележки кругами, каждый из которых оставлял за собой отчетливо различимый дрожащий шлейф искривляющегося пространства. Но не все, не все на кухне остались безразличны к магическому искусству.

Протяжный визг вышел таким слаженным, словно поварахи специально репетировали, оставаясь после работы. У трудящихся на ниве общественного питания женщин вид крысы, бесстыдно разгуливающей перед носом, не вызывает бурных чувств. А вот бродячий крысиный скелет возымел куда больший успех. Одновременно с этим перепелки на блюде встрепнулись, завертели обрубками шей и проворно бросились врассыпную. На разделочной доске пришла в себя выпотрошенная рыбина, возмущенно отхлестав наглеца фаршировщика по щекам. Защелкали клешнями вареные омары. Где-то заухала невидимая глазу лесная птица. Жаренные молочные поросята визжали не хуже резанных. Мимо нашей тележки с грохотом и воем пронесся бородастый мужик в кожаном фартуке верхом на освежеванной кабаньей туше. Из кастрюли с кипящим супом высунулась осьминожье щупальце, выхватило у опешившего от такой наглости донестра поварешку и торжествующе потрясло ей в воздухе, призывая соратников к победе.

Призыв возымел действие. Лось одним мощным броском раскидал гарнир с носильщиками в стороны, вторым снес сразу три шкафа с посудой, а дальше, уже не размениваясь по мелочам, принялся вдохновлено крушить все подряд.

— Твоих рук дело? — Низкий тембр Асеера с трудом пробивался сквозь вопиющее снаружи многоголосье.

— Исполнение мое. — Ослабилась я. — Слова одного сумасшедшего некроманта, музыка народная.

Охотник кивнул и неожиданно приказал.

— Тим, квалифицируй созданные объекты...

— Но учитель!

— И предложи способы ликвидации. Когда еще доведется проконсультироваться у самого создателя заклинания.

— Некромантия... — Мальчишка увлеченно взлохматил волосы. — Кадавры. Неживые объекты органического происхождения, третьего класса активности... уровень стабильности невысокий. В зоне призыва обычно наблюдается большая концентрация магического поля, поэтому пользоваться боевыми заклинаниями или плазмоидами не рекомендуется. Предпочтительно механическое уничтожение... из заклинаний либо двухкомпонентный чебрец либо другая схожая по структуре магическая перемычка. Правильно?

Я уважительно кивнула, оттопырив большой палец. Молодчина. Нет, правда, отлично! Асеер сумел воспитать себе достойного преемника. А вот некоторые общую теорию некромантии явно прогуливали. Чернокрылые кедошим спикировали к лосю, вдарив по нему мощными боевыми плазмоидами из обеих рук.

Рвануло так, что дрогнули стены. Дымящиеся горе-маги очумело стекли со стенок в груды покореженной посуды. После короткой заминки паника возобновилась с куда большим задором, с огоньком, и даже начала перерастать в ожесточенные боевые действия между отрядами поваров-партизан и восставшим императорским ужином. Лучшего момента для вылазки было трудно себе представить, и мы, естественно, не преминули им воспользоваться. Уют просторной тележки сменился узкими застенками бака из-под капустного салата. Времени рассестись со всеми удобствами, не было, поэтому пришлось утрамбовываться, как попало. Вокруг скорее ощущались, чем виделись локти, затылки, плечи, чья-то нога лежала у меня на плече. О месте нахождения своих конечностей я догадывалась весьма отдаленно, исключительно по болезненным ощущениям, которыми наслаждалась благодаря нелепому положению. Долго мне так не протянуть, это точно. Я дернулась вперед, суетливо продралась сквозь белые спутанные волосы, отшвырнула капусту и приложила указательные пальцы к металлической стенке. Вот же гёт! Чугун. Ненавижу. Тугоплавкая железоуглеродистая дрянь. К счастью, резерв сдюжил, стенка не лопнула, пальцы не отвалились, зато у меня появились два смотровых отверстия. Ну, все, уважаемые пассажиры, молитесь. Наш бак-самолет отправляется.

Только заступивший на службу Аджой нетерпеливо обежал вокруг выходного отверстия магопровода в полу, нервно поправил воротничок, проверил на месте ли праздничная перевязь. Можно было подумать, что под крышкой бака к нему нагрянул не капустный салат, а, по меньшей мере, первый советник императрицы с тайной проверкой. Не выдержав ожидания, паренек бросился навстречу, размахивая и руками и крыльями одновременно.

— Держу! Держу! — Трудно было догадаться, что он пытается сделать, но бак завис над его головой и стал опасно наклоняться. — Ой, не держу! Не держу!

Ерия широко зевнула. Одним четким отработанным пасом перехватила груз и мягко опустила его на пол рядом с собой. На время, пока служанки протирают разгрузочный стол. Новичок ее раздражал. В пропасть этот пир. Хотелось домой, к мужу, к дочке, под любимый плед с красными котами... но ради великой императрицы можно и потерпеть.

— Не суетись, магия не любит спешки. — Собравшись с силами, улыбнулась женщина-птица. — Следующий твой.

— А больше не-е-ет. — Удивленно пожал плечами Аджой, склоняясь над магопроводом.

— Хм? — Ерия неосознанно повторила его движения, послав вниз поисковый импульс, вернувшийся ни с чем. — Заснули что ли?

— Что происходит? — Рядом нарисовался приземистый светловолосый сарим с красным лицом, большую часть которого занимал широкий приплюснутый нос.

— Уважаемый господин главный уполномоченный распорядитель, имею честь вам доложить, что дело в том...

— Нет подачи. — Перебила напарника Ерия. Уже было скорчившееся в гримасу лицо серокрылого разгладилось. Главный распорядитель Флук устало кивнул. — Так ничего и не было?

— Салат прислали. Написано капустный. — Магичка приподняла бровь. Бака на месте уже не было.

— Салат! — Флук вскинул сложенные щепотью ладони, едва не выколов женщине глаза. — В пропасть салат! Мне жаркое нужно, понимаешь? Мне горячее скоро подавать! Скоро императрица изволит благословлять будущих молодоженов, а у меня столы пустые! Ох, грехи мои тяжкие... пустила бы птенца, пусть поторопит.

— Аджой?

Лицо молодого кедошима застыло, только взгляд лихорадочно метался по сторонам. Ясное дело, что перебой с подачей груза — дело темное. Что-то там внизу явно не в порядке. Возможно, образовался блокирующий энергетический ступок или антимагическая материя. Но на нижнем ярусе дежурят опытейшие маги, которым он и в подкрылки не годится. Да что он вообще может? Разве что на посмешище себя выставить. Тем более, в голове, после выпускных экзаменов, как назло, вертится только жалкий чебрец, заклинание более подходящее что для борьбы с зомби, чем с магическими неполадками на линии. Но отказаться — и это прекрасно читается в красных от недосыпа глазах напарницы — себе дороже. Юноша взял волю в кулак, укротил трясущиеся поджилки, и, сложив крылья, нырнул в огромную черную дыру на встречу судьбе, то есть позору. Хотя кто знает?

— Вот что значит эквinoxium. — С мрачной торжественностью объявил Флук. — Зимнее солнцестояние. Помню, дед рассказывал, как в его деревне, когда он был ребенком в ночь на эквinoxium мертвецы выбирались из могил и принимались отплясывать прямо на улицах, духи гор и лесов входили к домам, чтобы напиться, молока или свежей крови, оживали и начинали летать по воздуху самые обычные вещи, с неба дождем сыпались звезды, в горах зажигались волшебные огни, в ураганном ветре слышались вещие голоса и...

— И тихо догорало конопляное поле. — Презрительно фыркнула чародейка.

— Зря насмехаешься. В этот день издревле странные дела творятся. И дают знать о себе высшие силы, о которых даже вам магам неведомо.

Кстати, про странности. Ерия поймала за рукав пробежавшую мимо служанку.

— Ты здесь бак не видела? Большой такой, двое без труда поместятся.

Девушка испуганно замотала рыжими кудряшками.

— Нет, госпожа, все, что было, уже разнесли!

— Ладно. Свободна. — Смирилась Ерия, разглядывая переполненный народом, тележками и посудой зал. В сердце закрепилось нехорошее предчувствие. Сдался ей этот бак. Больше тревожило странное затишье внизу... эквinoxium. Будь он не ладен, старый Флук, со своими суевериями!

Так уж получилось, что в этот вечер чудеса эквинокциума обсуждались еще чаще и оживленнее, чем императорский прием. Несмотря на противодействие официальных лиц, слух о восстании жареных поросят пронесся по замку быстрее передового отряда серафим. Поползли разговоры о белом кедошине, зверски истребившем половину крысаков на нижнем ярусе. Трое разлильщиков вина в один голос утверждали, что видели, как из воздуха материализовался демон, выпил целую бочку коллекционного рубинового и, грязно бранясь, скрылся в дымоходе. Еще несколько слуг встречали пресловутый блуждающий бак с капустным салатом, который то исчезал, то появлялся в самых необычных местах. Среди посудомоек имел успех рассказ развозчика блюд про то, как его тележка решила поработать сама и сбежала от него в центре пиршественного зала, а потом нашлась у того самого стола, к которому он ее и вез, уже наполовину разгруженная. Кто-то верил, кто-то нет, но все единогласно признавали, что дела творятся странные и с увлеченно гадали, что же еще выкинут таинственные силы в этот необычный день зимнего солнцестояния.

* * *

Я приподняла край скатерти и выглянула из-под стола. Жаркий полдень! К такому зрелищу нужно готовиться заранее. Месяца за три. В специальной лечебнице. Богатое убранство внизу постепенно переходило в голые стены с выступами каминных труб и рядами полукруглых ниш, количество которых покидало рамки числительных и превращалось в фантастическую абстракцию. В нишах, заменяя собой мраморные статуи, стояли крылатые воины и маги. Элитные императорские войска. Введенная боевая машина. Страшная и беспощадная к врагам. Особенно страшная из-за того, что пока не известно, кто и для кого ее взвел.

В центре зала, словно в маслобойке, болтались сливки общества. Еженедельные или, не дай бог, ежедневные омовения считались в империи уделом простолюдин, и заменялись обильной поливкой ароматическими маслами. Посему надменно перекатывающиеся потоки расфуфыренной знати, ни цветом, ни запахом, ни содержанием не отличались от сточных каналов на окраине столицы. Интересно, в замке имеется отдельный гостепровод или случаются накладки? Я живо представила себе, как какой-нибудь служка, сомневаясь до последнего, рассортировывает поступившую партию на визжащих свиней и негодующе вопиющих дворян.

Изредка толпа замирала в искреннем раболепии, чтобы поднять глаза на пустующую ложу. Настолько невесомую, что, казалось, она парит над бранным миром в свободном полете. Гёт, почему у этих ангеллу все не как у всех? Трон под потолком. Это вонючее столпотворение... смешно даже мечтать о том, чтобы добраться до Шушуни... да нас затопчут при первом же шухере.

— Кто-то потянул меня за руку, выводя из ступора. Асеер. Я осторожно отпустила скатерть, едва сдерживаясь, чтобы не схватиться за голову.

— Как думаете, есть шансы, что эта крылатая пигалица спустится в зал?

— Если только упадет, задохнувшись... — Проворчал Тим, кривя нос. — По церемониалу императрица поприветствует гостей из своего ложа, но ужинает всегда в отдельном зале с приближенными. Разве что...

— Что? — Мне показалось, паренек ухватил зерно истины.

— Благословение. Есть старинная традиция, согласно которой из каждой провинции приглашается во дворец на пир в честь зимнего солнцестояния самая прекрасная пара влюбленных, которая избирается на общем сходе. Император или императрица читает их души, и если чувства их истинны, дарует свое благословение на брак и процветание для всего рода... ну, конечно, пока пустовал трон, все это превратилось в формальность, которая позволяла детям зажиточных господ потолкаться во дворце и...

— Тим! — Оказывается нервы у Асеера все же не железные.

— Понял, покороче. Двенадцать пар от каждой провинции поднимутся сегодня в хрустальную комнату и будут лично приняты повелительницей!

— Ага! — Все-таки хорошо, что этот курчавый всезнайка с нами. Я снова высунула нос наружу, оглядывая окрестности уже более осмысленным взглядом. По логике вещей, где-то здесь должен быть и наш злодей. Достаточно далеко, чтобы не попасть в телепатическую зону императрицы и достаточно близко, чтобы дергать за ниточки своих марионеток. Количество отирающихся поблизости подозрительных типов и влюбленных пар переваливало за сотню, но плаката «а вот он я, мерзкий колдун!», «тили-тили тесто» или «для благословения» ни на ком не висело. Неожиданно громко грянул оркестр, заглушая восхищенный вздох толпы. Взоры обратились к парящему трону, над которым медленно распускались два прекрасных крыла, по сравнению с которыми белый мрамор казался замусоленной половой тряпкой. Внутри перьевого бутона смутно угадывалась знакомая изящная фигурка. Жива. У меня прямо отлегло от сердца.

— Я же говорил, что с ней все в порядке! — Повысил голос Тим, пытаясь втиснуться между загробными завываниями, на стихи официального гимна Белогорья. — Жених с невестой одеты в официальные подвенечные

наряды своей провинции и связаны за запястья шелковой лентой. Смотри-ка, вон те двое справа...

Асеер открыл рот, тоже порываясь что-то сказать. Но мне ничего не нужно повторять дважды. Поговорку про двух зайцев придумал ленивый человек с комплексом неполноценности и плохой реакцией, а талантливый игиг с выдающимися способностями не рассусоливает, он трансформируется и действует. Короче, луженные глотки хористов еще не закончили сообщать алчущим шпионам и страдающим амнезией соотечественникам, насколько широка империя родная и сколько в ней озер, полей и рек, а мы с охотником уже облачались в подвенечные саваны под неустанным руководством Митича. С платьем пришлось повозиться не меньше, чем с его хозяйкой. Прекрасная невеста оказалась буйной теткой в тяжелой весовой категории, и так активно боролась за процветание своего рода, что едва не перевернула стол. Впрочем, небольшое применение силы вкупе с усыпляющими чарами смягчили отходчивую девичью душу. По крайней мере, от обмякшего тела никаких возражений больше не поступало. Жених, симпатичный светловолосый мужчина, напротив, обрадовался нам, как смертник помилованию. Он благодушно позволил себя связать, и, если бы не кляп, возможно, даже пожелал бы на прощание удачи.

Появление влюбленных из-под стола совпало с началом бала, не вызвав особого резонанса. Хотя благообразные дамы у бады с пуншом еще долго качали головами и цыкали вслед. Мы быстро затерялись в толпе, расплачиваясь за сердечные поздравления благодарностями по текущему курсу фальши. А котировки здесь были высокие. Местные лицемеры готовы были восхищаться прозорливостью дубового полена, красотой плешивой макаки, да что там говорить, на императорском балу даже упавший в тарелку таракан сошел бы за деликатес. В одном они были правы, мы действительно выглядели гармоничной парой. Горбатый (надо же было куда-то прятать примечательно длинную косу) жених в нахлобученной едва не до самого подбородка шляпе и мрачная, явно страдающая нервным тиком невеста, передвигающаяся кривыми перебежками. Из всего, костюма ненависти у меня не вызывала только юбка. Пышный шатер свекольного цвета, под которым с удобством расположился бы целый табор кочевников. На настоящий момент полезную площадь занимали старые штаны, заправленные в грязные сапоги, с которыми я так и не пожелала расставаться, общий арсенал оружия и согнувшийся в три погибели Тимхо, то и дело норовивший наступить мне на ногу.

— Прекрати так хищно таращиться по сторонам. — Строго приказал Асеер. — Тебя уже пугаются. Вон Силлийский посол чуть серебряные ложки мимо кармана не положил. Хочешь, чтобы нас задержали по подозрению в массовом сглазе?

— Может, я подыскиваю себе партию получше, пока не поздно!

— Ты еще плакат нарисуй. Меняю старого горбатого жениха в приличном состоянии на одного полуслеплого графа. Хромого герцога с доплатой. Или на полтора барона. Срочно. — Ядовито ухмыльнулся охотник. — Пока и этот не сбежал.

Я представила, как ударяю по рукам с могучей зверевидной бабой и помогаю закинуть на плечо поникшего охотника. Забавно, конечно. Вроде бы, забавно. Но странная резь в груди в компании с накатившей следом бессознательной злобой подсказывали, что ни воображаемая, ни тем более, реальная баба далеко не уйдет.

— Ага! — Многозначительно сказала я сама себе. — Ну, надо же.

Асеер еще что-то говорил, насмешливо кривя губы, но потом осекся и вопросительно нахмурился, как бы интересуясь «что случилось?». Ха! Если бы я знала! Нечто подобное было, когда на тренировке Хозяин засветил мне кулаком в лоб. Вырубить, не вырубил, но потом долго объяснял, где я, кто я и зачем оскверняю этот мир. Мир неубедительно симулировал свое существование рваными клочками звуков или цветовых пятен, которые огибали рифы моего сознания с искусностью опытных мореходов. Море. Гуаба. Закатный берег. Рассказать ему про сон? Нет, пожалуй, не стоит. Он меня на смех поднимет. А нет, так самого придется поднимать и откачивать.

Время таяло, вытекало, словно кинжал из руки. Молчание затягивалось. Теперь дингир-ур тоже смотрел на меня, почти не мигая. В расширившихся глазах сквозило недоверчивое удивление, испуг, словно он говорил «вот тебе бабушка и тройное сальто со шпагатом». Можно было подумать, что мы видим друг друга в первый раз. Или в последний...

— Что вы там делаете? — Заволновался Тим.

— Что вы тут делаете?! — В отличие от предыдущего, этот голос было трудно игнорировать. Покойник бы и тот ожил, выбрался из могилы и послушно вытянулся по струнке.

— Церемония вот-вот начнется! — Толстый носатый сарим обрушился сверху разъяренным коршуном, и, не успели мы опомниться, как очутились в хвосте очереди будущих молодоженов. Рылом очередь утыкалась в длинную узкую лестницу, на первых ступенях которой напутственно шумел давешний сарим, почти невидимый из-за макушек женихов и широких спин невест. Выглядело так, будто все провинции хотели продемонстрировать свое благосостояние на наглядном примере, прогнав всех претенденток через городские ворота, и выбрав, тех которые застряли. Чтобы ни у кого язык не повернулся сказать, что, там-то и там-то, мол, женщины и дети не доедают. Да. А женихов наоборот подыскивали таких, чтобы возрыдали даже самые безжалостные армейские

вербовщики.

— Что он там так долго болтает? — Проворчала я. — Чего мы отираемся у этой лестницы?

— Он как раз про это и рассказывал. — Охотник со свойственным ему отсутствующим видом почесал рассеченную щеку. — В этой лестнице, ровно триста ступеней, она называется дорогой любви. По ней согласно традиции невеста должна вознести жениха на самый верх, дабы доказать крепость чувств и здоровья.

— Все всё поняли? Выдвигаемся! — Дал отмашку серокрылый. — Осторожно! Будет тяжело! Если почувствуете сильную отдышку или, что теряете сознание, не пугайтесь, у нас лучшие лекари. Красавицы мои, помните, на вас смотрит вся империя!

Теперь габариты невест не казались мне такими забавными. Перед глазами предстала ужасная картина: я с трепетом ссаживаю суженного на последнюю ступеньку и падаю замертво под осуждающий ропот толпы: «значит, все-таки не любила»...

— Поэтому в Белогорье выгодно брать сразу несколько жен. — Наставительно проговорил Асеер, беря меня за безвольно обвисшую руку. — Тогда можно устроить эстафету. Три по сто.

— Ах ты! — До меня, наконец, дошло, что дингир-ур попросту издевается. Я наградила тычком мерзко хихикающую юбку, но вырваться не решилась. На нас и так уже стали оглядываться.

Скоро я поняла, о чем на самом деле говорил сарим. С каждым шагом дышать становилось все труднее. Небо давало людям понять, что им здесь не место. Ноги заплетались, как у старого забуддыги. Музыка заглушало натужное пыхтение потенциальных новобрачных и противный шум в ушах. Перед глазами рябило. Но все это окупалось.

Стены над ступенями разверзались окнами с видом на весь мир. Внизу, окрашивая алым облака, догорал закат. Заснеженные горы сменялись пестрым лоскутным одеялом полей, лентами дорог, городами, реками, деревушками, темными лесами, казавшихся клочками черного дыма. Можно подумать, что смотришь на волшебное полотно перемещений... или летишь.

В зале хватило места не всем, так что некоторые пары танцевали прямо в воздухе. Не думала, что в этом мире остались вещи, способные восхищать до слез. Может быть, я опьянела от высоты, а, может, просто становлюсь сентиментальной с годами. Но даже если бы у меня заранее вынули душу и выковыряли сердце, все равно бы подтвердила, что ничего прекраснее не видела. Струились ткани. Сплетались пальцы. Крылья складывались и распускались гигантскими веерами, партнеры то взмывали вверх, то резко ускользали вниз, приближая тени, то замирали друг напротив друга, то перетекали в искрометное вращение, от которого у меня кружилась голова. Отзывались тревогой старые несбыточные сны, хотелось вспомнить и понять что-то важное, безысходно ускользающее из памяти, как небо из слепнувших глаз.

Я даже не сразу заметила, как высокий потолок превратился в низкий пол. Жаркий полдень! К такому зрелищу нужно готовиться заранее. Месяца за три. В специальной лечебнице. Богатое убранство внизу постепенно переходило в голые стены с выступами каминных труб и рядами полукруглых ниш, количество которых покидало рамки числительных и превращалось в фантастическую абстракцию. В нишах, заменяя собой мраморные статуи, стояли крылатые воины и маги. Элитные императорские войска. Взведенная боевая машина. Страшная и беспощадная к врагам. Особенно страшная из-за того, что пока не известно, кто и для кого ее взвел.

Здесь в отличие от предыдущего яруса присутствовали только ангелу, и за столами не стояли, а сидели. Вдалеке виднелся хрупкий девичий силуэт в резной оправе кресла. Но меня заинтересовал не он. Видение было мимолетным, на самой грани восприятия. Полупрозрачный призрак с копной черных косичек взмахнул руками, растаяв за спиной чахнувшего справа от императрицы темноволосого бескрылого мужчины. Судя по красным глазам, бледному лицу и синюшным губам, такое высокое положение в обществе давалось ему нелегко. Человек?

Так вот ты где притаился...

Но как этот агхруш умудрился протащить с собой меч? И как ему удалось подобраться так близко?! Неужто и всемогущих белокрылых можно обмануть?

Оркестр встретил нас веселым тушем, хотя в пору было исполнять похоронный марш. Астматически сопящая, пошатывающаяся колонна уныло вползла в живой коридор из стражников с торжественно поднятыми алебардами и магов с волшебными обручами на широких лбах. Рубины в обручах вспыхнули красным. Лицо ближайшего ко мне кедошим, прежде красивое и улыбчивое, внезапно исказилось, словно он распробовал в брошенной за щеку горстке орехов мышиную какашку. Вот гёт. Я уже знала, что он сейгеш скажет.

— Нежить!!! — Гневно выкрикнул чернокрылый. — Она прячет под юбкой оружие!..и еще одного сообщника!

— А еще стенобитную машину, народное ополчение, взвод аморейских всадников верхом на слонах, а также обоз с провиантом и маркитантками. — Мрачно ухмыльнулась я, пытаюсь держать взглядом всех противников и одновременно не смотреть в глаза Асееру. У меня точно проблемы с головой. Неопытный новичок и тот озаботился бы маскировкой перед тем, как сунуться во вражий стан. Нет, а Шушуня, конечно, тоже молодец. Неужели она не чувствует нас? Может, покричать?

Стражники оттеснили перепуганную толпу, перегородив дорогу. Сверху доносился угрожающий шелест тысяч расправляющихся крыльев.

— Шушуна! Шушельга! — Заорал выкарабкавшийся из укрытия Тим, но тонкая фигурка уже скрылась за живой и очень недружелюбно настроенной изгородью. Изгородь медленно сжималась в кольцо, тесня назад и обрастая боевыми плазмоидами, как будто остро заточенных алебард было недостаточно.

— Подождите! Ханой! — Мальчишка побил свой предыдущий рекорд по жутким воплям и тут же поставил новый. — Это же я, Тимхо! Ты что, не узнаешь меня? Императрице грозит опасность! Мы должны с ней поговорить!

Как ни странно, сработало. Один из магов внезапно вскинул руку, делая шаг вперед.

— Стоять! Я сказал оставаться на своих местах, Алерия, Эртнар! Сгною в нижних ярусах! Кто посмеет тронуть этого человека, до утра не доживет! — Судя по гнусавому голосу, у него был страшный насморк. Судя по реакции, он не только узнал Митича, но и хорошо знал, кем тот приходится великой императрице. Кедошим бегло оглядел нас с Асеером, шмыгнул растертым до красноты носом, и снова уставился на Тима. Теперь я вспомнила его. Первый совтеник и по совместительству главный придворный маг, которого мы некогда прижали к ногтю в Западной Сторожевой Крепости.

— Императрице грозит опасность. — Повторил Тимхо, делая глубокий вздох перед каждым словом, будто боялся задохнуться. — Мы должны с ней поговорить.

Ханой на несколько мгновений зажмурился. Судорожно сглотнул, выпятив острый кадык, и, наконец, кивнул.

— Хорошо, мой господин. Возможно, вы появились как раз вовремя...

— Ханой. — Воспользовалась возможностью я. — Что за человек сидит справа от Шушельги?

Маг шмыгнул на меня с неодобрением, но не смолчал.

— Человек... эранский посол. Прибыл позавчера, чтобы подписать важный договор, но все не подписывает. Вот и таскаемся с ним, как с тухлым яйцом... Шушельга от этих переговоров сама не своя... странно, что ты спрашиваешь...

Мужчина досадливо отмахнулся, как бы отгоняя от себя недомолвки, резко обернулся и гнусавым, но от этого не менее грозным голосом, рявкнул.

— Пропустить!

* * *

Великая императрица Белогорья внушала восхищение, трепет, страх и кроме всего перечисленного лично у меня — жуткое желание съездить ей по шее, чтобы сбить это бесстрастно-надменное выражение. Словно к ней пришли не самые близкие люди на свете с вопросом жизни и смерти, а приперлись надоедливые проповедники новой веры с дешевыми лубочными картинками. Крылья ниспадали за плечами роскошным искрящимся плащом. Золотая, серебряная вышивка с россыпями драгоценных камней так плотно покрывала белую ткань платья, что последнее можно было спокойно использовать вместо доспеха. Точеная беззащитно тонкая шея. Завораживающе прекрасное лицо, почти совершенное в своей детской открытости. Если не считать одного изъяна — огромных черных глаз. Невыносимых. Недетских. Нечеловеческих.

Мы застыли в молчании, чувствуя, как тьма из этих глаз постепенно заполняет наши души. Уверенно. Сноровисто перебирает наши воспоминания, как неподкупный судья материалы дела. Напряженно молчание царствовало недолго. Шушельга резко поднялась.

— Непостижимо! — Воскликнула она с праведным гневом извозчика, который долго и подозрительно принохивался к пассажирам, а потом вдруг обнаружил, что у него сдохла лошадь.

— Теперь мне все ясно! Стража! Все сюда! Эти трое пришли сюда, чтобы убить меня! Уничтожьте их!

Тим пошатнулся, и если бы не Асеер, точно упал бы на месте. Я, все еще не веря своим ушам, уставилась на девчонку, но ее когтистый палец, обвитый массивным золотым перстнем, невоспитанно, но безапелляционно указывал в нашу сторону. Прямо агитационный плакат «Императрица-мать зовет». Ханой какое-то время колебался, закрывая нас собой, но инстинкт подчинения все-таки пересилил разум, и старший советник отступил за могучие спины сарим. Короче, праздничное настроение было подпорчено у всех. Правда эранский посол попытался было выдавить из себя торжествующую улыбку, но тут же скис, болезненно повиснув на спинке кресла. Очевидно, если бы он заранее знал, что к власти над миром прилагается отдышка, рябь в глазах, ломота во всем теле и головная боль, то ни за что не пошел бы в злые колдуны.

Ну, конечно! Чтобы управлять роем, ему не нужно было зачаровывать каждую пчелу. Достаточно подчинить себе королеву. Подсунуть ей побрякушку через третьих лиц — раз плюнуть. Но кровь! Как он раздобыл королевскую кровь? Тут я вспомнила перебинтованные запястья Тимхо, и все сразу встало на свои места. Так вот

почему Шушуна так сильно боялась за единокровного брата. Упади небо! Общая кровь! Это же самое очевидное решение! Озарение наскочило на меня одновременно с бравами алебардистами.

Я лихо задрала юбку. Сарим притормозили. Кто-то удивленно вскинул брови. Кто-то с интересом вытянул шею. Кто-то наоборот опасливо зажмурился, заподозрив меня в применении секретного магического оружия. Но этих мгновений хватило, чтобы охотник с учеником добыли наш арсенал.

Да уж, мои старые грязные сапоги — то еще зрелище, но не то, которое разит наповал. Судя по тому, с каким энтузиазмом стражники возобновили наступление, самым опасным врагом, с которым беднягам приходилось воевать в последние годы, была замковая моль. Вон вязочки на доспехах все пожеванные. Плюнешь — рассыплется.

Я плюнула. Струей раскаленного воздуха. Освободившиеся от пут доспехи с ликующим грохотом посыпались вниз. Следом, неуклюже раскинув крылья, повалились сконфуженные и опаленные стражники в истлевающем исподнем. Впрочем, их тут же сменили новые бойцы. Яростные, бесстрашные и готовые на все. Особенно выделялся статный рыжебородый красавец, летящий впереди всех с занесенной алебардой.

Я бросилась навстречу с расprostертыми объятиями. Поймав древко как раз чуть выше и ниже его крепких мускулистых рук. Бородач уставился на меня с недоумением: «чего, мол, эта вздорная баба еще удумала?». Ничего особенного. Обворожительная улыбка. Небольшое усилие. Выкручивающие движение с двух рук. И вздорная баба становится счастливой обладательницей новенькой алебарды!

Тимхо и Асеер, примкнувшие друг к другу в боевых стойках смотрелись внушительно. Наверняка заранее отработывали. Мальчишка прикрывал спину учителя, сжимая рукоять меча обеими ладонями. Охотник держал по мечу в каждой. У меня вырвался уважительный смешок. Хороший обоерукий боец — большая редкость и больше несчастье, для противника. Не знала, что беловолосый настолько одарён. Пожалуй, в близком контакте мы будем мешать друг-другу и сами себе.

Подоспевшие стражники попытались поразить меня своей «тяпочной» техникой, враз напомнив логовских старосту и деда Шповника, пытающихся отогнать веслами кусучего овода. Оружие у нас было одинаково хорошее. С наконечником в виде широкого загнутого на конце сабельного клинка, явно предназначенное не для показушных церемоний. Но пользовались мы им решительно по-разному. Немного поупорствовав, сарим ненадолго оставили меня в покое, упокоившись вокруг неприглядной, но удобной заградительной полосой.

Асееру с Тимом приходилось тяжелее. Искусство фехтования на мечах подвластно не многим, а вот зазвездить по башке с безопасного расстояния из-за горки трупов может любой новичок. Вот только сарим новичками не были. Мальчишка секущим ударом вспорол прущему на него здоровяку горло, и тут же в ужасе зажмурился, закрываясь локтем от кровавых брызг. Однако раненный внезапно передумал помирать, как, впрочем, и падать. Он замахнулся, чтобы снести дурную голову малодушного противника... и сложился пополам от удара в селезенку. Дингир-ур отвесил ученику пинок под зад, и что-то сердито закричал. Очумевший от страха и нехватки воздуха Митич закивал, поджимая бескровные губы. Происходящее больше не казалось ему захватывающим приключением. Сколько он еще выдержит. Пять, шесть ударов?

Я хотела придвинуться ближе, но волна стражников накрыла меня с головой, заставив позабыть про все на свете. Время сделалось вязким, обволакивающим, как в страшном сне. Но страшно было не одной мне. Алебарда — это не только острое лезвие, но и длинная палка. Верный боевой посох. Вращение. Навзлет. Наотмашь. Отвлекающее движение. Тычок. Распоротый живот. Жаркий полдень, как же тяжело дышать! Это не моя война. Они ни в чем не виноваты, они не должны умирать. Но мы тоже ничего никому не должны.

Навзлет. Наотмашь. Темнеет в глазах. Пропускаю удар в спину. Не смертельно. Вращение. Блок. Подсечка. Взметнувшееся облако перьев. Прыжок. Защита. Вот куда он лезет?! Оглушить бы его, совсем еще молодой. Но я слишком измотана, чтобы думать. Я не успеваю. Удар под самый шлем. Отсеченная голова падает на грудь тел, скатывается мне под ноги и выпяливается оттуда удивленным взглядом голубых мальчишеских глаз. Чья-то непоправимая беда. Прости. Ты ни в чем не виноват, ты просто не можешь не подчиниться приказу.

Кровь. Пот. Требуха. Дерьмо. Голова, как колокол. Тело, как старая половая тряпка. Нет ничего красивого в сценах сражения. Защита. Наотмашь. Навзлет. Направо. Налево. Разворот. Наотмашь. Кровь. Гёт, как же много крови... как мало воздуха...

Неожиданно меня вынесло к Асееру. Охотник сумасшедшей мельницей кружился вокруг зажимающего кровоточащее плечо мальчишки. Теперь дингир-ур не отражал удары противников, не отталкивал, а наоборот затягивал их под лезвия мечей, словно в мясорубку. Кто-то полоснул меня по правой руке, перебив внешние сухожилия. Кровь забила, как из центрального ниппурского фонтана. Я запнулась и хлопнулась на зад, прижимая к груди нерабочую лапку. Чья-то заботливая рука тут же захватила мне кулаком по затылку. Перед глазами за клубился тошнотворный туман. Зато сзади раздался искупительный вопль. Чему вас только в казармах учат? Череп гораздо крепче кулака, особенно, если это череп игига. Любой удар кулаком по затылку сидящего приведет, как минимум, к перелому кулака. Я перемахнула через Порог, и наобум вынырнула по другую сторону между охотником и его

учеником, вдарив по врагу замысловатым оглушающим заклинанием.

Еще не приземлились отлетевшие сарим, Асеер еще не закончил короткое ругательство в адрес лезущих под меч игигов, как нас уже атаквали маги. Я не стала изобретать колесо, да и не успела бы. Резко повела руками, меняя все заклинания на одну мощную волну и посылая ее в обратном направлении. В следующее мгновение зал украсился авангардными композициями из обездвиженных тел. Но передышки не получилось. Успевшие отразить удар кедошим (а Ханой молодец, умеет не только учиться на своих ошибках, но и учить других) спешно плели другие, более хитрые чары, а по наши души уже со всех сторон мчалось сизое облако стрел.

К вящему удивлению публики, вместо того, чтобы превратить цели в дохлых ежей, стрелы сбились в стаю, сделали вокруг нас круг почета и неожиданно свернули в сторону.

— Умбра, нет! — Тим с воплем повис у меня на руках, но было поздно, смертоносное облако уже несло в сторону императрицы. Расчет был на то, чтобы отбить у стрелков желание палить почем зря, и еще на то, что застать врасплох Повелителя Цеву невозможно. Но в последний момент я не выдержала и тоже заорала, от страха, что у меня все-таки получилось. Мой вопль подхватили все остальные, включая колдуна. Единственными, кто сохранил спокойствие, были Асеер и сама повелительница. На детском лице не мелькнуло и тени эмоций, когда скулящий от страха злодей нырнул под стол, когда стрела выбила глаз бросившейся на ее защиту молоденькой кедошим, когда, хрипя и истекая кровью, повалились на пол семеро серафим из личной охраны, и даже когда заточенные до рези в глазах жала замерли, едва не касаясь ее смуглой кожи, а потом с шелестом осыпались вниз.

Вопль ужаса сменился угрожающим рёвом. Не дожидаясь приказа, обезумевшие от злости сарим покидали свои ниши, чтобы сплясать на костях жалких людишек, посягнувших на святое святых — жизнь их госпожи. С грохотом распахивались двери, со звоном разбивались окна и стеклянный потолок, не в силах сдержать штурмовые отряды. Сверху штормовой воронкой сворачивалось бескрайнее ржаво-рыжие марево, мчась вниз со скоростью атакующей имперской армии в полном боевом снаряжении. А мы стояли в центре зала, словно в глазу разверзающейся бури. Хотя у меня на этот счет имелись скорее проктологические нежели офтальмологические ассоциации. По сути, вопрос был только в том, долго ли мы продержимся, до того, как сюда нагонят теток со швабрами, чтобы отскрести наши останки. Но я собиралась дать уборщицам отдохнуть, как можно дольше. Вытащила за древко бесхозную алебарду, лихо крутанула над головой, разминая здоровое запястье, и ободряющее улыбнулась Тиму.

Каково же было мое удивление, когда он внезапно отшвырнул свой меч.

Следом полетели клинки охотника.

— Мы так решили. — Митича колотила нервная дрожь, но взгляд оставался твердым и осмысленным. — Мы все равно погибнем. Но ведь они в этом не виноваты. Их кто-то любит, ждет...

— Они не должны умирать. — Закончил за него Асеер, глядя на меня так, словно он был святым проповедником, а я жутким кровожадным монстром, собравшимся коварно и безжалостно перерезать безобидную императорскую армию.

— Во, придурки!

Нет, они точно dokonают меня своим великодушием. Благородные олени. Таким героям только и осталось место, что в заповедниках или сказках. В реальном мире сражаются до последнего, пока кишки не вывалятся, а не скидывают лапки при виде каждой вселенской несправедливости. Ну да, этот грабитель с окровавленным топором ни в чем не виноват, у него просто не хватало денег купить подарок на матушкины именины. Прекратите вырываться, людоед уже старенький и больной, ему нельзя волноваться. А эти милые добрые ангелу просто не могут послушаться приказа. Повиновение императрице у них в крови, сидит глубже, чем плотательный рефлекс. Конечно, легко оправдываться чужими приказами! Давно пора научиться своей головой думать...

Я злобно тренькнула алебардой об пол, собираясь подойти ближе. Но примкнуть к рядам героев мне было не суждено. В глазах неожиданно потемнело. Прощай, сознание. Похоже, мы расстаемся навсегда...

Ага, как же. Я пришла в себя оттого, что стала задыхаться. Мой отчаянный хрип вспугнул облачко перьев, суетливо закружившихся в приглушенном золотистом свете. Пока непонятно, уже в том или еще в этом...

На подземное царство не похоже. Но и императорский зал, признать было сложно. Все вверх дном. Обломки. Обрубки. Осколки. Пыль столбом, словно разом встряхнули все дворцовые ковры. Или словно случился мощный магический взрыв...

Сверху раздался дикий вибрирующий визг, пробрав меня до мозга костей.

Над головой пронеслась императрица Белогорья с мечом в одной руке и черной звездой заклинания в другой, голося, как подбитая чайка, получившая под зад метко брошенным ботинком. За ней с уробным боевым гиканьем проследовала вся остальная крылатая ватага. Куда это они?

Сквозь огромную дыру в стене, как раз за тем местом, где раньше сидел эранский посол, а теперь лежала груда камней, с любопытством заглядывали последние лучи солнца. На светлом фоне закатного неба отчетливо вырисовывался темный человеческий силуэт. Руки в карманах. Сутулые плечи. Чуть опущенная голова. С первого

взгляда можно подумать, что он просто проходил мимо и решил заглянуть из праздного любопытства.

Первое впечатление обманчиво. Я попыталась вскочить, но правую ногу внезапно свела такая жуткая боль, что потемнело в глазах. Успела увидеть только, как вся громада имперского войска обрушивается на этого одинокого маленького человечка.

Когда зрение вернулось, войска уже не было и в помине, а самая могущественная волшебница Белогорья бессильно висела в магических силках, распятая над камином, словно трофейное чучело гигантской птицы. Человек даже не вытащил руки из карманов. Он задумчиво поддел носком сапога торчащую из груды камней руку с золотым перстнем и лениво перешагнул через труп. Ему не привыкать.

Удрать в тень не получилось. Порог с хладным презрением отбросил меня назад, впервые за много лет не позволив даже приблизиться. Новая попытка подняться не принесла ничего, кроме боли. Я нервно всхлипнула и отбросила в сторону юбку. Гёт. Коленная чашечка была жутковато вывернута кнаружи, словно под кожу сбоку заснули острый черепок разбитого кувшина. Гёт! Да какая в принципе разница?! Даже если бы у меня были еще три запасных ноги, бежать все равно бесполезно.

А он шел медленно, глядя прямо перед собой. По привычке, не из-за боязни споткнуться. Вещи и мертвецы отползали с дороги с вежливой предупредительностью, как живые. Живые, рискнувшие загородить ему путь, быстро раскисались. Создавалось впечатление, что этот спокойный задумчивый человек вообще не имеет никакого отношения к происходящему, просто какая-то неведомая сила безжалостно косит крылатый народ направо и налево.

Сайтас сильно изменился за это время. Как будто постарел. Шикарная иссиня-черная шевелюра поседела, сдав центральную позицию обширной лысине. Но его просто невозможно не узнать. Холодный ветер, болевой шок и дикий ужас сделали свое дело. Меня начало лихорадочно трясти.

Страх и отчаяние. Потрясающее малодушие, даже для меня. Но других чувств не было. Я так давно ждала этой встречи, что продумала все возможные сценарии, составила сотни блистательных остроумных речей, но, как назло, теперь не могла вспомнить ни одну. Единственное, что тебе осталось, Умбра, — это молча тарашиться на приближающегося Хозяина, и надеяться, что у тебя не совсем уж убогий вид. Неожиданно Сайтас пропал из виду, заслоненный чьей-то широкой спиной. Я удивленно моргнула, впервые за все время. До меня никак могло дойти, что происходит. Мысли металась по кругу, как взмыленные лошади по загону. Но когда дошло...

— Гёт, Асеер!!! Пошел вон!!! Ищи себе другое место для ритуального самоубийства, урод!

Белокосый дернулся, будто от затрешины, но не обернулся. Лишь крепче сжал кулаки. Его трясло едва ли не сильнее меня. Изодранная рубашка пузырилась от крови.

— Асеер, пожалуйста. Я себе никогда не этого прощу... подумай о Тиме!

Стоило только помянуть, как тот не замедлил явиться. Выполз откуда-то сбоку со Стрекозой подмышкой и заботливо вложил ее в руку учителя. Хозяин не замедлил шаг. Но посмотрел с легким недоумением. Стоящая перед ним тройца даже на самый непредвзятый взгляд смотрелась жутко несообразно, и больше всего подходила для рекламы ритуальных услуг. Истекающий кровью, задыхающийся мужчина. Бледный, как сама смерть, мальчишка с синими губами и бесплотный призрак.

— Сайтас, не трогай их!

Конечно, он не послушал мое мнение, но, как ни странно, учел. «Испепеляющий зной» уже в пути перестроился в универсальный парализующий «Сон праведника». Тимхо отшвырнуло в сторону. Зато Асеер к всеобщему удивлению устоял. Лайдэ-дзи отразила удар, разразившись в ответ такой грязной бранью, что хватило бы на целую гильдию раненых при исполнении профессиональных обязанностей сапожников.

Колдун остановился. Приподнял бровь и ради эксперимента нанес еще один несильный удар, изменив заклинание на боевое. Энергия светящимися струйками стекла по лезвию меча, рассыпавшись у рукояти снопом тусклых, безвредных даже для старой ветоши искр. Стрекоза снова выдержала, правда браниться перестала.

Сайтасу надоело. Охотник вскрикнул и рухнул лицом вниз. Я снова попыталась вскочить. Снова упала. Снова ослепла от боли. На этот раз ненадолго. Хозяин стоял на прежнем месте, наблюдая, как дингир-ур подрывает догматы боевой магии, пытаясь подняться после такого удара, после которого не смог бы оправиться ни один человек. Асеер смог даже удерживать перед собой меч. Правда, раскачивался с ним во все стороны, как тростник на ветру. Рана на лице снова открылась. Теперь дингир-ур был покрыт кровью с головы до ног, и имел удручающий вид. Всем, а уж альбиносу яснее всех, было понятно — единственное, на что ему можно надеяться в предстоящем поединке — что колудна укачает или тот впадет в гипнотический транс.

Сайтас впился в охотника своим жутким, ничего не выражающим, пронизывающим насквозь взглядом. Никому еще не удавалось понять, что за ним скрывается. Одобрение, упрек, ненависть, раздражение, скука, интерес, оправдание, приговор, издевка...

— Что, любишь ее?

Асеер удивленно вскинул голову, тщетно пытаясь прочесть хоть что-нибудь по бесстрастному, мертвенно

неподвижному лицу колдуна. С вызовом расправил плечи, надежнее перехватывая рукоять Стрекозы.

— Люблю.

Я позабыла обо всем на свете, уставившись на охотника так, что едва глаза из орбит не вылезли. Но тыльная часть альбиноса хранила гордый нейтралитет, никак не подтверждая и не опровергая сенсационное известие.

— Ну, так женись! — Неожиданно рывкнул Сайтас и еще более неожиданно рассмеялся. — Ты мне нравишься. А то уже внучат понянчить хочется! Дожил, понимаешь, до седых плешей....

Щедрое предложение ошарашило Асеера настолько, что тот позволил колдуну по-отечески хлопнуть себя по плечу и беспрепятственно прошествовать мимо. Внутри меня все разгорелось и заскреблось от нехватки воздуха, прямо как тогда, когда я тонула в Нефритовом Озере. Оказывается в небе тоже можно утонуть...

Кроме всего, в глазах стало двоиться, сделав реальность страшнее любого кошмара. Теперь надо мной стояли целых два Сайтаса. Два колдуна смотрели на меня четырьмя круглыми рыбьими глазами, тянули ко мне двадцать скрюченных пальцев.

— Умбра, деточка моя! Как же ты меня напугала...

Это была даже не последняя капля. На голову, с ревом обрушился весь мировой океан. Я закатила глаза и с большим удовольствием потеряла сознание. Еще бы. Если такие ужасы мерещатся, его вообще пора выбрасывать.

Есть одна байка про мерзопакостного кота, который, сколько его ни прогоняли, ни продавали, ни сбрасывали в мешке в воду, ни отвозили в лесную чащу, все равно возвращался домой. Видимо мое сознание тоже имело дурную привычку постоянно возвращаться в это несчастное тело. Впрочем, возвращение было приятным. Тепло. Светло. Мягко. Кто-то заботливо поправляет одеяло и гладит по голове. Вероятно, в такие моменты первым делом вспоминаешь о маме. Но мне вспоминать некого. Матерью мне был Сайтас. Матерью, отцом, злобной уродливой сводной сестрой, капризным младшим братом, строгой училкой, ворчливым дедом, вредной свекрухой, и занудным соседом. Среди моих знакомых катастрофически мало тех, кто бы предпочел гладить меня по голове, а не снимать с нее скальп. Гёт, в глаза, словно песка насыпали. Сплошные размазанные пятна.

— Таким образом, поверхностная реверберация от данного заклинания в процентном отношении составит...

От испуга мозг разом навел такую резкость, что, при желании, можно было бы со ста шагов попасть белке в глаз. Темная заостренная мордочка с острыми ушками как раз заглядывала через круглое окно напротив. Но увеличение популяции одноглазых белок сейгеш интересовало меня меньше всего. У окна стоял Хозяин. Увидев, что я очнулась, он замолчал, поправил съехавшие на нос очки и улыбнулся, небрежно махнув ладонью. Белка, оказавшаяся на самом деле бортовым самписцом^[38] понятиливо кивнула и оперативно смоталась с глаз долой.

— Умбра, деточка моя! Как же ты меня напугала...

Зато ты меня больше не пугаешь. Даже этими своими новыми благодушными улыбочками.

— Эту песню мы уже слышали. Где Тим, где Асеер? Что с Шушуней?!

— Грубишь. — Колдун присел на далекий край огромной кровати, заставив меня инстинктивно поджать колени под самый подбородок. — Значит, уже почти выздоровела. Не волнуйся, твои любимцы дрыхнут... без задних ног. Да шучу я, успокойся. Ноги на месте. Двое суток тебя караулили. Только к полудню заснули. В соседний отсек переместил. Девочка осталась во дворце. Она уже почти оправилась от подчиняющего заклинания. Руководит восстановительными работами...обещала навестить сразу, как освободится... смотрю, ты уже успела обзавестись целой семьей...

Закончив эту странную обрывистую тираду, Хозяин водрузил очки на макушку, помассировал переносицу, и долго молчал, потирая ладони.

— Не молчи, древний идиот! — Внезапно вклинился знакомый ворчливый голос. — Опять тебя развезло, дуралей плешивый.

Справа от колдуна появилась возмущенная Стрекоза. Я ужаснулась, и в то же время восхитилась ее идиотскому нахальству. Тут одна интонация тянула на малоприятную и весьма скоростижную кончину. А может, душа просто устала влачить свое вредное существование.

Однако вместо того чтобы испепелить нахалку на месте, Сайтас неожиданно смутился. Потупился, как нашкодивший послушник перед настоятелем храма. Было дико видеть его таким. Взволнованным. Смущенным. Растерянным. Вопреки здравому смыслу, я даже почувствовала укол жалости. Да что же к ушам удужим происходит?

— Что тебе нужно?

* * *

— Морской воздух оказывает благотворительное влияние на организм. Самое время потрепать по загривку Диайский залив. — Теперь голос Хозяина был нарочито весел и резок, его бросало из крайности в крайность. —

Сейгеш там самый разгар лета. В Тарзилеге, куда мы как раз держим курс, прекрасные живописнейшие виды, в которые легко впишется твоя художественная мастерская, и богатые почвы, идеально подходящие для моего коллекционного сада, не говоря уже о чудесных гротах для лаборатории...

— Я спросила...

— Думаю, если с позволения императрицы активно задействовать местное население, то новый замок получится построить лет так за...

— Сайтас!

— Давай, скажи ей! — Хищно сузила глаза Стрекоза. Мой колдун показал ей кулак, но вредная душа только пренебрежительно надула щеки, поводя пухлым плечом. Старая гримза очевидно кокетничала. А гнусный хрыч явно старался ей угодить. Жаль, что эти двое не встретились раньше. Они идеально друг другу подходили. Как молот и наковальня, понос и золотуха. В этот момент я внезапно и окончательно перестала бояться.

— Раньше я думал, что ты самое неудачное из моих творений. — Заговорил Сайтас. — Производственный брак. Сбой в процессе. С заданиями ты всегда справлялась идеально, но эти твои самостоятельные вылазки, воровство моих вещей, шуточки, от которых у прислуги волосы на голове дыбом вставали. Вечные попытки выйти за рамки, нарушить правила. Поиски истины, справедливости, красоты и прочей ерунды... все это жутко меня раздражало. Я даже несколько раз был недалеко от мысли тебя утилизировать... но... когда ты исчезла из моей жизни, я понял, что ты была не просто спесивой тенью, в тебе отражалось все лучшее, что было во мне, все, что я когда-то любил и про что успел забыть много столетий назад... Умбра, если бы у меня была дочь, я бы хотел, чтобы она была похожа на тебя...

Он поднял глаза, и в них тусклым блеском отразилось отчаяние.

— Ты меня ненавидишь? — Спрашивали они.

— Тебе не нравится Тарзилега? — Спросил он.

К горлу подкатил горький комок. Я вдруг отчетливо поняла, что обладаю властью над этим человеком. Такой же, как он надо мной. Все-таки мы две половинки одного целого, а уж как и во что там все дальше сложится, лучше не думать...

— Нет... — Одними глазами ответила я. Это было правдой. Я его никогда не ненавидела. Я всегда ненавидела только себя.

— Нет, почему, нравится. Только не в качестве постоянного места проживания.

Колдун торжествующе поджал губы, и тут же быстро добавил, закрепляя результат.

— Вы могли бы навещать старого больного колдуна время от времени. Ты и твоя семья.

— Хватит уже называть их моей семьей. Мы просто...

— Хватит уже врать. Не повторяй моих ошибок, Умбра. Ты же любишь этих детей, как собственных. А они тебя. Вы нужны друг другу. А если ты надумаешь опять трусливо сбежать и бросить их, как в прошлый раз... — Он нехорошо улыбнулся, приоткрыв губы, снова став похожим на себя прежнего. В прозрачных глазах плеснулась крупная зубастая рыбина. — Тогда я с тобой поговорю особо!

Я сочла за лучшее промолчать, предчувствуя, что прежние придирки злого колдуна были цветочками, и это превращение в доброго заботливого волшебника еще вдарит по моей жизни годовым запасом бахчевых.

— О материальной стороне дела можешь не волноваться. Я лично позабочусь, чтобы у вас все обстояло благополучно. — Душевно допел Сайтас. И вдохновенное выражение его добродушной морды мне весьма не понравилось. Уж если Хозяин загорался какой-то бредовой идеей, то отдавался ей целиком, уступая в разборчивости средств и деликатности разве что несущейся на всех парах горной лавине или тропическому урагану. Этот позаботится. Да помогут нам боги...

— Кстати, а что с мальчиком? — Вклинилась Стрекоза, бесцеремонно прервав токование колдуна о нашем счастливом будущем под его куцым, но крепким крылом. И опять ей, нахалке, ничего за это не было.

— А что с Тимом? — Спросила я, радуясь перемене темы.

— Причем здесь Тимхо? Я говорю о своем мальчике, об Асеере! — Лайдэ-дзи сентиментально сцепила пальцы, не обращая внимания на иронические ухмылки. — Я привязалась к нему, как к родному. Вежливый. Послушный. Хозяйственный. Между прочим, он хорошо готовит. На арфе умеет играть. А уж как красиво поет... только разве же это, кто знает? Подойти даже бояться. Но я их понимаю. И тебя понимаю, сама такая была. Девушкам все блестящее, красивое нравится, а тут немощ бледная, глаза красные, удужьи. Волосы, точно инеем выбелены. Одним словом, урод...

— Он не урод! Асеер самый... — Я прикусила губу и потупилась, понимая, что выдала себя с головой.

— Ну-ну, — угрожающе нависла Стрекоза, припирая меня к подушкам. — Признавайся, я ведь все вижу. Он тебе нравится?

— Нам ты можешь все рассказать. — Мягко поддержал ее Сайтас.

— Больше, чем живопись. — Отпираться было стыдно и бессмысленно. Прятать чувства от этих двоих — все

равно, что прикрываться мочалкой в общественных купальнях. — Только никому не говорите!

В этот момент дверь открылась, впуская объект обсуждения в компании кучерявого ученика. Я умоляюще поднесла ладони ко рту. Колдун и Лайдэ-дзи понимающе закивали. А потом, как ни в чем не бывало, обернулись к Асееру и в один голос объявили.

— Она сказала, что тоже тебя любит!

Повесилась тишина. Сердце сжалось, ожидая, что вот-вот произойдет нечто непоправимое. Например, что он развернется и уйдет. Или, упав небо, рассмеется. Или скажет что-нибудь обидное. Или глупое. Но Асеер ничего не сказал. Только легонько подтолкнул Тима в спину, и они продолжили наступательное движение, как ни в чем не бывало. Мальчишка тут же плюхнулся на ковер, охотно подставив лохматую макушку под мою ладонь. Дингир-ур медленно склонился над одром, заставив все внутри замереть. От раны осталась только тонкая розовая полоска поперек лица. Скорее всего, этот шрам уже никогда не исчезнет, но с ним охотник нравился мне даже еще больше, если такое, конечно, возможно. Я зачарованно потянулась навстречу. Именно в такие моменты герои баллад сжимают друг друга в жарких объятиях и сливаются в страстном поцелуе под проникновенное треньканье арфы. Тренькнули натянутые нервы. Дингир-ур взял меня за подбородок, потрогал лоб, деловито, чуть сжимая пальцами кожу, повернул мою голову вправо-влево, поочередно оттянул нижние веки с возмущенно вытаращенных глаз, и, удовлетворенно хмыкнув, присел рядом, обняв вместо меня подушку. Неудержимо захотелось наплевать на свидетелей, выдернуть из-под этого наглого мешка с костями проклятый мешок с перьями и придушить первого вторым. Какой позор, я ревную его к своей же подушке. Обманутая героиня душит коварного изменника своей более удачливой соперницей. До такой развязки еще не додумался ни один виршеплет.

— Мы уже приземлились в Тарзелеге! — Радостно поведал Тим, не обращая внимания на мое помрачневшее лицо. — Мы только что встретили повара. Они отправились накрывать стол на берегу залива. Сайтас сказал, можно пожить на корабле, пока ты не поправишься. А еще он обещал научить меня управлять шемом, правда же?

— Правда. — Кивнул колдун. — Можем начать сразу после ужина, если, конечно, твой учитель не возражает.

— Не возражает. Считаю, что у тебя каникулы.

Выпущенный на волю мальчишка тут же вцепился в Сайтаса, аки голодный волчище в агнца. Скоро комната наполнилась свитками, пыльными томами, разноцветными трехмерными моделями компонентов корабля и гнусавым голосом ораторствующего колдуна. На меня его гнусавые монологи всегда действовали, как обух по голове. Глаза стали закрываться сами собой. Из полудремы лишь изредка выдергивали восхищенные возгласы Тима и пререкания Сайтаса и Стрекозы. Последняя в шемах разбиралась, как свинья в достижениях суконно-камвольной промышленности, но упорно мнила себя специалистом по всем вопросам, и не упускала возможности вставить свое острое словцо. Из темноты выскакивали отрывки сюрреалистических картин.

Бранящаяся Стрекоза.

Колдун с мальчишкой ползают по ковру, тыча пальцами в развернутый чертеж — со стороны это выглядит так, словно они охотятся за тараканами. Бранящаяся Стрекоза с видом полководца указывает, куда ползти.

Сайтас и хохочущий Тимхо висят вниз головой. Бранящаяся Стрекоза требует, чтобы они немедленно спустились.

Раскрасневшийся Сайтас вдохновлено ораторствует. Стрекоза оппонирует. Оставленный без прсмотра Тим тянется к висящему в воздухе черному ящику.

Комната заполнена густым дымом. Из дыма раздается дикий хохот, выглядывает крокодилий хвост, сверкают молнии. Кто-то низким гортанным голосом напевает непристойные частушки.

Потом все внезапно исчезает.

Появляется Стрекоза. Она трясет в воздухе кулачками и ругается, но из ее рта не вылетает ни слова.

Сайтас победно улыбается и грозит Тиму пальцем. Тим густо краснеет.

Когда я снова проснулась, в комнате никого не было. Гладкое совершенство ночной темноты нарушала только синяя заплатка окна, пришиленная острыми булавками звезд. А вдруг ничего вообще не было? Асеер, Шушуня и Тим лежат мертвые в разрушенном императорском дворце. А вдруг никого из них в моей жизни вообще не было. Вдруг все это мне просто приснилось... и теперь я снова проснулась в своей старой комнате в замке колдуна. Кровь в моих жилах застыла, превратившись в острый безжизненный лед. Никогда мне еще не было так страшно... и так холодно...

Рядом кто-то тихо зевнул и потянулся.

— Кажется, мы проспали ужин. — Сказал он хриплым ото сна голосом, и холод сбежал, трусливо поджав хвост. Я повернула голову. Щека уткнулась в мягкие шелковистые волосы. Надо же, а на вид, они казались такими грубыми.

— Прости. Сам не заметил, как заснул. — Асеер широко зевнул, скомкав последнее слово. — Я пойду, а то еще не побрезгуешь, на голодный желудок.

— Не волнуйся, ты не в моем вкусе. — Фыркнула я. — На ужин предпочитаю хорошо прожаренных

праведников с бокалом горьких слез прекрасных непорочных дев или на худой конец запеченных в собственных доспехах рыцарей без страха, упрека и нехороших заразных заболеваний...

— Удивительно, как ты протянула до столь преклонных лет, на такой жесткой диете. — Дингир-ур потянулся, заложив руки за голову. — С праведниками и прекрасными непорочными девами в этом году, как никогда туго. Даже самые радикальные адепты черных культов переходят на козлов и черных петухов. Зато рыцарство напротив переживает расцвет. Вот как раз недавно в пограничном королевстве Флавии был образован новый орден «Слепой отваги». Три десятка рыцарей поклялись на развалинах фамильного замка своего сюзерена... который, кстати, сами в пьяном угаре и разнесли... что ни ветер, ни боль, ни опасность, не заставят их разомкнуть правый глаз, пока не падут стены города Тарзилега, попирающего святые флавийские земли. То есть перекрывающему все пути контрабанды дешевого имперского вина.

— И что? — Искренне заинтересовалась я.

— Героев вел магистр Жан Базил дэ Торэдо Отважный. Как полагается старшему, он принял двойной обет, распространив его на оба глаза. Поэтому путь рыцарей был труден и долог. Наконец, разнеся для тренировки еще несколько родных сел и трактиров, орден двинулся на штурм вражеского города. Впрочем, ободряющий душ из горячей смолы и град стрел быстро заставили взглянуть на ситуацию трезвым глазом. Атака едва не захлебнулась еще в самом начале, когда высокородный магистр Торэдо по невнимательности своего оруженосца упал в ров с водой. Дальше дело пошло не лучше. Баллисты, осадной амуниции магических артефактов или хотя бы хорошего запаса провианта отважные рыцари с собой не захватили. После нескольких неудачных атак, большинство из которых к восторгу защитников даже не достигали крепостных стен (магистр постоянно норовил увести наступление не в ту сторону, а рыцарский кодекс не позволяет оставить своего господина) нервы у нападающих начали сдавать. В дружных рядах то и дело разгорались скандалы и вспыхивали междоусобные потасовки. Ближе к полудню на крепостных стенах стало не протолкнуться. Осажденные азартно болели за полюбившихся героев, делали ставки, покупали пиво и пирожки у вездесущих лоточников. К вечеру большая часть отряда еле передвигала ноги, но никто ни на мгновение не нарушил священный обет, чему активно способствовали вдохновенные речи магистра и заплывшие от синяков веки. И только поздней ночью, когда орден лишился своего предводителя, расшибившего лоб о камень, на общем совете было решено совершить стратегический маневр в сторону близлежащего леса. Всем известно, что рыцарь и отступление — понятие несовместимые, поэтому рыцари сели в засаду в приграничном флавийском погосте, грабя и третируя местных жителей, в тайне надеясь дожидаться, когда стены Тарзилеги падут под напором какого-нибудь страшного урагана, коррозии или хотя бы за ветхостью лет.

Я бурно возрыдала над печальной судьбой благородных рыцарей. Смеяться сил уже не было. Перед глазами так и стояла реалистичная картина: темная южная ночь, крепостные стены Тарзилеги, сверчки, и грязные патлатые мужики с загадочным прищуром, втихую выковыривающие цемент из каменной кладки.

— Флавийские менестрели строчат баллады о многолетней героической осаде Тарзилеги, а пограничные крестьяне — жалобы королю Рудуарду Мудрому, моля урезонить прожорливую банду «кривых разбойников», но король не решается открыто пресечь великий подвиг, опасаясь гнева других рыцарских орденов. В прошлом году императрица Белогорья получило секретное послание от соседского правителя с просьбой о помощи. Шушельга обещала поддержку, но до сих пор отгораживается более важными делами. Кстати, чтобы получить благословение свыше, некоторые братья по оружию решили дать еще и обет молчания. Представь, как тебе повезло. Настоящие рыцари всего в паре шагов отсюда. Полузрячие, безмолвные, откормленные на отобранных крестьянских харчах, да еще и разрешенные к отлову главами обоих государств. Лучше не придумашь. Подкараулишь их по одному. Так и быть, я подержу, а ты в это время...

— Все, прекрати! — Застонала я, хватаясь за левый бок. — У меня, по-моему, сердце прихватило.

— Вот. Будешь знать, как притворяться бессердечной тварью.

— Сутяга!

— Ханжа.

— Брюзга!

— Симулянтка.

— ... Асеер...

— Да? — Его голос мгновенно стал серьезным.

— Мы с тобой должны того...

— Того? — Вкрадчиво переспросил охотник. Таким тоном, что я залилась краской по самые уши.

— Seriously поговорить. — Сказала и тут же пожалела. На самом деле у меня не было ни малейшего понятия, как и о чем следует говорить в таких ситуациях. Ну, точно, опять все испортила. Лучше бы молчала.

— Будем клясться друг другу в вечной любви и давать священные обеты? — Саркастично улыбнулся Асеер. — Давай. Ты какой глаз выбираешь, правый или левый?

Я хрюкнула, уткнувшись лбом в его плечо, представив реакцию местных жителей, когда они узнают о

появлении еще одного кривого ордена. Смех в два счета вытеснил неловкость. Упало небо, как же легко с этим человеком. Свободно.

— Кстати, Асеер по-шумберски означает предсмертный крик. Но ведь это храмовое прозвище. Как тебя зовут на самом деле?

— Мама и сестра называли меня Тильхор. Если хочешь, ты тоже можешь меня так называть.

— Тильхор. Тиль. Облако. Тебе очень подходит. — Похвалила я. — Давно хотела тебя спросить. Но всегда было как-то неудобно....

Дингир-ур рывком подтянул меня к себе так, что мы оказались лицом к лицу. Подушка просто посинела от зависти.

— А теперь?

Я, молча, провела кончиками пальцев по тонкому полумесяцу шрама. А теперь...

Теперь мне было и море по колено, и горы по плечу и даже Сайтас со Стрекозой, нагло подслушивающие под дверь, до лампы.

Всемогущий властелин Ританской империи торжественно шествовал к выходу, так ослепительно сверкая драгоценностями, шелками и оружием, что следующей за ним свите приходилось невольно прищуриваться. Можно было подумать, что император напялил на себя сразу всю казну из опасения, что ее сопрут в его отсутствие. Только войдя в живой коридор из стражников, властелин отважился вытереть выступивший на лбу пот и, наконец-то, перевести дух, равнодушно скользнув взглядом по нависающим над его головой алебардам. Оставшаяся за спиной тринадцатилетняя девочка страшила его намного сильнее, чем какая-то толпа воинов и магов, замершая в полной боевой готовности. Юный кедошим Аджой гордо расправил плечи, принимая полагающийся грозный вид, и тут же малодушно опустил глаза, чтобы проверить, что золотой орел «за отвагу» действительно висит на его груди. Стоящая напротив него наставница Ерия только понимающе улыбнулась кончиками губ. Всего за пару месяцев дослужиться с должности рядового грузчика до места в личной охране императрицы — в такое действительно трудно поверить.

Когда двери за делегацией закрылись, повелительница поднялась, потягивая затекшие крылья. Стража мгновенно опустилась на одно колено, склонив головы. Стоять остались только старейшины и первый советник Ханой, тут же налетевшие на императрицу с вопросами и предложениями. Ерия тайком подняла глаза на повелительницу, и уже не смогла заставить себя отвести взгляда. Сверкающие белизной крылья создавали сказочный ореол вокруг хрупкой фигурки, разгоняя ночной сумрак не хуже пляшущего в каминных пастях пламени. Совершенство. Воплощение красоты, мудрости, могущества. Рядом с ней сорокалетняя магичка чувствовала себя маленькой неуклюжей девочкой Видимо, похожие чувства испытывали и почтенные старцы. Хватило одного движения брови, чтобы старейшины замолчали, стыдливо потупившись, словно святые, уличенные божеством в подпольном изготовлении атеистической литературы. Только первый советник настойчиво продолжал что-то бубнить, возмущив Ерию до глубины души. Да как он смеет доносить Великую своими пустыми соображениями, ведь императрица отчетливо дала понять, что все уже решено?!

— Ты понимаешь, что это Ританский договор поставит в опасность тысячи жизней? — Тихо спросил Ханой, грозно нависая над царственной макушкой презрительно отвернувшейся госпожи. — Они не пешки в твоей игре, они живые существа из плоти и крови. Ты не можешь так поступить!

— Я все могу!

— Я против. Совет старейшин тоже. Ты должна учитывать наше мнение.

— Вы заговариваетесь, господин первый советник. Не припоминаю, чтобы брала у вас кредиты. — В этот момент, разглядывая посеревшее от страха и бессилия лицо обычно бесстрашного и остроумного мужчины, Шушельга упивалась своей властью, как никогда. — Остановитесь. Вы, может быть и, первый советник, но не последний. Между прочим, как раз вчера освободилась должность управляющего имперскими птичниками. Безмозглые курицы и надутые индюшки найдут вас крайне интересным собеседником.

Разговор стал принимать опасный оборот. Ханой кожей чувствовал на себе горящие возмущением и злорадством взгляды других ангеллу. Еще бы, этот богохульник посмел перечить их обожаемой повелительнице. Но все дело было в как раз том, что сам Ханой любил повелительницу ничуть не меньше их, даже больше. Только в отличие от остальных, понимал, что великой императрице нужнее не повиновение, а воспитание. Ей бы не помещала хорошая порка. Но кто решится поднять руку на богиню? Ханой точно знал, что никогда на такое не осмелится, хотя руки временами жутко чесались.

— С вашего позволения, великая императрица, — с достоинством поклонился мужчина. Черные волосы шелковым пологом закрыли мертвенно бледное лицо. — Я предпочитаю управлять безмозглыми курицами или надменными индюшками, нежели трудиться под началом одной из них.

— Пошел вон!

Даже бывалые воины втянули головы, испытывая чувства схожие с суеверным ужасом древних людей, услышавших раскаты грома небесного. Ханой медленно, с достоинством повернулся. С огромным трудом персилили оцепенение и сделал первый шаг. Дальше дело пошло легче, хотя коленки по-прежнему дрожали.

— Нет! Ты за это заплатишь! — Голос догнал его у самой двери. — Стража, схватить бывшего первого советника!

Это было худшее из унижений, это был конец. Ханой застыл соляным столбом, не веря своим ушам. Время шло, но стража почему-то не торопилась исполнять приказ. Никто из воинов и магов даже не пошевелился, а возмущенными взглядами советник испепелялся плохо. На какое-то мгновение вокруг стусились тени, и вот в самом центре неожиданно возникла темная фигура.

Лицо императрицы просветлело.

— Умбра! Ты вернулась! — Ханую даже показалось, что девочка не удержится и с диким визгом бросится на

шею незваной гостью. Но вместо этого она отшатнулась назад, словно увидела нечто ужасное. — Я не хотела... честное слово... я же не знала, что так все получится! Я не виновата... я... я все-таки императрица и не обязана ни перед кем отчитываться!

Тень приподняла бровь. Шушельга нервно вскинула руки. Из ладоней вырвалась сияющей энергии... и тут же бесследно растаяла. Гостья невозмутимо взяла кончиками пальцев массивный медальон на груди, потерла о край черной кожаной куртки, и, полюбовавшись своим отражением, подняла глаза на императрицу, пораженно хватающую воздух ртом.

— С позволения вашего величества, у меня к вам важный государственный разговор. И будет лучше, если он пройдет без лишних свидетелей. Сами понимаете...

— Ты этого не сделаешь! Я императрица! — Визгливо закричала повелительница Белгорья, становясь похожей на обычного перепуганного ребенка. — Стража!

— Значит так, козьявка, считаю до трех. — В голосе женщины отчетливо запела сталь. — И раз...

— Не посмеешь!

— Два.

Они с вызовом посмотрели друг другу в глаза. Наконец, одна не выдержала, и обреченно опустила плечи.

— Все вон! Оставьте нас.

Летописцы и ученые потом столетиями спорили, какой разговор произошел тогда между Повелительницей Белогорья и таинственной посетительницей, но все единогласно сходились во мнении, что именно он стал причиной отмены Ританского договора. После этого императрица правила долго и справедливо, прославившись за свой кроткий нрав и доброту. Империя вошла в золотую эпоху процветания. В народе поговаривали, что в тот день с неба в божественном сиянии спустилась святая, сниспослав на Повелительницу великую мудрость и неземную благодать.

Император Ханой, присутствовавший при легендарном событии, предпочитал отмалчиваться, и на все распросы лишь загадочно улыбался. За божественное сияние он поручиться не мог. Но перед тем как за его спиной закрылись двери, прекрасно расслышал щелчок расстегиваемой ременной пряжки.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

---

notes

Изи-изи-гар-ра — шумб. месяц зажигания огней.

геш — ед. времени равная примерно четырем минутам. (360 геш составляют 24 часа)

Дингир-ур (шумб. божественный охотник) или еще зу (знающий) — избранные жрецы-воины, специализирующиеся на истреблении нежити, врагов храма и особо злостных грешников. Крайне опасные и недружелюбные типы. В большинстве своем маньяки-фанатики, буйно-помешанные на работе.

архитектор

Гидж — (шумбер.) дурак, идиот.

Игиг — нежить, нечисть, тварь. Сюда относятся все существа, созданные магическим путем либо появившиеся на свет в результате скрещивания разных видов. Как то: оборотни, вампиры, василиски и т. п.

Нефилем (они же анунакиJ они же перворожденные) — древнейший магический народ, населяющий островное государство Дилмун. Отличаются длинными заостренными ушами, исполинским ростом (до 6 кушей), большой продолжительностью жизни (600–700 лет) и зловредным характером. Сами считают себя сосредоточием красоты, вселенской мудрости и воинского искусства. Последнее действительно является правдой, так что с первыми двумя утверждениями никто особо не спорит.

шем — магическое крупногабаритное летающее устройство, используемое для путешествий между мирами. Наш, в основном, пылится в пещере за ненадобностью. Хозяин сам не пользуется и мне из вредности не даст.

Кур-нуги — (шумбер. «страна без возврата») Царство мертвых, где по легенде правит владычица Эрешкигаль

Эме-си-са — (шумб. правильный язык). Шумбер много лет провел под властью соседнего государства Аккад, что не могло сказаться на языке. Шумберский как-то незаметно отошел на второй план. И сейгеш простой народ уже сплошь и рядом общается на аккадском. Только жрецы и царская знать продолжают уперто использовать благородный язык славных предков, причем, при необходимости, подозрительно легко переходя на «мерзкое наречие» проклятых оккупантов.

энси — (шумб. жрец — строитель) главный архитектор.

тамкар — (шумбер. язык) купец, торговый агент

сикль — мелкая монета в виде расплющенного кусочка серебра (8, 416 г). 60 сиклей = 1 мина (0,5 кг). Мина может представлять собой и кучку отдельных сиклей (разменная мина) и целый слиток (большая мина).

Аб'галлу-народец, обитающий в море. Имеют две ипостаси: человеческую и дельфинью. Особого интереса у людских правителей не вызывают, так как все владения аб'галлу находятся под водой и взять с них особо нечего. Торгуют лечебными снадобьями и украшениями из жемчуга, кораллов и перламутра. И мужчины и женщины выделяются невероятной грацией и красотой. Людми в плане близких отношений не интересуются, за что мстительная народная молва обвиняет их в коварном совращении простых шумберских парней и девушек.

Аморей — полудикие воинственные племена без определенного места жительства. Ведут кочевой образ жизни. Малообразованны, невоспитанны, не дураки подрасться. Отсюда такие выражения, как «ругаться, как аморей» (сильно сквернословить), «настоящий аморей» (грубый, неотесанный человек), «тупой, как аморей» (без комментариев). Отличаются большой волосатостью, хорошо развитой мускулатурой и неприхотливостью в эксплуатации, за что высоко ценятся в качестве наемников и солдат.

Ниталам — (шумб. жена, женщина) уважительное обращение к женщине в восточных провинциях Шумбера

У нас в небе вместо одной Луны видны две — вторым небесным светилом, сравнимым по размерам с Луной является приблизившийся Сириус.

Жрецы-бару — Веселые любознательные ребята, увлекаются гаданиями по внутренностям жертвенных животных, особенно по печени.

1 мана = 500 грамм. Например, хороший обученный раб стоит примерно 200–250 грамм, то есть около половины маны серебра.

хыр — не очень приличное аморейское ругательство.

донгуз — очень неприличное аморейское ругательство. А уж если еще и гётов...

Груз на шумберских кораблях располагается между кормой и носом. Для этого от носа корабля протягиваются два каната, между ними вставляется мощный рычаг, который вращается, чтобы поднять корму и нос из воды и не дать кораблю слишком глубоко опустить нос.

Кстати про коленки. В Шумбере мои штаны — диковинка, так как их никто кроме меня и Хозяина не носит. Основной мужской одеждой является «канди» — рубашка с короткими рукавами. Целомудренная знать носит канди как раз до этих самых колен, простой народ щеголяет в боле коротких и пикантных моделях, а то и ограничиваются набедренной повязкой.

Беру — ед. времени. 1 геш = 4 мин; 1 беру = 60 гшей (4 часа)

Галле (Гуль) — вид мелкой пустынной нежиги. В лесах, кстати, не встречается. Похож на одноглазую лисичку-феник с хорошо развитыми когтистыми пальцами на передних лапках. Любит мелкие блестящие вещицы, которые тащит в свою нору без разбора. Питается падалью и мелкими грызунами, но жалостливый фольклор обогатил его рацион маленькими детьми и одинокими путниками.

Экимму (он же упырь) — хищный вид человекоподобной нежити. В основном в экимму переквалифицируются невинно убиенные или умершие в страшных мучениях люди. Постоянно балансируют на Пороге, отчего не обладают стабильной физической формой. Поэтому их крайне трудно уничтожить. В основном выглядят, как трупы разной степени разложения, но могут легко принимать образ любого встреченного человека. Первой жертвой экимму обычно становится его убийца. Потом он входит во вкус и может один за другим истребить целую деревню.

Удуг — один из самых опасных видов игигов. Огромные звероподобные твари, с богатым ассортиментом когтей и клыков. Никого не боятся, потому как самые страшные. Рождаются от связи оборотня (перевертыша) с диким зверем, что слава богам происходит не часто. Сами не размножаются. Бесполо. Практически неуязвимы. С ними может справиться разве что опытный храмовый охотник или могущественный маг. Лично я предпочитаю при встрече сразу драпать.

куш — шумберская мера длины, равная примерно половине метра.

Охотники-зу — единственные, кто могут сами выбирать, что изображать на своей нашивке. Хоть свой меч, хоть любимую тещу, хоть суслика с барабаном. Единственное требование — это неизменный черный треугольник фона, олицетворяющий что-то возвышенное и благородное (что точно уже не вспомню).

дингир-газ — шумб. божественный убийца, исковерканное дингир-ур (божественный охотник).

Отрывок из сборника горских народных сказок, найденного при раскопках древнего города Киркука.

Мухра — несменный страж врат Подземного Царства. График работы круглосуточный, без перерывов и выходных.

Крысаки — мелкая имперская сволочь (на кого похожи понятно из названия, отличающаяся редкой пронырливостью и хитростью).

Барбегази (ледяные бороды) — горный народец, обитающий в Проклятых Землях, известный своими ступнями, которые они используют как для транспортировки по горным склонам, так и для прокопки туннелей. Летом впадают в спячку и выходят из нее только с первым снегом, потому как не любят жары и яркого солнца. В народе славятся своим ювелирным и кузнецким мастерством. И хотя торговля с «проклятыми» народами запрещена законом, каждый год с началом зимы алчущие дешевого эксклюзива контрабандисты толпами штурмуют имперские границы.

Гешпинанна — женщина-писец подземного царства, заносит имена мертвых в свих таблицах и проводит распределение жмуток по разным местам отбывания вечного наказания.

Гульцапнутый — нет, ну что непонятного? Бранное слово. Дословно означает «укушенный гулем». (подробнее см. Гуль).

Кедошим — чернокрылый ангеллу, наделенный магическими способностями.

Бортовой самописец — одно из изобретений Сайтаса. Имеет вид маленького крылатого зверька с проворными пятипальными лапками, предназначен для запоминания и последующего увековечивания мудрых мыслей Хозяина на различных носителях. Используется на летающих кораблях, то бишь шемах. Старая версия включала функцию самоуничтожения, впоследствии замененную на стирание памяти.